

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

7-4

**Акция, противоречащая интересам мира
и социализма**

Борьба КПЯ за демократические преобразования

**Япония — Латинская Америка: дзайбацу
наступают**

**Современные пропагандисты политики
«открытых дверей»**

**Идеологическая борьба в Китае на современном
этапе**

Хо Ши Мин — патриот, коммунист, человек

1

1980

НОВЫЕ КНИГИ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АН СССР

ВОРОНЦОВ В. Б. Китай и США: 60—70-е годы. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 172 с., 10 тыс. экз., 70 коп.

Рассматриваются вопросы, связанные с китайско-американским сближением и поиском сторонами основы для нормализации своих отношений; анализируются противоречия и совпадающие позиции Пекина и Вашингтона по конкретным проблемам азиатской и мировой политики.

Китайская Народная Республика в 1977 году: политика, экономика, идеология (Ежегодник). Главн. ред. М. И. Сладковский. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 324 с., 25 тыс. экз., 1 р. 70 к.

Очередной выпуск серии, начатой в 1973 г.; содержит основные сведения справочно-информационного характера о внутривнутриполитическом положении, идеологии, науке и культуре КНР, ее экономическом положении, внешней политике и важнейших событиях в Китае в 1977 г.

Китай после «культурной революции» (Колл. авт.). М., «Мысль», 1979, 360 с., 75 тыс. экз., 1 р. 40 к.

Освещается внутривнутриполитическое развитие КНР последнего десятилетия: установление диктатуры военно-бюрократического режима в результате «культурной революции», сентябрьский кризис 1971 г., X съезд КПК и закрепленный им антисоциалистический курс Мао Цзэдуна, массовые политико-идеологические кампании 1975—1977 гг., политика Пекина «после Мао».

ЛЕДОВСКИЙ А. М. СССР, США и народная революция в Китае. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 216 с., 10 тыс. экз., 75 коп.

На фоне сложных событий, развернувшихся в Китае на завершающем этапе войны против Японии и в первые послевоенные годы, анализируются два диаметрально противоположных курса в отношении Китая — Советского Союза и США. Показано эффективное противодействие советской дипломатии попыткам американского империализма превратить Китай в свою «опорную базу» в Азии.

Маоизм без Мао (Сб. статей). Отв. ред. А. И. Соболев. М., Политиздат, 1979, 319 с., 42 тыс. экз., 1 р. 10 к.

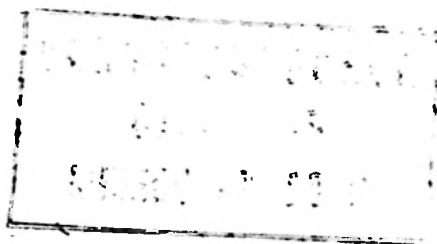
Дан глубокий критический анализ идеологии и политики пекинского руководства, враждебной марксизму-ленинизму; рассматриваются изменения в социальной, экономической и политической жизни современного Китая, процессы деформации надстройки и базиса; раскрывается антисоветский гегемонистский характер агрессивной внешней политики Пекина, отказ руководства КПК от принципов социализма и интернационализма.

МАРКОВ А. П. Послевоенная политика Японии в Азии и Китае, 1945—1977. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 277 с. с илл., 4800 экз., 1 р. 40 к.

Впервые в советской научной литературе систематически исследуется китайский фактор в послевоенной внешней политике Японии, его роль и значение в формировании внешнеполитического курса Японии в общей системе ее взаимоотношений с США, СССР, соседними странами Азии.

МОСКАЛЕВ А. А. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 152 с. с карт., 4800 экз., 1 р. 10 к.

Рассматривается национальная ситуация и ход национального строительства в двух автономных районах КНР. Показано, как районная автономия используется маоистами в качестве декоративной ширмы, прикрывающей великоханьско-шовиннистическое господство Пекина над неханьскими (некитайскими) национальностями страны, служит средством разобщения национальных меньшинств Китая.

СОДЕРЖАНИЕ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

- 3 Некоторые проблемы внешней и внутренней политики Пекина

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 13 Акция, противоречащая интересам мира и социализма
М. С. Украинцев
- 31 Экономика КНР в 1979 году
В. И. Ахимов,
В. И. Потапов
- 47 Испытанный авангард вьетнамского народа
- 53 Борьба КПЯ за демократические преобразования
И. И. Коваленко
- 73 Япония — Латинская Америка: дзайбацу наступают
В. П. Кириченко
- 82 Современные пропагандисты политики «открытых дверей»
В. Н. Никифоров
- 90 Политика Пекина в Латинской Америке
А. В. Кудрявцев
- 103 Ближневосточная политика КНР до и после Кэмп-Дэвида
В. Г. Грачева
- 112 Стоимостная оценка советско-китайского научно-технического сотрудничества (1949—1966)
Л. В. Филатов
- ИДЕОЛОГИЯ**
- 119 Идеологическая борьба в Китае на современном этапе
В. Ф. Феокистов,
Г. Н. Яценко
- 131 Философия наследников Мао Цзэдуна
Н. Г. Сенин

ИСТОРИЯ

- 145 Расправа Мао Цзэдуна со своими противниками
в 1930—1931 гг.
А. С. Титов

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ БРАТСКИХ СТРАН

- 157 Пекин бряцает оружием

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

- 163 Хо Ши Мин — патриот, коммунист, человек
Е. В. Кобелев

КУЛЬТУРА

- 172 Дело Дэн То: реабилитация или присвоение ав-
торитета?
А. Н. Желуховцев

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 179 Цзоу Таофэнь — поборник китайско-советской
дружбы
С. Р. Белоусов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 187 Против возрождения японского милитаризма
П. И. Рыбаков

- 190 Индийский океан: зона мира или театр военных
действий?
В. П. Козин

- 193 Ощущение Японии
А. И. Мамонов

- 196 Рыбное хозяйство Японии
Р. Д. Хлынов

- 199 Полезное пособие
А. А. Москалев

- 201 От великого похода до агрессии
М. Д. Попов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 205 Советско-японская конференция «Круглого сто-
ла» в Токио (декабрь 1979 г.)
В. А. Кривцов

- 206 Международный молодежный семинар в Находке
Д. Т. Капустин

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В.
АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕН-
КО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Некоторые проблемы внешней и внутренней политики Пекина

В КОНЦЕ 1979 Г. В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» СОСТОЯЛОСЬ ОЧЕРЕДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕ- И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПЕКИНСКОГО РУКОВОДСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ, АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ, АНТИСОВЕТСКОЙ, ВЕЛИКОДЕРЖАВНО-ШОВИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ МАОИСТОВ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ВНУТРИ СТРАНЫ. УЧЕНЫЕ-КИТАЕВЕДЫ, СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АН СССР, В ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ОТВЕТИЛИ НА РЯД ВОПРОСОВ, ИНТЕРЕСУЮЩИХ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ И КАСАЮЩИХСЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В КНР И ОЦЕНОК ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКЦИЙ ПЕКИНСКОГО РУКОВОДСТВА.

ВОПРОС: Китайские лидеры, как известно, руководствуются официальными решениями XI съезда КПК, сессий ВСНП, которые продолжают возвеличивать Мао и пропагандировать маоизм, тогда как на практике (особенно в отдельных публикациях) открыто критикуют Мао и отвергают многие его основные установки. Чем это объясняется?

ОТВЕТ: Такое противоречие действительно существует. О политике КПК мы, конечно, должны судить не по отдельным газетным статьям, выступлениям, а по основополагающим официальным документам, по практике самого руководства КНР. Оценивая ситуацию с этих позиций, мы должны отметить, что руководство КНР остается верным Мао Цзэ-дуну, проводит его великоханьский, милитаристский курс. Оно стремится удержать развитие страны в маоистских рамках. В этом отношении можно определенно сказать, что в основе стратегии современного руководства КНР сохраняются «идеи Мао». В то же время нынешнее руководство КПК не может не считаться с тем, что многие установки Мао обанкротились, явно мешают развитию народного хозяйства, не могут обеспечить выполнение маоистских стратегических планов. Оно вынуждено маневрировать, подменять «идеи Мао», находить в прошлых высказываниях Мао такие положения, которые можно приспособить к современным условиям.

С другой стороны, в китайской прессе, в выступлениях отдельных китайских ученых, литераторов и общественных деятелей действительно содержатся антимаоистские призывы, подвергаются осуждению основополагающие установки Мао, выдвигаются требования демократизации всей общественной жизни страны и т. д. Несомненно, многие из таких выступлений отражают оппозиционные настроения китайского народа маоистскому курсу; они подтверждают, что маоизм в глазах китайского народа обанкротился. Эти высказывания и настроения носят пока разрозненный, неорганизованный характер, и на основе их нельзя делать вывод о коренных изменениях политики КПК. К тому же нужно иметь в виду, как откровенно признавал Дэн Сяопин, что многие «демократические» шаги вроде создания «стены демократии» китайское руководство совершает преднамеренно, в расчете на завоевание симпатий со стороны капиталистического Запада.

Таким образом, противоречие, которое мы ныне наблюдаем в КНР, отражает продолжающуюся политическую нестабильность, брожение в стране. Массовые чистки, расправы и другие формы террора, применяемые ныне, как и в годы «культурной революции», говорят о том, что военно-бюрократическая власть КНР располагает еще достаточно мощным аппаратом насилия для сохранения своего господства.

ВОПРОС: Сейчас в Китае создаются новые молодежные и детские организации. Известно, что ранее в КНР существовали комсомол, пионерская организация, Всекитайская федерация молодежи и Всекитайский съезд студентов. В чем смысл создания новых молодежных организаций?

ОТВЕТ: В КНР ранее существовали 30-миллионный комсомол и пионерская организация, которая насчитывала в своих рядах около 100 млн. пионеров. В мае 1949 г. была основана Всекитайская федерация молодежи (ВКФМ) — массовая организация единого фронта китайской молодежи, руководимая КПК. В нее входили Коммунистический союз молодежи, Всекитайская федерация студентов и другие молодежные организации.

Однако все эти молодежные организации не устраивали Мао Цзэдуна. Взамен их в годы «культурной революции» были созданы организации хунвэйбинов, цзаофаней, хунсяобинов («маленьких солдатиков»), которые были использованы маоистами для разгрома КПК, комсомола и т. д. Отдельные отряды хунвэйбинов, цзаофаней, хунсяобинов враждовали между собой, вступая в настоящие сражения. Для наведения «порядка» была использована армия, значительная часть хунвэйбинов была отправлена в деревню и горные районы на длительное поселение. Организации молодежи, созданные в ходе «культурной революции», дискредитировали себя, они были крайне непопулярны среди китайского народа.

Создание новых комсомольских организаций началось в 70-е годы, но съезд был созван только в октябре 1978 г. Новая молодежная организация, именуемая комсомольской, создана полностью на маоистской основе, что зафиксировал устав КСМК. В 1979 г. пекинское руководство, стремясь расширить свой контроль над подрастающим поколением, создало Всекитайскую федерацию молодежи, Всекитайскую федерацию студентов и пионерскую организацию, заявив о роспуске хунвэйбиновских и хунсяобиновских организаций. На съездах федераций молодежи и студентов в мае 1979 г. были приняты новые уставы, в которых идеологической основой этих организаций также провозглашены «идеи Мао Цзэдуна». «Идеи Мао» лежат в основе нового устава и пионерской организации.

Однако анализ молодежного движения за последнее время и нарастающий упадок молодежи Китая позволяет сделать вывод о резком падении авторитета маоизма среди подрастающего поколения. Заново созданные массовые молодежные организации пока не оказывают сколько-нибудь значительного влияния на основные массы китайской молодежи, стоят в стороне от ее проблем и не выражают интересов китайской молодежи.

ВОПРОС: Пекинская и зарубежная печать сообщает о реабилитации многих представителей китайской творческой интеллигенции. Каковы действительные масштабы и каков смысл этой акции пекинских властей?

ОТВЕТ: Реабилитация творческой интеллигенции, несомненно, является «козырной картой» во внутренней и внешней политике китайского руководства в настоящее время. Она необходима пекинским лидерам для привлечения интеллигенции к активному участию в осуществлении и поддержке политики «модернизации». Кроме того, подобная реабили-

тация, неизбежно связанная с разоблачением преступлений, совершенных в прошлом по отношению к работникам культуры, явилась орудием дискредитации противника в борьбе за власть, а во внешнеполитическом плане используется для придания респектабельности режиму и облегчения его контактов на международной арене.

Реабилитация жертв «культурной революции» началась в 1977 г. Параллельно шло «теоретическое» обоснование реабилитации. Со ссылками на Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина печать неоднократно подчеркивала, что интеллигенция — часть трудового народа, что смотреть на нее как на буржуазную неверно, следовательно, она не должна быть объектом политики подавления и ограничения. Была объявлена ошибочной и преступной теория господства «черной линии» в литературе и искусстве в течение 17 лет, предшествовавших «культурной революции». В самом конце 1978 г. было принято решение ЦК КПК о полной ликвидации ярлыка «правых элементов» и начался пересмотр «неправильного и ошибочного» причисления массы деятелей культуры к «правым» в 1957—1958 гг.

Казалось бы, вопрос решен. Однако остается неясным, многие ли из оставшихся в живых, но потрясенных испытаниями стольких лет смогут вернуться к творческой деятельности. С другой стороны, при всей кажущейся позитивности описанных выше процессов пока еще рано говорить о коренном изменении положения интеллигенции в КНР.

И наконец, общий курс пекинского руководства, его милитаристские, шовинистические цели не могут не вызывать тревогу у деятелей культуры КНР, которые в большинстве своем всегда были настроены прогрессивно и реалистически. Поддержат ли они этот антисоциалистический по существу курс? И если нет, то не придут ли вновь на смену политике «пряника» новые испытания для китайской интеллигенции, особенно гуманитарной?

ВОПРОС: В Пекине недавно состоялся съезд деятелей культуры КНР. Какие цели преследовало пекинское руководство, созвав после почти 20-летнего перерыва нынешний съезд? Каковы его результаты?

ОТВЕТ: IV съезд деятелей культуры КНР проходил в Пекине с 30 октября по 16 ноября 1979 г. Состоялись также съезды творческих союзов писателей, художников, деятелей театра, кинематографии, входящих во Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства (ВАРЛИ).

Стремление привлечь деятелей культуры к курсу «модернизации» отчетливо выражено как в приветственной речи Дэн Сяопина, так и в основном докладе, сделанном Чжоу Яном. В материалах съезда, которые обнародованы к настоящему времени, лейтмотивом явился призыв к творческой интеллигенции забыть горькое прошлое. Разумеется, вина за случившееся возлагалась на Линь Бяо и «четверку», которые в своекорыстных целях якобы извратили «правильные» установки Мао Цзэдуна и направили «культурную революцию» по «ложному пути». Чжоу Ян подчеркнул на съезде, что «идеи Мао Цзэдуна, в том числе относящиеся к литературе и искусству, всегда были, есть и будут компасом, направляющим нашу литературно-художественную работу».

Не удивительно поэтому, что щедро раздававшиеся на съезде и перед съездом обещания «развивать демократию в литературе и искусстве» произвели ожидавшееся впечатление не на всех участников съезда. Китайских писателей и художников, заявил поэт Бай Хуа, не может не волновать то, что люди, чинившие над ними расправу, не только не понесли наказания в судебном порядке, но даже не были понижены в должности. Отвечая на официальные призывы «писать правду», «высказываться откровенно», Бай Хуа сказал: «Немало откровенных людей потеряли работу, лишились свободы, элементарных условий существования».

и даже потеряли головы. В то же время немало лживых людей без труда приобрели славу и выгоду, стали сановниками. Утвердилась примитивная социальная психология: лгущий находится в безопасности, говорящий правду подвергает себя риску».

Несомненно, пекинскому руководству потребуется приложить немало усилий, чтобы рассеять сомнения деятелей культуры и стимулировать их творческую активность. И вряд ли в этом поможет выдвижение на пост председателя ВАРЛИ Чжоу Яна — деятеля, чье имя связано с гонениями на многих честных писателей и художников еще в конце 50-х годов.

В опубликованных материалах съезда в общей форме лишь говорится о необходимости развивать «культурный обмен и дружеские связи с писателями и художниками разных стран», что должно способствовать «борьбе против империализма и гегемонизма». Это означает, что литературу и искусство власти КНР и впредь будут использовать для борьбы против Советского Союза, Вьетнама и других социалистических стран, то есть в целях, не имеющих ничего общего с подлинными интересами китайского народа и китайской культуры.

ВОПРОС: Каковы результаты и наша оценка итогов визита председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна в Западную Европу [15 октября — 6 ноября 1979 г.]?

ОТВЕТ: Действительно, китайское руководство широко оповестило о том, что оно удовлетворено результатами первой за всю историю страны поездки главы государства в Западную Европу. Однако анализ конкретных итогов встреч Хуа Гофэна с лидерами западноевропейских стран (Франции, ФРГ, Англии и Италии) и комментарии западной печати по поводу визита свидетельствуют о другом. Китайский премьер не сумел добиться главной политической цели — изменения подхода ведущей четверки западноевропейских стран к Советскому Союзу и политике разрядки. Гостю дали понять, что Западная Европа не заинтересована в ухудшении отношений с Советским Союзом.

Рассуждения лидера КНР об опасности «гегемонизма» нашли благодатную почву лишь в Лондоне и Мюнхене, где его собеседники — М. Тэтчер и Ф.-Й. Штраус — продемонстрировали известную общность взглядов относительно противодействия «советской угрозе». Однако в целом, как отмечала даже британская печать, цели Запада и Пекина в конечном итоге разошлись. Воинственная, подстрекательская позиция Пекина по вопросу военной разрядки в Европе была особенно неприглядной в связи с новыми мирными инициативами, выдвинутыми в речи товарища Л. И. Брежнева в Берлине 6 октября 1979 г. Хуа Гофэн открыто стал на сторону США и тех сил в Западной Европе, которые поддались давлению Пентагона и военно-промышленных кругов НАТО в вопросе о размещении новых видов американского ракетно-ядерного оружия средней дальности в Западной Европе.

Одной из главных целей китайской миссии была попытка заручиться большей поддержкой западноевропейских стран в продолжении курса на обострение обстановки в Азии, особенно в Юго-Восточной Азии. Но в Париже, Бонне и других западноевропейских столицах придерживаются иных взглядов на нестабильность в Юго-Восточной Азии.

Поездка Хуа Гофэна в Западную Европу не принесла и ощутимых экономических результатов. В ходе визита был подписан ряд соглашений о развитии экономических, культурных и консульских отношений, обсуждались вопросы предоставления Китаю кредитов. Однако не было подписано ни одного крупного соглашения. «Китайская эйфория» уступила место трезвым прогнозам экономических экспертов Запада об «умеренных» темпах развития торговли с Китаем из-за внутренних неурядиц в этой стране и ограниченности ее экспортных и валютных ресурсов.

Целью визита премьер-министра Госсовета КНР было также намерение выяснить возможные масштабы помощи военно-промышленному развитию Китая. Хуа Гофэну, безусловно, пришлось по вкусу высказывания некоторых политических лидеров стран Западной Европы об их заинтересованности в усилении Китая. М. Тэтчер официально заявила о готовности британского правительства продать Китаю истребители «Харриер» и другую военную технику. Правда, «железная леди» обусловила продажу оружия Пекину согласием других членов НАТО, так как после агрессии Китая против Вьетнама трезвомыслящие политические деятели Запада сознают риск вооружения Пекина. Правящие круги западноевропейских стран не могут также не учитывать и принципиальную позицию Советского Союза в данном вопросе. Эта задача миссии Хуа Гофэна также осталась невыполненной.

ВОПРОС: Какова природа террористического режима Пол Пота — Иенг Сари в Кампучии, свергнутого более года назад народом этой страны?

ОТВЕТ: При анализе природы палаческого режима Пол Пота — Иенг Сари следует прежде всего иметь в виду следующее обстоятельство. Этот режим явился следствием не внутрикампучийских процессов, а вооруженной интервенции Соединенных Штатов в начале 70-х годов, а после победы в войне сопротивления в апреле 1975 г. — вмешательства маоистского Китая, который хотел создать в Кампучии плацдарм для осуществления великодержавно-гегемонистских планов в Юго-Восточной Азии. Китайский социал-шовинизм стал здесь преемником американского империализма. Поэтому товарищ Л. И. Брежнев справедливо указал, что в Кампучии к 1979 г. сложился пропекинский режим, «китайская модель» политического устройства, а массовое уничтожение людей в Кампучии было не чем иным, как китайской «культурной революцией» в действии на чужой территории¹.

Сразу после прихода к власти в Кампучии клики Пол Пота — Иенг Сари в 1975 г. страна была наводнена более чем 20 тыс. китайских «соответников». Подручный пекинских шовинистов Пол Пот заявил тогда: «Из восьми миллионов жителей нам нужен только один». Во исполнение этой человеконенавистнической затеи режим Пол Пота — Иенг Сари за три года уничтожил более трех миллионов кхмеров, опустошению подверглись прежде всего кампучийские города. Аналогия с целями китайской «культурной революции» напрашивается сама собой: политическое устранение рабочего класса, истребление интеллигенции, и более того — превращение страны в одну большую «стратегическую деревню», точнее, «лагерь смерти» для кхмерского народа.

В Декларации Единого фронта национального спасения Кампучии дано следующее определение полпотовскому общественному порядку: «Режим клики Пол Пота — Иенг Сари — это режим рабства нового типа, не имеющий ничего общего с социализмом». По существу, это был не политический в строгом смысле режим, а механизм тотального, физического и нравственного истребления кхмерской нации, освобождения «жизненного пространства» для переселенцев из Китая и хуацяо из стран Юго-Восточной Азии, механизм, который насаждался и приводился в движение Пекином в его шовинистических, гегемонистских целях.

Никаких объективных условий, никакой социальной базы у полпотовского режима не было. Он держался исключительно на терроре, вмешательстве извне, имея форму «казарменного коммунизма». Естественно, этот террор не мог не породить сопротивления как среди населения, так и среди кадровых работников. Объединенные силы сопротивления смели

¹ См., «Правда», 10.1.1979.

режим геноцида и рабства. Преступления клики Пол Пота — Иенг Сари разоблачены перед всем миром. Империалистическая реакция и пекинские правители безуспешно пытаются обелить и «обновить» этот кровавый режим, выдать остаток полпотовских банд за «бойцов сопротивления иностранной агрессии». Однако движение кампучийского общества к демократии и социализму необратимо.

ВОПРОС: Какова позиция Пекина на переговорах с Социалистической Республикой Вьетнам?

ОТВЕТ: В позиции китайской стороны на вьетнамо-китайских переговорах прежде всего бросаются в глаза настойчивые попытки Пекина использовать переговоры для самого грубого давления на Вьетнам с целью добиться того, чего не удалось получить путем вооруженной агрессии. Вместо равноправных взаимовыгодных соглашений китайская сторона пытается продиктовать Вьетнаму свои условия, а именно: чтобы СРВ признала себя частью сферы особых (то есть гегемонистско-великодержавных) интересов Пекина в Азии и в соответствии с этими интересами проводила угодную Пекину политику в отношении Кампучии, Лаоса, а также мирового социалистического содружества в целом, отказалась от суверенитета над островами Парасельскими и островами Спратли, приняла обратно на жительство всех хуацяо, бегство которых из СРВ в КНР было спровоцировано Пекином.

Переговоры служат Пекину и для демонстрации «миролюбивого» внешнеполитического курса маоистского Китая, в частности, в Юго-Восточной Азии, а на деле — для того, чтобы затянуть конфликт и под их прикрытием продолжить агрессивную экспансионистскую политику в Индокитае. Китайская военщина не прекращает вооруженные провокации против СРВ, вторгается на ее территорию, в территориальные воды и воздушное пространство.

Более того, есть основания считать, что Пекин использует переговоры для подготовки мирового общественного мнения к возможному повторению вооруженного вторжения Китая во Вьетнам. Китай наращивает вооруженные силы и вооружение на китайско-вьетнамской и китайско-лаосской границе, открыто демонстрирует готовность к новой военной авантюре.

Как видно, пекинские правители не отказались от политики давления на Вьетнам. В таких условиях трудно ожидать реальных сдвигов в решении не терпящих отлагательства вопросов взаимоотношений между двумя странами. Позитивные результаты могут быть достигнуты лишь в том случае, если китайская сторона займет конструктивную реалистическую позицию, откажется от политики грубого диктата, экспансионизма и гегемонизма.

ВОПРОС: В чем суть тактики Пекина в отношении стран АСЕАН и на что рассчитывают здесь китайские руководители?

ОТВЕТ: Нагнетая враждебность в отношении стран Индокитая и демонстрируя показное «дружелюбие» по отношению к АСЕАН, Пекин в общем следует своей традиционной тактике стравливания одних государств ЮВА с другими. Наследники Мао Цзэдуна ныне хотят столкнуть уже не отдельные страны, а целые группы государств ЮВА, различающихся своим общественным строем. Приступив к осуществлению этого плана, Пекин действует заодно с империализмом, координирует с ним свою линию на противопоставление государств АСЕАН социалистическим государствам Индокитая.

Пекин всячески маскирует главную цель своего курса в отношении АСЕАН — втягивание ассоциации в русло антисоветской и антивьетнам-

ской политики, заявляя о необходимости «единого фронта» против СССР и СРВ. На реализацию именно этой цели направлена практически вся внешнеполитическая активность КНР в отношении АСЕАН, принявшая в последнее время характер дипломатического бума. Не ограничиваясь общими заверениями в «дружбе» и призывами к «отражению» мнимой экспансии стран Индокитая и СССР, Пекин выразил даже провокационную готовность «помочь» АСЕАН военными средствами.

Китайское «покровительство» в отношении АСЕАН носит лицемерный характер. Маоисты продолжают оказывать поддержку пропекинским группам и элементам в странах АСЕАН, всячески поощряют политические и финансовые связи хуацяо с Пекином. Китайские власти одновременно увеличивают активное сальдо в торговле со странами АСЕАН (только за 1970—1976 гг. суммарный дефицит торгового оборота между странами АСЕАН и КНР составил около 2,5 млрд. долл. к концу нынешнего столетия Пекин планирует довести ежегодный приток валютных средств из этих стран до 1 млрд. долл.). Пекин учитывает в своих действиях наличие в странах АСЕАН влиятельных правобуржуазных и реакционных сил, которые сами не прочь использовать Китай для противодействия силам социализма в ЮВА. Странники «жесткой» линии в АСЕАН толкают ассоциацию в ловушку, поставленную Пекином, который мечтает, как известно, подчинить своему господству все страны ЮВА.

ВОПРОС: Каковы результаты переговоров в Пекине японского премьер-министра М. Охиро 5—9 декабря 1979 г.?

ОТВЕТ: Встреча в Пекине показала, что, несмотря на многочисленные заверения обеих сторон в «дружбе и сотрудничестве», между КНР и Японией существуют серьезные расхождения в подходе к решению проблем как международных, так и двусторонних отношений.

Руководство КНР стремилось использовать переговоры прежде всего для того, чтобы втянуть Японию в русло своей гегемонистской великодержавной политики и заручиться поддержкой ряда своих акций на международной арене. Однако японская делегация решительно отказалась, например, солидаризироваться с политикой Пекина в отношении Вьетнама. Она обратилась к КНР с призывом «проявлять сдержанность во взаимоотношениях с Вьетнамом, решать конфликт путем переговоров и не применять оружия». Представители Японии заявили, что их страна «выполнит свое обещание об оказании экономической помощи Вьетнаму в 1980 г.». Значительно разошлись также позиции сторон в оценках политики Советского Союза, по другим вопросам.

Большое внимание на переговорах было уделено вопросам дальнейшего развития торгово-экономических связей. Вопреки просьбам Китая о предоставлении кредитов на 5,5 млрд. долл. Япония согласилась в принципе вести переговоры лишь о 1,5 млрд. долл., а конкретно дала обещание предоставить в 1979 финансовом году только 200 млн. долл. на работы по шести проектам — строительству и модернизации ГЭС, железных дорог и морских портов. Что же касается кредитов на последние годы, то их выделение, как было заявлено, будет зависеть от «конкретных финансовых условий» в Японии и «прогресса, достигнутого в осуществлении проектов».

С большой помпой было подано прессой заявление японского премьер-министра о том, что с 1 апреля 1980 г. Япония распространит на Китай систему таможенных преференций для развивающихся стран. Зато обе стороны старались не упоминать о том, что решено ограничить импорт продукции Китая в Японию.

Во время пребывания японской делегации в Пекине подписано соглашение о сотрудничестве в разведке и освоении нефтяных месторождений в Бохайском заливе на территории общей площадью в 25 000 кв. км. В случае успеха этого предприятия Китай будет продавать

Японии 42,5 % добытой нефти в течение 15 лет. Однако иностранные обозреватели отмечали, что вряд ли удастся осуществить это намерение с 1984 г., как планируется сторонами.

Во время визита было подписано соглашение о культурном обмене. Японская сторона дала обещание выделить около 4 млн. долл. безвозмездно на организацию изучения японского языка в Китае. Было также заявлено о достигнутой договоренности относительно визита премьер-министра Госсвета КНР Хуа Гофэна в Японию в мае 1980 г.

Во время пребывания в Пекине и по возвращении в Японию лидеры японского правительства приложили немало усилий, чтобы заверить страны ЮВА, и прежде всего страны АСЕАН, а также США и Советский Союз в своем намерении трезво подходить к развитию контактов и связей с КНР.

Результаты визита японского премьер-министра в КНР показали, что расчеты руководства КНР обеспечить безоговорочную поддержку Японией гегемонистского курса Пекина явно потерпели крах. Япония проявила определенную осторожность в отношении политических домогательств Пекина и стремилась к достижению на переговорах собственных целей. Вновь выявившиеся глубокие противоречия между двумя странами не снимают, однако, той опасности для дела мира в Азии, которой чревато японо-китайское сближение, если оно будет осуществляться на беспринципной основе, с позиций, отвечающих интересам реакционных сил.

ВОПРОС: Чем объяснить, что японские деловые круги при всей своей осторожности придают большое значение экономическим связям с КНР, финансируя японо-китайскую торговлю «из своего кармана»?

ОТВЕТ: Китай является весьма ненадежным торговым партнером Японии. Он неоднократно воздвигал неожиданные препятствия на пути осуществления сделок, заключения которых сам активно добивался, требуя пересмотра условий и ставя тем самым японские компании в трудное положение. Так было со всеми подписанными в 1978 г. контрактами на сумму 2,3 млрд. долл. Главные причины этого не очень добросовестного подхода крылись в авантюристической природе политики нынешнего китайского руководства, в нереальности планов «четырёх модернизаций» и переоценке своей платежеспособности.

Сделки были возобновлены лишь в мае 1979 г., после решения Японии предоставить Китаю иенные кредиты в сумме 8 млрд. долл. с оплатой как в иенах, так и в долларах. Столь серьезные уступки с японской стороны объясняются рядом причин. Доля КНР в японской внешней торговле не превышает 3 %. Однако КНР — рынок сбыта наиболее трудно реализуемой японской продукции. КНР быстро выдвигается в число крупнейших импортеров японского комплектного оборудования. Такой курс импонирует деловым и официальным кругам Японии. Этим и объясняется, что японские компании как будто забыли о шоке, пережитом ими весной 1979 г., и форсировали поставки товаров в Китай, одновременно увеличив и импорт оттуда, в результате чего в 1979 г. товарооборот японо-китайской торговли достиг внушительной цифры — 6,5 млрд. долл.

Интенсифицируя торговлю с Китаем, правящие круги Японии преследуют и политические цели — надеются укрепить свои позиции в Азии, рассчитывают «оказать давление» на СССР, поднять престиж правящей либерально-демократической партии, ослабить силы оппозиции, приглушить острые внутренние проблемы с помощью «китайского бума». Однако они не заблуждаются относительно осуществимости этих целей.

Рост товарооборота японо-китайской торговли в 1979 г. объясняется действием временных, конъюнктурных факторов, он не снимает главных противоречий между КНР и Японией в этой области.

ВОПРОС: Руководство КНР настойчиво стремится наладить наряду с экономическими и политическими также военные связи с Японией. Что конкретно делается в этой области? Какое влияние сближение КНР и Японии по военно-политической линии могло бы оказать на международную обстановку в Азии?

ОТВЕТ: После подписания «договора о мире и дружбе» с Японией 12 августа 1978 г. руководство КНР неоднократно выступало с предложениями установить тесные связи между военными ведомствами обеих стран. Через месяц после подписания договора в Японию нанес визит заместитель начальника генерального штаба НОАК Чжан Цайцян, который договорился о налаживании регулярных контактов с японским Управлением национальной обороны (УНО).

В мае 1979 г. Японию посетил заместитель министра обороны КНР Су Юй. В ходе визита Су Юй сделал провокационные заявления о «военной угрозе» Японии со стороны СССР, призывал японское правительство укреплять военный союз с США, наращивать военный потенциал и развивать связи с военными кругами Китая. Су Юй заявил также, что КНР готова закупить военную технологию, в том числе для производства электронных средств управления огнем.

Правительство Японии в своих официальных заявлениях обычно полностью исключает возможность установления каких-либо военных связей с Китаем и продажи ему оружия. Однако в октябре 1979 г. было принято решение направить в Китай делегацию офицеров из медицинских частей в качестве своего рода «пробного шара».

Необходимо также учитывать, что наряду с чисто военными связями немалое значение для наращивания военного потенциала Китая имеет предоставление ему кредитов и займов на закупки различного рода оборудования, машин и транспортных средств, проведение работ по модернизации и развитию инфраструктуры. Член исполкома правящей Либерально-демократической партии Японии И. Накагава, например, заявил в этой связи 27 ноября 1979 г., что предоставление Китаю экономической помощи «может стать равносильно военному сотрудничеству».

Стремление обеих стран к развитию подобных контактов создает реальную опасность значительного их расширения в недалеком будущем, что крайне отрицательно скажется на международно-политической ситуации в Азии, нанесет серьезный удар по развитию связей Японии с соседними странами, затруднит распространение разрядки на Азиатско-Тихоокеанский регион и помешает достижению коллективных соглашений об обеспечении безопасности в Азии.

ВОПРОС: Какую позицию занимает Пекин в отношении Демократической Республики Афганистан?

ОТВЕТ: После апрельской революции 1978 г. КНР в своих отношениях с Афганистаном главное внимание уделяет различным формам подрывной деятельности против революционных завоеваний афганского народа. Китайское руководство оказывает активную поддержку и помощь реакционным афганским элементам как внутри страны, так и за ее пределами. В иностранной прессе появляются многочисленные сообщения о поставках КНР, наряду с США и другими западными странами, оружия афганским мятежникам. Оружие китайского производства использовалось участниками антиправительственных выступлений в ряде городов Афганистана. Китай осуществляет крупные поставки оружия врагам афганской

революции как непосредственно через общую границу с Афганистаном, так и через Пакистан. В заявлении представителя службы безопасности ДРА подчеркивалось, что Пекин готовит на китайской территории банды террористов и налетчиков из контрреволюционных эмигрантских элементов. По сообщению индийского журнала «Линк», только за год, прошедший после апрельской революции, более 8 тыс. афганских мятежников прошли обучение в 12 лагерях, расположенных на территории Пакистана и Китая. В декабрьском номере журнала «Каунтерспай» приводятся убедительные факты о присутствии на территории Пакистана офицеров и инструкторов китайской армии, которые обучают и экипируют вооруженные формирования, действующие против Афганистана.

Подрывную антиправительственную деятельность против ДРА ведут и афганские маоисты, ориентирующиеся на Пекин и получающие его поддержку. Еще в январе 1979 г. в Герате состоялся нелегальный «съезд» афганских маоистов, на котором было принято решение об объединении усилий разрозненных групп и координации их действий для развертывания борьбы против революционного Афганистана.

Как известно, Советский Союз по настоятельной просьбе афганского правительства об оказании немедленной помощи в борьбе против внешней агрессии направил в Афганистан ограниченный воинский контингент, который используется исключительно для содействия в отражении вооруженного вмешательства извне. Однако Пекин пытается всячески очернить дружественную поддержку и помощь Советского Союза ДРА, дискредитировать цели и задачи афганской революции.

Подрывные действия против афганской революции Пекин осуществляет в тесном союзе с силами международного империализма и реакции, в первую очередь с США. Это еще раз убедительно подтвердил визит в Китай министра обороны США Г. Брауна. В ходе его встреч с китайскими руководителями в центре внимания находился и вопрос о расширении поддержки военным формированиям, вторгающимся из Пакистана на территорию Афганистана.

Акция, противоречащая интересам мира и социализма

(К ПРЕКРАЩЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО ДОГОВОРА)

*М. С. Украинцев,
профессор*

3 апреля 1979 г. правительство КНР объявило, что Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, заключенный 14 февраля 1950 г., и, таким образом, в апреле 1980 г. договор прекращает действие.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи — это целая эпоха в советско-китайских отношениях; он оставил отпечаток и на всей международной жизни.

Договор был заключен вскоре после провозглашения Китайской Народной Республики, а само образование КНР неразрывно связано с той ролью, которую играет Советский Союз в мире, и его последовательной поддержкой дела китайской революции. Мао Цзэдун отмечал в 1949 г., что если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для китайской революции — японский империализм не был разгромлен, если бы не было поддержки со стороны социалистических государств и революционных сил в других странах, то невозможна была бы победа китайской революции¹. Советский Союз горячо приветствовал победу революции. Он первым признал Китайскую Народную Республику и установил с ней дипломатические отношения.

В декабре 1949 г. по инициативе китайской стороны в Москве начались переговоры. В ходе переговоров в декабре 1949 — феврале 1950 гг. были рассмотрены многие вопросы международной обстановки и советско-китайских отношений, выработан ряд документов, определены меры по развитию сотрудничества обоих государств и обеспечению безопасности КНР.

14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (сроком на 30 лет), соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита и др.

Советско-китайский договор воплотил в себе благородные цели борьбы за мир и безопасность народов, высшие принципы интернациональной дружбы и сотрудничества, явился образцом нового типа межгосударственных отношений, присущих братским социалистическим странам. Он был подписан в тот сложный, трудный и ответственный момент в жизни Китайской Народной Республики, когда китайский народ только вступил на путь социализма и особенно остро нуждался

¹ Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, с. 9.

в помощи и поддержке при решении сложных задач экономического и культурного строительства, в деле защиты молодого социалистического государства от империалистической агрессии. Договор стал одним из важнейших условий достижения этих целей. Скрепленные им советско-китайская дружба и сотрудничество, вступление КНР в единую семью социалистических стран, в ряды активных борцов за мир явились первостепенными факторами успешной борьбы китайского народа за создание в условиях мира нового, независимого социалистического Китая, роста его международного авторитета.

КНР и СССР обязались совместно принимать меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с ней в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая обязана была немедленно оказать ей военную или иную помощь всеми имеющимися у нее средствами. Обе стороны взяли обязательство участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью укрепление мира и безопасности. Они договорились консультироваться друг с другом по важным внешнеполитическим вопросам, затрагивающим их общие интересы. Договор предусматривал и всемерное расширение экономических и культурных связей между СССР и Китаем. Их сотрудничество должно было строиться на принципах равноправия, взаимных интересов, а также уважения суверенитета и территориальной целостности, равно как и невмешательства в дела другой стороны.

В отдельном документе оба правительства констатировали полную обеспеченность независимости Монгольской Народной Республики.

Результаты договора сказались сразу же. Практически, осуществляя Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, СССР в соответствии с соглашением, достигнутым во время московских переговоров, направил в Китай ряд авиационных дивизий. Советские летчики пресекли налеты чанкайшистской авиации на Шанхай и другие районы, обеспечили безопасность всего восточного побережья КНР. В дальнейшем в ходе войны в Корее советские авиационные дивизии, дислоцированные в Китае, прикрывали от налетов американской авиации Северо-Восточный Китай и все восточное побережье страны².

Между КПСС и КПК, между правительствами и различными ведомствами двух стран наладились тесные контакты, осуществлялся регулярный обмен мнениями и опытом. СССР и КНР согласовывали свои внешнеполитические действия, вместе с другими братскими странами действовали плечом к плечу в борьбе против империализма, за мир и международную безопасность. Широкий размах приняло экономическое, научно-техническое, культурное сотрудничество.

Наличие советско-китайского союза явилось важнейшим фактором, помешавшим милитаристским кругам США, осуществлявшим агрессию в Корее, перебросить огонь войны на КНР. Тогдашний президент США, Г. Трумэн, впоследствии писал по этому поводу: «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были бы ожидать возмездия. Бэйпин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать русского вмешательства»³.

Твердая позиция СССР помешала империализму США пустить в ход ядерное оружие во время так называемого кризиса в Тайваньском проливе осенью 1958 г., на чем, как впоследствии стало известно, на-

² См. М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 33, 53.

³ Н. S. Truman. Memoirs, v. II. New York, 1956, p. 382.

ставала американская военщина. В письме ЦК КПСС Мао Цзэдун 15 октября 1958 г. отмечал: «Мы глубоко тронуты вашей безграничной преданностью принципам марксизма-ленинизма и интернационализма. Я от имени всех товарищей — членов Коммунистической партии Китая выражаю вам сердечную благодарность... В нашей борьбе с американцами мы сейчас получили уже мощную поддержку со стороны Советского Союза»⁴.

Китайская Народная Республика в свою очередь участвовала в действиях, предпринимавшихся СССР и другими братскими странами в целях обеспечения безопасности и мира. КНР приветствовала заключение Варшавского Договора как необходимую основу для сохранения безопасности всех миролюбивых народов. Наблюдатель от Китая министр обороны Пэн Дэуай на совещании социалистических стран в Варшаве говорил: «Если мир в Европе будет нарушен, если империалистические агрессоры развяжут войну против европейских миролюбивых стран, то наше правительство и наш шестисотмиллионный героический народ будут совместно с правительствами и народами наших братских стран вести борьбу против агрессии вплоть до окончательной победы»⁵.

СССР и другие братские страны — члены ООН решительно защищали и защищают право народного Китая на международной арене. Уже в 1950 г. СССР заявил, что не признает правомочной чанкайшистскую делегацию в ООН, и потребовал пригласить в эту международную организацию представителей КНР. На каждой сессии Генеральной Ассамблеи советские представители настаивали на изгнании чанкайшистов и восстановлении прав Китая в Организации Объединенных Наций.

Советский Союз, выполняя соглашение от 14 февраля 1950 г., в 1952 г. передал свою долю КЧЖД в полную собственность КНР. На КЧЖД был подготовлен большой отряд китайских железнодорожников. В связи с войной в Корею по просьбе правительства КНР было продлено пребывание советских войск в Порт-Артуре. По инициативе СССР части Советской Армии и Военно-Морского Флота были выведены с базы в мае 1955 г., а все сооружения в этом районе были безвозмездно переданы Китаю.

Быстро развивался товарообмен между двумя странами: в 1950 г. он составил 519 млн., а в 1959 г. — 1849 млн. руб.

Из Советского Союза поставлялись в Китай в значительных количествах машины и оборудование, запасные части, черные и цветные металлы, химпродукты, нефть и нефтепродукты и многие другие товары, необходимые для развития китайской экономики. В свою очередь Советский Союз получал из Китая руды и концентраты цветных металлов, химпродукты, текстильное сырье и полуфабрикаты, сырье растительного и животного происхождения, продовольственные товары, промышленные товары народного потребления.

Экономическая помощь СССР осуществлялась путем поставок в КНР на условиях льготных кредитов комплектного оборудования и материалов для строящихся и реконструированных в КНР при техническом содействии СССР предприятий, обучения в СССР китайских специалистов и посылки в КНР советских специалистов. В общей сложности Советский Союз предоставил Китаю долгосрочных кредитов на сумму свыше 1818 млн. руб., из которых китайской стороной было использовано около 1816 млн. руб. В связи с тем что по соглашению от 1 февраля 1951 г. китайской стороне была предоставлена скидка в 209,5 млн. руб., сумма кредитов, подлежащих погашению,

⁴ М. С. Капица. Указ. соч., с. 170.

⁵ Там же, с. 79.

с учетом процентов составила 1737,7 млн. руб. Наивысшая ставка по ним составляла 1—2 % годовых, в то время как в мировой практике того времени кредиты выдавались под весьма большие проценты. Льготность советских кредитов выражалась также и в том, что их погашение производилось за счет поставок товаров обычного китайского экспорта.

За десятилетие (1954—1963) Советский Союз передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе проекты на 1400 крупных современных предприятий, лицензии на изготовление большого числа промышленных изделий, материалов и машин. Использование советского научно-технического опыта позволило Китаю в короткий срок и на высоком техническом уровне осуществить подъем многих отраслей экономики и заложить основы социалистической индустриализации. В свою очередь использование китайского опыта в некоторых областях народного хозяйства было полезным и для Советского Союза, хотя объем переданной документации был невелик (за 1954—1963 гг. СССР получил от КНР около 2 тыс. комплектов технической документации).

В течение 1951—1962 гг. в СССР прошли обучение, научную подготовку и практику около 11 тыс. китайских инженеров, техников и квалифицированных рабочих, около тысячи ученых. Более 11 тыс. китайских студентов и аспирантов закончили советские высшие учебные заведения (при этом Советское правительство взяло на себя 50 % расходов по их обучению).

По просьбе китайского правительства за период 1950—1960 гг. в Китай было направлено более 10 тыс. советских специалистов. Работа советских специалистов в КНР — это яркий пример братского отношения советского народа, КПСС к народу Китая. Это была не коммерческая сделка, как у стран капиталистического мира, а проявление бескорыстной помощи китайскому народу в передаче богатого опыта социалистического строительства в СССР.

Экономическая помощь СССР помогла Китаю создать целые отрасли промышленности — авиационную, автомобильную, тракторную, радиотехническую, тяжелое и точное машиностроение, приборостроение, различные отрасли химического производства, а также модернизировать и развить энергетическую, угольную, нефтяную и нефтеперерабатывающую, целлюлозно-бумажную, легкую и пищевую промышленности и транспорт. Совсем недавно орган ЦК КПК журнал «Хунци» отмечал, что в первую пятилетку при помощи СССР были построены 156 базовых промышленных предприятий и тем самым «была создана первичная база социалистической индустриализации» и что «успехи были огромны»⁶.

В 1958—1959 гг. появились первые явные признаки того, что китайские руководители меняют свою политику. Возникали отдельные проблемы в отношениях между двумя странами. Бывали расхождения по некоторым вопросам и раньше, но стороны без труда приходили к соглашению. Теперь же Мао Цзэдун и его сторонники стали вести себя все более капризно, усилились попытки навязать свои решения.

Во время переговоров в Пекине 31 июля—3 августа 1958 г. руководителей СССР и КНР Мао Цзэдун весьма болезненно реагировал на то, что советская сторона не считала целесообразным пойти и не пошла навстречу китайским властям, когда они предложили построить для Китая несколько сот атомных подводных лодок. Вскоре после этой встречи Китай предпринял военные действия в районе прибрежных островов, и обстановка в Тайваньском проливе резко обострилась, возникла опасность крупного военного конфликта. Китайские власти дали до-

⁶ «Хунци», 1979, № 10.

вольно невинтное разъяснение, когда в первые дни кризиса, в начале сентября 1958 г., в Пекин прибыл министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Мао Цзэдун тогда утверждал, что если брать вещи и явления в сравнении, то международная напряженность, особенно в связи с событиями в районе Тайваня, более выгодна нашим странам и менее выгодна империалистам.

Китайские руководители игнорировали дружеские советы Москвы в связи с конфликтом между Китаем и Индией в Гималаях. Больше того, во время пребывания в Пекине советской партийно-правительственной делегации, прибывшей на торжество по случаю 10-й годовщины КНР, они выразили в острой форме недовольство тем, что Советское правительство в заявлении ТАСС от 8 сентября 1959 г. призвало обе стороны урегулировать спор в духе традиционной дружбы между двумя государствами⁷.

Китайские руководители заявляют, что отношения между КНР и СССР испортились не по вине китайской стороны, что СССР будто бы «завязал узел, он его должен и развязать». Как же обстояло дело на самом деле?

Решив в конце 50-х годов вести дело к разрыву с Советским Союзом, социалистическим содружеством, китайское руководство стало наращивать акции, которые шли вразрез с советско-китайским договором. Вопреки статьям 1 и 4 они прекратили участвовать в международных действиях, направленных на обеспечение мира и безопасности, и стали провоцировать мировую войну, прекратились консультации партнеров по важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы СССР и КНР. Вразрез со статьями 1 и 2 они потакали японскому империализму и добивались создания китайско-японского альянса, направленного против Советского Союза. Они нарушили статью 5, которая обязывала стороны строить отношения в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой стороны, и вражду к СССР объявили основой государственной политики, выдвинули территориальные претензии к своему соседу и стали призывать к созданию международного фронта для борьбы против Советского Союза. Начав в 1960 г. с полемики по теоретическим вопросам, китайское руководство в дальнейшем отбросило это идеологическое прикрытие своего поворота и откровенно пошло на блокирование с империализмом в борьбе против мирового социализма.

Трансформация отношения лидеров Китая к активному его использованию до деволюционной их политического курса, в господствующее положение идеи великодержавности к подлинным друзьям китайского отношения к другим странам и народам ко всему, что идет вразрез с маоистской стого господства.

Мао Цзэдун утверждал при встрече в апреле 1963 г., что если полемика будет продолжаться, трава и деревья будут расти по-прежнему, а женщины рожать детей». Открытая полемика — это, по его словам, сражение при помощи перьев, кисточек и бумаги, от нее никто не умирает. Увы! Политика Мао Цзэдуна привела к выстрелам в 1969 г. на острове Даманский и гибели людей с обеих сторон. «Через 10—15 лет, — говорил Мао Цзэдун в феврале 1965 г., — когда империалисты поднимут руку на вас или на нас, мы будем вместе. Война нас

⁷ См. «Правда», 9.IX.1959.

сразу объединит. Мы ссоримся потому, что живем в условиях мира»⁸. Ныне маоисты все более заискивают перед империалистами, блокируются с ними в борьбе против социалистического содружества, против коммунистического и национально-освободительного движения.

Беседуя с группой японских социалистов 10 июля 1964 г., Мао Цзэдун грозил представить счет на значительные советские территории. Начиная с 1962 г. все более обострялась обстановка на границе. Китайские власти явно искали повод для конфликтов, хотели спровоцировать выстрелы с советской стороны, чтобы потом использовать это для отравления сознания китайского народа. Не сумев спровоцировать советских пограничников на вооруженное столкновение на границе, пекинская верхушка приказала китайским пограничникам открыть огонь. Это привело к столкновениям на острове Даманский на реке Уссури в марте и на западном участке границы в августе 1969 г., закончившимся полным разгромом китайских провокаторов. Вскоре после этого Мао Цзэдун говорил президенту одной из азиатских стран, что все это специально было устроено для того, чтобы вызвать к Советскому Союзу ненависть нескольких поколений китайцев.

Что касается Советского Союза, то его линия в отношении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с КНР всегда была ясной и определенной. Мы и теперь глубоко убеждены, что история воздаст должное этому договору, который помог китайскому народу отстоять суверенитет и независимость Китайской Народной Республики в наиболее трудные годы ее становления, служил важным инструментом сохранения мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире.

Правительство СССР даже в те годы, когда китайские власти повели дело к принижению и подрыву значения договора, неизменно исходило из того, что договор действует, что обязательства, вытекающие из него для обеих сторон, остаются в силе и уважаются Советским Союзом. Об этом, в частности, Советское правительство через заместителя министра иностранных дел Л. Ф. Ильичева официально информировало китайскую сторону в апреле 1971 г.

Советский Союз, оказав отпор китайским провокациям на границе, твердо и последовательно держал курс на нормализацию отношений с КНР. Даже в период наибольшего обострения отношений Коммунистическая партия Советского Союза не упускала из виду главную перспективу: коренные интересы советского и китайского народов совпадают, и возвращение отношений между СССР и КНР на рельсы дружбы и добрососедства имело бы огромное значение для обеих стран, для всего социалистического содружества, для дела мира во всем мире. СССР предложил устроить встречу глав правительств Советского Союза и Китая для поиска путей нормализации межгосударственных связей.

Во время пребывания в Ханое на похоронах президента Хо Ши Мина Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин выразил готовность при пролете через Китай сделать краткую остановку на аэродроме в Пекине и встретиться с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем. Китайское правительство сообщило, что согласно на такую встречу, и она состоялась 11 сентября 1969 г.

В ходе беседы, продолжавшейся три с половиной часа, обсуждались вопросы восстановления нормального положения на границе, обмена послами, активизации экономических связей и др. В общей форме была достигнута договоренность, что СССР и КНР предпримут шаги для нормализации межгосударственных отношений.

Советский Союз направил в октябре 1970 г. В. С. Толстикова послом в КНР, в сентябре 1978 г. его сменил И. С. Щербаков. Посол

⁸ Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 72.

Китай Лю Синьцюань прибыл в Москву в ноябре 1970 г., в августе 1977 г. послом КНР в СССР был назначен Ван Юпин.

Торговые переговоры начались не сразу. Только в июне 1970 г. китайская сторона ответила на соображения Министерства внешней торговли СССР о начале переговоров и размерах взаимных поставок. В ноябре 1970 г. в КНР выехала делегация во главе с заместителем министра внешней торговли И. Т. Гришиным. Был подписан протокол о товарообороте на 1970—1971 гг. Предусматривалось его увеличение в 3 раза (в 1970 г. он равнялся 42 млн. руб.). В 1972—1977 гг. объем торговли между двумя странами составлял 210—260 млн. руб. в год, в 1978 г. в связи с переходом на мировые цены он превысил 300 млн. руб. в год. Советский Союз поставляет Китаю некоторые металлы, гражданские самолеты, станки, запасные части для тракторов и автомобилей, КНР экспортирует в нашу страну цветные металлы, хлопчатобумажные ткани, тунговое масло, шетину и фрукты.

Для создания атмосферы, благоприятствующей нормализации отношений, в советской печати были прекращены критические выступления по поводу политики руководства КПК. Несколько месяцев советская печать и радио хранили молчание, но Пекин тем временем усиливал пропагандистскую кампанию против СССР.

С учетом достигнутой на встрече глав правительств договоренности принять меры к нормализации обстановки на границе пограничным войскам Советского Союза уже в сентябре 1969 г. были даны указания:

неукоснительно поддерживать и впредь нормальные отношения с пограничными войсками и властями Китая и сохранять существующее положение границы;

неуклонно соблюдать порядок, при котором все пограничные вопросы должны рассматриваться путем консультаций в духе доброжелательности, корректности, с тем чтобы на границе существовала обстановка добрососедства, исключалось применение оружия и силы;

исходя из традиционных отношений дружбы между народами СССР и Китая, учитывать в духе доброжелательности и взаимности интересы населения пограничных районов обеих стран в области хозяйственной деятельности;

не проводить на границе пропаганды против другой стороны, в том числе с использованием громкоговорящих установок⁹.

Все это, по расчетам советской стороны, должно было способствовать как улучшению отношений между двумя государствами, так и созданию нормальной обстановки на самой границе. Обо всех этих мерах Советское правительство тотчас же официально сообщило китайской стороне, полагая, что и она примет аналогичные меры. Китайская сторона вскоре информировала, что она также предприняла шаги в этом направлении. Поэтому казалось, что достигнутое взаимопонимание и последовательное осуществление принятых обеими сторонами мер создавали необходимые условия для снятия напряженности на самой границе и для ведения переговоров.

Незадолго до начала переговоров по пограничным вопросам, 7 и 8 октября, правительство КНР опубликовало документы, в которых повторялись прежние беспочвенные утверждения о том, что договоры, определяющие нынешнюю границу между СССР и КНР, будто бы являются неравноправными. Делалась попытка возложить на Советский Союз ответственность за обострение положения на границе, содержались клеветнические нападки на нашу партию и страну, подчеркивалось, что «между Китаем и Советским Союзом существуют

⁹ См. «Правда», 1.IV.1978.

непримиримые, принципиальные разногласия» и «борьба между ними будет продолжаться в течение длительного времени»¹⁰.

20 октября 1969 г. в Пекине начались переговоры по пограничным вопросам. Советскую делегацию возглавил первый заместитель министра иностранных дел В. В. Кузнецов, а затем заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичев; китайскую — заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, потом — Хань Нянлун, Юй Чжань. «Как вы знаете, — говорил Л. И. Брежнев 14 апреля 1970 г., — вопрос о нормализации положения на советско-китайской границе стал предметом переговоров с правительством КНР. Советский Союз занимает на этих переговорах ясную и недвусмысленную позицию. Мы считаем необходимым достигнуть соглашения, которое превратило бы советско-китайскую границу в линию добрососедства, а не вражды. Не отступая от своих законных принципиальных позиций, отстаивая интересы Советской Родины и неприкосновенность ее рубежей, мы будем делать то, что от нас зависит, чтобы нормализовать межгосударственные отношения с Китайской Народной Республикой. Конечно, как все хорошо понимают, это зависит не только от нас»¹¹.

Однако переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках зашли в тупик, поскольку китайская сторона, ссылаясь на несуществующую «договоренность глав правительств», стала требовать признания «спорных районов» на территории СССР и «развода войск из соприкосновения в спорных районах»¹².

Ни в момент самой встречи глав правительств, ни в последовавшем затем обмене письмами между ними достижение положительных результатов на переговорах не ставилось в зависимость от выполнения каких-либо предварительных условий. По крайней мере Советский Союз не выдвигал китайской стороне никаких предварительных условий, не брал на себя обязательств, которые противоречили бы интересам Советского Союза, и не требовал, чтобы китайская сторона брала обязательства, не отвечающие ее интересам.

Что же такое «спорные районы»? Зачем Пекину понадобилось их изобретать?

Китайские власти с помощью искусственно сфабрикованной концепции «спорных районов» пытаются закамуфлировать то, что составляет сердцевину их политического курса, — великодержавный гегемонизм и присущий ему территориальный экспансионизм. Концепция «спорных районов» вскормлена на догмах маоизма с территориальными притязаниями не только к Советскому Союзу, но и ко многим другим государствам.

Сам термин «спорные районы» весьма удобен для Пекина. Он дает возможность спрятать под словосочетанием, привычным в дипломатическом языке и не вызывающим особой настороженности, не что иное, как территориальные притязания на советские земли. Концепция «спорных районов», по замыслу ее авторов, должна прежде всего расшатать существующую границу, создать в ней огромные бреши. Китайские представители прямо заявляют, что в «спорных районах границы нет», что «советско-китайская граница не представляет собой единую, непрерывную линию» и т. д. Иначе говоря, речь уже идет не только о границе в «спорных районах», а о ревизии и пересмотре границы в целом.

Весь образ действий Пекина показывает, что он стремится не к урегулированию пограничных вопросов, а к преднамеренному раздуванию их в своих антисоветских, шовинистических целях.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 9.X.1969.

¹¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 542.

¹² «Жэньминь жибао» (13.III.1978) опубликовала справку о будто бы имевшей место «договоренности» насчет «спорных районов».

Ничем иным нельзя объяснить ту шумную провокационную кампанию в «обоснование» притязаний на советские земли, которая вот уже на протяжении многих лет ведется в Пекине в виде заявлений маоистских лидеров, многочисленных «исследований» ученых, сомнительных раскопок, издания «Атласа мира» и справочника соответственно в 1972 и в 1979 гг. В оборот пущены все пропагандистские средства, чтобы придать видимость правды сфабрикованным в недрах пекинских ведомств вымыслам и небылицам.

В целях отравления сознания народа и приобретения друзей из числа империалистов китайские власти без устали кричат о том, что существует «угроза с Севера», что Советский Союз намерен «погубить» Китай, что в условиях «угрозы» невозможно добиться успехов на переговорах.

Еще 14 марта 1970 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором решительно опровергались попытки бросить тень на политику нашей страны в отношении Китая. «...Подобные измышления, — говорилось в заявлении, — не имеют под собой никакой почвы. С их помощью антикоммунистическая пропаганда пытается помешать советско-китайским переговорам, проходящим сейчас в Пекине, «подбросить» материал для усиления напряженности в отношениях между СССР и КНР. Советские Вооруженные Силы осуществляют повседневную службу и совершенствуют боевое мастерство в рамках обычных планов и программ, укрепляя оборону Советского государства на всей его территории»¹³. В заявлении ТАСС подчеркивалось, что неизменной политикой СССР и его правительства является стремление к нормализации советско-китайских отношений, к развитию сотрудничества, восстановлению и укреплению дружбы народов двух стран.

Но и после этого китайские лидеры продолжали извращать внешнюю политику Советского Союза, представлять его как силу, враждебную КНР. Кампания «подготовки к войне», меры по насаждению в стране духа милитаризма, антисоветская подстрекательская пропаганда нагнетались с прежней интенсивностью. В дальнейшем к легенде об «угрозе с Севера» будет добавлена басня об «угрозе с Юга».

Советский Союз спокойно реагировал на клеветнические наскоки Пекина, твердо руководствуясь курсом, выработанным XXIV съездом КПСС: «Мы не поступимся национальными интересами Советского государства. КПСС и впредь будет неустанно бороться за сплоченность социалистических стран и мирового коммунистического движения на марксистско-ленинской основе. Вместе с тем наша партия и Советское правительство глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным долговременным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто»¹⁴.

Пекинские измышления по адресу СССР, в частности легенда об «угрозе нападения», особенно нелепыми выглядят на фоне тех мер, которые предлагал принять Советский Союз.

Еще в сентябре 1969 г., когда по договоренности между главами правительств двух стран шла подготовка к началу переговоров по пограничному урегулированию, возник вопрос о том, чтобы СССР и Китай взяли на себя обязательство не нападать друг на друга. Хотя

¹³ «Правда», 14.III.1970.

¹⁴ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М., 1978, с. 238—239.

между СССР и Китаем существовал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный в 1950 г., Советский Союз, учитывая заявления китайской стороны о том, будто она испытывает беспокойство по поводу намерений советской стороны, предложил, чтобы СССР и КНР взяли на себя обязательство о ненападении друг на друга. Советское правительство предложило зафиксировать это важное и серьезное обязательство, выходящее за рамки пограничного урегулирования, не в качестве одного из пунктов соглашения о временных мерах по сохранению статус-кво на границе, а в специальном межгосударственном акте на высоком уровне¹⁵.

Но пекинских руководителей меньше всего интересовало снятие с повестки дня созданной ими же легенды об «угрозе». Все их действия были направлены лишь на то, чтобы избежать достижения договоренности в какой-либо форме.

8 июля 1970 г. Советское правительство обратилось к китайскому правительству с предложением провести переговоры и выработать проект межгосударственного соглашения о взаимном ненападении вооруженными силами, включая ядерные, о запрещении пропаганды войны и подготовки к войне против другой стороны. Китайское правительство уклонилось от ответа по существу на эту инициативу Советского Союза, продолжая в то же время твердить, будто «переговоры проходят в обстановке военной угрозы» со стороны СССР, будто «над столом переговоров висит атомная бомба»¹⁶.

15 января 1971 г. Советское правительство поставило вопрос о незамедлительном заключении между СССР и Китаем договора о неприменении силы или угрозы силой в какой бы то ни было форме, включая обычное, ракетное и ядерное оружие. Китайскому правительству был передан проект такого договора. В нем, в частности, имеется такой текст: «Стороны берут на себя обязательство не применять в своих взаимных отношениях при решении спорных вопросов силу в какой бы то ни было форме и не угрожать ее применением. Они обязуются разрешать все свои споры исключительно мирными средствами — путем переговоров и консультаций; стороны не будут применять друг против друга вооруженные силы с использованием любых видов оружия, включая: а) обычное, б) ракетное, в) ядерное»¹⁷.

Китайские власти отклонили проект, но высказались за включение подобного положения в текст промежуточного соглашения о сохранении статус-кво на границе. Советская сторона пошла навстречу партнерам, был выработан и текст соответствующей статьи в соглашении о статус-кво. Казалось, вопрос решен. Но китайские представители воздвигли очередной барьер, связав свое предложение с требованием принять концепцию «спорных районов», то есть выдвинули предварительное условие, которое не могло бы принять ни одно суверенное государство. Таким образом, повисло в воздухе и заключение соглашения о статус-кво, и вступление в действие обязательств о неприменении силы.

Когда официальные китайские представители, посчитав невозможным идти на большее, стали заявлять, что отношения между СССР и Китаем должны строиться на основе принципов мирного сосуществования, Советский Союз, опять же исходя из добрых побуждений, выразил готовность строить эти отношения и на такой основе. И об этом было четко заявлено на высшем уровне, например в речи Л. И. Брежнева на XV съезде советских профсоюзов в марте 1972 г.

Переводя эту готовность на язык вполне конкретных и конструктивных предложений, Советский Союз 14 июня 1973 г. сделал еще один шаг в том же направлении: китайскому руководству было предложено

¹⁵ См. «Международная жизнь», 1975, № 4, с. 39.

¹⁶ См. М. С. К а н и ц а. Указ. соч., с. 406.

¹⁷ «Правда», 21.III.1972.

заключить договор о ненападении между СССР и Китаем. В его текст включены обязательства сторон не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угрожать таким нападением¹⁸.

Китайские власти отклонили и это предложение.

В феврале 1972 г. советская сторона выступила с инициативой о заключении долгосрочных контрактов и возобновлении приграничной торговли между СССР и КНР. В марте 1973 г. Министерство здравоохранения СССР обратилось к китайской стороне с предложением о восстановлении сотрудничества в области здравоохранения. Различные советские организации и официальные лица неоднократно выдвигали предложения по восстановлению контактов и сотрудничества между академиями наук, обществами дружбы, обмену корреспондентами центральных газет и т. д. В декабре 1977 г. СССР предложил возобновить научно-технические связи.

Однако все эти предложения были отвергнуты или оставлены без ответа. Прежде чем решать какой-либо вопрос советско-китайских отношений, предлагалось добиться прогресса в решении «пограничной проблемы», то есть СССР еще до переговоров должен был признать китайские территориальные притязания и др. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил на сессии ВСНП 13 января 1975 г., что признание «спорных районов» и вывод оттуда советских войск — это совсем немного¹⁹. Поскольку же советская сторона решительно отметала все эти надуманные претензии китайского руководства, то Пекин отказывался решать и другие вопросы советско-китайских отношений.

Китайские власти, отклоняя советские предложения, нагнетали антисоветизм, заставляли китайский народ тратить усилия, средства и материалы на строительство траншей и подземных убежищ. Чем дальше, тем настойчивее правители Китая старались убедить свой народ, что Советский Союз — враг № 1, отгородить китайский народ от СССР.

14 марта 1974 г. китайские власти задержали советский вертолет с тремя офицерами — членами экипажа, непреднамеренно, из-за плохих погодных условий, залетевший на территорию Китая в Синьцзяне и совершивший вынужденную посадку. Советских офицеров продержали в заключении почти два года, обвиняя в шпионаже, но в конечном счете в декабре 1975 г. их, как и вертолет, вернули советской стороне²⁰, признав в ноте МИД КНР, что подозрение в шпионаже не подтвердилось. 29 апреля 1976 г. кто-то совершил диверсию против посольства СССР в Китае, взорвав бомбу у ворот посольства. Было убито три китайца, в том числе два постовых милиционера, из советских людей никто не пострадал по чистой случайности. Эта акция явно имела целью вызвать острый конфликт между СССР и КНР.

Что касается СССР, то в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, сделанном Л. И. Брежневым, было подчеркнуто, что «в отношениях с Китаем наша партия твердо придерживается курса, определенного XXIV съездом. Правильность этого курса подтверждена жизнью. Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую». Вместе с тем было вновь подтверждено, что «в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Словом, мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Более того, можно с уверенностью заявить: если в Пекине возвратятся к политике, дей-

¹⁸ См. М. С. Капца. Указ. соч., с. 407.

¹⁹ См. «Жэньминь жибао», 19.I.1975.

²⁰ См. «Правда», 28.XII.1975.

ствительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной»²¹.

Стремясь содействовать созданию спокойной обстановки, в которой легче было бы искать пути к нормализации отношений, в Советском Союзе в сентябре 1976 г., после смерти Мао Цзэдуна, вновь прекратили публикацию критических выступлений и материалов, касающихся положения в КНР и политики этой страны, и выступили с рядом новых инициатив.

В послании Верховного Совета и Совета Министров СССР китайскому руководству по случаю 27-й годовщины КНР было подчеркнуто желание нормализовать отношения двух стран на принципах мирного сосуществования²². Л. И. Брежнев заявил на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, что в советско-китайских отношениях нет вопросов, которые нельзя было бы решить в духе добрососедства²³. 28 ноября 1976 г. в Пекин прибыл глава советской делегации на переговорах по пограничным вопросам, заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичев. В ходе переговоров он напомнил о советских предложениях, направленных на нормализацию отношений: заключение договора о неприменении силы и договора о ненападении, налаживание контактов между министерствами и ведомствами и возобновление сотрудничества в различных областях. Он подчеркнул готовность форсировать переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках и подписать новый договор, чтобы снять этот вопрос в советско-китайских отношениях.

В это время, как потом стало известно, произошла острая схватка в китайском руководстве, и «банда четырех», пытавшаяся узурпировать власть, была 6 октября 1976 г. арестована. В ходе кампании по азоблачению преступлений «четверки» было заявлено, что она уничтожала и компрометировала опытные партийные, государственные и военные кадры, расправлялась с творческой интеллигенцией, подрывала народное хозяйство, тормозила научно-техническое развитие Китая, сопротивлялась изучению полезного иностранного опыта, блокировала международные экономические связи Китая. Кстати сказать, когда в течение ряда лет советские ученые и печать указывали на то, что творится в Китае, китайская сторона обижалась и обвиняла Советский Союз в недружественных напаках.

Естественно было ожидать, что устранение группы высших деятелей, выдвинутых Мао Цзэдуном, осуждение их за громадный вред, который они причинили Китаю, прямое или косвенное признание многих ошибок самого «великого кормчего» приведут и к корректировке внешнего курса, в частности политики в отношении социалистических стран.

В империалистическом лагере с тревогой следили за тем, что делает новое руководство, не идет ли оно на разрядку напряженности в отношениях с Советским Союзом. «Крисчен сайенс монитор» прямо заявила: «Выгоды, вытекающие для Запада из враждебности между Китаем и Советским Союзом, настолько очевидны и их настолько осознают сейчас на Западе, что даже намек на возможное уменьшение этой враждебности вызывает там беспокойство».

Но разрядки в отношениях с СССР не произошло. Новое китайское руководство не откликнулось на советские инициативы. Явное

²¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.

²² См. там же.

²³ См. «Правда», 26.X.1976.

стремление создать новые завалы на пути нормализации отношений проглядывало в ходе очередного тура переговоров по пограничным вопросам в ноябре 1976 — феврале 1977 г. Китайская сторона вновь заявила, что без признания «спорных районов», то есть без удовлетворения ее территориальных притязаний к СССР, не могут развиваться отношения и в других областях. Более того, она потребовала выполнения предварительных условий, односторонних шагов со стороны Советского Союза, что явно говорило о стремлении загнать отношения в глухой тупик.

Органы пропаганды и официальные лица, включая высших руководителей, продолжали извращать внешнюю и внутреннюю политику СССР. Использовались любые средства, чтобы опорочить миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, братские отношения стран социалистического содружества, усилия СССР, призванные укрепить дружбу и сотрудничество между народами, его борьбу против сил империалистической реакции и агрессии.

19 мая 1977 г. МИД СССР вручил посольству КНР ноту, в которой Советское правительство заявило китайскому правительству протест против враждебной Советскому Союзу клеветнической кампании в Китае и со всей серьезностью предупредило, что китайские руководители берут на себя большую ответственность перед своим народом за последствия продолжения этой кампании²⁴.

В то же время Советский Союз последовательно, как и полагается стране, уверенной в своей правоте, продолжал усилия с целью остановить процесс обострения советско-китайских отношений. В июле 1977 г. советская сторона дала согласие на договоренность между правительствами СССР и КНР о проходе китайских гражданских судов по внутренним водам СССР мимо Хабаровска в период обмеления пограничной протоки Казакевича²⁵, и китайские суда с 1 сентября 1977 г. ходят мимо Хабаровска. Одновременно она предложила провести работы по углублению и расширению протоки Казакевича, выразила готовность предоставить для этого необходимую технику, однако власти КНР отклонили это предложение.

XI съезд КПК (август 1977 г.), ознаменовавший завершение одного из острых этапов внутривластной борьбы, подхватил маоистский, авантюристический, раскольнический курс Китая в международных делах, в основе которого лежит враждебность к СССР. Председатель ЦК КПК, премьер Госсовета Хуа Гофэн говорил: «В начале прошлого года председатель Мао Цзэдун указал: «У Соединенных Штатов есть в мире интересы, которые они стремятся защитить, а Советский Союз рвется к экспансии, и этого ничем не изменить...» «Советский Союз и Соединенные Штаты — очаги новой мировой войны, в особенности советский социал-империализм, который и представляет собой большую опасность...» «Перед лицом агрессии и угрозы со стороны империализма, особенно социал-империализма, ввиду того что советские ревизионисты не расстаются с мыслью поработить нашу страну, нам надо быть готовыми воевать»²⁶.

Пекин настойчиво защищал гегемонистскую концепцию «трех миров». Сохранена линия на подрыв социалистического содружества, мирового коммунистического движения и национально-освободительного движения, на эксплуатацию противоречий между мировым социализмом и империализмом в интересах великодержавной политики Пекина. Дэи Сяопин при встрече с представителем комиссии бундестага ФРГ по вопросам обороны Манфредом Вернером (ХДС) в сентябре 1977 г.

²⁴ См. «Правда», 27.V.1977.

²⁵ См. История международных отношений на Дальнем Востоке 1917—1977 гг. Хабаровск, 1978, с. 439.

²⁶ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1977.

назвал сближение Китая с Советским Союзом немислимым; он выразил уверенность, что ни он, ни Хуа Гофэн не доживут до этого, и добавил, что он исцелюет «это даже для будущего поколения»²⁷.

Все откровеннее Пекин выступал как партнер империализма в борьбе против СССР, а империалистическая пропаганда синхронизировала свои враждебные СССР кампании с его выступлениями. Вольфганг Бартке в статье, опубликованной в журнале «Хина актуэль», писал: «Шпрингеровская пресса, цитировавшаяся в течение 1977 г. восемь раз, пользуется предпочтением, в результате чего становится очевидной шизофрения политики и пропаганды. С одной стороны, Китай, взявший курс на конфронтацию с Москвой, использует прессу ФРГ, с другой стороны, шпрингеровская печать в первую очередь, а также и «Байерн-курир», нацеленные на антикоммунистическую политику, безоговорочно впрягаются в кампанию китайской прессы против Москвы»²⁸.

Такая позиция противоречила здравому смыслу и причиняла ущерб прежде всего КНР. Известный американский профессор Аллен Уайтинг в книге «Будущее Китая» отмечал, что «и Пекин, и Москва понимают, как Вашингтон эксплуатирует конфронтацию между ними, подыгрывая одной стороне против другой»²⁹. Американский ученый Стивен Левин, специалист по китайско-советским отношениям, в статье «Советский фактор в китайско-американских отношениях», опубликованной в книге «Дракон и орел», указывал, что «уменьшение напряженности между Китаем и Советским Союзом позволит обратить часть средств, выделенных на военные нужды, на важные цели экономического развития. Это также, — отмечал далее Левин, — усилит нажим на США, которые с целью помешать сдвигу Китая в сторону СССР вынуждены будут пойти на уступки Китаю по тайваньскому вопросу»³⁰. Американский ученый Джеймс Сюн писал в «Эйшн сервэй», что США не следует спешить жертвовать Тайванем, так как Китаю, связанному враждебной политикой в отношении СССР, все равно некуда деваться и он не отступит от хороших отношений с США³¹. Д. У. Клейн в статье, опубликованной в «Каррент хистори», констатировал: «Примирение Пекина с Советским Союзом дало бы возможность решить тайваньскую проблему: ничто не может быстрее вынудить США оставить Тайвань, чем вероятность установления тесных отношений между КНР и СССР»³².

Советский Союз снова и снова предпринимал шаги, чтобы добиться ослабления напряженности между двумя странами.

24 февраля 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР в обращении к Постоянному комитету ВСНП заявил о своей готовности положить конец нынешнему ненормальному положению в отношениях между СССР и КНР, остановить опасный процесс дальнейшего обострения отношений, который может привести к серьезным отрицательным последствиям для наших стран и народов, для судеб мира на Дальнем Востоке, в Азии и во всем мире. С целью материализовать выраженное обеими сторонами желание основываться в своих отношениях на принципах мирного сосуществования и воплотить его в весомый международный акт Президиум Верховного Совета СССР предложил, чтобы наши страны выступили с совместным заявлением о принципах

²⁷ «Die Welt», 27.IX.1977.

²⁸ «China aktuell», 1978, N 2.

²⁹ A. S. Whiting. China's Future. Foreign policy and economic development in the post Mao era. New York, 1977, p. 26.

³⁰ Dragon and Eagle. United States—China Relations: Past and Future. New York, 1978, p. 252.

³¹ In: «Asian survey», August 1977, vol. XVII, № 8, University of California Press, p. 708.

³² D. W. Klein. The Foreign Policy of the People's Republic. — «Current History», 1977, vol. 73, № 429, p. 55.

взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Совместное заявление о том, что стороны будут строить свои отношения на основе мирного сосуществования, твердо придерживаясь принципов равноправия, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и неприменения силы, могло бы двинуть вперед дело нормализации наших отношений. Было высказано желание, если сама идея выступления с таким документом приемлема для китайской стороны, провести в Москве или в Пекине встречу представителей двух сторон на достаточно высоком уровне, с тем чтобы в возможно короткий срок согласовать взаимоприемлемый текст заявления. В ходе такой встречи можно было бы рассмотреть и предложения КНР, направленные на нормализацию советско-китайских отношений³³.

Состоявшаяся в феврале — марте 1978 г. сессия ВСНП показала, что китайское руководство не только избегало обсуждения по существу вопроса о нормализации отношений с СССР, но и продемонстрировало намерение вновь продолжать свою враждебную по отношению к Советскому Союзу политику. Сессия ВСНП на уровне государственного органа КНР подтвердила антисоветский курс китайского руководства, сформулированный XI съездом КПК, закрепила этот курс в основном законе страны — конституции. Теперь борьба против СССР и его союзников стала не только партийной нормой, зафиксированной в уставе КПК, но и нормой конституционной. В конституцию было внесено изменение, приводящее ее текст в соответствие с документами XI съезда КПК, согласно которым Советский Союз поставлен на первое место среди врагов Китая. На сессии ВСНП Хуа Гофэн повторил обвинение в адрес Советского Союза в том, будто он не растает с мыслью «поработить нашу страну», связал его напрямую с необходимостью ускорения темпов всего экономического и военного развития страны³⁴. Таким образом, антисоветизм оказался состыкован с так называемой генеральной задачей внутренней политики КНР.

Китайское правительство ответило на обращение нотой МИД КНР посольству СССР от 9 марта 1978 г.³⁵ В ней отклонялись советские предложения. В ноте были выдвинуты предварительные условия улучшения межгосударственных отношений, затрагивавшие вопросы обороны СССР и безопасности Монголии. Это означало, что в Пекине по-прежнему не были готовы к конструктивному диалогу, который бы вызвал позитивные сдвиги в отношениях между СССР и КНР, вели дело к кульминационному моменту враждебной СССР политики — денонсации Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Империалистические круги приветствовали отклонение китайским правительством новой советской инициативы. Газета английских консерваторов откровенно писала, что «заключение договора о ненападении между Москвой и Пекином было бы самым страшным событием на международной арене, какое можно себе представить, кроме мировой войны»³⁶.

Воинственные круги империализма подыгрывали провокационному поведению китайских правителей. Помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский во время визита в Пекин в мае 1978 г. хотел убедиться, достаточно ли прочно стоит Пекин на позициях антисоветизма, и остался доволен тем, что ему говорили. «Нью-Йорк таймс» писала: «В своих речах Бжезинский пытался под-

³³ «Правда», 21.III.1978.

³⁴ «Жэньминь жибао», 27.II.1978.

³⁵ См. «Правда», 21.III.1978.

³⁶ «Daily telegraph», 27.III.1978.

черкнуть общую озабоченность в отношении Советского Союза. Как представляется, он добился успеха у китайских руководителей, которым по душе его жесткая позиция в отношении СССР»³⁷. Но в США раздавались и голоса, призывавшие проявлять осмотрительность. «Президент Картер и его помощник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский действуют так, — писала американская газета, — будто они должны вознаградить КНР за шаги, которые в очень большой мере отвечают ее собственным интересам. Создается также впечатление, что они считают слабую экономику Китая и плохо вооруженную китайскую армию тем благом, которое каким-то образом поможет укрепить стратегические позиции Соединенных Штатов в отношении гораздо более могущественного СССР. Но дело в том, что усиление враждебности со стороны Советского Союза может повредить нам — и КНР — больше, чем Пекин может принести пользу. Например, какой-нибудь военный инцидент на китайской границе, связанный с Советским Союзом, быстро заставил бы Хуа Гофэна и Картера протрезветь и понять, на какой риск они идут»³⁸.

На отношения между СССР и КНР в течение многих лет накладывают отпечаток и события в Юго-Восточной Азии.

Агрессия США против Вьетнама представляла хороший случай для примирения и объединения усилий СССР и КНР с целью оказания помощи социалистическому государству, ставшему жертвой империалистической агрессии. Китайские руководители, однако, отклонили предложения Советского Союза о совместных мерах по оказанию помощи Вьетнаму, сражавшемуся против американской агрессии. Они в течение ряда лет создавали помехи в перевозке через территорию Китая оружия и боеприпасов, которые СССР направлял во Вьетнам, мешали работе авиационной линии Москва — Ханой.

Победа вьетнамского народа и быстрое объединение страны в единую Социалистическую Республику Вьетнам, осуществление Вьетнамом самостоятельной внешней политики, его курс на укрепление единства социалистического содружества не понравились Пекину. Не понравилось Пекину и развитие братских отношений между Вьетнамом и Лаосом, ставшим на путь строительства социализма. Китайские руководители все более убеждались, что Вьетнам не только не желает служить инструментом их захватнической политики в Юго-Восточной Азии, но, напротив, противодействует экспансии Китая. Тогда Пекин стал усиливать нажим на Вьетнам.

Советский Союз и на этот раз оказал энергичную поддержку Социалистической Республике Вьетнам. Решимость СРВ и СССР противодействовать нападению или угрозе нападения была отражена в договоре о дружбе и сотрудничестве между двумя странами от 3 ноября 1978 г. «Можно предвидеть, — сказал при подписании договора и соглашения Л. И. Брежнев, — что он (договор. — М. У.) придется не по душе тем, кому не нравится дружба СССР и Вьетнама, кто делает ставку на нагнетание напряженности, на разобщение социалистических стран. Но договор уже стал политической реальностью. И, хотя этого или нет, с этой реальностью придется считаться»³⁹.

После периода угроз и провокаций Китай 17 февраля 1979 г. начал вооруженную агрессию против Социалистической Республики Вьетнам, чтобы, как заявлял Дэн Сяопин во время визита в США, «наказать» Вьетнам. Китайские войска вторглись на территорию Вьетнама почти на всем протяжении границы, захватили ряд населенных пунктов в

³⁷ «New York Times», 23.V.1978.

³⁸ «Washington post», 12.IX.1978.

³⁹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 503.

приграничной зоне. Вьетнам оказал агрессору решительный отпор авантюра стоила Пекину жизни нескольких десятков тысяч солдат и большого количества военной техники; не исчислить урон, который понес Китай в глазах народов мира, лучше узнавших повадки китайских правителей и осудивших отвратительную агрессию. Вместо «наказания» Вьетнама китайские милитаристы сами были основательно биты, и 5 марта Пекин вынужден был объявить о начале отвода своих войск из Вьетнама. Но и во время отхода китайские войска продолжали разрушать города и села, взрывали мосты, занимались мародерством и грабежом.

Советское правительство в заявлении от 18 февраля 1979 г. указало, что нападение Китая на Вьетнам еще раз свидетельствует, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие. Советский Союз выполнит свои обязательства, взятые им по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Тем, кто определяет политику в Пекине, следует остановиться, пока не поздно. СССР решительно потребовал прекращения агрессии и незамедлительного вывода китайских войск с территории Социалистической Республики Вьетнам⁴⁰.

Советский Союз принял активное участие в широкой международной кампании социалистических стран, коммунистических партий, многих развивающихся государств, прогрессивных и миролюбивых организаций всех стран против разбойничьего нападения китайских милитаристов на Вьетнам. Были приняты меры с целью оказания дополнительной помощи Вьетнаму, поставки ему всего, что требовалось для отпора агрессору. Советский Союз осуществил ряд других важных мер, которые хорошо поняли китайские правители и которые охладили их пыл. Все эти меры осуществлялись в постоянном контакте с руководством СРВ.

Заявлением от 2 марта Советское правительство предостерегло Пекин против агрессивных действий в отношении Лаосской Народно-Демократической Республики⁴¹. Советский Союз оказал ЛНДР дополнительную помощь в укреплении обороноспособности.

Логика сползания на позиции пособника империализма привела к тому, что 3 апреля 1979 г. Постоянный комитет ВСНП заявил о прекращении действия Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР от 14 февраля 1950 г. Договор якобы сыграл свою историческую роль в обеспечении безопасности Китая и Советского Союза, в содействии дружбе и сотрудничеству двух стран, в защите мира на Дальнем Востоке и во всем мире, но в международной обстановке произошли большие изменения — например, были нормализованы отношения между СССР и Японией, а затем — между Китаем и Японией, положения договора, касавшиеся Японии, устарели, к тому же предусмотренные договором обязательства были попорчены будто бы не по вине КНР и договор давно уже не существует номинально.

Советское правительство в заявлении от 4 апреля дало оценку этому враждебному акту, вытекающему из крутого поворота политики руководящей верхушки Китая вправо, их авантюризма и стремления к гегемонии. Насколько авантюристической стала политика правящих кругов Пекина, насколько низко пали они, предав интересы социализма, говорилось в заявлении, показала позорная агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам⁴².

⁴⁰ См. «Правда», 19.II.1979.

⁴¹ См. «Известия», 3.III.1979.

⁴² См. «Правда», 5.IV.1979.

Информируя о решении прекратить действие договора, правительство КНР в той же ноте от 3 апреля 1979 г. предложило провести переговоры об урегулировании нерешенных вопросов в отношениях между Китаем и Советским Союзом и улучшении отношений. В такой позиции Пекина концы с концами не сходились, в ней не было никакой логики. Тем не менее Советский Союз, который всегда ратовал за нормализацию отношений с Китаем путем переговоров, согласился вступить в переговоры и уже в ноте от 17 апреля предложил предмет таких переговоров: улучшение отношений и выработка документа о принципах взаимоотношений между СССР и КНР в качестве исходной базы. В дальнейшем в памятной записке от 4 июня советская сторона предложила включить в этот документ положение о непризнании чьих бы то ни было притязаний на особые права или гегемонию в Азии и в мировых делах. Наконец, в памятной записке от 23 июня советская сторона с учетом предложения китайской стороны согласилась добавить к предмету переговоров обсуждение вопроса о развитии в духе равенства и взаимной выгоды торговли, научно-технических связей, культурного обмена. Стороны договорились поручить переговоры правительственным делегациям, возглавляемым заместителями министров иностранных дел — соответственно Л. Ф. Ильичевым и Ван Юпином.

Стороны, по предложению китайской делегации, согласились вести советско-китайские переговоры поочередно в Москве и в Пекине (советская делегация пошла на это после того, как китайская сторона приняла ее предложение о том, чтобы переговоры об урегулировании пограничных вопросов в дальнейшем тоже велись попеременно в Москве и в Пекине). Было также решено, что делегации будут работать без повестки дня, каждая делегация может выдвигать вопросы, которые считает необходимыми. Московский этап переговоров продолжался с 27 сентября по 30 ноября 1979 г. Через некоторое время переговоры будут продолжены в Пекине.

Уже на первом пленарном заседании 17 октября 1979 г. советская делегация передала китайской делегации проект Декларации о принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой.

Китайская делегация выработку принципов взаимоотношений ставит в зависимость от урегулирования «нерешенных вопросов» и «устранения препятствий». Переговоры сопровождались лихорадочной активностью Пекина, визитами и переговорами, в ходе которых китайские руководители налаживают параллельные действия с империалистическими державами, призывают к созданию международной коалиции для борьбы против СССР.

* * *

Возможно, великодержавие и гегемонизм исказили у некоторых китайских руководителей представление о состоянии дел на международной арене, тем не менее они должны понимать, что прекращение действия договора правительством КНР является шагом весьма опрометчивым и недальновидным, а равно и крайне опасным для дела мира. От этого много потеряет и сам Китай. Сейчас в Китае критикуются многие ошибки, совершенные в прошлом. Придет время, и будет дана соответствующая оценка и этому акту.

Экономика КНР в 1979 году

В. И. Акимов,
доктор экономических наук

В. И. Потапов,
кандидат экономических наук

«Урегулирование» вместо «четырёх модернизаций»

Известно, что в 1978 г. на 1-й сессии ВСНП пятого созыва была сформулирована долгосрочная программа развития Китая, преследовавшая цель к концу текущего столетия превратить страну в «великую и могучую державу». Ставилась стратегическая задача «приблизиться к передовому мировому уровню» по экономическим показателям, достичь его или превзойти. Иными словами, предполагалось, что к концу XX в. Китай по уровню своего экономического развития войдет в число передовых стран мира. Для осуществления этой задачи была выдвинута программа так называемых «четырёх модернизаций».

Основной упор в этой программе был сделан на развитие тяжелой индустрии, военной промышленности, транспорта. Намечались ускоренные темпы развития сельского хозяйства. Как отмечалось в решениях 1-й сессии ВСНП, программа «четырёх модернизаций» должна была в первую очередь дать возможность ускорить милитаризацию страны, обеспечить материальную базу для создания крупного военно-промышленного потенциала, с тем чтобы превратить Китай в мощную военную державу. Такое направление в развитии народного хозяйства страны китайское руководство связывало с подготовкой к войне. Во внешней политике был взят курс, подтвержденный на III пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г., на блокирование с развитыми капиталистическими странами, «расширение международного единого фронта борьбы против гегемонизма», то есть против Советского Союза и других социалистических стран.

Первым крупным шагом в осуществлении программы «четырёх модернизаций» должно было стать выполнение десятилетнего плана развития народного хозяйства на 1976—1985 гг., основные положения которого были обсуждены на 1-й сессии ВСНП. В этом плане была заложена идея скорректированного «большого скачка». Многие из намеченных в нем экономических показателей не учитывали реального положения в народном хозяйстве страны. Игнорировались диспропорции между ростом потребностей в материальных благах и низким уровнем их производства, между потреблением и накоплением, развитием промышленности и сельского хозяйства, между отдельными отраслями промышленности и пр. В плане предусматривались чрезмерно высокие темпы механизации сельскохозяйственного производства, хотя для этого не было ни материальных, ни социальных условий. В докладе председателя Госплана КНР Юй Цюли на 2-й сессии ВСНП пятого созыва отмечалось, что «еще не выправлены серьезные диспропорции в народном хозяйстве, не устранены хаос и неразбериха в производстве, строительстве, сфере обращения и распределения, что многие вопросы бытового обслуживания населения ждут своего разрешения»¹.

Газета «Жэньминь жибао», касаясь вопросов капитального строительства в 1978 и в начале 1979 г., писала, что масштабы ведущегося ка-

¹ См. «Жэньминь жибао», 29.VI.1979.

питательного строительства значительно превышают материальные и финансовые возможности. Только для завершения уже начатых строек необходимо полностью израсходовать ресурсы, выделяемые на капитальное строительство на предстоящие несколько лет. Имеющиеся планы составлены без научного подхода и имеют большие «прорехи», нарушают принцип комплексного сбалансирования материальных и финансовых ресурсов. Отмечалось также, что в капитальном строительстве сохраняются такие проблемы, как растянутый фронт строительства, распыление сил и средств, беспорядки в руководстве². В результате этого в 1978 г. планы по строительству и пуску в эксплуатацию крупных и средних объектов были выполнены лишь на 70 %, а по отдельным сооружениям — на 82 %. При росте мощностей по производству 39 основных видов промышленной продукции планы по 26 видам не были выполнены (добыча угля и железной руды, производство проката, химического волокна и другой продукции)³.

После 1-й сессии ВСНП пятого созыва в Китае развернулись широкие дискуссии о путях и методах осуществления программы «четырёх модернизаций», что свидетельствует о наличии в китайском руководстве различных точек зрения по вопросам экономического строительства. Одна из таких дискуссий развернулась на всекитайском совещании о законе стоимости, на котором выявились серьезные разногласия между различными группировками участников. Острая дискуссия развернулась на всекитайском совещании по капитальному строительству, которое подвергло критике планы строительства промышленных и других объектов в 1979 и в последующие годы и рекомендовало сократить число не только намеченных, но и уже ведущихся строек, пересмотреть очередность строительства тех или иных объектов с точки зрения их важности для экономики.

На 2-й сессии ВСНП пятого созыва (18 июня — 2 июля 1979 г.) были утверждены народнохозяйственный план и государственный бюджет на 1979 г. Впервые с конца 50-х годов в Китае были опубликованы подробные доклады об итогах выполнения государственных планов и государственного бюджета за предшествующий год и проектах плана и бюджета на текущий год. К цифровым показателям этих сообщений об итогах и плановых заданиях следует относиться критически, ибо они зачастую основаны на весьма приближенных статистических данных и в них отдана большая дань пропагандистским ухищрениям пекинского руководства.

Китайское руководство было вынуждено внести серьезные коррективы в свои честолюбивые планы быстрого индустриального развития как на 1979 г., так и на ближайшую перспективу. Госсоветом КНР был пересмотрен разработанный в 1978 г. народнохозяйственный план на 1979 г. В китайской печати отмечалось, что в пересмотренном плане «упор делается на ускоренное развитие сельского хозяйства, легкой и текстильной промышленности и увеличение производства и строительства в сфере угольной, нефтяной и электроэнергетической промышленности, транспорта и промышленности стройматериалов»⁴. В пересмотренном плане, во-первых, значительно снижены темпы роста промышленного производства (по официальным данным, с 13,5 до 8 %). Темпы развития легкой промышленности (8,3 %) должны превзойти темпы роста тяжелой промышленности (7,6 %). Несмотря на прокламирование приоритетного развития сельского хозяйства, рост валовой продукции в этой отрасли на 1979 г. намечен в размере 4 % (по официальным данным, в 1978 г. прирост составил 8,9 %).

Во-вторых, были сокращены масштабы капитального строительства с

² См. «Жэньминь жибао», 24.III.1979.

³ Там же, 28.VI.1979.

⁴ Там же, 29.VI.1979.

целью более эффективного использования капиталовложений. На 1979 г. общий объем капиталовложений, включая кредиты в инвалюте и средства местных органов и ведомств, установлен в объеме 50 млрд. юаней против 47,9 млрд. в 1978 г. По сравнению с предшествующим годом снижен удельный вес капиталовложений в тяжелую промышленность (с 54,7 до 46,8 %). Увеличены вложения в угольную, нефтяную, электроэнергетическую промышленность и промышленность строительных материалов. Несколько возрос удельный вес капиталовложений в легкую промышленность (до 5,8 % против 5,4 %). Предусмотрено повышение доли капиталовложений в сельское хозяйство с 10,7 % в 1978 г. до 14 % в 1979 г.

Запланировано строительство 987 крупных и средних объектов, окончание строительства и ввод в эксплуатацию 118 крупных и средних объектов и 258 отдельных сооружений. Вступление в строй этих объектов и сооружений позволит, в частности, увеличить производство цемента на 2,1 млн. т, заготовку и вывоз леса — почти на 1,5 млн. куб. м, повысить пропускную способность портов на 11,6 млн. т. В сельском хозяйстве и рыболовстве запланировано создание 65 крупных и средних ирригационных сооружений и 11 рыбных промыслов. Намечено строительство ряда новых железных дорог, сооружение вторых путей и электрификация некоторых наиболее грузонапряженных магистралей.

В-третьих, предусмотрены меры по повышению эффективности производства и более строгому соблюдению режима экономии. В целом они сводятся к повышению роли экономических методов хозяйствования, наведению элементарного порядка на предприятиях и в органах управления и планирования, к повышению прибыльности и рентабельности в работе. Если говорить об отдельных проблемах экономики, то первостепенное внимание уделяется смягчению напряженности в снабжении народного хозяйства топливом и электроэнергией.

В-четвертых, планом предусмотрено значительное увеличение экспорта — до 19,2 млрд. юаней (по сравнению с 1978 г. рост на 14,7 %), а импорта — до 24,8 млрд. юаней (на 32,4 %). На закупку комплектного оборудования и новой техники ассигновано 4,73 млрд. юаней (в 3,2 раза больше, чем в 1978 г.). Всем районам и ведомствам дано указание «вплотную взяться за экспортное дело, за увеличение поступлений в инвалюте».

Доходы и расходы государственного бюджета на 1979 г. были установлены в объеме 112 млрд. юаней (в 1978 г. доходы составили 112,1 млрд., а расходы — 111,1 млрд. юаней)⁵. Повышение роста доходов в 1979 г. не запланировано по ряду причин, в частности из-за необходимости выделения средств для повышения закупочных цен на продукцию сельского хозяйства и подсобных промыслов, для «урегулирования» зарплаты части рабочих и служащих, снижения или отмены налогов в ряде сельских районов, расширения занятости населения. Одна из главных особенностей госбюджета на 1979 г. — это существенное усиление его милитаристской направленности, выразившееся в значительном наращивании военных расходов. На 1979 г. военные расходы запланированы в огромной сумме — 20,2 млрд. юаней (в 1978 г. — 16,8 млрд. юаней). Есть основания считать, что официально опубликованные в Китае данные о военных расходах существенно занижены. Так, американский журнал «Бизнес уик» полагает, что если учесть расходы на военные исследования, на снабжение военнослужащих продовольствием и одеждой, то фактически Китай тратит на военные нужды не 18, а 25 % своего госбюджета⁶. Видимо, и эти оценки все же занижены. Отметим, что по абсолютным размерам военных расходов Китай занимает одно из первых мест в мире, тогда как по доходу на душу населения (152 долл. в год) находится на 125-м месте среди 150 государств — членов ООН⁷.

⁵ См. «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.

⁶ In: «Business Week», 5.XI.1979.

⁷ In: «Daily Telegraph», 30.X.1979.

С целью упорядочения руководства экономикой и отдельными ее отраслями созданы новые комитеты и министерства, в частности — финансово-экономический комитет при Госсовете КНР, государственный комитет сельского хозяйства, министерство промышленности строительных материалов, восьмое министерство машиностроения. Разукрупнены министерство сельского и лесного хозяйства и министерство водного хозяйства и электроэнергетики.

В течение года было проведено большое число всекитайских, отраслевых и региональных совещаний для разработки мероприятий по «урегулированию» экономики и решения текущих проблем.

Но, несмотря на все эти меры, экономическое положение продолжает оставаться достаточно сложным. За первые 8 месяцев 1979 г. по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года валовое промышленное производство возросло лишь на 5,7 %⁸. Несколько улучшилось положение в сентябре и октябре. В частности, в сентябре по сравнению с августом 1979 г. объем валовой промышленной продукции возрос на 9,4 %, в том числе в легкой промышленности — на 10 %, в тяжелой — на 8,9 %. С июля принимались меры для форсирования развития легкой и текстильной промышленности при одновременном замедлении темпов роста тяжелой промышленности. За 10 месяцев 1979 г. удалось добиться роста промышленного производства на 7,4 %, что все же было ниже планового задания. В китайской печати отмечалось, что на 9,6—22 % возрос выпуск хлопчатобумажной пряжи и тканей, синтетических моющих средств, химических удобрений, тракторов, велосипедов, швейных машин, наручных часов, радиоприемников, бумаги, картона. 24 ноября 1979 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила, что в осуществлении курса на «урегулирование» сдвиги невелики». Не выполняется установка на сокращение фронта капитального строительства. Многие хозяйственные руководители отказываются сокращать его объемы, ссылаясь на то, что их участки являются «узким местом», лимитирующим развитие всего народного хозяйства. Наблюдается тенденция к расширению объема капитального строительства.

В китайской прессе во втором полугодии неоднократно говорилось о необходимости перераспределения капиталовложений в пользу сельского хозяйства, легкой и текстильной промышленности. Видимо, изменения в данной области происходят слишком медленно. Медленно перестраивается и структура экономики, где продолжает абсолютно преобладать тяжелая промышленность.

Во втором полугодии отнюдь не уменьшилась напряженность в обеспечении экономики топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами. По словам заместителя премьера Госсовета КНР Кан Шиэня, вопрос экономики особенно остро встал перед промышленными и транспортными организациями страны. Он также заявил, что в последующие три года производство угля, нефти и электроэнергии «с трудом покроет нужды развития производства».

Не оправдались надежды на улучшение продовольственного положения. По официальным данным, в 1979 г. сбор составил 300 кг на душу населения, что «с учетом государственных потребностей недостаточно», и «нет причин для оптимизма в этом вопросе»⁹. С 1 ноября 1979 г. в Китае повышены розничные цены на мясо, рыбу, яйца и другие продукты питания. Например, цены на мясо, рыбу и морские продукты в среднем повышены на 33 %. Таким образом, государство не полностью взяло на себя расходы, связанные с повышением закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Одновременно была повышена примерно на 40 % зарплата рабочих и служащих с целью компенсации роста розничных цен.

⁸ См. «Жэньминь жибао», 13.IX.1979.

⁹ См. там же, 26.XI.1979.

Тем не менее повышение цен отрицательно сказывается на жизни народа, неизбежно ведет к сокращению потребления продукции животноводства. Повышение зарплаты не компенсирует роста цен.

С большими трудностями связано обеспечение доходных статей госбюджета. Экономическая эффективность промышленности, транспорта, сельского хозяйства по-прежнему низкая. Остаются нерешенными такие важные вопросы, как создание действенной системы планирования и руководства экономикой. Судя по решениям финансово-экономического комитета при Госсовете КНР об организации в масштабах страны «обследования и изучения экономических вопросов» и Госсовета КНР «об усилении статистической работы и пополнении организаций, занимающихся статистикой», пекинское руководство не имеет полной информации о действительном положении в народном хозяйстве страны, о его проблемах и противоречиях.

Вследствие повышения зарплаты части рабочих и служащих увеличился разрыв между покупательной способностью населения и возможностями обеспечения рынка товарами. Высказывается мнение, что этот разрыв будет увеличиваться в последующие два года, а это неизбежно поведет к усилению инфляционных тенденций.

Одна из новых черт экономического положения в 1979 г. — поощрение частнопредпринимательской деятельности. Восстанавливается и стимулируется развитие частного сектора, представленного кустарями-единоличниками, мелкими торговцами, владельцами небольших предприятий в сфере обслуживания. В середине сентября 1979 г. в центральной газете «Жэньминь жибао» появилась информация о том, что дается «зеленый свет» деятельности кустарей-единоличников и мелких предпринимателей в торговле и сфере обслуживания. Газета обрушивалась на тех, кто считает деятельность кустарей-единоличников «капиталистическим уклоном», и объясняла, что кустарь-единоличник не нанимает рабочую силу, не является эксплуататором, «соблюдает» существующие законы. К августу 1979 г., например, в провинции Ляонин было выдано 3,3 тыс. лицензий на открытие мелких частных промышленных и торговых предприятий. В октябре 1979 г. сообщалось, что местные власти Гуанчжоу выдали разрешение на деятельность 15 тыс. частных предприятий, в Пекине 300 гражданам было разрешено открыть частные предприятия питания.

В экономической жизни активизировалась деятельность «бывших» китайских капиталистов, которым возвратили в начале 1979 г. конфискованные в период «культурной революции» банковские вклады, личные жилые владения, другие материальные средства. Представители национальной буржуазии привлекают к руководству промышленными и другими предприятиями, используют в качестве квалифицированного инженерно-технического и административного персонала, им дают высокие оклады и другие блага. В январе 1979 г. на «собеседовании по вопросам политики КПК в отношении буржуазии», проведенном отделом Единого фронта ЦК КПК, было официально заявлено: «Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы использовать национальный капитал в целях стимулирования развития национальной экономики»¹⁰. Появились частные акционерные компании. В конце сентября сообщалось об учреждении «Патриотической строительной компании», созданной на паях бывшими шанхайскими промышленниками и торговцами. Ее непосредственная цель — получить иностранную валюту путем строительства и продажи высотных зданий богатым зарубежным китайцам и их родственникам. Акционеры будут получать за свой капитал фиксированный банковский процент.

Пекинские руководители широко распахивают двери страны для иностранного капитала. На 2-й сессии ВСНП (18 июня—2 июля 1979 г.) го-

¹⁰ См. «Жэньминь жибао», 26.I.1979.

ворилось о необходимости «более активного использования зарубежных капиталов». С 8 июля 1979 г. вступил в силу принятый 2-й сессией ВСНП «Закон Китайской Народной Республики о совместных предприятиях на основе китайских и иностранных капиталовложений». Этим законом иностранным компаниям, предприятиям, отдельным лицам разрешается создавать на территории КНР совместные предприятия с китайскими компаниями, предприятиями или другими экономическими организациями. Доля иностранного капитала, как правило, не должна быть менее 25 %. Иностранцам предоставляется право перевода за границу своей части чистой прибыли, а также всех других своих средств. Предоставляются и другие льготы. В связи с принятием упомянутого закона создан специальный Комитет по делам иностранных капиталовложений КНР. Применяются различные формы привлечения иностранного капитала — компенсационные сделки, контракты на переработку сырья, получение деталей для сборки готовой продукции, техническое сотрудничество.

Приведем несколько примеров. Созданная в Шанхае Китайская компания по делам иностранных кредитов и инвестиций, возглавляемая одним из крупнейших китайских капиталистов Жун Ижэнем, подписала в начале октября соглашение с американской компанией «Итон — Шэнь пасифик корпорейшн». Соглашение рассчитано на три года и предусматривает вложение 150 млн. долл. в создание смешанных предприятий и в компенсационную торговлю¹¹. Пекинская генеральная компания экономического строительства к середине сентября подписала несколько десятков соглашений и контрактов на компенсационные сделки, переработку сырья, сборку машин и пр.¹²

Иностранцев привлекают в Китай дешевизна рабочей силы и большие льготы, предоставляемые пекинским руководством.

Состояние экономики в 1979 году

Промышленность. Как отмечалось выше, развитие экономики в 1979 г. протекало в сложных и во многом неблагоприятных условиях. В итоге темпы роста промышленного производства снизились по сравнению с 1978 г., существенного повышения экономической эффективности производства не произошло, хотя был достигнут в той или иной степени прирост выпуска многих видов продукции, в отдельных отраслях несколько улучшились технико-экономические показатели, повысилось качество части продукции.

В табл. 1 приводятся данные о плане производства ряда видов про-

Таблица 1

Вид продукции	1978 г.	1979 г. (план)
Прирост валовой продукции (%)	13,5	8
Уголь (млн. т)	618,0	620,0
Нефть (млн. т)	104,05	106,0
Электроэнергия (млрд. кВт·ч)	256,55	275,0
Сталь (млн. т)	31,78	32,0
Минеральные удобрения (млн. т)	8,69	9,57
Тракторы (тыс. шт.)	113,5	95,0

Источники: «Жэньминь жибао», 28 и 29.VI.1979.

¹¹ Ип: «Financial Times», 5.X.1979.

¹² См. «Бэйцзин жибао», 16.IX.1979.

мышленной продукции на 1979 г. в сравнении с соответствующими официальными данными за 1978 г.

Есть основания полагать, что данные по производству топлива и электроэнергии в 1978 г. завышены. Кроме того, в объем производства вышеуказанных видов продукции включена низкокачественная продукция, произведенная на плохо технически оснащенных мелких и средних предприятиях.

В 1979 г. выявились значительные трудности в развитии промышленности. Самая крупная проблема — это слабая топливно-энергетическая база, хотя по абсолютным размерам производства топлива Китай занимает третье место в мире. Обострение топливно-энергетической проблемы — одна из главных причин срыва программы «четырёх модернизаций». Дефицит топлива и энергии в значительной мере усиливается вследствие их крайне расточительного использования. Так, коэффициент использования теплотворной способности топлива в Китае составляет лишь 28 %, что почти вдвое ниже, чем в развитых странах. Наблюдается значительный перерасход топлива и электроэнергии по сравнению с действующими нормативами. В течение года перерасход угля составляет 40—50 млн. т, нефти — 3—4 млн. т, электроэнергии — 20—30 млрд. кВт·ч. Вследствие нехватки электроэнергии в стране не используется до 30 % производственных мощностей (в ряде провинций — до 50 %). На 1980 г. установлено задание по экономии 10 % жидкого топлива, 5 % угля и 3 % электроэнергии. Несмотря на принимаемые меры, топливно-энергетическая проблема не сможет быть заметно смягчена в ближайшей перспективе, что не может не тормозить развитие промышленности и всей экономики.

Все большие трудности испытывает китайская промышленность из-за нехватки квалифицированных инженерно-технических, рабочих и руководящих кадров. В результате обследования 32 предприятий легкой промышленности г. Кайфына (провинция Хэнань) выяснилось, что только 7 директоров предприятий отвечают необходимым требованиям¹³. О низкой квалификации и невысоком общеобразовательном уровне рабочих столичной промышленности (свыше 80 % их имеют образование в объеме неполной средней школы и ниже) сообщает газета «Бэйцзин жибао»¹⁴. Производительность труда на крупных предприятиях в Китае в пять раз ниже, чем в развитых странах. В ряде провинций среди руководителей промышленности, транспорта и финансов только 20 % знают свое дело¹⁵.

В 1979 г. принимались меры с целью повышения профессионального уровня работников, занятых в промышленности, прежде всего руководящего персонала и инженерно-технических работников. В частности, их посылают в командировки для стажировки и обучения в капиталистические страны. Расширяется сеть высших и средних специальных учебных заведений, готовящих специалистов для промышленности. В середине марта 1979 г. сообщалось, что в 1979 г. рабочие и служащие будут подвергнуты профессионально-техническим экзаменам¹⁶. Практикуется перемещение кадров, выдвижение более подготовленных работников на руководящие посты.

В 1979 г. китайская пресса необычно много писала о проблеме качества выпускаемой продукции. Стремясь добиться повышения качества продукции, Китай заимствует зарубежный опыт. Кроме того, внедряются в опытном порядке (в машиностроении, например) системы управления качеством продукции, проводятся «месячники качества», осуществляется материальное и моральное поощрение (награждение дипломами, медалями, премирование и пр.). Применяется и такой метод, как «реоргани-

¹³ См. «Гунжэнь жибао», 26.V.1979.

¹⁴ См. «Бэйцзин жибао», 13.V.1979.

¹⁵ См. «Гунжэнь жибао», 26.X.1979.

¹⁶ См. там же, 14.III.1979.

зация» вплоть до закрытия предприятий, выпускающих низкокачественную продукцию. Например, в I квартале 1979 г. Пекинское управление электронного приборостроения «реорганизовало» 20 заводов, часть их рабочей силы и сырья была передана предприятиям, выпускающим продукцию требуемого качества. В Шанхае были «реорганизованы» 42 текстильные фабрики (слиты в 24 предприятия).

В 1979 г. были приняты меры к развитию кооперативного (коллективного) сектора в промышленности. Это обосновывается тем, что создание новых рабочих мест на кооперативных предприятиях требует значительно меньше средств, чем на крупных и средних предприятиях, а также стремлением улучшить бытовое обслуживание населения. В Пекине, например, в 1979 г. было создано несколько сотен кооперативных швейных и столярных мастерских и других предприятий. Там получает работу часть безработной молодежи. На кооперативный сектор приходится $\frac{1}{3}$ валовой продукции китайской промышленности¹⁷.

Рассмотрим положение в основных отраслях промышленности.

В угольной промышленности в 1979 г. запланировано, по существу, ограничение добычи угля, что никак не согласуется с намерением, как это официально заявлено, «усилить производство и строительство» в угольной промышленности¹⁸, чтобы ликвидировать острый дефицит топлива в стране. Это, видимо, объясняется тем, что в 1977—1978 гг. была резко форсирована добыча угля на мелких шахтах, многие из которых дают топливо с большим содержанием породы, а рост добычи угля на крупных и средних шахтах значительно опередил рост мощностей по обогащению топлива. В итоге произошло ощутимое ухудшение качества добываемого угля. Кроме того, сказываются явно недостаточные объемы горнопроходческих и подготовительных работ и нехватка транспорта. Мы также по-прежнему считаем¹⁹, что объявленные в Китае цифры добычи угля за 1978 г. (и 1977 г.) завышены.

В 1979 г. в угольной промышленности главное внимание обращалось на более полное использование потенциальных возможностей действующих предприятий, техническую реконструкцию старых шахт. В китайской печати в мае 1979 г. отмечалось, что многие угледобывающие предприятия еще не достигли наивысшего в прошлом уровня производительности труда, хотя за прошедший период обновилось производственное оборудование, а уровень механизации угледобычи на основных шахтах возрос против 1966 г. более чем на 20%²⁰. Одной из «серьезных преград» в развитии угольной промышленности стало большое число несчастных случаев на шахтах. По сообщению агентства Синьхуа, только за первые 8 месяцев 1979 г. потери рабочего времени, вызванные несчастными случаями, составили 25 тыс. человеко-дней. Из-за этого страна недополучила 6,1 млн. т угля.

В истекшем году основное капитальное строительство в угольной промышленности было сосредоточено в 8 угольных бассейнах годовой мощностью более 10 млн. т угля каждый. Годовой прирост новых мощностей по добыче угля был определен в размере 13,6 млн. т. Обращалось внимание на увеличение масштабов и ускорение темпов горнопроходческих работ на действующих шахтах.

В нефтяной промышленности установленный государственным планом на 1979 г. мизерный прирост нефтедобычи, как было официально объявлено, объясняется необходимостью «урегулирования внутренних соотношений на нефтяных промыслах» и «отставанием разведки нефтя-

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 30.VII.1979.

¹⁸ См. там же, 29.VI.1979. — Объем добычи угля, подлежащего в 1979 г. централизованному распределению, запланирован в размере 354—366 млн. т.

¹⁹ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 1, с. 66—67.

²⁰ См. «Жэньминь жибао», 24.V.1979.

ных промыслов»²¹. В целом в 1979 г., как и в предшествующие годы, продолжала ощутимо проявляться тенденция к неуклонному снижению темпов роста добычи жидкого топлива.

В нефтяной промышленности поставлена цель улучшения геологоразведочных работ с целью выявления новых ресурсов жидкого топлива. В истекшем году более быстрыми темпами, чем добыча нефти, росла добыча природного газа и увеличивалась нефтепереработка. Так, сообщалось, что в первом полугодии 1979 г. в сравнении с первым полугодием 1978 г. добыча нефти возросла на 3,6 %, а добыча природного газа — на 7,4 %, переработка нефти — на 6,3 %, производство главных нефтепродуктов — на 10,2 %. За этот период объем капитального строительства возрос на 17 %.

С целью активизации производственной деятельности нефтяников и пресечения некоторых нежелательных явлений на производстве в марте 1979 г. было проведено совещание работников нефтяной промышленности, на котором обсуждались вопросы усиления идеологической работы среди трудящихся отрасли. Необходимость проведения этого совещания мотивировалась, в частности, тем, что «среди рабочих в последнее время отмечались явления игнорирования государственных и коллективных интересов, развития производства... факты нарушения общественного и производственного порядка»²².

Планировалось в истекшем году увеличить мощности по добыче нефти на 8 млн. т. Сообщалось о вводе в эксплуатацию после годового опытного опробования новых Наньянских нефтепромыслов в юго-западной части провинции Хэнань (геологоразведочные работы здесь начались в 1970 г., а строительство нефтепромыслов — в 1977 г.). Пробурены сотни эксплуатационных и инъекционных скважин, проложен 850-километровый нефтепровод, сооружены трансформаторная подстанция и другие объекты. В середине года завершилось строительство первой очереди нового нефтедобывающего района на Карамайских нефтепромыслах в Синьцзяне и введено в эксплуатацию 30 новых скважин. Агентство Синьхуа сообщило, что 13 августа зафонтанировала высокодебитная скважина в Южно-Китайском море на континентальном шельфе около устья реки Чжуцзян. Глубина скважины превышает 3 км, она дает легкую нефть с низким содержанием серы.

Электроэнергетическая промышленность. Несмотря на засуху, неблагоприятно сказавшуюся на работе ряда гидроэлектростанций, общая выработка электроэнергии в первой половине года по сравнению с первым полугодием 1978 г. возросла на 11,4 %. 8 из 12 крупнейших энергосистем страны увеличили производство электроэнергии на 10—30 %.

Большое внимание уделялось улучшению технического состояния оборудования и повышению эффективности работы. В 1979 г. планировалось снизить удельный расход угля на выработку каждого киловатт-часа электроэнергии на 6—7 г (в 1978 г. расход угля в среднем составил 434 г/кВт·ч). В 1979—1981 гг. предполагается уменьшить потери электроэнергии в сетях и на собственные нужды с 16—17 % от общей выработки электроэнергии до менее чем 15 %. Было заявлено о необходимости постепенного перевода тепловых электростанций с нефти вновь на уголь, чтобы уменьшить расход жидкого топлива.

Сообщалось о намерении ввести единую систему распределения электроэнергии государством²³. Все энергосистемы, как межпровинциальные, так и провинциальные, должны подчиняться единому руководству со стороны министерства электроэнергетики. Все без исключения ведомства и районы обязаны строго ограничивать производство и капи-

²¹ «Жэньминь жибао», 29.VI.1979.

²² «Жэньминь жибао», «Гунжэнь жибао», 1.IV.1979.

²³ См. «Жэньминь жибао», 29.VI.1979.

тальное строительство установленными нормами расхода электроэнергии.

По данным, опубликованным в начале сентября 1979 г., суммарная мощность электростанций страны превысила 50 млн. кВт. Несколько десятков тепловых и гидравлических электростанций имеют мощность 100 тыс. кВт и более (мощность самой крупной китайской электростанции — ГЭС Люцзяся — составляет 1,2 млн. кВт). В 1979 г. в стране имелось свыше 88 тыс. мелких ГЭС общей мощностью более 5,3 млн. кВт. Сообщалось, что из 2100 уездов Китая каждый четвертый удовлетворяет потребности в электроэнергии главным образом за счет собственных малых ГЭС; в каждом из 113 уездов мощность ГЭС превышает 10 тыс. кВт.

Велось сооружение 40 крупных и средних тепловых и гидравлических электростанций. Мощность каждой из них свыше 1 млн. кВт. Строились и мелкие ГЭС. В течение года планировалось увеличить мощность оборудования по выработке электроэнергии на 4,7 млн. кВт.

Черная металлургия. В 1979 г. выплавка стали запланирована практически на уровне предшествующего года. Это объясняется нехваткой топливно-энергетических ресурсов и необходимостью сделать упор «на повышение качества продукции и увеличение производства дефицитных видов продукции».

За первое полугодие 1979 г. выплавлено 17 млн. т стали и произведено 12,2 млн. т проката, что соответственно на 7,9 и 15,4 % больше, чем за первое полугодие 1978 г. Сообщалось, что к 14 декабря 1979 г. был выполнен годовой план. Выпуск стали составил 32,9 млн. т, проката — 23,8 млн. т, чугуна — 35 млн. т.

Металлургические предприятия пытались повысить качество продукции и уменьшить расход топлива и сырья. Как большое достижение отмечалось, что на Аньшаньском комбинате качество 109 из 123 видов стали и проката превышало в середине 1979 г. наилучшие в истории комбината показатели. За первую половину года здесь сэкономлено 360 тыс. т кокса, 150 тыс. т мазута, 240 тыс. т чугуна и стального лома. На металлургическом комбинате «Шоуду» средний коэффициент использования полезного объема доменных печей достиг 2,086 (менее 0,5 по методологии, принятой в СССР), расход кокса на 1 т выплавляемого чугуна снизился с 455 кг в 1978 г. до 428 кг в середине 1979 г. Эти показатели считаются передовыми в Китае.

По данным китайской печати, в стране имелось свыше 40 крупных и средних металлургических предприятий годовой мощностью более 100 тыс. т каждое, из них более 10 крупных. Имелось свыше 10 металлургических предприятий специального профиля. Кроме того, действовало много мелких предприятий, плохо технически оснащенных и, как правило, с низкими технико-экономическими показателями (например, расход электроэнергии на выплавку 1 т стали на средних и мелких металлургических предприятиях в 3—4 раза превышает показатели мировой черной металлургии и в 2—3 раза показатели ведущих предприятий КНР).

Китай продолжает импортировать в больших количествах прокат. Только в Японии было закуплено в первом полугодии 1979 г. 2,5 млн. т проката и во второй половине года намечалось закупить еще около 2 млн. т.

Машиностроение. В докладе о просвете народнохозяйственного плана на 1979 г. из всей продукции машиностроения приведены лишь цифры выпуска тракторов в 1979 г. — 95 тыс. шт., что меньше, чем в 1978 г. (113,5 тыс.), а также темп прироста некоторых изделий широкого потребления. В частности, запланирован следующий прирост производства в 1979 г. по сравнению с 1978 г.: велосипедов — на 10,8 %, швейных машин — на 8,6 %, наручных часов — на 12,7 %, фотоаппаратов —

на 23 %, телевизоров — более чем вдвое. Сельскохозяйственному машиностроению поставлена задача сделать упор на повышение качества продукции, на производство комплекса сельскохозяйственных орудий, на производство и поставку запасных частей. В целом в 1979 г. различные отрасли и производства в машиностроении развивались очень неравномерно: выпуск одних видов продукции был ускорен, других — замедлен или сокращен. Так, в первом полугодии 1979 г. валовая продукция машиностроения увеличилась против первого полугодия 1978 г. на 9 %, но при этом снизилось производство станков (этот процесс начался в 1978 г.), в то же время более чем на 20 % вырос выпуск автомобилей, трансформаторов, подъемного и холодильного оборудования. Почти вдвое увеличился выпуск электроэнергетического оборудования (в абсолютных цифрах — 3,33 млн. кВт). При общем снижении производства обычных станков возрос выпуск крайне дефицитных в стране крупных и прецизионных станков (на 16 и 8 % соответственно). За первую половину 1979 г. изготовлено 501 тыс. телевизоров (за весь 1978 г. — 490 тыс.).

В машиностроении продолжался начавшийся во второй половине 1978 г. чрезвычайно сложный и мучительный процесс реорганизации, направленной на повышение технического уровня производства, широкое внедрение производственной специализации и кооперирования, обновление ассортимента продукции и улучшение ее качества, переоснащение предприятий.

Как сообщало агентство Синьхуа, в Пекине с 25 октября по 12 ноября 1979 г. проходило всекитайское совещание работников сельскохозяйственного машиностроения. На нем принято решение увеличить число заводов по выпуску машин и механизмов для животноводства с 12 до 27, а заводов уборочных машин — с 15 до 17; уменьшить число предприятий, выпускающих однородную продукцию, например сократить число тракторных заводов с 65 до 35 за счет заводов, производящих продукцию низкого качества.

Химическая промышленность. По плану на 1979 г. было намечено произвести 9,5 млн. т минеральных удобрений в пересчете на действующее вещество, то есть на 0,88 млн. т больше, чем в 1978 г. Выпуск химического волокна планировалось увеличить на 5,3 %, синтетических моющих средств — на 8 %. К 9 декабря 1979 г. произведено 6,6 млн. т минеральных удобрений (рост против соответствующего периода 1978 г. на 21,4 %). Производство синтетических и вискозных волокон составило 300 тыс. т.

Одна из коренных проблем химической промышленности — снижение удельного расхода топлива и энергии на мелких предприятиях, строительство которых началось с периода «культурной революции». В первом квартале 1979 г. на 41 небольшом предприятии азотных удобрений в провинции Чжэцзян удалось сократить расход угля на 1 т синтетического аммиака до 1924 кг, а электроэнергии — до 1296 кВт·ч. Эти показатели считаются хорошими, поскольку в Китае немало аналогичных мелких заводов, затрачивающих на выпуск 1 т синтетического аммиака более 4 т угля и 2000 кВт·ч электроэнергии²⁴.

В числе новостроек химической промышленности — Тяньцзиньский завод нефтехимического волокна, фабрики по производству ваннолона в Сычуани, Ганьсу, Гуанси, Юньнани. Введен в эксплуатацию ряд крупных предприятий: Аньцинский нефтехимический комбинат в провинции Аньхой (годовая мощность по переработке нефти — 2,5 млн. т, по производству удобрений — 1,14 млн. т), Чишуйский завод природного газа и химических удобрений в провинции Гуйчжоу (1 млн. т удобрений в год), Дунтинский завод азотных удобрений в провинции Ху-

²⁴ См. «Жэньминь жибао», 29.VI.1979.

нань (240 тыс. т синтетического аммиака и 384 тыс. т мочевины), Хубэйский завод азотных удобрений (240 тыс. т синтетического аммиака и 380 тыс. т мочевины), фабрика терилового волокна в провинции Хэйлунцзян (16 тыс. т).

Легкая и текстильная промышленность по своей важности в народнохозяйственном плане на 1979 г. поставлена на второе место после сельского хозяйства. В плане приведены цифры прироста выпуска лишь отдельных видов продукции, относящихся к номенклатуре химической и машиностроительной промышленности.

В плане на 1979 г. подчеркивается необходимость в первую очередь обеспечить легкую и текстильную промышленность топливом, энергией, сырьем и материалами.

Намечено увеличить импорт сырья и материалов, необходимых для легкой и текстильной промышленности, на 17 % по сравнению с 1978 г. Перед министерством легкой промышленности поставлена задача добиться улучшения качества 83 видов продукции. Отраслям легкой и текстильной промышленности разрешено самим организовывать продажу продукции, которая не закупается организациями внутренней и внешней торговли. К производству продукции широкого потребления привлекаются также предприятия тяжелой промышленности. В печати поднимался вопрос о необходимости организации производства товаров народного потребления на предприятиях военной промышленности²⁵. Сообщалось, что в сентябре 1979 г. производство продукции легкой промышленности возросло на 14,2 % против сентября 1978 г., однако этот рост далеко не удовлетворял запросы населения²⁶. Китайская печать отмечала, что, несмотря на увеличение выпуска хлопчатобумажных тканей, уровень их потребления возрос незначительно (почти 10 лет годовая норма выдачи на душу населения остается неизменной). Остается невысоким уровень производства на душу населения многих видов пищевой продукции, например растительных масел производится лишь около 2 кг на душу населения, в то время как во многих других странах от 15 до 25 кг²⁷.

В легкой промышленности КНР, по данным за май 1979 г., имелось 70 тыс. предприятий, а численность работающих составила примерно 10 млн. человек (возможно, только рабочих). На долю легкой промышленности приходилось около 20 % общего объема валового промышленного производства. В 1979 г. велось сооружение новых предприятий легкой промышленности.

Сельское хозяйство

В соответствии с решениями III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) и 2-й сессии ВСНП пятого созыва (июнь 1979 г.) в КНР было уделено больше внимания вопросам развития сельского хозяйства. Важное место в аграрной политике нынешнего китайского руководства должен занять рассмотренный на пленуме «Проект решения ЦК КПК о некоторых вопросах ускоренного развития сельского хозяйства». В проекте подведены итоги развития сельского хозяйства за последние 29 лет и намечены конкретные пути более быстрого развития сельскохозяйственного производства.

III пленум ЦК КПК и 2-я сессия ВСНП вынуждены были констатировать, что за последние 20 лет сельское хозяйство развивалось крайне медленными темпами, которые не успевали за ростом населения, что эти темпы не отвечают потребностям страны, а проблема производства зер-

²⁵ См. «Жэньминь жибао», 31.VIII.1979.

²⁶ См. там же, 23.X.1979.

²⁷ См. там же, 27.VIII.1979.

на все еще не решена. В результате производство сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения не только не увеличилось, а даже сократилось. Отмечалось, например, что «в 1977 г. в целом по стране на одного человека приходилось зерна чуть меньше, чем в 1957 г., в деревне еще насчитывается 100 с лишним миллионов человек, которым не хватает продовольственного пайка». За истекшее после 1957 г. время пахотная площадь под сельскохозяйственными культурами не увеличилась, а сократилась более чем на 6,7 млн. га. Из-за низкого уровня развития сельского хозяйства крестьянство продолжает находиться в тяжелом материальном положении. Так, доходы на одного сельского жителя в 1977 г. составили в среднем в год всего лишь немногим более 60 юаней, а примерно у одной четвертой части членов производственных бригад этот доход составляет менее 40 юаней, «в некоторых местах даже простое воспроизводство могут поддерживать с трудом».

В числе основных конкретных мер по развитию производительных сил в сельском хозяйстве намечалось увеличить капитальные вложения государства в развитие сельскохозяйственного производства, довести их долю до 18 %, повысить другие виды финансовой помощи государства производственным бригадам, а местные финансовые поступления в основном использовать в сельском хозяйстве и в отраслях промышленности, которые обслуживают сельское хозяйство.

Пытаясь повысить заинтересованность коллективных хозяйств в развитии сельскохозяйственного производства, Госсовет КНР в 1979 г. после сбора летнего урожая зерновых значительно повысил государственные закупочные цены на зерно и другую продукцию земледелия и животноводства. В 1979 г. не должны были увеличиваться закупки зерновых, а в дальнейшем они должны будут сокращаться на 2,5 млн. т. Запрещались непосильные для крестьян закупки зерна.

В плане модернизации сельского хозяйства намечалось постепенно изменить сложившуюся структуру сельскохозяйственного производства, когда основное внимание уделялось увеличению производства зерна и игнорировалось развитие производства технических культур, животноводства, лесного хозяйства и т. д. Сейчас в сельском хозяйстве сложилось нерациональное соотношение между его главными отраслями — земледелием и животноводством. В валовой сельскохозяйственной продукции животноводство занимает лишь около 20 %.

Планировалось увеличить поставки деревне сельскохозяйственной техники и химических удобрений, промышленных товаров широкого потребления, расширить рыночную торговлю, подсобное хозяйство.

В соответствии с планом развития народного хозяйства Госсовет КНР увеличил долю капитальных вложений в сельское хозяйство с 10,7 % в 1978 г. до 14 % в 1979 г. Общая сумма ассигнований на нужды сельского хозяйства, включая кредит и другие источники, должна составить за год 17,4 млрд. юаней, что намного больше, чем в предыдущем году.

Вместе с тем китайское правительство заявило, что на нужды развития сельского хозяйства в ближайшей перспективе не будет выделяться больших средств. Было сообщено, например, что в «трехлетний период «урегулирования» народного хозяйства средства, которые выделяются государством сельскому хозяйству, будут ограничены»²⁸.

По-иному ставится теперь вопрос о механизации сельскохозяйственного производства в ближайшей перспективе. Напомним, что в соответствии с 10-летним планом развития народного хозяйства (1975—1985) намечалось к 1985 г. механизировать основные сельскохозяйственные работы на 85 %. В 1979 г. такой задачи не ставилось, о ней китайская печать хранила молчание.

²⁸ См. «Жэньминь жибао», 29.VII.1979.

В настоящее время задачей является постепенное увеличение производства сельскохозяйственной техники, сосредоточение ее главным образом в районах товарного земледелия, а также выработка в течение 1979—1980 гг. всесторонних долговременных планов механизации, электрификации, ирригации и химизации сельского хозяйства. Производимого количества тракторов явно недостаточно для выполнения задачи механизации сельского хозяйства. В 1979 г. продолжала ощущаться острая нехватка запасных частей к сельскохозяйственным машинам и ирригационному оборудованию, топлива, кадров. На низком уровне находилась ремонтная база. В настоящее время в стране машинами обрабатывается менее 25 % пахотной земли. Не менее трудное положение складывается в области химизации сельскохозяйственного производства. За первые семь месяцев истекшего года в стране было произведено только 6,9 млн. т химических удобрений (в исчислении по действующему веществу), или на 17,3 % больше, чем за тот же период предыдущего года.

Госсовет КНР в 1979 г. повысил государственные закупочные цены на зерно на 20 %. Цены за сверхплановую продажу зерна повышены еще на 50 %. Увеличены закупочные цены на хлопок, масличные культуры, свинину и некоторые другие виды продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов. Повышение закупочных цен на указанные товары составит в среднем 24,8 %²⁹. В результате увеличения закупочных цен и освобождения части производственных бригад с низкими доходами от сельскохозяйственного налога доходы деревни должны увеличиться на 7 млрд. юаней³⁰.

В 1979 г., несмотря на решение о всестороннем развитии сельского хозяйства, основное внимание по-прежнему уделялось выращиванию зерновых культур. Под эти культуры в Китае отводятся примерно 80 % пахотного фонда³¹, или около 80 млн. га. Уже многие годы для зернового производства характерно «нестабильное, замедленное развитие».

В первой половине года предпринимались попытки добиться хорошего урожая летних зерновых культур, который дает около половины сбора в стране таких зерновых, как пшеница и рис, и занимает 35—40 % в валовом производстве зерна. Кроме того, сбор летнего урожая должен был показать действенность принятых китайским руководством мер по ускорению темпов развития всего сельского хозяйства. С этой целью в ряде районов в зерновое хозяйство была переведена часть работников, не занятых производительным трудом; в некоторых районах за счет сокращения рисовых полей были расширены площади под другими зерновыми культурами.

Погодные условия в первой половине года были неблагоприятными для выращивания сельскохозяйственных культур.

Отрицательное влияние на урожай оказали также «упущения в хозяйственной работе», «низкий уровень управления», «неправильная реакция в ряде мест и районов» на решения III пленума ЦК КПК и 2-й сессии ВСНП пятого созыва.

В 1979 г. урожай раннего риса, а также озимой пшеницы (в 8 из 15 основных районов) был несколько выше прошлогоднего. По оценкам зарубежных специалистов, валовой сбор раннего риса в 1979 г. был ниже уровня прошлого года³².

Подводя итоги летнего сбора зерновых культур, китайская печать отмечала, что урожай составил 64,9 млн. т, или на 5,5 млн. т больше, чем в 1978 г.³³. Однако указанные цифры не дают полного представле-

²⁹ См. «Жэньминь жибао», 22.VI.1979.

³⁰ In: «Beijing Review», 1979, № 26, p. 11.

³¹ См. «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 1, с. 38.

³² In: «Japan Times», 8.VIII.1979.

³³ См. «Жэньминь жибао», 2.IX.1979.

ния об общем сборе зерновых летнего урожая, так как, видимо, не включают сбор раннего риса. В прошлые годы урожай раннего риса составил 30—35 млн. т. В истекшем году он, вероятно, оказался ниже запланированного уровня (более 40 млн. т). В целом летний урожай зерновых (пшеница, ранний рис, прочие зерновые, батат и картофель в пересчете на зерно), по оценке, не достиг планового показателя и составил 90—95 млн. т.

Сравнительно низкие темпы роста производства зерна в летний период создали большие трудности с выполнением плана валового сбора зерновых в 1979 г. В соответствии с официальными данными за последние восемь лет (1971—1978) среднегодовые темпы прироста производства зерновых летнего урожая составляли 7,3 %, а осеннего — 1,4 %³⁴. В печати были призывы наверстать упущенное, добиться выполнения плановых показателей сбора зерна в 1979 г. за счет осеннего урожая. Принимались меры для расширения посевных площадей под среднеспелым, поздним рисом и другими культурами. Так, под среднеспелым рисом посевные площади возросли на 267 тыс. га³⁵. На осенний урожай возлагались большие надежды. Ставилась задача перевыполнить план сбора зерна в 1979 г., доведя его до 325 млн. т³⁶, что на 6,5 % больше официально объявленного урожая зерна в 1978 г. (305 млн. т). Однако как сообщила китайская печать, эта задача не была выполнена, в стране было собрано только 315 млн. т зерна. По нашей предварительной оценке, урожай зерновых составил 275 млн. т³⁷.

Опубликованная ГСУ КНР цифра валового сбора урожая зерновых в 1978 г. — 304,8 млн. т, включая батат, картофель и соевые бобы, — видимо, завышена. Особенно напряженное положение складывается с производством товарного зерна. В связи с этим Госсовет КНР в ноябре 1979 г. провел совещание по вопросам заготовки зерна, на котором отмечалось, что, несмотря на увеличение урожая зерна, потребности в нем еще отнюдь не удовлетворяются. На совещании принято решение расширить закупки зерновых сверх установленного плана, особенно в тех хозяйствах, которые собрали хороший урожай.

Важной технической культурой в Китае является хлопок. Производство этой культуры в последние 10 лет растет крайне медленными темпами. Урожайность по-прежнему невысокая, а в некоторых районах она даже сокращается. Например, в северной части страны урожайность хлопка-волокна в 1978 г. составила 2,3 ц с га вместо 4 ц в 1973 г.³⁸ В одних районах был сорван план сева хлопчатника, в других его посевы пострадали от весенних холодов. В 1979 г. урожай хлопка-волокна был на уровне предыдущего года — 2,2 млн. т. В печати сообщалось о сравнительно хорошем урожае чая, шелковичных коконов и фруктов. Производство сахарной свеклы, сахарного тростника, льна и других луговых культур, а также табака оценивается ниже, чем в 1978 г.

В 1978 г., как отмечала китайская печать, собран хороший урожай рапса — одной из основных масличных культур в Китае, из которой производится около трети всех пищевых растительных масел. К 20 августа 1979 г. на заготовительные пункты поступило более 990 тыс. т этой культуры, или на 300 тыс. т больше, чем в предыдущем году. Хорошие виды были на урожай арахиса. В основных провинциях, где выращивается эта культура (Ляонин, Хэбэй, Хэнань и Шаньдун), в истекшем году площади под арахисом увеличились на 227 тыс. га³⁹.

³⁴ См. там же, 1.VIII.1979.

³⁵ См. там же, 19.IX.1979.

³⁶ См. там же, 15.VIII.1979.

³⁷ Включая батат и картофель (в пересчете на зерно по коэффициенту 4:1) и соевые бобы.

³⁸ См. «Жэньминь жибао», 5.VI.1979.

³⁹ См. «Жэньминь жибао», 19.IX.1979.

По-прежнему остается отсталой отраслью животноводство. Распашка под зерновые культуры пастбищ и лугов в ряде животноводческих районов в последние годы сузила кормовую базу животноводства. Производимое на новых площадях зерно практически не выделяется на фураж. поголовье скота растет медленными темпами.

После «культурной революции» китайское руководство проводит политику поощрения выращивания свиней (свиноводство является основным поставщиком мяса) в личных хозяйствах крестьян (около 80 % всего поголовья в стране). Эта политика даст определенные результаты — поголовье свиней в стране стало расти быстрее и составило в 1979 г., по оценке, примерно 245 млн. голов.

Т а б л и ц а 2

Производство основных видов продукции сельского хозяйства в 1978—1979 гг.

Вид продукции	1978 г. (оценка)	1979 г.		1979 г. в % к 1978 г.
		Предв. оценка	План	
Валовой сбор зерна ¹ (млн. т)	265 (304,8) ²	275	(312,5)	104,0 (102,5)
Хлопок-волокно (млн. т)	2,2 (2,2)	2,2	(2,4)	100,0 (109,1)
Поголовье свиней (млн. гол.)	235 (301,3)	245	(309,5)	104,3 (102,7)

Примечания: ¹ Включая батат и картофель в пересчете на зерно по коэффициенту 4:1, а также соевые бобы.

² Цифры в скобках означают: в 1978 г. — данные ГСУ КНР; в 1979 г. — план, за исключением поголовья свиней (по данным китайской печати на 1 июля 1979 г.) Данные ГСУ КНР на 1978 г. по производству зерна и поголовью свиней, по мнению многих советских и зарубежных специалистов, не отражают реального положения в настоящее время.

Нехватка продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности вынуждает Китай закупать за границей зерно, хлопок и другие виды сельскохозяйственной продукции. По предварительным данным, в 1979 г. импорт зерновых, главным образом пшеницы, должен составить около 11 млн. т, то есть больше, чем в 1978 г. Основными поставщиками зерна в Китай остаются Канада, США, Австралия и Аргентина. На закупку зерна за границей Китай расходует около 1,5 млрд. долл. Как и в предыдущие годы, Китай продолжал закупать соевые бобы, соевое масло и сахар. Например, закупки соевого масла и соевых бобов в США должны были составить соответственно 78,5⁴⁰ и 80 тыс. т. Импорт сахара в 1979 г., по оценке, остается на уровне предыдущего года — 1,5 млн. т. В последние годы увеличиваются закупки хлопка. В 1977—1978 гг. они составили 230—240 тыс. т, а в 1978—1979 гг. — около 500 тыс. т.

В заключение отметим, что, как показывает практика 1979 г., осуществление курса на «урегулирование» народного хозяйства наталкивается на огромные, подчас непреодолимые трудности.

Вносимые китайским руководством изменения в управлении народным хозяйством, намечаемые меры могут, видимо, сыграть определенную положительную роль в создании предпосылок для развития экономики. Однако политика «урегулирования», которая предусматривает сохранение китайским руководством курса на дальнейшую милитаризацию страны, на усиление военно-промышленного потенциала при ограниченных ресурсах, не даст возможности решить в намеченный трехлетний период все сложные экономические и социальные проблемы, возникшие в стране после «большого скачка» и «культурной революции», и ликвидировать существующие в экономике диспропорции.

⁴⁰ In: «Asian Wallstreet Journal», June 2, 1979.

Испытанный авангард вьетнамского народа

[к 50-летию Коммунистической партии Вьетнама]

В феврале 1980 г. исполнилось 50 лет со дня создания Коммунистической партии Вьетнама, испытанного авангарда вьетнамского народа, надежного отряда международного коммунистического и рабочего движения. За прошедшие полвека Коммунистическая партия Вьетнама прошла трудный, сложный и благородный путь борьбы за интересы народа, реализацию его национальных чаяний, утверждение единого социалистического Вьетнама.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла многим народам Востока, в том числе и вьетнамскому, ясные перспективы к развертыванию освободительного, антиимпериалистического движения. Вьетнамские революционеры-патриоты искали пути к освобождению родины от ига иноземного колониализма. Исключительную роль в их идейно-политическом формировании, и это особенно наглядно проявилось в судьбе первого вьетнамского коммуниста, выдающегося пролетарского революционера-интернационалиста Хо Ши Мина, сыграл марксизм-ленинизм. Мысли Ленина о необходимости тесного объединения усилий революционного движения метрополий и колоний, об особенностях освободительного движения в колониальных и зависимых странах произвели на вьетнамских революционеров неизгладимое впечатление. Именно в ленинизме, в подлинно революционном, многоплановом, имеющем универсальный характер ленинском учении, основные принципы которого одинаково приемлемы как для развитых капиталистических стран, так и для отсталых, зависимых стран Востока, нашли руководство к действию вьетнамские революционеры во главе с Хо Ши Мином. Начав свою деятельность как патриоты, борющиеся за освобождение родины от ига колонизаторов, вьетнамские революционеры сделали сознательный выбор в пользу ленинского учения, в пользу идей социализма и коммунизма.

Вьетнамские коммунисты пришли к марксизму-ленинизму через активную революционную деятельность под национально-демократическими лозунгами антиимпериалистической, антиколониальной борьбы. Впоследствии, характеризуя свой собственный путь к марксизму-ленинизму, вождь вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин говорил: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь не коммунизм привел меня к Ленину, к Коммунистическому Интернационалу. Лишь постепенно, в ходе борьбы я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм могут освободить от рабства и угнетенные народы, и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой патриотизм и пролетарский интернационализм». Личная судьба товарища Хо Ши Мина, история развития коммунистического движения во Вьетнаме как нельзя лучше подтверждают правильность научного предвидения В. И. Ленина о том, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направлен-

ное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...»¹.

В организации коммунистического движения в стране вьетнамские коммунисты получили большую пролетарскую интернациональную помощь со стороны международного коммунистического движения. Первые вьетнамские коммунисты активно работали в партийных организациях Французской коммунистической партии, в Коминтерне. Это стало для них большой школой идейно-теоретической, революционно-организационной работы.

После V конгресса Коминтерна (1924) вьетнамские коммунисты начали работу в патриотических революционных организациях. В 1925 г. по инициативе Хо Ши Мина на территории Китая было создано Товарищество вьетнамской революционной молодежи. Эта организация стала центром, к которому потянулись силы, близкие к коммунистам. Товарищество в своей практической деятельности руководствовалось решениями Коминтерна, а своей целью считало распространение во Вьетнаме марксистско-ленинизма, сплочение под его знаменем действительно революционных сил страны. При Товариществе была образована коммунистическая фракция. Товарищество уделяло очень много внимания работе среди трудящихся, на промышленных предприятиях. Непосредственным результатом этого стало создание наряду с профессиональными организациями и союзами рабочей взаимопомощи первых коммунистических ячеек — групп членов Товарищества вьетнамской революционной молодежи, что подготовило создание в стране коммунистической партии.

К концу 20-х годов во Вьетнаме действовали три коммунистические организации; на повестку дня стал вопрос о создании единой коммунистической партии Вьетнама. В этой связи Исполком Коминтерна (ИККИ) в октябре 1929 г. обратился к коммунистическим организациям Вьетнама с письмом, в котором подчеркивалось, что отсутствие единой коммунистической партии в период нарастания массового движения в стране опасно для судеб вьетнамской революции, угрожает достижению ее конечных целей, мешает коммунистам завоевать руководство революционным движением.

В Сянган (Гонконг) для оказания конкретной помощи вьетнамским коммунистам был делегирован представитель Коминтерна Хо Ши Мин. Под его председательством 3—5 февраля 1930 г. прошла конспиративная объединительная конференция вьетнамских коммунистов, на которой и была создана Коммунистическая партия Вьетнама. Участники конференции одобрили Краткие тезисы программы партии и ее Устав, в разработке которых выдающуюся роль сыграл Хо Ши Мин. В этих документах было определено основное направление вьетнамской революции. В Кратких тезисах констатировалось, что Вьетнам как колония и полупеодаальное по своей социально-экономической структуре государство стоит на пороге буржуазно-демократической революции нового типа. Как отмечалось в тезисах, эта революция должна совершаться под руководством рабочего класса и стать переходным этапом на пути к социалистической революции. Ее задачи состояли в свержении власти колонизаторов и феодалов, достижении национальной независимости, передаче земли крестьянам, предоставлении народу демократических свобод и т. д. В принятых на конференции документах подчеркивалось, что КПВ — это авангард вьетнамского рабочего класса, который ведет за собой широкие массы трудящихся. КПВ заявила о стремлении придерживаться курса на сплочение вьетнамского народа со всеми угнетенными народами мира, поддерживать тесные связи с международным рабочим классом.

В октябре 1930 г. состоялся I пленум ЦК Компартии Вьетнама, ко-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

торый в целом принял и развил принятые объединительной конференцией положения. Пленум принял решение о переименовании партии в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК), указав на необходимость поддержания тесного сотрудничества пролетариата Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

В этот период революционная борьба во Вьетнаме переживала подъем, достигший пика в 1930—1931 гг. с созданием в провинциях Нгеан и Хатинь советов. ЦК КПИК развернул в стране массовую кампанию в поддержку Нгеана и Хатиня. В ходе суровых классовых боев вьетнамским коммунистам приходилось творчески применяться к конкретным политическим условиям, действовать в соответствии с задачами буржуазно-демократического этапа революции, искать пути к созданию единого фронта. Все это не давалось легко. Восстание в провинциях Нгеан и Хатинь было жестоко подавлено колонизаторами. Несмотря на поражение восстания, вызванное объективными причинами, героические действия партии по руководству народными выступлениями против колониального гнета и социального неравенства позволили Хо Ши Мину впоследствии сказать: «С момента своего рождения... Коммунистическая партия Индокитая проявила себя в основном как партия нового типа, ленинская партия, боевая партия молодого вьетнамского пролетариата, сумевшая сплотить под своим знаменем широкие классы крестьянства и трудового народа».

После подавления восстания в Нгеане и Хатине колониальные власти Индокитая начали в стране кампанию террора. Особому удару подверглась КПИК, ее руководящие органы и местные организации. Вьетнамские коммунисты принесли огромные жертвы в борьбе с колонизаторами. 1932—1935 годы КПИК использовала для восстановления разгромленных колонизаторами партийных ячеек и борьбы за укрепление единства своих рядов. Важное значение имело усиление внимания партии к вопросам теоретической подготовки коммунистов, особенно руководителей. Многие из них были направлены для партийной учебы в Советский Союз, вели партийную работу среди соотечественников, проживавших во Франции.

Неоценимое значение для судеб вьетнамской революции имели решения и выводы VII конгресса Коминтерна (1935). На конгрессе была дана развернутая характеристика фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов монополистического капитала и сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Выводы конгресса помогли вьетнамским коммунистам сформулировать и провести в жизнь принципиальную линию в отношении японского милитаризма, который стал опасным врагом вьетнамской революции. Вьетнамские коммунисты, возглавляемые Хо Ши Мином, творчески восприняли принятый и развитый VII конгрессом Коминтерна ленинский тезис об антиимпериалистическом едином фронте в колониях и зависимых странах как форме объединения всех сил национального освобождения.

Опираясь на решения VII конгресса Коминтерна, I съезда партии (1935), резолюции последующих пленумов ЦК КПИК, вьетнамские коммунисты активизировали массовую борьбу, приступив к созданию Демократического фронта. Период Демократического фронта (1936—1939) явился новым этапом революционного движения во Вьетнаме, шагом на пути к достижению партией вьетнамских коммунистов политической зрелости. Вьетнамские коммунисты стали проводить в этот период более гибкую тактику. Опираясь на рабочих и крестьян как на главную силу, КПИК старалась в то же время привлечь на свою сторону как можно больше союзников, способных вступить вместе с ней в антиколониальную борьбу. КПИК стремилась использовать все возможности легальной

и полулегальной работы в массах для создания единого национального фронта.

Однако вскоре изменение международной обстановки потребовало от вьетнамских коммунистов внесения известных коррективов в разработанную ранее программу борьбы за создание единого фронта. В Европе фашистская Германия развязала войну, японские империалисты обрушились на Китай, приближаясь к Индокитаю. В этих условиях пленум ЦК КПИК (ноябрь 1939 г.) наметил создание единого антиимпериалистического фронта народов Индокитая «в целях объединения всех слоев населения, всех социальных классов и всех народов Индокитая и для того, чтобы направить основной удар в революционной борьбе против врага нации — фашиствующего империализма»². Сообразуясь с обстановкой, созданной началом второй мировой войны, КПИК, указав, что ликвидация империалистического и феодального гнета остается основной задачей буржуазно-демократической революции во Вьетнаме, поставила во главу своей деятельности борьбу с фашизмом.

В связи с оккупацией Индокитая (1940) КПИК ясно определила цель единого национального антиимпериалистического фронта — борьбу против японских и французских колонизаторов. Поставив целью создать широкий и действенный фронт борьбы против японских империалистов и сотрудничавших с ними французских колонизаторов, КПИК по инициативе Хо Ши Мина приняла решение о создании Лиги борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь), положившее начало стратегии широкого национального фронта в борьбе за свободный Вьетнам. Разгром Советской Армией милитаристской Японии, героические действия вьетнамских коммунистов, всех патриотических сил, объединившихся в рамках фронта Вьетминь, привели к осуществлению антиимпериалистической революции и установлению власти народа во Вьетнаме.

Однако мирное строительство во Вьетнаме уже в скором времени было прервано агрессивней французского империализма. Провозглашенная 2 сентября 1945 г. Демократическая Республика Вьетнам была вынуждена вступить в войну Сопrotивления против французских колонизаторов. Партия вьетнамских коммунистов в новых условиях мобилизовала народ на отпор колонизаторам. Под ее руководством создавались партизанские базы для борьбы с интервентами, осуществлялся курс на строительство самообеспечивающихся районов, развертывалось патриотическое производственное соревнование и движение за повышение политического и культурного уровня масс.

Крупным событием этого периода стал II съезд Коммунистической партии Индокитая (февраль 1951 г.), принявший новую Программу и Устав партии. В Программе вьетнамская революция характеризовалась как национально-освободительная народно-демократическая революция, которая «выполняет задачи буржуазно-демократической революции и перерастает в социалистическую». Съезд объявил о переименовании КПИК в Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ).

Победа вьетнамского народа в войне Сопrotивления (1954) поставила перед ПТВ новые задачи. В послевоенный период ПТВ на первый план выдвинула социалистическое преобразование частного капитала, поэтапное осуществление аграрной реформы, ликвидацию помещиков как класса, кооперирование крестьянства.

Итоги восстановительного периода подвел III съезд ПТВ (сентябрь 1960 г.), охарактеризованный Хо Ши Мином как съезд строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьбы за мирное объединение страны. Съезд вьетнамских коммунистов провозгласил курс на социалистическую индустриализацию, принял Директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1961—1965 гг. Под руко-

² Цит. по: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 443.

под руководством партии вьетнамских трудящихся были достигнуты значительные успехи в развитии экономики ДРВ, что открывало перед страной новые перспективы социалистического строительства.

Мирное социалистическое строительство во Вьетнаме вновь было прервано империалистической агрессией США. В сложнейших условиях интервенции со стороны американского империализма ПТВ мобилизовала трудящихся, весь вьетнамский народ на отражение агрессии, на борьбу за воссоединение Родины. Самоотверженная, героическая борьба вьетнамского народа под руководством партии вьетнамских коммунистов завершилась полным триумфом: 30 апреля 1975 г. был полностью освобожден Южный Вьетнам, а 2 июля 1976 г. Национальное собрание единого Вьетнама провозгласило создание Социалистической Республики Вьетнам — единого социалистического государства на вьетнамской земле. Таким образом, после многих десятилетий самоотверженной борьбы, потребовавшей многочисленных жертв, сбылась мечта вьетнамских революционеров-патриотов, осуществились национальные чаяния вьетнамского народа.

«Социалистическая Республика Вьетнам, — говорил Генеральный секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, — представляет собой величайшее завоевание, достигнутое в результате трудной и длительной революционной борьбы, стойкой, непреклонной и славной борьбы нашего народа за почти полувековой период. Это — вьетнамское государство, имеющее славную историю и прочную основу, неисчерпаемый потенциал и светлые перспективы. Это — неприкосновенный форпост социалистической системы, важный фактор мира, национальной независимости, демократии и социального прогресса в Юго-Восточной Азии и во всем мире».

Вьетнамские коммунисты всегда исключительно высоко расценивали международные факторы победы героического народа Вьетнама — интернациональную помощь со стороны Советского Союза, всех социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, всех прогрессивных сил мира. В свою очередь вьетнамские коммунисты всегда активно участвовали в международном коммунистическом и рабочем движении, внося свой вклад в укрепление сплоченности его рядов.

Выдающееся место в истории вьетнамской нации занял IV съезд вьетнамских коммунистов (14—20 декабря 1976 г.). Характеризуя значение съезда, товарищ Ле Зуан говорил: «Четвертый съезд нашей партии имеет важнейшее историческое значение как съезд полного торжества дела национального освобождения, как съезд воссоединения страны, как съезд продвижения нашей страны к социализму». Подведя итоги шестнадцатилетнего периода, отделяющего этот съезд от предыдущего, III съезда ПТВ, вьетнамские коммунисты определили, исходя из реальной обстановки внутри страны и на международной арене, генеральную линию социалистической революции во Вьетнаме на современном этапе. Эта линия состоит в том, чтобы «твердо стоять на позиции диктатуры пролетариата, развивать право трудящихся на коллективное хозяйствование, проводить одновременно три революции: революцию в области производственных отношений, научно-техническую революцию, культурную и идеологическую революцию, среди которых научно-техническая революция является ведущей; усилить социалистическую индустриализацию как центральную задачу всего периода перехода к социализму, создать систему социалистического хозяйствования, построить крупное социалистическое производство и новую культуру и формировать нового человека социалистического общества, ликвидировать эксплуатацию человека человеком, устранить бедность и отсталость; неустанно повышать бдительность, постоянно укреплять обороноспособность, гарантировать политическую безопасность и общественный порядок; успешно построить мирный, независимый, единый и социалистический Вьетнам, вносить

вклад в борьбу народов мира за мир, национальную независимость, демократию и социализм»³.

Съездом было принято решение переименовать Партию трудящихся Вьетнама в Коммунистическую партию Вьетнама.

Социалистическая Республика Вьетнам проводит политику, направленную на упрочение мира и безопасности в Юго-Восточной Азии и Азии в целом, поддерживает отношения братской солидарности со странами Индокитая — Лаосом и Кампучией. Л. И. Брежнев, выступая с речью на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, подчеркивал: «Вьетнам с его большим опытом героической борьбы против империалистической агрессии, за свободу и независимость, с его высоким революционным авторитетом стал ныне важным фактором мира и прогресса в Юго-Восточной Азии, да и в Азии в целом»⁴. СРВ активно выступает в поддержку освободительной, антиимпериалистической борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Исключительно позитивную роль играет СРВ в движении неприсоединения, содействуя его укреплению на позициях антиимпериалистической солидарности, сотрудничества с социалистическими странами и другими прогрессивными силами.

Преодолевая серьезные объективные трудности, трудящиеся социалистического Вьетнама приступили под руководством КПВ к реализации программы мирного социалистического строительства, выдвинутой IV съездом КПВ. Однако мирная жизнь Вьетнама уже в 1979 г. вновь была нарушена, на этот раз вероломной агрессией маоистов. Вновь вьетнамским коммунистам пришлось мобилизовать народ Вьетнама на отражение агрессии, на защиту границ страны, на обеспечение ее безопасности, суверенитета и независимости. Но в своей борьбе вьетнамский народ, вьетнамские коммунисты не одиноки, вместе с ними народы социалистических стран, Советского Союза. Выражая неизменно братское отношение к социалистическому Вьетнаму, которое основывается на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, Л. И. Брежнев подчеркивал от имени советских коммунистов, что как «соратники и друзья мы заверяем вьетнамских коммунистов, что наша партия не пожалеет усилий для того, чтобы испытанная советско-вьетнамская дружба год от года росла и крепла на благо наших народов, на благо дальнейшего укрепления единства и сплоченности стран социализма, всех революционных сил современности»⁵.

³ «Нян зан», 15.XII.1976.

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 159.

⁵ Там же, с. 251.

Борьба КПЯ за демократические преобразования

*И. И. Коваленко,
профессор, доктор исторических наук*

Быстрые темпы экономического роста Японии в 70-х годах сменились застоєм, а затем глубоким и продолжительным кризисом. Обстановка внутри страны, по оценке японских коммунистов, стала характеризоваться углублением структурного кризиса японского государственно-монополистического капитала, нашедшего свое выражение в небывалой инфляции и депрессии, углублении кризиса демократии и свободы, в упадке культуры и просвещения. Этот процесс сопровождался падением влияния правящей Либерально-демократической партии, ослаблением всей системы существующей власти.

Кризис японской экономики, начавшийся в первой половине 70-х годов, больно ударил по жизненному уровню трудящихся. Экономическая мощь страны оказалась в руках крупнейших финансово-промышленных групп — Мицубиси, Мицуи, Фуэ, Дайити и Санва. На долю этих гигантских компаний приходился 21,9 % капиталов всех компаний Японии и 23,9 % всех активов. Если к ним добавить компании, 10 % акций которых принадлежат членам указанных групп, то общее количество компаний, находящихся в сфере их влияния, возрастет до 8416 и составит 41 % капиталов всех компаний страны и 39,9 % всех активов¹.

Крупный монополистический капитал, сосредоточивший в своих руках богатство страны, осуществляет свое господство во всех сферах жизни и деятельности государства, проводит политику ограбления народа, ущемляет его жизненные интересы и политические права. Он имеет господствующее влияние на политику в центре и на местах, заставляет правительство проводить такую внешнюю и внутреннюю политику, которая служит интересам монополистических предприятий и отвечает их устремлениям.

Монополистический капитал, безраздельно господствующий в экономике, властно вторгнулся и в сферу политики. Дело «Локхид» и дело «Грумман», являющиеся лишь верхушкой айсберга, вскрыли перед японской общественностью всю неприглядную картину плутократического политического механизма. Другой стороной медали господства монополий является открытый подкуп политических партий и государственных деятелей. Все антикоммунистические партии и организации систематически подкармливаются монополиями, которые не только платят, но и заказывают удобную им политическую музыку.

Правительство и финансовые круги стремятся преодолеть последствия глубокого экономического кризиса, постигшего страну в 1974—1975 гг., за счет народа, осуществляя организованное наступление на жизненные интересы трудящихся. Кризис сопровождался массовым ростом числа безработных, которое в течение ряда лет, даже по официальным данным, не снижалось менее 1 млн. человек, массовыми бан-

¹ «Дзэнэй», 1977, № 419 (спецвыпуск), с. 107.

кротствами мелких и средних предприятий (около 1500 в месяц). Деловые круги проводят упорядочение и реорганизацию предприятий, сопровождаемые массовыми увольнениями трудящихся и усилением интенсификации труда. Заработная плата удерживается на низком уровне, в то время как цены непрерывно растут. Повсюду наблюдается сокращение выплат пособий, урезаются фонды медицинской помощи. В то же время увеличиваются налоги. Наихудшим видом массового налогообложения является повышение потребительского налога, что в свою очередь ведет к непрерывному росту цен, к усилению дороговизны.

В то время как небольшая кучка монополистов и крупных капиталистов свободно распоряжается огромными богатствами страны, численность бедняков выросла до 10 миллионов человек, а большая часть народа вынуждена довольствоваться низкими доходами. Пособия инвалидам, больным, матерям-одиночкам, старикам, лицам, пострадавшим от войны, и прежде всего жертвам атомных бомбардировок, крайне незначительны. Многочисленные трагические самоубийства и случаи отказа от собственных детей из-за материальных затруднений стали обыденным явлением в современной Японии. Весьма серьезный характер приняло также ухудшение окружающей среды, создающее дополнительные трудности для жизни рядовых японцев.

Наряду с экономическими трудностями народ страдает от политического бесправия. Правящие круги и Либерально-демократическая партия (ЛДП) под предлогом «защиты свободного общества» осуществляют подавление таких прав народа, как свобода слова, мысли, политической деятельности. Повсюду на заводах и предприятиях наблюдается антиконституционное нарушение гражданских прав рабочих. Администрация организует слежку за членами партии и профсоюзными активистами, подвергает их дискриминации при продвижении по службе, начислении зарплаты и т. п. Предприниматели создают «вторые профсоюзы» и ведут наступление на свободу объединения рабочих, запрещают или ограничивают политическую деятельность членов КПЯ и Лиги демократической молодежи на предприятиях, прибегают к насильственной деспотии, используя в этих целях хулиганские группы.

В Японии, как и в других странах развитого капитализма, основное противоборство между силами реакции и демократическими силами идет по вопросу о дальнейшем характере государственной власти. В начале 70-х годов это противоборство приняло весьма острый характер.

Первое крупное политическое сражение 70-х годов развернулось во время выборов губернатора префектуры Киото в апреле 1970 г. Объявив КПЯ главным врагом, правительство и Либерально-демократическая партия делали все, чтобы не допустить нового избрания на пост губернатора единого кандидата прогрессивных партий. На антикоммунистической основе они создали союз трех партий (Либерально-демократической, Партии демократического социализма и Комэйто) и направили все силы на свержение демократической администрации префектуры во главе с губернатором Нинагава, которая в течение 20 лет опиралась на единый фронт.

Однако совместные усилия Коммунистической партии, Социалистической партии (СПЯ), Генерального совета профсоюзов (Сохё) и других демократических организаций и на сей раз позволили нанести серьезное поражение ЛДП и ее союзникам, объединившимся на основе антикоммунизма, и добиться перелома в развитии обстановки в этом важном районе в свою пользу. Выборы в Киото, как несколько ранее в 1969 г., выборы губернатора в Токио, показали народу, что единый фронт, за который выступает КПЯ, является силой, которой принадлежит будущее.

Определенной победой демократических сил явилось и то, что правящие круги вынуждены были заключить новый договор с США не на длительный срок, как это было в 1960 г., а пошли на формулу автоматического продления действовавшего договора, что открывало перед демократическими силами перспективу ликвидации военно-политического союза с США путем создания демократического правительства и провозглашения им политики мира и нейтралитета. Тактика левых сил в новых условиях состояла в том, чтобы не ограничивать борьбу против «договора безопасности» одним только 1970 г., а продолжать ее и в будущем, добиваясь создания такого правительства, которое заявило бы об аннулировании ненавистного всему народу «договора безопасности» и тем самым избавило бы Японию от зависимости от США положения. Борьба против «договора безопасности» вступила, таким образом, в новый этап.

Состоявшийся в июле 1970 г. XI съезд КПЯ четко определил курс, по которому должна идти Япония в 70-х годах. Это путь мира и нейтралитета, путь, ведущий к действительной независимости, который призван положить конец японо-американскому военному союзу. Съезд подчеркнул, что 70-е годы будут периодом противоборства между антикоммунистическими, реакционными силами, стремящимися к упрочению «союза с США и добивающимися в условиях зависимости возрождения милитаризма и империализма, с одной стороны, и демократическими силами, стремящимися к созданию мирной, нейтральной Японии — с другой. Съезд указал, что полюсами этого противоборства будут Либерально-демократическая партия и Коммунистическая партия Японии.

Съезд отметил, что условия 70-х годов содержат в себе перспективу устранения на основе платформы прогрессивного единого фронта правительства Либерально-демократической партии, создания демократического коалиционного правительства и прекращения затянувшегося реакционного господства консервативной партии.

В резолюции XI съезда отмечалось, что успехи, достигнутые левым лагерем на выборах губернаторов Токио, Киото, Осака, мэров городов Киото, Кавасаки и других, наглядно показывают, что «именно единый фронт, построенный на совместной борьбе КПЯ и СПЯ, является единственным путем, гарантирующим успешное продвижение вперед демократических сил в целом»².

XI съезд КПЯ поставил перед партией конкретную задачу — бороться за создание единого фронта, выступающего за мир и нейтралитет, демократию, повышение жизненного уровня и за образование на его основе правительства демократической коалиции. Важнейшими задачами этого правительства, по мнению КПЯ, были бы аннулирование японо-американского «договора безопасности», превращение Японии в мирную и нейтральную страну, проведение демократической политики, предотвращение возрождения милитаризма, защита жизни народа, проведение самостоятельной экономической политики, демократическое развитие образования и культуры³.

Выдвигая лозунг демократического коалиционного правительства, КПЯ на XI съезде еще не рассматривала его в качестве лозунга действия, осуществления которого можно добиться завтра. «Этот лозунг, — говорил генеральный секретарь ЦК КПЯ К. Миямото, — является пропагандистским и нацеливает нас на то, что мы должны делать в последующем. Мы не должны забывать, что, к сожалению, сегодняшнее соотношение сил не позволяет еще создать единый фронт, что наша партия еще не стала поистине мощной партией»⁴.

² «Акахата», 7.VII.1970.

³ «Дзэнэй», № 312, с. 293.

⁴ Там же, с. 124.

На съезде было уделено большое внимание вопросам партийного строительства, поставлена задача превратить партию в могучую силу, достаточную для практического осуществления необходимых реформ в рамках программы единого демократического фронта.

В качестве важнейшей задачи всех партийных организаций выдвигалось укрепление позиций партии в парламенте. Обращалось серьезное внимание на необходимость активизации работы партии и прогрессивных сил по расширению влияния в местных органах самоуправления. Партия считает, что завоевание прочных позиций на местах облегчит борьбу демократических сил против существующего режима, за создание демократического коалиционного правительства.

Съезд КПЯ определил борьбу за усиление влияния в парламенте как политику «народного парламентаризма», которую она противопоставляла буржуазному парламентаризму. «Безусловно, мы не имеем ничего общего с буржуазным парламентаризмом, который игнорирует движение самих масс и подавляет их, исходя из того, что все решают выборы в парламент. Кроме того, мы не питаем ни малейших иллюзий насчет классового характера, ограниченности и недостатков нынешнего буржуазного парламентаризма, который препятствует справедливому отражению голоса народа, создает различные ограничения для деятельности демократических партий даже внутри парламента. Однако это несколько не умаляет важности народного парламентаризма. Говоря другими словами, серьезного внимания заслуживает подлинно демократическая, прогрессивная представительная система — парламент, который, как подчеркивается в нашей программе, явится и по названию, и в действительности высшим органом государства»⁵.

«Важная обязанность нашей партии перед народом и истиной,— говорил на XI съезде генеральный секретарь ЦК КПЯ К. Миямото,— заключена в том, чтобы, основываясь на науке освобождения человечества, освобождения рабочего класса и уважая демократические стремления большинства народа, смело и мудро прилагать все силы к отыскиванию пути, ведущего к социалистической революции и построению социализма, который до минимума сократил бы жертвы»⁶.

В поисках такого пути на XI съезде КПЯ было заявлено о готовности японских коммунистов сотрудничать с другими демократическими партиями не только в период создания правительства демократической коалиции, но и в последующем, вплоть до строительства социализма. Был выдвинут тезис о гарантии свободного существования различных политических партий на всех этапах революционного процесса. «В независимой демократической Японии,— подчеркивается в резолюции XI съезда КПЯ,— будет гарантирована свобода деятельности всем политическим партиям, включая и те, которые будут стоять по отношению к правительству на критических или оппозиционных позициях, если только они не предпримут шагов, направленных на то, чтобы путем насилия уничтожить демократическую систему народа; с точки зрения системы будет вполне естественным и то, что партия, получившая на выборах большинство мест в парламенте, возьмет на себя власть»⁷.

Руководствуясь решениями XI съезда, в январе 1971 г. КПЯ выдвинула программу формирования единого фронта на местах, основывающегося на достижении единства в следующих трех задачах: 1) поправить с японо-американским военным союзом и стремиться к нейтрализации Японии; 2) покончить с политикой в интересах крупного капитала и проводить политику защиты жизни народа; 3) бороться про-

⁵ «Дзэнэй», 1970, № 312 (спецвыпуск), с. 49.

⁶ Там же, с. 69—70.

⁷ Там же, с. 148—149.

тив всестороннего возрождения и усиления милитаризма, за расширение демократии. Хотя партии «среднего пути» (Партия демократического социализма и Комэйто) отвергли эти три пункта, а СПЯ заняла колеблющуюся позицию, ход практической работы КПЯ по реализации своей программы из трех пунктов привлек к ней большое внимание народных масс.

Последующие события подтвердили правильность курса XI съезда на объединение демократических сил в процессе антиимпериалистической, антимонополистической борьбы. На последовавших друг за другом после съезда двух предвыборных сражениях, развернувшихся в общенациональном масштабе, во время выборов в местные органы власти (апрель 1971 г.) и выборов в палату советников в июне того же года, КПЯ, несмотря на ожесточенную антикоммунистическую кампанию, получила еще большую поддержку в среде народа.

В результате выборов партия увеличила свое представительство в местных органах власти более чем на 600 депутатов. На последующих, промежуточных выборах число представителей КПЯ в органах местного самоуправления непрерывно увеличивалось и к маю 1972 г. превысило 2500. Это было в три раза больше по сравнению с числом мест, которыми располагали партии Комэйто и Партия демократического социализма (ПДС).

Опираясь на единый фронт обновления, достигнутый на локальном уровне в 16 префектурах, коммунисты совместно с социалистами одержали много важных успехов на выборах глав местных административных органов и на выборах губернаторов. В пяти префектурах — Токио, Киото, Осака, Окинава, Сайтама, а также в городах Кавасаки, Татижава и других руководителями местных администраций стали представители прогрессивных сил.

В результате КПЯ совместно с СПЯ стали выступать как правящая сила в различных районах, население которых превышало 30 миллионов человек, что составляло почти $\frac{1}{3}$ всего населения страны.

На выборах в палату советников количество голосов, полученных партией по местным избирательным округам, было больше на 1300 тысяч, чем на предыдущих выборах. Всего в поддержку КПЯ на выборах в палату советников проголосовало 4880 тысяч избирателей. Партия стала располагать в палате советников 10 местами, а в обеих палатах ее фракция стала насчитывать 24 человека.

Следующего успеха КПЯ добилась на парламентских выборах 1972 г., когда ей удалось провести в палату представителей 38 депутатов и создать в ней фракцию из 39 человек (включая одного депутата, избранного единым кандидатом прогрессивных сил). Обойдя ПДС и Комэйто, Компартия заняла положение второй партии оппозиции. Если сравнить количество голосов, собранных КПЯ на этих выборах (15700 тыс.), с числом голосов, полученных на аналогичных выборах 1969 г. (3200 тыс.), то можно убедиться, что КПЯ добилась увеличения числа избирателей, отдавших голоса за ее кандидатов, в 1,8 раза. Это действительно был большой рывок.

«Отступление ЛДП и стремительное продвижение Компартии, — отмечается в документах КПЯ, — означают, что, как было предсказано на XI съезде партии, наступил новый этап развития политической обстановки в Японии, характеризующийся «противостоянием ЛДП и КПЯ». Действительно, после всеобщих выборов 1972 г. политическая ситуация в Японии характеризуется стремительным продвижением КПЯ и развивается совершенно иначе, нежели прежде. Потерпела серьезное поражение антикоммунистическая центристская линия на «союз двух партий и одной группировки», которая состояла в попытках сколотить коалицию ПДС, Комэйто и правого крыла СПЯ или коалицию социалистов — Комэйто — демократических социалистов. Усилились позиции

КПЯ в вопросах парламентской процедуры, и в деятельности парламента стала невозможной тактика сговора путем отстранения КПЯ. Возрастает роль парламента не как арены соглашательства и сделок, а как места конфронтации между политикой ЛДП и едиными требованиями народа»⁸.

Успех, одержанный КПЯ на выборах 1972 г., приблизил перспективу создания единого фронта всех прогрессивных сил, ставящего задачей формирование демократического коалиционного правительства. Если бы реформистские силы смогли заключить политическое соглашение с целью учредить правительство демократической коалиции и создать единый прогрессивный фронт, в политической ситуации Японии могли бы произойти серьезные перемены.

Провозглашенные в 1971 г. три задачи (политика мира и нейтралитета, экономическая политика, служащая интересам народа, защита демократии), в борьбе за решение которых в ряде префектур удалось добиться сплочения коммунистов с социалистами, профсоюзами и другими отрядами демократических сил, были положены Компартией Японии в основу программы единства прогрессивных сил на общенациональном уровне.

Серьезным шагом на пути разработки такой программы явились решения XII съезда КПЯ (ноябрь 1973 г.). Съезд выступил с призывом к прогрессивным силам страны создать демократическое коалиционное правительство, основанное на трех задачах или принципах обновления. Разъясняя суть этого призыва, член Президиума ЦК КПЯ Коитиро Уэда говорил на съезде, что речь идет о создании «правительства защиты жизненных интересов народа и демократических реформ, которое в рамках действующей конституции проводит в жизнь на современном этапе национальные цели — три цели обновления, а именно: обеспечение суверенитета и безопасности Японии, мира и нейтралитета, политической и экономической демократии. Это правительство будет проводить общенародную политику, основанную на совместной программе выработанной всеми политическими партиями и политическими силами, которые входят в единый фронт прогрессивных сил»⁹.

По мнению КПЯ, достижение трех целей обновления явилось бы большим шагом вперед в деле защиты жизненного уровня народа и демократических преобразований, а также избавления страны от переживаемого ею глубокого структурного кризиса.

Остановимся кратко на трех целях обновления, которые КПЯ выдвигает в качестве основы одобренных XII съездом предложений по программе правительства демократической коалиции. Первая цель — курс мира и нейтралитета — предусматривает расторжение японо-американского военного договора; поэтапный роспуск «сил самообороны»; законодательное закрепление трех неядерных принципов (не иметь, не производить, не ввозить ядерное оружие); принятие парламентом закона о нейтралитете Японии, включающего положение об отказе от участия в военных блоках, запрещении размещения иностранных войск на территории Японии.

При демократическом правительстве национального единства, как заявляется в предложениях КПЯ, Япония изберет путь неприсоединения и будет играть активную роль в поощрении политики мира и нейтралитета, поддерживая дружеские связи со всеми странами и народами независимо от различий в социальной системе. Независимость и безопасность Японии будут обеспечиваться на основе создания системы безопасности в Азии, а в дальнейшем всемирной системы коллективной безопасности.

⁸ «Дзэнэй», 1971, № 319 (спецвыпуск), с. 27.

⁹ Там же, 1972, № 329 (спецвыпуск), с. 40.

«Демократическое коалиционное правительство для достижения прочного мира,— подчеркивается в решениях XII съезда,— будет стремиться к созданию международной системы коллективной безопасности, в которой приняли бы участие все страны мира независимо от их общественного строя. В ближайшем будущем правительство будет работать в направлении создания региональных систем коллективной безопасности в Азии и в бассейне Тихого океана, в Европе и т. п.»¹⁰.

Вторая цель — экономическая демократия. Демократическое коалиционное правительство, отмечается в решениях XII съезда, примет необходимые меры по демократическому контролю и регулированию деятельности крупных промышленных предприятий, обеспечит сбалансированный рост национальной экономики, в том числе мелких и средних предприятий, сельского хозяйства и рыбного промысла.

Эти мероприятия не будут социалистическими, а будут осуществляться для защиты жизни и прав народа. Правительство примет экстренные меры для решения тех проблем, которые представляют наибольшую опасность для жизни народа: рост цен, высокие налоги, низкая заработная плата, разрушение окружающей среды, низкий уровень благосостояния, жилищные трудности и т. д.

Предложения КПЯ предусматривают введение демократического планирования, которое еще не означает переход к целиком плановой экономике, а преследует цель взыть частичное планирование экономики под руководством демократического коалиционного правительства, сохраняя основы капиталистического способа производства. Исключение составляет только энергетическая промышленность, которая подлежит национализации. Это, указывается в документах съезда, объясняется необходимостью сделать возможным использование всех энергетических ресурсов — нефти, угля, гидроэнергетических ресурсов, геотермальной энергии, энергии ветра, приливов, атомной энергии и т. п. Демократическое планирование предусматривает также изменение налоговой, бюджетной и финансовой системы, регулирование финансовой деятельности.

Разъясняя существо этих экономических мероприятий, один из теоретиков КПЯ А. Кудо подчеркивает, что их «нельзя отождествлять с социалистической политикой и даже нельзя рассматривать как первый шаг в направлении социалистической экономической политики... Они будут представлять собой политику экономической демократии и являться главным орудием демократического контроля за деятельностью монополистического капитала»¹¹.

Третья цель — защита политической демократии. Политика демократического коалиционного правительства в области внутренних преобразований будет основываться на защите и расширении демократических свобод во всех сферах общественно-политической жизни, включая защиту пяти принципов действующей конституции (народный суверенитет и национальный суверенитет; прочный мир; основные права человека; парламентская демократия; местное самоуправление).

Демократическое коалиционное правительство будет обеспечивать демократическое обновление общественного управления, демократическое развитие образования, науки, искусства и культуры. Программа демократического коалиционного правительства предусматривает также установление демократического контроля парламента над институтами управления, в том числе над деятельностью полиции, демократизацию структуры полиции и судебных органов и т. п.

Три прогрессивные цели, как указывается в документах КПЯ, призваны сыграть роль маяка, указывающего путь к демократическо-

¹⁰ «Дзэнэй», 1972, № 329, с. 45.

¹¹ Нихон-но мирай-о хираку кагакутэки сякайсюги (Научный социализм, который открывает будущее Японии). Токио, 1972, с. 292.

му обновлению национальной политической жизни и к выходу из структурного кризиса, переживаемого страной.

Свои предложения по программе демократического коалиционного правительства XII съезд КПЯ представил на рассмотрение другим партиям.

На XII съезде отмечалось, что программа правительства единого фронта должна воплощать в себе единство действий, единство целей и политики, при уважении самостоятельности участвующих в нем всех политических сил. КПЯ предлагала при обсуждении совместной программы коалиционного правительства отложить на будущее вопросы разногласий во взглядах в области идеологии и программных перспектив каждой политической партии и политической силы.

Образование правительства демократической коалиции КПЯ рассматривает как один из промежуточных шагов на пути к формированию правительства национально-демократического единого фронта, предусмотренного программой партии, как предпосылку этапа антиимпериалистической, антимонополистической, демократической революции. Демократическое коалиционное правительство призвано расчистить дорогу для прихода правительства национально-демократического единого фронта.

КПЯ не ограничивалась работой по налаживанию сотрудничества с социалистами. Она считала целесообразным установить контакты и с другими силами с целью их привлечения к поддержке идеи единого фронта. В этом смысле следует указать на то, что КПЯ, в частности, уделила много внимания разработке вопроса об обеспечении свободы совести на различных этапах общественного развития и достижению взаимопонимания с верующими по так называемым «земным вопросам». КПЯ исходит из того, что создание единого фронта в Японии на основе национального согласия невозможно без привлечения верующей части населения.

По инициативе КПЯ состоялись переговоры с влиятельным буддистским обществом Сока гаккай. В декабре 1974 г. между КПЯ и Сока гаккай было подписано соглашение сроком на 10 лет, в котором стороны обязались отстаивать интересы народа, бороться против социальной несправедливости, выступать за народное благосостояние, вечный мир, ликвидацию ядерного оружия, против нефашизма, в защиту демократии и основных прав человека. При расхождении взглядов на пути решения указанных задач стороны должны действовать в соответствии со своими принципами, а при совпадении взглядов — совместно. В соглашении указывалось, что Сока гаккай «не относится враждебно к научному социализму и коммунизму», а КПЯ «при любом строе будет безоговорочно поддерживать свободу вероисповедания, включая свободу религиозной пропаганды».

Это соглашение, как отмечалось в документах КПЯ, предусматривало «возможность прогрессивного сотрудничества между партией научного социализма и верующими религиозными организациями». Хотя это соглашение не получило практического развития из-за отрицательного воздействия Комэйто на руководство Сока гаккай, его заключение имело принципиальное значение, выходящее за рамки двух заинтересованных сторон, и могло бы оказать немалое влияние на дальнейшее развитие обстановки в стране, если бы обе стороны смогли претворить его в жизнь.

Наполняя концепцию единого фронта конкретным содержанием, КПЯ начиная с 1975 г. развертывает движение за всенародное согласие во имя спасения страны и проведение прогрессивных реформ. КПЯ придерживается мнения, что решение проблемы единого фронта не должно ограничиваться лишь кругом прогрессивных партий и организаций, что предпосылкой его создания должно стать развертывание

диалога и дискуссии среди самых широких слоев японской общественности по коренным проблемам национального развития. КПЯ провела большое количество встреч и бесед с различными организациями и группами населения. За год со времени начала развертывания движения «за национальное согласие» было проведено 45 собраний на общенациональном уровне и 4600 встреч на местном уровне.

Выполняя указания XII съезда, партия поднимала рабочий класс, всех трудящихся на активную борьбу против наступления монополий, за свои права и жизненные интересы. Она разработала комплексную программу выхода Японии из экономического кризиса, поразившего ее в конце 1973 г., представив на суд народа свои предложения по развитию экономики, которые указывали конкретную программу демократической перестройки японской экономики и вызвали большой отклик среди всех слоев японского населения.

В связи с ухудшением жизненного уровня народа КПЯ выдвинула лозунг «Ответим на крупнейший после войны экономический кризис крупнейшим народным движением!». Партия призывала коммунистов возглавить организацию мощного народного движения в защиту жизненных интересов трудящихся. Она разработала и вынесла на рассмотрение общественности предложения по проблемам местного самоуправления, культуры и просвещения. Эти предложения касались улучшения положения работников муниципалитетов, улучшения положения учителей, демократизации сферы просвещения, предотвращения упадка в культуре. КПЯ выдвинула такой вопрос большого социального значения, как защита детей от тлетворного влияния средств массовой информации, потребовав, в частности, прекращения порнографических телепередач. Несмотря на сопротивление реакционных кругов, предложения КПЯ были подхвачены демократической общественностью и привели к некоторым конкретным результатам (запрещены автоматы по продаже порнографических изданий и т. д.).

Именно КПЯ была той политической силой, которая последовательно боролась против нападков на рабочее движение и преследований профсоюзных активистов. В 1976 г. КПЯ выступила с обращением «За свободу на производстве». Под влиянием этого обращения рабочие и профсоюзы развернули борьбу за установление демократических порядков на производстве, за восстановление свобод трудящихся.

КПЯ прилагала большие усилия к объединению в профсоюзы еще не организованных рабочих, наличие которых представляет собой одну из слабых сторон японского профсоюзного движения. Благодаря мерам, предпринятым КПЯ, численность рабочих, вновь организованных в профсоюзы за трехлетний период после 1975 г., составила более 400 тысяч человек. Хотя эта цифра не является большой, однако сам факт вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы является важным шагом на пути дальнейшего расширения профсоюзного движения.

Партийные организации КПЯ находили многие новые формы отстаивания повседневных требований рабочих. Вот некоторые примеры. Под руководством партии была успешно проведена борьба за возрождение отсталого района Тикухо (преф. Фукуока), страдавшего от массовой безработицы. Борьба приняла настолько широкий и организованный характер, что власти вынуждены были принять комплексный план возрождения всего района Тикухо. Интересен также опыт борьбы на Хоккайдо, где в результате пересмотра закона о гарантированной занятости был нанесен тяжелый удар по 290 тысячам сезонных рабочих. В ходе развернутого по инициативе КПЯ движения удалось добиться принятия резолюций поддержки рабочих в 119 городских, поселковых и сельских собраниях. Власти и предприниматели были вынуждены пойти на ряд серьезных уступок.

Борясь за интересы крестьянства, партия разработала комплексную программу восстановления сельского хозяйства, равной которой не имеет ни одна партия страны. Используя эту программу в качестве своего оружия, КПЯ расширяет диалог с сельскохозяйственными кооперативами, различными крестьянскими организациями, широкими массами крестьянства. Благодаря усилиям коммунистов в последние годы было вовлечено в крестьянские союзы около 10 тысяч крестьян. Партия активизирует работу сельских пропагандистов-организаторов, выступающих в качестве проводников политики КПЯ в деревне.

Однако следует признать, что основная масса крестьян все еще идеализирует ЛДП. Чтобы заполучить голоса крестьян, занятых выращиванием риса, правительство субсидирует производство риса, покупая его у производителей по ценам выше розничных. Политика правительства ЛДП, направленная на привлечение крестьян на свою сторону за счет государственных средств, вызывает растущую критику со стороны оппозиционных партий.

Партия продолжает уделять много внимания работе среди средних и мелких предпринимателей, многие из которых видят в КПЯ своего защитника и все активнее участвуют в общедемократических мероприятиях, проводимых партией.

При определении демократического будущего Японии весьма важными являются проблемы молодежи и женщин. В последнее время в Японии большой популярностью среди юношей и девушек стали пользоваться кружки для обсуждения проблем современного общества и роли молодежи, создаваемые при отделениях партии и группах Лиги демократической молодежи. К 1977 г. в стране насчитывалось свыше 12 тысяч таких кружков, в которых участвовало 70 тысяч юношей и девушек. Кружки стали столь популярными потому, что они оказались удобной формой вовлечения молодежи, которая ищет для себя жизненные идеалы в современном обществе, в оживленные дискуссии. в ходе которых она находит ответы на волнующие ее вопросы.

Партия ставит своей целью усиление политической работы среди женщин, которые составляют в настоящее время одну треть от общего числа наемных рабочих в производственной сфере. А в деревне женщины составляют 60 процентов людей, занятых в сельском хозяйстве. КПЯ стремится привлечь женщин к активному участию в общественной жизни. В документах КПЯ подчеркивается важность превращения демократической энергии женщин, составляющих большую половину населения, из потенциальной в большинстве случаев силы в реальную силу, служащую делу прогресса.

Важным участком партийной деятельности является политическая работа среди интеллигенции, выступающей за демократическое развитие науки и культуры, за единый фронт обновления. КПЯ ведет неустанную борьбу против упаднической культуры, за выход из нынешнего кризиса культуры. Партия усиливает свое влияние в массах через организации творческой интеллигенции, разделяющей ее мировоззрение и выражающей желание активно участвовать в борьбе за демократическое обновление японского общества.

Партии удалось, например, организовать во многих университетах общества изучения социальных наук, а в 1976 г. провести национальный съезд ученых-социологов и создать Всеяпонскую лигу обществ по изучению социальных наук. Таким образом удалось восстановить национальное единство этих обществ, которые в свое время были тесно связаны со студенческим движением и оказывали на него положительное воздействие, но затем надолго приостановили свою деятельность.

Наряду с количественным увеличением числа участников весенних наступлений трудящихся, забастовочного движения рабочих и борьбы

крестьян, активизацией деятельности средних слоев населения и радикализацией интеллигенции наблюдается дальнейшее расширение социальной базы демократического движения за счет вовлечения в борьбу все новых слоев населения и роста самосознания народных масс.

Наглядным примером в этом отношении может служить активное участие в борьбе против загрязнения окружающей среды и сокращения сельскохозяйственного производства, против спекуляции крупными земельными участками той части населения, которая до недавнего времени находилась под непосредственным влиянием ЛДП.

Большой резонанс в Японии вызвал проект демократической перестройки экономики страны, представленный народу компартией в 1977 г. Экономическая программа КПЯ предусматривает меры по оздоровлению государственного бюджета, повышению налогов с крупного капитала, сокращению военных расходов. В то же время КПЯ требует от правительства принятия необходимого законодательства в интересах народа, облегчения положения мелких предпринимателей, повышения жизненного уровня рабочих, крестьян, всех трудовых слоев населения.

Экономический кризис 1974—1975 гг., затронувший интересы подавляющего большинства населения, невиданный рост цен на товары широкого потребления и бурная инфляция вызвали небывалый размах антимонополистического движения, создали в стране такую ситуацию, которая делала вполне реальной если не немедленно, то в ближайшем будущем задачу создания единого прогрессивного фронта, претворения в жизнь предложения КПЯ о создании демократического коалиционного правительства.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на наличие серьезных разногласий между КПЯ и СПЯ, в их программных установках имеется немало общих моментов, создающих основу для налаживания более широкого сотрудничества. Членская масса СПЯ выступает против американского империализма и японского монополистического капитала, борется против возрождения японского милитаризма, в защиту мирной конституции, требует ликвидации американских военных баз и вывода всех войск США с территории Японии. Социалисты выступают за мир, за превращение Японии в нейтральную, независимую демократическую страну. Рядовые члены СПЯ добиваются запрещения ядерного оружия, выступают за мир и безопасность в Азии, поддерживают национально-освободительное движение и борются за улучшение жизненных условий японских трудящихся.

В официальных документах КПЯ неоднократно подчеркивалось, что совместные действия с СПЯ имеют серьезное значение для последующего сплочения всех трудовых слоев народа в единый национально-демократический фронт.

Призыв к объединению сил японской демократии на антимонополистической основе и осуществлению социальных реформ содержится и в документах Социалистической партии Японии. Японские социалисты разработали концепцию создания народного коалиционного правительства, которое заменило бы собой однопартийное правительство консерваторов и осуществило бы коренные социальные преобразования. Цели, пути и методы такой коалиции изложены в «Программе народного коалиционного правительства», принятой 37-м съездом СПЯ в 1974 г. В ней выдвигаются три важнейшие политические цели создания единого фронта, в целом аналогичные трем важнейшим целям демократических преобразований, выдвинутым КПЯ. Это, во-первых, отмена японо-американского «договора безопасности» и развитие Японии по мирному демократическому пути, борьба против возрождения империализма и милитаризма; во-вторых, борьба в защиту жизни и прав народа, против антинародной политики монополий; в-третьих, борьба

за человеческое достоинство путем защиты демократических прав, гарантируемых конституцией, возрождения демократии и преобразования общества, образования и культуры¹².

Опору правительства народной коалиции, по замыслу СПЯ, должен составить антимонополистический народный фронт. Демократическое правительство должно быть создано из представителей демократических организаций и движений, объединенных в народный фронт, основу которого составляют прогрессивные партии и группировки.

Наличие конкретных и во многом схожих программ экономических преобразований, выдвинутых КПЯ и СПЯ, их периодические совместные выступления в защиту интересов японской нации свидетельствуют о существовании благоприятных объективных условий для развертывания более мощной борьбы демократических сил страны, объединения их усилий в борьбе против господства монополий, за демократию и социальный прогресс.

Тем не менее КПЯ и другим прогрессивным силам не удалось разработать широкую программу единых действий по коренным вопросам борьбы против империализма и реакции, в защиту жизненных интересов народа. Трудность решения проблемы единства действий демократических сил заключается, в частности, в том, что лидеры Партии демократического социализма (ПДС) выступают с предложением о «реорганизации» оппозиционных сил, имея в виду создание сильной реформистской партии на базе ПДС, Комэйто и правого крыла СПЯ. Эта идея поддерживалась некоторой частью политических деятелей СПЯ.

Реакция развернула ожесточенное наступление на демократические и прогрессивные силы, ставя своей ближайшей целью не допустить создания единого фронта с участием КПЯ и СПЯ, а в перспективе добиться превращения СПЯ в типичную социал-демократическую партию или исчезновения ее с политической сцены. Маневры правящих классов Японии направлены в конечном счете на то, чтобы изолировать Коммунистическую партию и отстранить ее от активного участия во внутривнутриполитической борьбе. Планы так называемой реорганизации оппозиционных партий прикрываются лозунгом создания коалиции для свержения правительства Либерально-демократической партии, но на деле они ведут к закреплению раскола среди демократических сил Японии, препятствуя установлению власти этих сил. В случае успеха подобной «реорганизации» в Японии может возникнуть двухпартийная система, а это создаст дополнительные сложности в формировании единого национально-демократического фронта.

В декабре 1970 г. съезд СПЯ единодушно высказался против «реорганизации оппозиционных партий». Однако известная часть руководящих деятелей этой партии занимает колеблющуюся позицию не только по вопросу создания организационно оформленного единого фронта, но и в отношении проведения долгосрочных совместных действий с КПЯ. Отражая настроения этой части партии, СПЯ провозгласила курс на «многосторонние по форме усилия при решении отдельных вопросов в парламенте и вне его» во имя консолидации всех оппозиционных партий. Она «отвергает возможность положить в основу единства сотрудничество с какой-либо определенной партией»¹³. В связи с этим газета «Акахата» писала, что анализ этих документов позволяет сделать вывод: «Соцпартия, с одной стороны, будет не только при проведении нынешнего курса движения, но и в дальнейшем, в течение дли-

¹² Нихон сякайто-но сандзюэнэн (Тридцатилетие Социалистической партии Японии). Токио, 1974, с. 870—871.

¹³ Нихон сякайто корёнбункэнсю (Сборник программных документов СПЯ). Токио, 1978, с. 306.

тельного времени отворачиваться от совместной борьбы, от единого фронта демократических сил... с другой же стороны, СПЯ активно добивается создания «не стремящейся к радикальным переменам коалиции среднего пути» с Партией демократического социализма и Ко-мэйто»¹⁴.

Японским коммунистам и социалистам пока не удалось выработать общего подхода к формированию единого фронта. Поэтому совместные действия КПЯ и СПЯ ограничиваются, как правило, разовыми выступлениями по отдельным вопросам. Тем не менее КПЯ и СПЯ смогли провести немало совместных мероприятий, которые принесли свои позитивные плоды.

В середине 70-х годов ЛДП и монополистический капитал вынуждены были принять срочные меры, чтобы не допустить дальнейшего продвижения КПЯ. Были мобилизованы все средства, чтобы дискредитировать КПЯ, посеять в народе недоверие и чувство тревоги за будущее Японии. ЛДП вновь вытащила на свет план введения системы мелких избирательных округов, принятие которого обеспечивало бы ей абсолютное большинство депутатских мест, обладая лишь 40 процентами голосов избирателей; лидеры ЛДП в срочном порядке начали движение за организационное расширение рядов своей партии и увеличение читателей печатного органа «Дзию симпо» до 5 млн. человек; в стране была вновь развернута широкая антикоммунистическая кампания под лозунгом «защиты свободного общества»; были предприняты дополнительные попытки склотить антикоммунистическую коалицию из числа партий «среднего пути». Словом, предпринимались отчаянные усилия, чтобы не допустить создания единого прогрессивного фронта.

В условиях кризиса и противоречий существующей системы власти, по оценке Компартии Японии, либеральные демократы и их правительство при поддержке США «перешли к широкому антикоммунистическому наступлению и политике раскола прогрессивных сил, с тем чтобы остановить отступление ЛДП»¹⁵.

Это наступление, развернутое под флагом защиты «свободного мира», рассматривалось правящими кругами как долгосрочная стратегическая линия, направленная на сохранение существующей системы реакционной власти. Главный удар при этом направлялся против Компартии Японии.

В рамках наступления на Коммунистическую партию используются все средства, в том числе различные «дела», сфабрикованные тайной полицией еще в мрачные 30-е годы, события в соседнем Китае, в том числе пресловутая «великая культурная революция» и «разоблачение банды четырех», притязания правящих кругов на часть Курильских островов, являющихся составной и неотъемлемой частью территории СССР, раздувание шумихи вокруг вопросов рыболовных отношений Японии с СССР, решаемых в соответствии с установившейся международной практикой.

Новым моментом в антикоммунистической кампании явилось то, что финансовые круги уже не ограничиваются выделением финансовой помощи ЛДП, а сами активно включаются в ее проведение, мобилизуя для этого все имеющиеся силы и средства. Они ведут наступление на рабочий класс, и прежде всего на передовых рабочих и коммунистов. Крупный финансовый капитал непосредственно принимает активное участие в проведении избирательных кампаний. Используя рычаги экономического господства, деловые круги организуют широкую поддержку кандидатам от ЛДП, а иногда и от центристских партий.

¹⁴ «Акахата», 5.XII.1971.

¹⁵ «Дзэнэй», 1977, № 419, с. 85.

Полицейская агентура все чаще фабрикует различного рода клеветнические слухи и измышления, дискредитирующие КПЯ, и снабжает соответствующими материалами буржуазные средства массовой информации для использования в антикоммунистических целях. Установлено, например, что исследовательский отдел кабинета министров проводит инструктивные совещания представителей правых буржуазных газет и предлагает им для использования различного рода провокационные сведения, которые якобы имеют достоверный характер. В этом смысле скандальную репутацию заслужила себе издательская компания «Бунгэй сьондзю», которая превратилась в застрельщика многих антикоммунистических выступлений. Против партийных активистов все чаще используются различного рода террористические группы, которые совершают нападения на помещения партийных организаций и осуществляют акты физического террора.

Антикоммунистическое наступление осуществляется не только силами ЛДП и деловых кругов. В активную борьбу против КПЯ включаются правооппортунистические лидеры и отсталые элементы из оппозиционных партий Комэйто и ПДС. Они все чаще блокируются с правящей Либерально-демократической партией против КПЯ и левой части СПЯ. Они, таким образом, не только оказывают большую услугу ЛДП, но и препятствуют созданию единого фронта демократических сил.

Партии «среднего пути» (Комэйто и ПДС) провозглашают курс единого фронта без КПЯ и оказывают давление на Соцпартию, чтобы не допустить создания общенационального единого фронта. Лидеры Комэйто и ПДС отказались от ведения совместной борьбы по таким актуальным проблемам, как «дело Локхид», борьба за улучшение жизни трудящихся, проблема японо-американского «договора безопасности» и т. п.

В результате раскольнических действий Комэйто и ПДС с середины 70-х годов произошло ослабление совместных массовых выступлений демократических сил. Так, на губернаторских выборах в Киото в 1974 г. и в Осака в 1975 г. партии Комэйто и ПДС перешли на сторону правящей партии, оказав ей существенную поддержку в борьбе против демократических сил.

Большой вред партии, ее усилиям по сплочению широких народных масс на решение стоящих перед страной и народом задач нанесли маоистские раскольники и их агентура в Японии. Борьба против их подрывной деятельности отвлекала силы и внимание членов партии от решения главных задач. Партия вела непримиримую борьбу против маоистского вмешательства во внутренние дела коммунистического и демократического движения Японии.

«Представители Компартии Китая, — подчеркивается в работе «50 лет Коммунистической партии Японии», — использовали усиление тенденции к восстановлению японо-китайских дипломатических отношений в качестве средства вмешательства в дела Японии. Они не только поддерживали направленную против партии подрывную деятельность слепо подчинявшихся им антипартийных элементов, но и, используя выступающих против коммунизма социал-демократов, партии, занимающие промежуточное положение, и даже часть ЛПД, приступили к созданию политического фронта, направленного против КПЯ; оказывая давление на журналистов, они сдерживали критику своей внутренней и внешнеполитической линии. Они еще больше разоблачили свой облик как лиц, осуществляющих великодержавное вмешательство и стремящихся навязать свои планы японскому народу и демократическому движению. Инцидент с «Ренго Сэкигун» («Объединенная Красная армия») также подтвердил, что несет Японии навязывание этими людьми курса на вооруженную борьбу в духе тезиса «винтовка рождает

власть». Партия подвергла резкой критике притязания группировки Мао Цзэдуна — Чжоу Эньлая на своего рода «социал-колониализм», на установление господства над другими партиями и народами, которые лежат в основе их вмешательства. Она показала, что необходимо занимать твердую позицию, не допускающую великодержавного вмешательства, чтобы японский народ своими силами прокладывает свою дорогу в будущее»¹⁶.

Когда с конца 1975 г. правящие круги развернули особенно широкую кампанию клеветнических нападок на компартию и ее руководителей, необоснованно обвиняя их в пренебрежении демократическими правами человека, партия, готовясь к намеченным на конец 1976 г. парламентским выборам, провела внеочередной, XIII съезд (июль 1976 г.). Съезд принял «Декларацию свободы и демократии». Этот документ явился своего рода хартией КПЯ, дополняющей и развивающей программные установки партии и решения партийных съездов. В нем указывалось, что японскому народу в полном объеме должны быть обеспечены следующие свободы: свобода существования, гражданские и политические свободы, национальная свобода. В Декларации подчеркивается, что все эти виды свобод серьезно подавляются и ущемляются в современной Японии. КПЯ разоблачает попрание правящими кругами элементарных прав и свобод, записанных в конституции.

Вскрывая изнанку буржуазной демократии, Декларация призывает японских трудящихся бороться за подлинные права и демократические свободы. В Декларации, в частности, подчеркивается, что исторический смысл учения научного социализма заключается в том, что, придавая большое значение политическому освобождению народа, он указал, что подлинного освобождения человека можно добиться только на основе ликвидации системы эксплуатации. Эта цель может быть достигнута путем ликвидации капиталистической системы и построения социалистического и коммунистического общества, в котором не будет классовых различий и противоречий.

В нашей стране, отмечается в Декларации, которая является высоко развитой капиталистической страной, но находится в зависимости от США, Коммунистическая партия, определяя дальнейшее направление социального прогресса, ставит ближайшей целью демократическое обновление страны с помощью демократического коалиционного правительства. Она имеет перспективу построения затем независимой, демократической Японии путем осуществления антиимпериалистической, антимонополистической демократической революции, продвижения к социалистической революции, а в конечном счете строительства коммунистического общества.

В социалистической Японии в собственность всего общества будут переданы находящиеся в настоящее время в руках крупного капитала ведущие отрасли промышленности и другие средства производства. Основным принципом хозяйственной деятельности станет производство не для частных прибылей, а для общества и народа. Рабочие будут играть активную роль в управлении предприятиями и контроле над ними. Плановое хозяйство, ведущее к богатому развитию производительных сил, гарантирует всему народу высокое материальное и духовное процветание, какого не было прежде.

В такой развитой стране, как Япония, указывается в Декларации, решающим шагом к социализации экономики явится социалистическая национализация крупных предприятий, составляющих важнейшую часть экономики. В таких отраслях, как средняя и мелкая промышленность и торговля, сельское хозяйство, а также мелкое и среднее рыбо-

¹⁶ Нихон кёсанго-но годзюэн (50 лет Коммунистической партии Японии). Токио, 1972, с. 243—244.

ловство, будут сохранены и частные хозяйства, будет уважаться их активная роль в народном хозяйстве.

КПЯ ставит задачу на всех этапах развития японского общества: твердо защищать суверенитет народа, свободу его участия в политической жизни. Она гарантирует свободу мысли и совести, свободу слова, печати, собраний, объединения, свободу трудящихся спланиваться и осуществлять коллективные действия.

Для обеспечения суверенитета народа и в независимой, демократической, и в социалистической Японии будет утвержден и надежно обеспечен государственный строй, при котором высшим органом явится парламент, основывающийся на обычном избирательном праве. Будет принята многопартийная система, допускающая наличие оппозиционных партий, и гарантирована свобода деятельности всех политических партий, а власть будет передаваться в руки партии или коалиции партий, получивших на выборах поддержку большинства народа.

КПЯ считает, что защита и расширение гражданских свобод является непременным условием для обеспечения основных прав человека и суверенитета народа. Каждому гражданину будет предоставлена свобода выражения, включая гарантию свободного использования средств массовой информации.

Проводя курс на защиту прав народа и добиваясь для него лучшей жизни, демократии и свободы, подчеркивается в заключительной части Декларации, КПЯ будет прилагать усилия к защите и расцвету гражданских, политических свобод, к защите и развитию свободы нации. Всесторонняя защита и развитие этих свобод и демократии — это перспектива, которую твердо обещает КПЯ, осознающая свою ответственность за будущее народа¹⁷.

Выступивший на XIII съезде председатель Секретариата ЦК КПЯ Тэцудзо Фува отметил, что «рабочие как класс должны, естественно, играть ведущую, центральную роль в осуществлении социалистических преобразований», но «ведущая роль рабочего класса в социалистических преобразованиях отнюдь не означает, что другие классы лишаются возможности участвовать в этих преобразованиях, что рабочий класс осуществляет господство над другими слоями народа... Социалистическая власть, объединяющая широкие народные массы и возникающая на основе их поддержки, не только не отстраняет другие общественные классы от участия в социалистическом строительстве, но, напротив, ориентируется на коалицию сил, поддерживающих социализм, на широкое объединение рабочего класса со всеми классами и слоями народа»¹⁸.

Состоявшиеся в период после XIII, внеочередного съезда КПЯ выборы в палату представителей (декабрь 1976 г.) и палату советников (июль 1977 г.) проходили в условиях продолжения массированных клеветнических атак на КПЯ со стороны буржуазных средств массовой информации, усиления националистической пропаганды в стране и оживления под их воздействием антикоммунистических предубеждений в центристских оппозиционных партиях и отсталых слоях населения. КПЯ потерпела серьезное поражение, потеряв в палате представителей 19 мест и 4 места в палате советников. Партия понесла значительный урон и в ходе выборов в местные органы самоуправления.

17—22 октября 1977 г. состоялся XIV съезд Компартии Японии. Он подвел итоги деятельности партии со времени ее XII съезда, обратил внимание как на анализ позитивных сторон деятельности, достижений партии, так и на выявление причин неудач, постигших ее в 1976—1977 гг. на парламентских выборах.

¹⁷ См. «Дзэнэй», 1976, № 400 (спецвыпуск), с. 52—71.

¹⁸ Там же, с. 109.

Как отмечалось в отчетном докладе ЦК XIV съезду, «во все времена во всех странах революционное движение никогда не развивается по прямой, широкой и ровной дороге, оно закаляет себя, добиваясь успехов и даже испытывая серьезные поражения, продвигается вперед по сложному, извилистому пути и таким образом открывает путь к победе. Два отступления на выборах, которые на этот раз испытала наша партия, представляют собой как раз один из изгибов на пути поступательного движения всего революционного процесса»¹⁹.

Признавая, что прогрессивные силы «были вынуждены отступить в условиях кризиса и упадка политического влияния ЛПД», съезд указал: «Главной проблемой здесь является то, что до сих пор не создан единый фронт прогрессивных сил и что эти силы не сумели показать реальную перспективу прогрессивного будущего тем широким народным массам, которые критически или даже отрицательно относятся к политике либеральных демократов»²⁰.

Съезд вновь подтвердил решимость партии и дальше развивать антиимпериалистическую, антимонополистическую борьбу, твердо отстаивать интересы трудящихся, спланировать их, добиваться формирования национально-демократического единого фронта, имеющего ближайшей целью построение мирной, нейтральной, демократической Японии.

В связи с попытками правящих кругов Японии, опирающихся сейчас на поддержку Пекина, сбить прогрессивные силы с позиций борьбы против политики военных союзов и милитаризации страны на съезде этого места было отведено разъяснению внешнеполитической линии партии.

«Наша партия, — говорится в отчетном докладе ЦК XIV съезду КПЯ, — возглавляя миролюбивые и демократические силы, крепит солидарность с антиимпериалистическими, миролюбивыми силами всех стран; протестует против всех проявлений политики вмешательства во внутренние дела, нажима на другие страны, политики войны и агрессии, проводимой американским империализмом; требует ликвидации американских военных баз на территории Японии и во всех районах Азии, настойчиво борется за роспуск всех военных блоков и ликвидацию всех военных баз в Азии, за полную независимость всех азиатских народов, за установление отношений мира и дружбы между всеми государствами на основе пяти мирных принципов, за создание настоящей системы коллективной безопасности в Азии, в которой бы приняли участие все государства независимо от различий общественного строя»²¹.

Съезд подчеркнул особую ответственность японского народа в борьбе против американского вмешательства, поскольку США используют Японию как орудие проведения своей агрессивной политики в Азии. На съезде указывалось, что вопрос о ликвидации японо-американского «договора безопасности» не только касается судеб японского народа, но и является международной проблемой, от решения которой зависит будущее Азии. В отчетном докладе ЦК XIV съезду партии, с которым выступил председатель Секретариата ЦК Т. Фува, выражалась уверенность, что «японский народ в результате всенародной борьбы сбросит формально японо-американского «договора безопасности» и совершит поворот от проамериканской политики сохранения агрессивного военного союза к полному восстановлению суверенитета и развитию страны по пути самостоятельной мирной политики, по пути независимости, демократии, мира и нейтралитета»²².

¹⁹ «Дзэнэй», 1977, № 419, с. 76—77.

²⁰ Там же, с. 35.

²¹ Там же, с. 84.

²² Там же.

КПЯ считает, что единственно разумным выходом из национального кризиса, связанного с наличием японо-американского военного союза является переход Японии на позиции неприсоединения и нейтралитета. Партия обращает внимание на то, что важнейшим объектом мировой стратегии США вновь становится Юго-Восточная Азия. В случае новых военных провокаций в этом районе Япония будет использована как опорный пункт США, и в этих условиях японо-американский «договор безопасности» может обернуться по отношению к японцам своей самой опасной стороной. Такому развитию событий в немалой степени способствует то обстоятельство, что администрация США требует от Японии, чтобы она взяла на себя значительную часть расходов по содержанию американских войск на Японских островах, а также увеличила военную и иную помощь Южной Корее.

Съезд указал, что наряду с реорганизацией и укреплением японо-американского военного союза все более опасное развитие приобретает процесс возрождения японского милитаризма. Еще на XI съезде КПЯ поставила вопрос об опасности возрождения милитаризма в стране, включая возможность посылки японских войск за границу. С тех пор японский милитаризм значительно окреп; дело дошло до того, что в японском парламенте дебатировался вопрос о принятии законов на случай «чрезвычайных обстоятельств».

«Во внутривнутриполитическом аспекте, — подчеркивается в отчетном докладе ЦК XIV съезду, — чрезвычайно серьезной проблемой является то, что усиление подспудных тенденций к созданию фашизма японского типа представляет собой одно целое с опасными тенденциями к возрождению милитаризма»²³. Исходя из этого анализа, XIV съезд КПЯ подчеркнул, что отношение к «договору безопасности» является одним из пробных камней, с помощью которого можно определить, кто в Японии стоит на позициях прогресса или реакции, суверенитета или зависимости, наконец, войны или мира.

XIV съезд поставил перед коммунистами задачу развернуть в общенациональном масштабе борьбу против опасного развития японо-американского военного союза, разоблачить тех, кто прямо или косвенно поддерживает военный союз с США. Съезд обратил внимание на то, что на помощь американским и японским силам реакции приходит китайское руководство, которое усиленно добивается от левых политических партий и организаций отказа от традиционной борьбы за мирный, нейтральный путь развития Японии, пытается втянуть их в осуществление своих гегемонистских планов на основе создания международного антисоветского фронта с участием Японии.

«Среди апологетов «договора безопасности», — говорится в отчетном докладе ЦК XIV съезду, — находятся сейчас и те, кто раньше громче всех выступал за его ликвидацию, против возрождения милитаризма. Но стоило только Китаю по соображениям стратегии, проводимой им по отношению к Советскому Союзу, совершить в своей национальной политике поворот к одобрению японо-американского «договора безопасности», как эти люди, слепо следуя за Китаем, тут же изменили свои позиции на 180 градусов. Надо сказать, что такое беспринципное ренегатство обнаружило жалкую душонку тех, кто пресмыкается перед заграницей и не чувствует никакой ответственности за судьбы Японии и ее народа»²⁴.

Съезд выдвинул лозунг поворота Японии к курсу на неприсоединение и нейтралитет, указав, что только такой курс может открыть новые перспективы решения тех внешнеполитических и экономических противоречий, в поисках которых сегодня находится Япония.

²³ «Дзэнэй», 1977, № 419, с. 104.

²⁴ Там же, с. 105.

Переход к политике неприсоединения не только в политическом, но и в экономическом отношении будет выгоден Японии. Такая политика, по мнению КПЯ, откроет новые пути для развития экономики, облегчит решение вопроса о природных ресурсах. «Если, вступив на путь неприсоединения и нейтралитета, Япония решительно откажется от прежних отношений, в которых находятся эксплуатирующие капиталистические страны с эксплуатируемыми развивающимися странами, и установит с развивающимися странами отношения подлинного взаимного благоприятствования и равенства, то это, бесспорно, откроет перед ней новые перспективы решения проблемы ресурсов»²⁵.

XIV съезд признал необходимым рассматривать борьбу за создание демократического коалиционного правительства в более длительной перспективе, чем в рамках 70-х годов. «Пусть в процессе достижения намеченной цели будут встречаться различные трудности, — отмечается в резолюции съезда, — но задача создания демократического коалиционного правительства на основе единства прогрессивных сил рано или поздно будет решена путем всенародной борьбы. В этом направлении движется история, никакое сопротивление, никакие препятствия со стороны противников обновления не смогут ей помешать»²⁶.

Значительное место в работе съезда заняли вопросы совершенствования работы партии в целях расширения ее рядов и обеспечения успехов на парламентских выборах.

Вооруженные решениями XIV съезда, японские коммунисты развернули широкую политико-воспитательную и организаторскую работу в массах, что сказалось на укреплении и расширении авторитета партии, росте доверия к ней со стороны трудящихся. К 57-й годовщине КПЯ, которая отмечалась в июне 1979 г., в рядах партии насчитывалось свыше 420 тысяч членов. Число читателей центрального органа КПЯ газеты «Акахата» («Красное знамя») составило три миллиона человек. Это — крупный успех КПЯ, если учесть, что в 1961 г. в рядах партии состояло 40 тысяч членов, а число читателей «Акахаты» не превышало 100 тысяч.

Другим примером роста влияния КПЯ является ее крупный успех на последних парламентских выборах, состоявшихся в октябре 1979 г. Партия собрала 5,8 миллиона голосов и провела в нижнюю палату парламента 39 депутатов, а с учетом двух единых кандидатов демократических сил фракция КПЯ в нижней палате составляет 41 человек. В настоящее время в высшем законодательном органе страны партия будет представлена 57 депутатами. Особый успех на долю коммунистов выпал в крупных промышленных центрах — в Токио, Осака, Киото. Заметно выросло влияние КПЯ и в сельских районах, где КПЯ завоевала более десяти депутатских мандатов. Это тем более показательно, что японская деревня всегда была вотчиной консервативных сил и традиционно голосовала за кандидатов ЛДП.

Стремительное продвижение вперед на выборах объясняется тем, что КПЯ выступала под популярными в народных массах лозунгами борьбы против милитаризации страны, за расторжение японо-американского военного договора, против соучастия Японии в опасных агрессивных замыслах США и Пекина, направленных на вмешательство во внутренние дела стран Азии и бассейна Тихого океана. Партия решительно выступала в ходе выборов за развитие мирных и дружеских отношений с Советским Союзом, разоблачала провокационную кампанию о «росте советской военной угрозы», развязанную реакционными кругами.

²⁵ Там же, с. 106.

²⁶ Там же, с. 36.

Однако стремительное продвижение на выборах 1979 г. не является каким-то пределом для Компартии Японии. Руководство КПЯ считает, что достигнутый успех является еще недостаточным для того, чтобы обеспечить создание единого национально-демократического фронта и вплотную поставить вопрос о радикальной смене власти в Японии. Подводя итоги прошедших выборов, т. Миямото подчеркнул, что количество мест, завоеванных КПЯ в парламенте, является еще незначительным, если это рассматривать в свете тех огромных задач, которые предстает решить партии в ближайшей исторической перспективе.

Со времени XIV съезда КПЯ по настоящее время число членов КПЯ выросло на 40 тысяч, в результате чего их общее число составляет сейчас 400 тысяч человек. Хотя задания XIV съезда оказались несколько невыполненными, такой численности своих рядов КПЯ достигла впервые за всю историю своего существования.

Больших успехов КПЯ добилась за последнее время и в области увеличения числа читателей центрального печатного органа партии — газеты «Акахата». Сейчас число ее подписчиков достигло максимального уровня — 3,4 млн. человек.

Значительно расширилась и организационно окрепла сеть партийного просвещения. Как отмечалось в проекте резолюции XV съезда, число выпускников партийных курсов увеличилось до 62 тыс. человек, а число членов партии, посещающих лекции в системе первичного обучения, достигло 162 тыс. человек. На значительно более регулярном основе стали проводиться собрания партийных организаций (примерно половина всех партийных организаций в Японии проводит собрания три или четыре раза в месяц).

«Вся партия, — говорится в проекте резолюции XV съезда КПЯ, — сейчас участвует в проведении месячников выполнения публичных обязательств, проведении пропаганды партийной политики и укреплении численного состава партии и добивается выполнения цели, поставленной XIV съездом, который провозгласил, что число членов партии должно достичь 500 тыс. человек, а читателей ее печатного органа — 4 миллиона человек ко времени XV съезда партии.

Опираясь на эти успехи, мы должны сделать все возможное для преодоления любых препятствий и создать массовую авангардную партию, достаточно сильную и в количественном, и в качественном отношении, чтобы успешно продвигаться вперед и добиться побед в борьбе за смену социальной администрации»²⁷.

Японские наблюдатели все чаще говорят, что главное противоборство в 80-х годах будет вестись между Коммунистической партией Японии, выражающей и защищающей интересы и чаяния широких масс трудящихся, и Либерально-демократической партией, стоящей на страже интересов крупного монополистического капитала. Но уже сегодня можно сказать, что КПЯ превратилась во влиятельную силу японского общества, за которой идут миллионы японских трудящихся. В то время как правящая ЛДП, раздираемая внутренними противоречиями, теряет одну позицию за другой. Эта глубинная тенденция проявляется не только в ходе парламентских схваток, но и на других фронтах классовых сражений, происходящих в современной Японии.

²⁷ Information Bulletin for Abroad. Central Committee of JCP. Tokyo, 1979, № 422, p. 110.

Япония — Латинская Америка: дзайбацу наступают

В. П. Кириченко,
кандидат исторических наук

70-е годы текущего столетия ознаменованы резким обострением экономических проблем всей капиталистической системы. «Именно эти годы, — подчеркивалось на XXV съезде КПСС, — в капиталистическом мире разразился экономический кризис, остроту и глубину которого, по признанию самих буржуазных деятелей, можно сравнить лишь с кризисом начала 30-х годов»¹. Обострение кризисных явлений капитализма охватило не только сферу собственно производства, оно приняло форму энергетического, сырьевого, валютного кризисов и т. д.

Углубление неустойчивости экономического положения капитализма, обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства вызвали усиление экспансии международных монополий и межимпериалистических противоречий в развивающихся и зависимых странах. Seriously обострились эти противоречия в Латинской Америке. Возрастающее значение континента с его богатыми природными и людскими ресурсами, емкими рынками сбыта привлекло к нему в 70-х годах пристальное внимание империалистических монополий.

Экспансия империалистических монополий — объективное явление в развитии капитализма. «Потребность в постоянно увеличивающемся избытке продуктов, — писал К. Маркс, — гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи»². Именно цель получения наивысших прибылей заставляет монополии вести борьбу за преобладание в зависимых странах. Примером Латинской Америки подтверждается тезис В. И. Ленина о том, что «к многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще»³.

В последние годы резко повысился интерес к Латинской Америке со стороны государств Западной Европы и Японии, заметно усиливших свою внешнеэкономическую экспансию в этом регионе. Как подчеркивается в Документе, принятом Международным совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве (1969), «империализм США усиливает свое экономическое проникновение, а также вмешательство в политическую, идеологическую и культурную жизнь стран Латинской Америки... Другие империалистические державы, особенно Западная Германия и Япония, также прилагают усилия к тому, чтобы утвердиться на континенте»⁴.

Особую тревогу у монополистического капитала США, рассматривающего Латинскую Америку как свою «законную» вотчину, вызывает

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 427.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 421—422.

⁴ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 293.

безудержная экспансия японских монополий. «Повсюду в Латинской Америке появляются японцы, — сетует «Нью-Йорк таймс». — Японские банкиры, торговцы, владельцы шахт и предприятий обрабатывающей промышленности проникают в те сферы капиталовложений, которые до недавнего времени были вотчиной американских и европейских компаний»⁵. Японцы незаметно завоевывают Латинскую Америку, вторично американской газете западногерманский журнал «Шпигель»⁶. Действительно, в последние годы заметно активизировались отношения Японии с латиноамериканскими государствами, которые в течение длительного времени находились вне сферы основных интересов ее дипломатии и не входили в число первоочередных объектов экспансии японского монополистического капитала. Однако в связи с превращением Японии в один из основных центров капиталистического мира, а также в связи с нефтяным и энергетическим кризисами она вынуждена искать новые источники сырья и продовольствия и находит их в Латинской Америке, усматривая в этом путь к упрочению своих позиций в капиталистическом мире.

Быстрые темпы роста японской экономики, нехватка в стране многих важнейших видов натурального сырья, трудности сбыта промышленных изделий, рост цен на землю и жесткие ограничения инвестиционной деятельности, вызванные загрязнением окружающей среды, — все это способствовало тому, что дзайбацу повели массированное наступление на Латинамериканский континент.

В свою очередь страны Латинской Америки также проявляют значительный интерес к Японии, видят в расширении сотрудничества с ней возможность ослабить зависимость от американского империализма, что находит свое проявление в политике диверсификации их экономических и политических отношений с другими развитыми странами мира. Взаимная заинтересованность и составляет объективную основу резкого расширения связей между Японией и латиноамериканскими странами.

В борьбе за Латинскую Америку японский монополистический капитал использует весьма разнообразные средства и методы: предоставление больших краткосрочных кредитов для промышленного строительства, крупные закупки товаров традиционного латиноамериканского экспорта, более короткие сроки поставок, участие в интеграционных процессах стран региона, широкое участие в смешанных компаниях, в том числе в предприятиях государственного сектора. Используются и такие факторы, как преимущества японских промышленных товаров — их относительно высокое качество и дешевизна; обострение отношений латиноамериканских стран с США и др. Немаловажно, что в Латинской Америке проживают 800 тыс. лиц японской национальности, в том числе 700 тыс. — в Бразилии⁷.

Японские монополии устремились прежде всего в обрабатывающую промышленность латиноамериканских стран. Падение экспортных цен на многие виды сырья, связанное с кризисом мирового сырьевого хозяйства, сравнительно низкая производительность труда, бурное развитие научно-технической революции привели к сокращению прибылей в добывающей промышленности Латинской Америки — традиционной сфере приложения иностранного капитала. Поскольку США безраздельно господствовали в этой отрасли и долгое время несколько пренебрегали обрабатывающей промышленностью, японский капитал устремился именно в эту отрасль, где позиции Соединенных Штатов были наиболее уязвимы. Выступая под лозунгом «помощи в индустриализации» Латинской Америки, японские инвесторы не только столкнулись с меньшим

⁵ «The New York Times», 21.V.1971.

⁶ «Der Spiegel», 26.VI.1973.

⁷ См. «Латинская Америка», 1976, № 4, с. 87.

социально-политическими преградами, но и получили поддержку правительств латиноамериканских стран, которые всячески поощряли вложения в обрабатывающую промышленность, введя специальные налоговые и таможенные льготы, что обеспечило конкурентам США дополнительные прибыли. Именно здесь дзайбацу решили дать бой американским монополиям в борьбе за обширные латиноамериканские рынки.

Японские монополии учли негативные последствия откровенно грубых форм и методов господства североамериканского капитала в Латинской Америке, что привело к экспроприации и национализации американской собственности во многих странах региона. Они приняли ряд мер по регламентации своей деятельности в странах континента, с тем чтобы она не ассоциировалась с неприкрытой и хищнической эксплуатацией природных и людских ресурсов региона североамериканскими монополиями. С этой целью были сделаны известные уступки местной буржуазии, направленные на то, чтобы, заручившись ее поддержкой, привлечь к сотрудничеству представителей крупного местного капитала, техническую интеллигенцию, хотя бы символически выступать под флагом национальных предприятий. В результате дзайбацу более или менее эффективно нейтрализуют противодействие своим устремлениям.

Соблюдение в определенных пределах внутреннего законодательства и местных обычаев, ориентация на внутренних потребителей продукции, получение помощи от латиноамериканских правительств дают японским монополиям различного рода привилегии, которые предоставляются в странах региона национальным компаниям. Таким образом, опираясь на союз с крупной латиноамериканской буржуазией, обладая широкими финансовыми связями и обширным техническим опытом, дзайбацу получают возможность контролировать огромные суммы распыленных латиноамериканских денежных средств. Выступая под флагом «национальных» фирм и компаний, японские монополии имеют доступ в союзы местных предпринимателей и промышленно-торговые конфедерации и тем самым могут влиять на экономический климат и конъюнктуру в латиноамериканских странах путем выработки рекомендаций для правительств в области торговли, налоговой политики, валютно-финансовых операций — по существу, стать своего рода невидимыми дирижерами экономической жизни этих стран.

Японское экономическое вторжение в Латинскую Америку началось с 50-х годов. К концу 60-х годов на континент уже приходилось 30 % общих заграничных инвестиций Японии, в то время как на страны Юго-Восточной Азии — традиционный рынок сбыта японских товаров — лишь 20 %. Из общей суммы прямых инвестиций Японии, составлявшей в 1968 г. 1562 млн. долл., на Латинскую Америку приходилось 3-45 млн. долл., или 22 %⁸. Среди инвесторов в Латинской Америке Япония к этому времени вышла на шестое место, а страны континента — на второе место в качестве объекта экспорта капитала японских дзайбацу.

В том же 1968 году один из японских банкиров заявил, что «Япония — новичок в этой игре инвестиций в Латинской Америке. Но, — продолжал он, — я знаю, что есть много японских компаний, которые считают нужным принять в этом участие, пока еще не слишком поздно»⁹. Эти призывы не остались без последствий: начиная с 70-х годов японский капитал буквально ринулся в латиноамериканские страны — инвестиции Японии возросли с 62 млн. долл. в 1960 г. до 699 млн. долл. в 1972 г. и превзошли английские и западногерманские, составлявшие примерно по 600 млн. долл. В 1972 г., например, темпы роста японских капиталовло-

⁸ In: «East-West Trade Bulletin», October 1969, p. 7.

⁹ «Business Week», 14.IX.1968, p. 168.

жений в Латинской Америке составили 200 % ¹⁰. В 1974 г. общая сумма прямых частных инвестиций Японии в Латинской Америке составила 2413 млн. долл., а в 1975 г. — 2510 млн. долл., что составляет 19,8 % всех частных японских инвестиций за рубежом ¹¹.

За 10 лет, с 1966 по 1976 г., сумма японских инвестиций на Латинском американском континенте увеличилась в 12 раз, то есть возрастала более чем на 500 млн. долл. ежегодно. По заявлениям руководителей японских деловых кругов, дзайбацу намерены инвестировать в Латинской Америке к 1985 г. 13—15 млрд. долл. ¹².

Благодаря доминирующему положению США в добывающей промышленности стран региона частные капиталовложения США в разработку нефтяных и рудных месторождений стран континента составляли в 1969 г. 75 % североамериканских инвестиций за границей. А на долю японских монополий, вкладывающих капиталы в обрабатывающую промышленность, уже в 1966 г. приходилось 90,1 % частных инвестиций Японии в Латинской Америке ¹³.

В 1974 г. из общей суммы японских инвестиций — 2413 млн. долл. — на обрабатывающую промышленность континента приходилось 1222,7 млн. долл. (50,7 %), в том числе на химическую — 349,2 млн. долл., черную и цветную металлургию — 217,7, текстильную — 210,1, производство транспортного оборудования — 97, машиностроение — 60 млн. долл. На добывающую промышленность приходилось 556,9 млн. долл. (23,1 %), кредитно-финансовую сферу — 230 млн. долл. (9,5 %) ¹⁴.

В наиболее перспективных и высокодоходных отраслях латиноамериканской промышленности — металлургии, судостроении, автомобилестроении, электротехнической, химической — к 70-м годам действовало более 200 японских фирм ¹⁵, среди них крупнейшие: «Мицубиси», «Мицуби», «Сумитомо», «Марубэни».

С целью стимулирования экономических отношений со странами Латинской Америки представители правительственных и деловых кругов Японии часто посещают страны региона. Еще в 1955 г. премьер-министр Н. Киси посетил с официальным визитом Бразилию, Аргентину, Чили и Перу. В сентябре 1974 г. в Мексику и Бразилию приехал премьер-министр К. Танака. В 1975 г. в Аргентине, Перу, Уругвае побывала японская экономическая миссия во главе с президентом Торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано. В свою очередь президент Бразилии Эрнесто Гейзел в сентябре 1976 г. посетил Японию с официальным визитом, в ходе которого было заключено 16 крупных соглашений по экономическому и научно-техническому сотрудничеству ¹⁶. Используя многочисленные соглашения с латиноамериканскими странами, японские монополии продолжают расширять экономическую экспансию на этот континент.

Прямые частные инвестиции Японии в Латинской Америке в 1976—1979 гг. продолжали расти. Так, если в 1976 г. на страны континента приходилось 2795 млн. долл., или 18,6 % всех ее заграничных капиталовложений, то в 1977 г. эта сумма возросла до 2881 млн. долл., причем 30,4 % было вложено в обрабатывающую промышленность. Средняя доля участия японского капитала в смешанных компаниях стран Латинской Америки 35—50 %. Особенно усилилось влияние японского капитала в крупнейшей стране континента — Бразилии. В 1978 г. прямые

¹⁰ «Far Eastern Economic Review», 12.IX.1975, p. 42.

¹¹ См. «Международная жизнь», 1976, № 10, с. 152; «Латинская Америка» 1976, № 4, с. 81.

¹² In: «Japan Report», 1.XII.1976.

¹³ In: J. Fuchs. Cooperation and Aid or Neo-Colonialism? Paris, 1973, p. 87.

¹⁴ In: «Japans Overseas Investments», September 1974, p. 9, 11; «Латинская Америка», 1976, № 4, с. 81.

¹⁵ In: «The New York Times», 21.VI.1971.

¹⁶ In: «The Japan Economic Review», 1976, № 10, p. 6.

настные инвестиции дзайбацу в Бразилии составляли 1203 млн. долл. (США — 3418 млн. долл., ФРГ — 1533, Швейцарии — 1202, Англии — 546, Франции — 429 млн. долл.). По предварительным оценкам, в 1979 г. японские инвестиции в латиноамериканских странах заметно возросли.

Усиленными темпами развивается торговля Японии с Латинской Америкой. Японский экспорт в страны региона увеличился с 12,4 млн. долл. в 1950 г. до 197,9 млн. долл. в 1960 г., а импорт за это же время возрос с 20,1 до 265 млн. долл. В дальнейшем объем японо-латиноамериканской торговли продолжал увеличиваться. В 1965 г. японский экспорт в этот регион составлял 289 млн. долл., в 1970 — 690, в 1973 — 1611 млн. долл.; импорт из Латинской Америки — соответственно 535,6, 1126,8 и 1588,3 млн. долл. До начала 70-х годов Япония имела хроническое пассивное сальдо в торговле со странами континента, в 1971—1973 гг. активное сальдо ее превышало 1,6 млн. долл.¹⁷

На латиноамериканские страны в 1974 г. приходилось 8,6 % всего японского экспорта и 3,8 % импорта. Характерно, что по темпам роста экспорта и экспорта в регионе Япония явно опережает США. Так, доля Японии в импорте стран региона с 3,5 % в 1960—1963 гг. повысилась до 7,2 % в 1970—1973 гг., в то время как доля США уменьшилась за это время с 42,3 до 37,1 %. Соответственно доля Японии в экспорте возросла за тот же период с 3,1 до 5,5 %, а доля США уменьшилась с 37,6 до 31,8 %¹⁸.

По сравнению с 1970 г. японский экспорт на Латинамериканский континент в 1974 г. увеличился в 4,2 раза, а импорт — в 1,8 раза и составлял 4325 и 2181 млн. долл. соответственно. В 1974 г. японский экспорт в страны региона увеличился по сравнению с 1973 г. на 83,5 %, а импорт — на 38,3 %. Удельный вес Латинской Америки в японском экспорте составлял в 1974 г. 9,1 % (в 1973 г. — 7,6 %), в импорте — 4,1 % (в 1973 г. — 5,1 %)¹⁹.

Быстрыми темпами растет число филиалов и отделений японских банков, промышленных и торговых компаний. Такие крупные банки, как «Мицубиси», «Мицубиси», «Сумитомо», «Фудзи», от осторожного зондирования перешли к широким банковским операциям, тем более что Япония имеет большое положительное сальдо платежного баланса с латиноамериканскими странами. В 1973 г., например, Латинская Америка получила 41,6 % всей суммы иностранной «помощи» от Японии (страны Азии — 39 %) ²⁰.

Особенно усилилась экспансия государственного ссудного капитала Японии в Латинской Америке в 1976—1979 гг. Займы и кредиты направлялись в отрасли, в развитии которых очень заинтересованы дзайбацу. Кредиты и займы предоставлены на льготных условиях.

Так, в 1978 г. консорциум трех японских банков — «Сумитомо», «Токай» и «Татё-кобэ» — предоставил мексиканской национальной компании ПЕМЕКС заем в сумме 25 млн. долл. для финансирования проектов расширения добычи нефти сроком на 5 лет. Всего этой стране в 1976—1979 гг. Япония предоставила займы и кредиты на сумму 200 млрд. нен для финансирования проектов экономического развития сроком на 20 лет.

Для строительства нефтепровода на севере Перу в 1978 г. предоставлен заем в 300 млн. долл. До 1982 г. продлен срок погашения перуанской задолженности по кредитам и займам Японии в сумме 9,9 млрд. нен (49,5 млн. долл.). На льготных условиях в 1978 г. предоставлены займы Парагваю в сумме 7,5 млрд. песо, Панаме — 15 млрд. нен, или 76 млн.

¹⁷ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 7, с. 116.

¹⁸ In: «Far Eastern Economic Review», September 12, 1975, p. 42.

¹⁹ См. «Латинская Америка», 1976, № 4, с. 82.

²⁰ In: «Financial Times», June 13, 1974.

долл., Гайане 400 млн. нен, а ранее — 340 млн. нен. Гватемала в том же году получила «безвозмездную помощь» в сумме 4 млн. нен.

Всего в 1977/78 финансовом году на Латинскую Америку приходилось 80 % обещанной суммы правительственной «помощи». В течение 1979—1982 гг. Япония обещает увеличить размер «помощи» в два раза в сравнении с 1977 г., в том числе в 1,4 раза — правительственную «помощь» странам Латинской Америки. «Помощь» японского государственного капитала фактически способствует облегчению экспансии дзайбацу на Латиноамериканский континент.

Товарная структура японо-латиноамериканской торговли типична для взаимоотношений стран развитого капитализма с развивающимися странами. В 1973 г. почти 90 % японского экспорта в этот регион составляла продукция тяжелой и химической промышленности, в том числе черные металлы (22,2 %), суда (21,6 %). Импорт в Японию из Латинской Америки — сырье (48,6 %) и продовольствие (39,2 %). Почти половина импорта приходилась на 5 видов товаров — железную руду, хлопок, сахар, медную руду, медь и ее сплавы²¹. В 1974 г. Япония вывезла из этих стран 34,1 млн. т железной руды (24 % всего японского импорта этого сырья), 261 тыс. т медной руды, 426 тыс. т цинковой руды, 215 тыс. т хлопка²².

Одним из главных объектов в битве японских монополий за рынки в Латинской Америке является рынок продукции машиностроения. В 1967—1974 гг. экспорт продукции машиностроения и транспортных средств (без автомобилей) из Японии в Латинскую Америку увеличился в 9 раз. В 1967 г. доля Японии в капиталистическом экспорте этой продукции составляла 7 %, а в 1974 г. — 17 %. Экспорт в латиноамериканские страны основных видов японской промышленной продукции увеличился по сравнению с 1967 г.: машиностроение и транспортные средства — с 270 до 2400 млн. долл., автомобили и узлы к ним — с 23 до 160 млн. долл., химические изделия — с 28 до 310 млн. долл., сталь и чугуны — с 80 до 1470 млн. долл.²³.

Сходная картина наблюдается на латиноамериканском рынке химических товаров. За 1967—1974 гг. удельный вес Японии в общем капиталистическом экспорте продукции химической промышленности в Латинскую Америку возрос с 2 до 6 %, на рынке черных металлов — с 18 до 40 %; в абсолютных цифрах стоимость японского экспорта черных металлов возросла почти в 5 раз. Япония проявляет все больший интерес к строительству атомных электростанций (АЭС) в странах региона, в частности в Мексике. Концерн «Мицубиси» поставляет для строящейся в этой стране АЭС турбогенераторы.

Стремление японских дзайбацу к расширению своих торговых отношений с Латинской Америкой выразил бывший директор Центра экономических исследований Японии Сабуро Окита (с ноября 1979 г. — министр иностранных дел). «Япония, — заявил он, — чрезмерно сконцентрировала свое внимание на Юго-Восточной Азии, а я полагаю, что неразумно ограничиваться лишь одной сферой влияния в мире. Надо считаться с тем фактом, что Япония в настоящее время — универсальный, а не региональный торговый партнер и следует расширять связи с другими районами мира, прежде всего с Латинской Америкой, а также с Африкой»²⁴.

Продолжается рост внешнеторговой экспансии японских дзайбацу в Латинской Америке. Япония по-прежнему во многом зависит от зарубежных поставок сырья и материалов. В значительной степени она по-

²¹ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 7, с. 116.

²² См. «Международная жизнь», 1976, № 10, с. 152.

²³ США и Латинская Америка. М., 1978, с. 98.

²⁴ «El Nacional», 10.VIII.1970.

крывает свою потребность в этих товарах за счет латиноамериканского экспорта. О росте торговли Японии с латиноамериканскими странами свидетельствуют следующие данные (в %):

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Экспорт	7,3	5,7	5,3	7,2	8,8	7,8	7,2	7,4
Импорт	0,7	0,6	1,2	1,2	1,1	1,5	1,3	1,3

Торговля Японии со странами Латинской Америки в 1978 г. характеризуется следующими данными:

Млн. долл.	Экспорт	
	% к 1977 г.	Удельный вес
6408,8	105,4	6,8
	Импорт	
294,1	99,4	3,8

Характерно, что если доля США в торговле со странами Латинской Америки уменьшается, то доля Японии заметно растет. Так, за 1965—1975 гг. импорт США из стран региона уменьшился с 52 до 45,1 %, а импорт Японии увеличился с 5,7 до 12,4 %.

Высокие темпы развития японской экономики, особенно промышленного потенциала, нашли отражение в инвестиционном рывке в странах Латинской Америки. Экономические успехи Японии усилили интерес этих стран к ее технике, технологиям и промышленным товарам. Обладая высокоразвитой промышленностью, Япония повела энергичную борьбу на латиноамериканском рынке машин и оборудования. Уже в начале 70-х годов доля продукции тяжелой промышленности в японском экспорте в Латинскую Америку достигла 80 %²⁵. В некоторых странах японские компании уже сумели занять ведущее положение на рынках отдельных товаров, например в Бразилии и Аргентине (кино- и фотоаппаратура), в Перу (радиоприемники и мотоциклы). Все это свидетельствует о больших потенциальных возможностях дзайбацу на латиноамериканских рынках.

Современная научно-техническая революция усилила зависимость промышленно развитых стран капитализма от источников сырья в странах «третьего мира». Особенно это проявилось в 70-е годы, в условиях «истощения» мировых запасов сырья и энергетического кризиса. Япония, имея весьма слабую сырьевую базу и довольно высокие темпы экономического роста, усилила свой интерес к сырьевым ресурсам Латинской Америки. Реализации этого интереса способствовали сами латиноамериканские страны, стремящиеся ослабить свою зависимость от североамериканских монополий путем расширения связей с конкурентами США.

Дзайбацу заняли довольно высокие позиции в разработке сырьевых ресурсов Бразилии, Мексики, Чили и Боливии. Япония вывозит из стран Латинской Америки 52,5 % цинковой руды, 19,5 % вольфрамовой руды, более 100 % серы²⁶. Как отмечала мексиканская печать, «существенные отношения между Японией и Латинской Америкой будут развиваться в будущем. Япония будет импортировать значительное количество сырья, а Латинская Америка распорядится сырьем, в которых нуж-

²⁵ In: «Comercio Exterior», 1972, № 2, p. 134.

²⁶ См. «Латинская Америка», 1976, № 4, с. 84.

²⁷ «El Herald», 29.III.1971.

В борьбе за латиноамериканское сырье дзайбацу используют разнообразные методы и средства, учитывая конкретные обстоятельства и возможности той или иной страны региона. Например, Япония продавала Венесуэле танкеры, а расплачиваться за них Венесуэла обязалась поставками нефти. Строительство предприятий горнорудной промышленности японскими фирмами оговаривалось их правом закупать в будущем производимое на них сырье. Государственные ассигнования Японии на развитие горнорудной промышленности стран региона еще в 1966 г. составляли 19,1 % общегосударственного фонда помощи зарубежным странам, в то время как прямые частные инвестиции — 1,3 %. К тому же последние предоставлялись не в виде капиталовложений или акций, а в форме кредитов, условия выплаты по которым включали обязательства поставлять руду в Японию. В обмен на вложение капитала в строительство предприятий по производству железорудных окатышей в Венесуэле дзайбацу получили право закупки 50 тыс. т этого вида продукции. Вложив 1 млрд. долл. в горнорудную промышленность Перу, японские монополии будут получать из этой страны железную и медную руду.

Важный путь внедрения дзайбацу — создание смешанных предприятий. Японская фирма «Тохо цинку К^о», которой принадлежит 70 % акций смешанной компании с участием перуанского капитала, ведет добычу цинка в районе Арекипо. При покупке сырья японские монополии в отдельных случаях предлагают более высокие цены по сравнению с ценами американских или европейских корпораций.

Япония бросила вызов американским компаниям на рынках железной руды и выигрывает битву: удельный вес США в импорте сокращается, а доля Японии растет. В 1974 г. Япония импортировала из Латинской Америки 34 млн. т железной руды. В 1976 г. шесть японских компаний подписали с бразильской компанией «Вале до Рио Досе» соглашение о поставках 280 млн. т руды в течение 15 лет начиная с 1979 г.

Дзайбацу вступают в борьбу за нефтяные ресурсы континента, стремясь проникнуть непосредственно в добычу «черного золота». Воспользовавшись национализацией собственности американских нефтяных монополий в Перу, Боливии, Венесуэле и ограничением их деятельности в Мексике, Колумбии и Эквадоре, японские монополии заключили ряд соглашений с этими странами о разведке и добыче нефти. Консорциум восьми японских компаний добился договоров с компаниями «Экопетроль», «Петроперу» и КЭПЭ о вложении 300 млн. долл. в разведку и добычу нефти в Колумбии, Эквадоре и Перу. В мае 1974 г. японская государственная нефтяная корпорация предоставила заем в 330 млн. долл. перуанской компании «Петроперу» в обмен на поставку нефти и нефтепродуктов в Японию в течение 10 лет. Одновременно японские фирмы согласились участвовать в разведке и добыче нефти и в сооружении нефтепровода протяженностью 850 км. С целью внедриться в добычу нефти японские компании зачастую действуют совместно с фирмами США.

Растущий в Латинской Америке антиамериканизм был использован дзайбацу в борьбе за доступ к таким видам сырья, как медь, олово, цинк, уран. В марте 1970 г. в Токио был подписан контракт с Перу о совместной эксплуатации залежей меди, цинка и свинца с последующей поставкой части продукции в Японию. Тогда же «Мицубиси» подписала с чилийской компанией контракт на поставку в Японию 20 тыс. т медной руды ежегодно в течение 20 лет на общую сумму 250 млн. долл. «Мицубиси» и «Марубэни» в 1972 г. заключили договор с правительством Мексики о создании в этой стране смешанной компании по торговле цветными металлами (51 % акций — мексиканские, 24,5 % — японских фирм), для экспорта цинка, олова и полуфабрикатов из них, в том числе и в Японию. Таким образом, Япония энергично ведет борьбу за источники сырья в Латинской Америке, особенно за доступ к наиболее ценным и перспективным.

Наиболее сильные позиции японский монополистический капитал занимает в самой крупной латиноамериканской стране — Бразилии. В ней сосредоточено более половины всех японских частных инвестиций на Латиноамериканском континенте — 1389 млн. долл. в 1975 г. В 1972 г. в Бразилии насчитывалось 175 японских компаний, в 1973 — 382, в 1975 — более 400.

Создав опорные пункты в экономике Бразилии и пообещав превратить ее в «латиноамериканскую Японию», дзайбацу приступили к осуществлению новых крупных проектов — к строительству крупнейших предприятий для поставок в Японию сырья. Синдикат японских коммерческих банков предоставил Бразилии заем в сумме 220 млн. долл. на финансирование проекта «Экспортный коридор» — для связи внутренних сельскохозяйственных районов с океанским побережьем (железные дороги, порты). Заключено соглашение о строительстве крупных предприятий по производству древесины (6 млн. куб. м к 1981 г.).

Бразилия фактически стала базой японской экспансии во всей Латинской Америке. Руководители дзайбацу не без гордости говорили, что им принадлежит заслуга создания «бразильского экономического чуда». В действительности так называемое «бразильское чудо» — это очередной шиф империализма, который стремится показать на примере Бразилии возможность для стран «третьего мира» «выбиться» в число индустриально развитых стран. Творцы «бразильского чуда» — новой формы экономической зависимости страны от иностранного капитала — международные монополии, бесконтрольно орудующие в этой стране. Экономический кризис 1973—1975 гг. показал истинную цену этого «чуда» — международные корпорации, по существу, экспортировали кризис в Бразилию, что принесло ее народу неисчислимы бедствия. Сейчас разговоры о «бразильском чуде» вообще затихли.

Вторжение дзайбацу в Латинскую Америку обострило межимпериалистические противоречия в регионе. Процессы развития этих противоречий не однозначны, носят двойственный характер.

В марте 1976 г. японские компании «Тосиба», «Хитати», «Мицубиси Дэнки», «Мицубиси бусан» и западногерманская монополия «Симменс», объединив усилия, выиграли торги на поставку генераторов на сумму 10 млрд. ден для электростанции «Рури» в Венесуэле, предложив цены на 5—10 % ниже цен американской компании «Дженерал электрик». Но еще же японские компании, если им выгодно, сплошь и рядом идут на сговор с американскими компаниями в борьбе с латиноамериканской буржуазией. В. И. Ленин писал, что «...существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет»²⁸.

В целом усиление борьбы Японии за экономическое преобладание в Латинской Америке вызывает крайне отрицательные последствия для латиноамериканских стран. Инвестиционная, торговая и финансово-кредитная экспансия дзайбацу преследует корыстную цель — извлечение высоких прибылей и не способствует созданию в Латинской Америке многоотраслевой и эффективной экономики, усиливает закабаление этих стран империализмом, эксплуатацию народных масс. Империалистическая «индустриализация» Латинской Америки имеет целью сохранение в качестве неравноправного зависимого звена в мировой капиталистической системе. Одновременно нарастает межимпериалистическое соперничество в странах региона. «Борьба за южную Америку все обостряется», — писал в свое время В. И. Ленин²⁹. Это характерно и для наших дней.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 332.

²⁹ Там же, т. 27, с. 393.

Современные пропагандисты политики «открытых дверей»

В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук

С начала и особенно со второй половины 70-х годов в КНР все больше публикуется книг и статей на исторические темы, в том числе по вопросам всемирной истории, международных отношений. Полная пустота, установившаяся было в китайской исторической науке во второй половине 60-х годов вследствие пресловутой «культурной революции», стала быстро заполняться. Этому явлению можно было бы только порадоваться, если бы подход авторов новых книг и статей отвечал предъявляемым обычно к историческим трудам требованиям объективности и доказательности. Однако на примере многих современных китайских публикаций можно убедиться, что дело, к сожалению, обстоит не так.

Перед нами статья, опубликованная в Китае в 1979 г. Принципиальное значение ее велико: автор Ван Си ставит вопрос ни больше ни меньше как о коренном пересмотре всей истории китайско-американских отношений. Статья напечатана в журнале «Шицзе лиши» («Всемирная история»), № 3 за 1979 г.

Автор статьи не только явно не хочет выглядеть ортодоксальным маоистом, он идет дальше и почти полностью отбрасывает ранее обычный для маоистов «марксистско-ленинский» словесный фон, состоявший из неправильно толкуемых, но по происхождению все же марксистских терминов, отдельных фраз и цитат; в статье же Ван Си можно обнаружить лишь одну бессодержательную фразу о том, что история призвана служить «политике пролетариата». Если убрать эту фразу, статью вполне можно было бы приписать любому буржуазному автору.

Для «научного стиля» периода «культурной революции» типично было, как мы все еще хорошо помним, фактическое приятие мнения Мао в качестве высшего критерия истины. Для современных работ, в частности для разбираемой статьи Ван Си, характерны претензии на объективность, постоянно встречающиеся призывы придерживаться «делового, научного обобщения», «беспристрастности научных суждений», «серьезной критики и обсуждений», «использования материалов из первых рук» (с. 16, 18).

Такой подход, казалось бы, может вызвать лишь одобрение. Действительно, какая историческая наука без добросовестного обращения с источниками! Кто спорит: критерий истины — практика, а не цитата Мао... Посмотрим, однако, как эти общие прагматические установки применяются самим автором статьи в обращении с историческим материалом.

История американо-китайских отношений неоднократно изучалась китайскими учеными до 1949 г. и в первый период существования КНР. Советскому читателю знакомы, например, книги известных китайских историков Ху Шэна, Лю Даняня, Цинь Бэньли¹. Общим для китайских

¹ Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае (пер. с кит.). М., 1951; Лю Данянь. История американской агрессии в Китае (пер. с кит.). 2-е изд., М., 1953; Цинь Бэньли. История экономической агрессии американского империализма в Китае (пер. с кит.). М., 1951.

прогрессивных авторов всегда была констатация того бесспорного факта, что капиталистическая Америка стояла в общем ряду иностранных агрессоров.

По мнению историка и философа Ху Шэна, подкреплению всем содержанием его упомянутой книги, «агрессивная политика американского империализма в Китае имеет столь же длительную историю, как и политика других империалистических стран. Различные империалистические державы стремились поработить Китай. Среди них ведущую роль в течение 50 с лишним лет после первой «опиумной» войны играла Англия. После 1894 г. роль главного агрессора в Китае начинает играть японский империализм. А с 1899 г. в борьбу за господство над Китаем вступил под прикрытием доктрины «открытых дверей» американский империализм, началась непрерывная многолетняя борьба между Соединенными Штатами и Японией за завоевание господства в Китае. Если японский империализм вследствие своего наглого вероломства, коварства и жестокости уже давно рассматривался китайским народом как враг № 1, то американский империализм всегда прикрывал свое жестокое, зверское обличье лицемерной маской и потому являлся еще более опасным врагом»².

Мы, разумеется, не знаем, совпадают ли взгляды, высказанные китайскими учеными в начале 50-х годов, с их современными воззрениями. Но мы хотим здесь сказать совсем другое: книги, изданные в 50-е годы, продолжают жить, выводы их никем до сих пор не поколеблены. Так, автору цитированного отрывка удалось, на наш взгляд, очень хорошо, в полном соответствии с фактами и охватывая взглядом всю картину истории отношений Китая с капиталистическими державами, обобщить политику каждой державы, показать удельный вес ее на Дальнем Востоке. Действительно, главными империалистическими силами исторически являлись здесь Англия, Япония, США; наибольшую активность с конца XIX в. проявляла Япония, за ней — США. Другие державы, также проводившие в то время империалистическую политику — царскую Россию, Францию, — Ху Шэн в своем выводе даже не упомянул, считая их роль второстепенной (в тексте его книги, конечно, речь идет и об этих государствах).

Мы сослались на одну работу, поскольку ее автору, по нашему мнению, удалось выразить концепцию наиболее полно; однако та же концепция, в общем, присуща многим исследованиям китайских, советских и других авторов. Посмотрим, что предлагает взамен ее разбираемая статья 1979 г.

«Новое» в постановке вопроса здесь прежде всего состоит в том, что статья Ван Си выдвигает на первое место тезис о «серьезной роли» проблемы «целостности территории» Китая (с. 12). Империалистические державы «109 лет... захватывали по частям» территорию Китая, США же оказались де единственным из ведущих империалистических государств, которое «не совершило захвата китайской территории». Признавая отсутствие прямых территориальных захватов в Китае следствием «опасений и медлительности госдепартамента США», противодействия со стороны Англии и Японии, а также других исторических причин, автор статьи тем не менее считает «замечательным фактом» то, что США до 1950 г. не нашли в себе достаточно сил, чтобы оторгнуть от Китая тот или иной лакомый кусок.

Тут же готова «новая» (фактически давно подсказываемая американской империалистической историографией) концепция: Россия, конечно, — «главный враг»; США — единственное государство, которое не захватывало китайской территории (с. 12), — вот два полюса, между которыми отныне должны якобы распределяться все составные элементы истории отношений Китая с внешним миром.

² Ху Шэн. Указ. соч., с. 302.

А как быть с тем фактом, что США неоднократно планировали, хотя долго и не могли осуществить, захват китайской территории? Этот факт для автора неважен, ибо у него наготове вторая теория: «Поддержание норм в международных отношениях является практикой и действительностью, а не чем-либо иным» (с. 12). Ну хорошо, скажет читатель, сколько-нибудь знакомый с «практикой» американских и всяких иных империалистов в Китае, но как же быть тогда с такой печальной практикой и «действительностью», когда американский империализм в 1950 г. открыто отторг и до сих пор еще удерживает под своим контролем остров Тайвань — самую большую населенную китайцами часть китайской территории, до сих пор не переданную КНР? Или как быть с такой исторической действительностью, как доктрина «открытых дверей» в Китае, провозглашенная — это всем известно — именно американским империализмом в 1899—1900 гг. и долгое время служившая юридическим базисом полуколониальной эксплуатации Китая?

Очень просто, отвечает на это автор статьи: оккупация Тайваня всего лишь «прискорбный эпизод в истории китайско-американских отношений», да и с ним, к счастью, теперь покончено «благодаря тому, что США признали Тайвань неотъемлемой частью территории Китая» (с. 13). Что же касается доктрины «открытых дверей», то на этот счет у Ван Си есть еще одна, третья теория, позволяющая, как представляется автору, свободно творить «новую» историю американско-китайских отношений.

Теория эта состоит в следующем (с. 13—14). Политика «открытых дверей», провозглашенная государственным секретарем США Джоном Хэем, с самого начала, отмечает Ван Си, содержала в себе коренное противоречие. С одной стороны, нота Хэя признавала сферы влияния империалистических держав в Китае и требовала для США «равных возможностей». С другой — в ноте формально выдвигался принцип уважения к территориальной целостности и суверенитету Китая. Ван Си правильно указывает на существующее противоречие. Более того, он приводит в статье длинный список нарушений Соединенными Штатами принципа территориальной целостности и суверенитета Китая: одобрение американским правительством политики царизма в Маньчжурии в 1900 г., признание в 1908 г. «особых прав» Японии в Маньчжурии и Монголии (соглашение Рут — Такахира), новое признание «особых интересов» Японии в Китае в 1917 г. (соглашение Лансинг — Исии), снабжение Японии американским горючим в период японской агрессии в Китае 1931—1941 гг. Автор статьи справедливо делает из всего этого вывод, что политика «открытых дверей» по своей сущности всегда выражала стремление США «обеспечить и расширить свои экономические и политические интересы в Китае. Похоже, — с оттенком смущения замечает при этом автор, — что никогда не существовало какой-то «справедливости», «заботы о других», какого-то «бескорыстия», о которых заявляли некоторые американские ученые-историки» (с. 14).

Казалось бы, вопрос ясен: сущность политики «открытых дверей» является империалистической, колониалистской (автор статьи, правда, по возможности избегает таких классовых оценок, но смысл его высказывания от этого не изменяется). Но нет, именно в этом месте логика статьи делает неожиданный поворот. Как мы помним, в начале статьи Ван Си постулировал, что политика «открытых дверей» была противоречива. Теперь он переходит ко второй стороне этой политики.

Политика «открытых дверей», утверждает он, сыграла «определенную роль в объективном сдерживании или отсрочке агрессии империализма против нашей страны» (с. 14). Что можно по этому поводу сказать? Политика «открытых дверей» (формально принятая, кстати сказать, в то время всеми империалистическими государствами) была выражением временного компромисса держав за счет Китая, признанием ими того факта, что при сложившемся равновесии сил держав на Даль-

нем Востоке ни одна из них не в состоянии эксплуатировать Китай в одиночку. Но доктрина «открытых дверей» ни в коем случае не означала отказа ее творцов от эксплуатации китайского народа. Наоборот, она освящала эту эксплуатацию принципами равенства «возможностей» (возможностей эксплуататоров). По всему смыслу доктрины, сохранение формальной «целостности» Китая (при сохранении в нем иностранных баз, концессий и сфер влияния!) должно было служить именно целям коллективной эксплуатации Китая международным империализмом.

Что же касается провозглашавшегося доктриной Хэя сохранения суверенитета Китая, то о каком реальном суверенитете могла идти речь не только при наличии в Китае чужих концессий и сфер влияния, но и в условиях целой системы неравных договоров, лишения Китая таможенной независимости, взимания с него — силой — долгов и контрибуций, существования экстерриториальности, оккупации ряда районов Китая иностранными вооруженными силами! В этих условиях равенство держав-эксплуататоров, провозглашаемое доктриной Хэя, являлось как бы практическим, деловым смыслом этой доктрины, а выдвигаемый принцип «уважения китайского суверенитета» — формальным прикрытием, фиговым листком.

Если Ван Си и редакция журнала «Шинзе лиши» предпочитают коллективные формы колониального рабства индивидуальным, это, разумеется, дело вкуса. Но они абсолютно убеждены, что китайский народ не разделяет это мнение. По крайней мере еще в 1924 г., то есть как раз в период наивысшего расцвета империалистической политики «открытых дверей», основоположник революционно-демократического движения в Китае Сунь Ятсен, помнится, писал: «...Участь Китая значительно более постыдна, чем участь любой колонии. Например, Корея — колония Японии, Аннам — колония Франции (таково в то время было положение Кореи и Аннама, то есть Вьетнама. — В. Н.). Играют ли они какую-либо роль в международных отношениях? Конечно, нет. Все страны третируют их как рабов: Корею — как рабыню Японии, Аннам — как раба Франции. Но хотя Корея и Аннам — рабы иностранных государств, каждая из этих двух колоний является рабом только одной державы. Китай же в настоящее время пребывает в рабстве у всех великих держав, ибо любое государство, поддерживающее с Китаем договорные торговые отношения, фактически выступает в роли нашего господина... над нами властвует добрый десяток господ, и, следовательно, Китаю приходится несравненно хуже, чем Корею, где властвует одна Япония, или Аннам, где властвует одна Франция»³.

Цитированный выше китайский историк Ху Шэн правильно, по нашему мнению, оценил в свое время роль американской доктрины «открытых дверей», служившей не только для юридического оформления коллективного господства империалистов в Китае, но и для использования ими реакционного пекинского правительства династии Цин в качестве своего инструмента. «Державы, — писал Ху Шэн, — конечно, не собирались сохранять подлинную независимость и суверенитет Китая. «Сохранение целостности» в их понимании означало лишь формальное сохранение независимости Китая, «сохранение целостности» господствующего положения цинского правительства, уже окончательно разложившегося и привыкшего торговать интересами Китая...

Совершенно ясно, что империалистические державы хотели сохранить цинское правительство и даже поддерживали его потому, что оно было им усердным рабом... Кроме того, такое положение способствовало обману китайского народа, сохранению у него иллюзий, что Китай еще окончательно не погиб»⁴.

³ Сунь Ятсен. Избр. прозв. (пер. с кит.). М., 1964, с. 458.

⁴ Ху Шэн. Указ. соч., с. 164—165.

Известный и в наши дни в КНР историк Лю Данянь собрал в свое время богатый фактический материал, убедительно показывающий смысл и назначение политики «открытых дверей». «Политика «открытых дверей», — заключил этот автор, — была отражением того факта, что США... были еще недостаточно сильны. К политике «закрытых дверей» в Китае, то есть к политике открытой оккупации всего Китая, Соединенные Штаты, как известно, не могли перейти вплоть до окончания второй мировой войны»⁵.

С одной стороны, тома специальных исследований, богатство анализируемых фактов, доказательность выводов. С другой — голословная статья Ван Си, призывающая, не считаясь с прежними точками зрения, поставить все выводы, все оценки политики «открытых дверей» вверх ногами. Разве это второе может перетянуть на чаше весов исторического анализа? Автор рассматриваемой статьи 1979 г. нарушает первое правило объективного и делового исследования: пренебрегает научной премущественностью, игнорирует обязательное требование к историку учесть достижения предшественников — либо опереться на них, либо критически преодолеть в новом исследовании. Ничего этого у автора нет.

В цитированной выше книге начала 50-х годов Лю Данянь писал: «...Желая обмануть китайский народ, американские империалисты извращали истину, постоянно утверждали и кричали повсюду, что политика «открытых дверей», означающая фактически агрессию в Китае, является якобы «гарантией» Китаю, лозунгом, направленным именно на то, чтобы обеспечить территориальную целостность и суверенитет Китая. Но американские агрессоры не рисковали обмолвиться ни единым словом о том, что в действительности они прибегали обычно к этому лозунгу лишь затем, чтобы подорвать китайский суверенитет, расширить свои привилегии в Китае и вмешаться в китайские дела. Все это наглядно свидетельствует об исключительном лицемерии, подлости и бесчестности, которыми издавна отличались американские агрессоры»⁶.

Так писал в 50-е годы китайский историк. Мы вторично подчеркиваем, что не знаем, каковы взгляды цитируемого автора на данную проблему сейчас, однако не можем не признаться, что книга «История американской агрессии в Китае» сохраняет свою научную ценность: она конкретна, выводы в ней строго вытекают из обилия фактов, ясен классовый подход автора. А утверждение автора книги, что рассуждать, будто политика «открытых дверей» была направлена на сохранение целостности и суверенитета Китая, — значит «желать обмануть китайский народ», — это, по существу, хороший щелчок таким авторам современных статей, как Ван Си, воспевающим сейчас «объективно благодетельные» для Китая последствия американской доктрины «открытых дверей».

Коренное отличие статьи Ван Си от трудов его предшественников состоит в том, что он неправоммерно разрывает единую сущность доктрины «открытых дверей» на две якобы абсолютно противоположные друг другу доктрины, с тем чтобы затем «позитивную» сторону политики «открытых дверей», придуманную апологетами американского империализма, объявить подлинной сущностью, а отрицательную, агрессивную сторону этой политики фактически изобразить в виде чужеродной примеси, лишь мешающей проявлению доктрины в чистом виде.

Недоумевая по поводу причин непоследовательности китайской политики США, Ван Си посвящает целый раздел своей статьи внутренним противоречиям в США, указывает, что в разное время на Вашингтонское правительство оказывали давление группировки разных штатов, не в одинаковой степени заинтересованные в активной политике на Дальнем Востоке. Автор статьи при этом закрывает глаза на то, что споры между

⁵ Лю Данянь. Указ. соч., с. 87.

⁶ Там же, с. 90.

группировками касались обычно темпов, сроков, масштабов агрессии в Китае, но не могли изменить империалистического в основе характера политики США.

«Фактически, — уверяет автор статьи, — Соединенные Штаты при условии соблюдения... двух положений (признания, с одной стороны, целостности и суверенитета Китая, с другой — сфер влияния и «равных возможностей». — В. Н.) не могли проводить в жизнь политику «открытых дверей»... Соединенные Штаты в ходе претворения в жизнь политики «открытых дверей» проявили в значительной степени свою нерешительность, которая выразилась в колебаниях между противодействием другим державам и соглашательством с ними, причем чаще наблюдалось последнее» (с. 13). С точки зрения Ван Си, истинная сущность доктрины «открытых дверей» должна была проявляться в том, чтобы США как можно активнее боролись против своих соперников в Китае (особенно, конечно, против России).

Получается, что отрицательную для Китая роль сыграла не сама доктрина «открытых дверей», а ее недостаточно последовательное проведение в жизнь, не империалистическая сущность политики США в Китае, а недостаточная активность американского империализма в борьбе с конкурентами. Ну а если бы американский империализм нашел в себе силы «выйти за пределы», если бы он активнее теснил своих конкурентов на Дальнем Востоке — было бы это в интересах китайского народа?

Автор, как видно по всему, подводит читателя к положительному ответу на этот вопрос. А между тем история уже дала на этот вопрос ответ, и совсем не тот, который пытается навязать читателю автор. Действительно, в годы второй мировой войны и сразу после нее правящие круги США проявили достаточную решимость и последовательность в противодействии своей главной сопернице — Японии; действительно, они смогли на какой-то момент занять в Китае место японского империализма. Было ли это в интересах Китая? Китайский народ высказал по этому поводу свое недвусмысленное мнение: он поднялся и вышвырнул из своей страны проамериканскую клику Чан Кайши, как ни цеплялись за нее ее покровители.

Как видно, вся концепция статьи Ван Си от начала до конца не просто бездоказательна, но прямо противоречит историческим фактам. «Старые» работы китайских историков 50-х годов выгодно отличаются от нее. Хотя работа Ван Си напечатана в историческом журнале и автор претендует на «деловой, научный» подход, статья не принадлежит к сфере исторической науки, научная ценность ее равна нулю.

Появление статьи на страницах «Шинцзе лишн» обязано, очевидно, чисто «практическим» соображениям. Автор формулирует поставленную перед ним задачу в следующих словах: «способствовать взаимопониманию между народами двух стран — это задача китайских и американских историков, которую они не могут переложить ни на кого другого» (с. 17). Способствовать взаимопониманию между народами — благородная цель, но такие приемы, как искажение исторических фактов и переначивание исторических концепций с ног на голову, вряд ли могут служить благородным целям. Впрочем, как показывают все рассуждения Ван Си, автор воспринимает «взаимопонимание» Китая и США весьма своеобразно, иначе зачем ему было тратить столько сил на софистическое оправдание американской агрессивной политики «открытых дверей».

Ван Си видит свою заслугу в том, что новому поколению китайцев, не знающему «прекрасные качества» американского империализма, его статья разъяснит, что американцы — «это народ жизнерадостный, прямой, трудолюбивый, стремящийся к наибольшей эффективности во всем» (с. 17). Мы, советские люди, разделяем высокое мнение китайского автора о личных качествах американского народа. Но политика «открытых дверей» в Китае, оправдание которой составляет центральную тему

статьи Ван Си, была политикой не американского народа, а правящих империалистических кругов США. Ныне китайский журнал, призывая к далеко идущему сближению с США, в этой статье дает понять, что базой подобного сближения мог бы стать, например, тот или иной вариант «последовательной» проводимой политики «открытых дверей» в Китае.

Конечно, современные пекинские прагматики, задание которых выполняет редакция «Шинце лишн», публикуя статью Ван Си, хотели бы, чтобы «последовательное» проведение политики «открытых дверей» было ограничено определенными рамками. В своей статье Ван Си на примерах все так же утилитарно толкуемого исторического опыта довольно ясно дает понять, какие именно проявления американской политики в Китае он считает нетерпимыми. Прежде всего он обрушивается на миссионерство (с. 16—17), которому посвящает специальный раздел. Миссионеры, по словам Ван Си, были тесно связаны со всей системой навязанных Китаю неравноправных договоров; некоторые привилегии, которыми миссионеры пользовались в Китае, даже превосходили привилегии иностранных коммерсантов (например, право миссионеров проникать в глубь страны и обзаводиться там имуществом). Влияние американских религиозных сил на политику США по отношению к Китаю всегда было отрицательным. В то же время автор статьи признает, что американские миссионеры открывали в Китае учебные и лечебные заведения, под их влиянием сформировались многие китайские ученые и политические деятели.

Вдвое больший раздел в статье Ван Си посвящен изучению Китая американскими историками. Автор призывает США и Китай к взаимопониманию: США должны признать полную самостоятельность и жизнеспособность нового Китая, китайская сторона готова признать, что США, со всеми их капиталистическими « пороками » (слова автора), еще обладают « колоссальным потенциалом развития ». Ван Си самокритично отмечает, что в деле изучения исторического прошлого американские ученые идут впереди историков КНР (с. 17).

Надо отдать справедливость китайскому исторiku: он перечисляет и многочисленные ошибки американских историков, говорит об их предубежденности, об оправдании ими колониализма. « Мы, — оговаривает он, — намерены серьезно обсуждать и критиковать высказываемые ими тезисы ». Особенно примечательно замечание Ван Си об известном труде профессора Мичиганского университета А. Фойерверкера « Индустриализация Китая на раннем этапе ». « Фойерверкер, — пишет китайский автор, — вложил всю душу в свой труд... однако ни один главный тезис, содержащийся в этой книге, не подтвержден материалом из первых рук » (с. 18).

Внимание, которое уделено в статье Ван Си данному предмету, показывает, что определенные круги китайских историков считают своей важной задачей основательное знакомство с исторической наукой США. Им уже рисуются расширяющиеся дружественные контакты с китаеведами США, заманчивые командировки в Гарвард и другие американские научные центры, изучение на месте личного архива творца доктрины «открытых дверей» Джона Хэя.

Замечания Ван Си как бы очерчивают круг, за пределы которого американо-китайское сближение не должно, по мнению автора и редакции, выходить. Во-первых, недопустимо глубокое идеологическое проникновение американцев в китайское общество (этот тезис, как мы видели проводится путем осуждения автором статьи миссионерства); во-вторых, необходимо установление взаимопонимания КНР и США путем определенной перестройки как американской, так и китайской историографии.

Последний раздел статьи Ван Си, посвященный традициям дружбы, которые обеим сторонам надлежало бы культивировать, как будто бы должен быть неуязвим для критики. В самом деле, разве не было в от-

ношениях между народами США и Китая дружественных, светлых страниц? Ожидаешь, что китайский автор будет сейчас говорить о защите китайского народа американскими демократами и гуманистами (такими, как Марк Твен), об осуждении американской империалистической политики в Китае Коммунистической партией США. К нашему удивлению, однако, в разделе ничего не говорится об этом.

Вместо этого в качестве примеров американо-китайской дружбы там фигурируют (с. 19): каторжный труд китайских рабочих в США, массами погибавших на строительстве железнодорожной магистрали, пересекшей с запада на восток Североамериканский континент; имена известнейших американских друзей Мао Цзэдуна — Э. Сноу, А.-Л. Стронг, — помогавших маоистам распространять культ Мао и фальсифицировать историю китайской революции; имя небезызвестного доктора Хатема (Ма Хайдэ), функции которого в ближайшем окружении Мао до сих пор не вполне ясны... Вот, оказывается, какую категорию друзей ищет в США современный китайский автор!

Статье Ван Си нельзя отказать в одном: она последовательна от начала до конца. Она призывает к «дружбе» не с американским народом, а с американским империализмом. Пекинский прагматик готов оправдать и допустить определенную степень американского колониализма в Китае, которая ассоциируется у него с доктриной «открытых дверей». Порывая со всякой научностью и объективностью, к которым он на словах призывает, автор фальсифицирует историю американо-китайских отношений ничуть не в меньшей мере, чем это делали ныне осуждаемые китайские историки периода господства «четверки».

Однако истина всегда имеет преимущества перед фальсификациями, и это не пустые слова. Китайский народ, который один раз уже сказал свое веское «нет» американским колонизаторам и всем их доктринам, не одобрит признаний в дружбе империалистам, делающихся сейчас от его имени.

В настоящий момент в китайской исторической науке происходят сложные и противоречивые процессы. Многие привычные догмы о Мао как творце всех свершений в новейшей истории Китая заколебались; многие вычеркнутые маоистами имена вновь вписываются сейчас в книгу истории; среди китайцев-авторов и читателей исторических трудов усиливается желание писать и читать правду. Процесс, однажды начатый, нельзя остановить. Придет время, и вся история, в том числе история американо-китайских отношений, будет вновь написана в Китае объективно.

Политика Пекина в Латинской Америке

А. В. Кудрявцев,
кандидат исторических наук

Латиноамериканский континент — один из наиболее отдаленных от Китая районов, со странами которого он практически не имел каких-либо официальных отношений вплоть до начала 70-х годов¹. Тем не менее для политики Пекина в отношении Латинской Америки характерны те же особенности, которыми отмечен его глобальный внешнеполитический курс. Так же, как и в других районах, она определяется гегемонистскими, антисоциалистическими и антисоветскими устремлениями китайского руководства.

Повышенный интерес к Латинской Америке со стороны китайского руководства стал проявляться в конце 50-х годов, когда континент всколыхнули бурные революционные выступления. Их вершиной явилась триумфальная победа кубинской революции, открывшая новый этап в истории Латинской Америки. Географическая близость континента к основной империалистической державе — США, уязвимость многоплановых интересов Соединенных Штатов в регионе в связи с глубокими антиамериканскими, антиимпериалистическими настроениями, а также широкий размах освободительного движения во многом обусловили внимание Пекина к этому району.

Объективные и субъективные трудности внедрения в латиноамериканские страны — отдаленность, напряженные отношения между КНР и США и, как следствие, враждебность большинства латиноамериканских правительств к народному Китаю и др. — не сулили Пекину реальных перспектив в развитии официальных отношений с государствами континента. Поэтому китайское руководство сделало основную ставку на идеологическое проникновение. Его цели состояли главным образом в попытках подчинить влиянию маоизма развернувшееся в Латинской Америке освободительное движение и его боевой авангард — компартии, с тем чтобы укрепить свои претензии на лидерство среди революционных сил, открыть новый фронт борьбы против международного коммунистического движения. Одновременно Пекин стремился сыграть на антиамериканских настроениях в странах региона, традиционно считали своим «стратегическим тылом».

Потерпев провал в попытках навязать латиноамериканским компартиям, китайские лидеры ожесточенную борьбу под прикрытием «ультра-левых» групп. Начатая ими с 1963 г. раскольническая деятельность в прогрессивных профсоюзах, студенческих федеративных организациях, созданных и действовавших в рамках массовой борьбы с внутренней реакцией, ставила

¹ Исключение составляет лишь Куба, с которой КНР установила дипломатические отношения в сентябре 1960 г.

компартий, лишение их массовой базы поддержки, а в более широком плане — подрыв коммунистического движения на континенте.

К середине 60-х годов китайское руководство создало в латиноамериканских странах ряд сектантских маоистских группировок из фракционеров и раскольников, действовавших внутри компартий, разношерстных мелкобуржуазных элементов и политически незрелой молодежи. Опираясь на эти силы, Пекин развернул шумную кампанию под лозунгами немедленной повсеместной «народной войны» против империализма США и его ставленников, с одной стороны, и «советского ревизионизма» как «саботажника народной войны» — с другой.

Решительный отпор латиноамериканских компартий сорвал в 60-е годы попытки китайского руководства подчинить своим целям революционные силы, развалить коммунистическое движение. Однако расколочнический курс Пекина нанес существенный ущерб делу укрепления их единства. Латиноамериканская реакция, используя, а зачастую прямо поощряя провокационные вылазки маоистов, обрушивала репрессии на компартии, прогрессивные профсоюзы, демократические, молодежные и студенческие организации. Маоизм способствовал активизации проведения буржуазными кругами политики антикоммунизма, попыткам раскола и дезориентации революционного движения.

Отражением этого процесса, в частности, явилась публикация в латиноамериканских странах в 60-х годах различных «исследований», призванных «похоронить» научный социализм, якобы «рухнувший» в процессе «китайско-советского спора»², или запугать общественность опасностью, исходящей от маоизма как от «наиболее агрессивной разновидности коммунизма»³. Одновременно в этот же период в правящих кругах США стало заметно стремление использовать курс Пекина в своей региональной политике. Еще в начале 60-х годов американский историк и дипломат Адольф Берле открыто призывал Вашингтон использовать «китайский фактор» для подрыва влияния мирового социализма в Латинской Америке⁴. В конце 60-х годов ЦРУ США в специально проведенном исследовании дало многообещающие прогнозы и оценки такого рода возможностей.

Политика Пекина в отношении революционного движения в Латинской Америке в 60-е годы приблизила его нынешнее открытое смыкание с империализмом в этом районе мира. В современных условиях такой союз обесценивается не только объективным совпадением интересов обеих сторон, но и их сознательным стремлением к более тесному сотрудничеству, вытекающему из задач их официальной государственной политики.

С начала 70-х годов, когда после IX съезда в КПК была сделана откровенная ставка на сближение с капиталистическим миром, китайское руководство отошло от прежней обанкротившейся тактики спекуляции на «ультрареволюционности» и стало добиваться тесных отношений с правящими кругами континента вне зависимости от их социально-политической окраски. Пекин декларировал готовность ввести отношения с латиноамериканскими странами в русло общепринятых международных норм, на словах исключая грубый нажим и вмешательство во внутренние дела.

В качестве новой основы развития китайско-латиноамериканских отношений Пекин выдвинул совместные задачи по противоборству «сверхдержавному гегемонизму», объявленному главным препятствием на пути «справедливой борьбы латиноамериканских народов». Такой курс,

² In: R. S. Mallen. La polemica chino-sovietica y la revolucion proletaria. México, 1965, p. 53.

³ In: O. Rosarios. ¿China Roja—líder en América Latina? Buenos-Aires. 1965, p. 140.

⁴ In: A. Berle. Latin America: Diplomacy and Reality. New York, 1962, p. 114.

подчеркивалось в китайской печати, «стал уже неудержимым историческим течением»⁵.

Пекинская пропаганда без устали твердила о своей «твердой поддержке» позиций латиноамериканских стран на международной арене, вытекающей якобы из «общности исторических судеб» Китая и Латинской Америки, принадлежности КНР к «третьему миру» и «решительного отказа» Китая от сверхдержавных притязаний. Едва оправившись после эксцессов «культурной революции» в самом Китае, Пекин принялся демонстрировать «особое уважение» к историческому наследию Латиноамериканского континента. В китайской печати сообщалось о существовании «с незапамятных времен» культурных и торговых связей между обоими побережьями Тихого океана и даже о распространении в латиноамериканских странах «поверий» и «легенд» о дружбе с Китаем⁶.

Многочисленные заявления Пекина в пользу укрепления отношений с Латинской Америкой сопровождалась некоторыми практическими шагами. Так, была резко свернута пропаганда «народной войны» и деятельность местных маоистских организаций; Пекин стал подчеркивать проявлять внимание к внутренним социально-экономическим проблемам континента, позитивно оценивать роль его правящих кругов, непосредственно связывая ее с «бурным развитием антигегемонистского революционно-демократического движения», в широких масштабах стали практиковаться крупные односторонние закупки латиноамериканских товаров с немедленной или даже предварительной оплатой.

Важным фактором, повышавшим эффективность такой внешнеполитической деятельности, явилось происходившее параллельно потепление в отношениях между КНР и США. Как отмечалось в некоторых органах латиноамериканской печати, этот процесс в ряде случаев фактически давал «зеленый свет для следования той же дорогой»⁷. В ходе сближения Пекина с Вашингтоном в латиноамериканских странах был срежиссирован настоящий «китайский бум». Буржуазные средства массовой информации, еще недавно использовавшие маонизм для раздувания лозунга о «коммунистической угрозе», принялись с еще большим усердием восхвалять «прагматическую политику» пекинского руководства, «возвратившего Китай мировому сообществу». Определенные политические круги стали пропагандировать развитие экономических связей с Китаем в качестве чуть ли не «своеобразной панацеи, способной разрешить специфические проблемы международной торговли»⁸.

При осуществлении своих планов Пекин использовал прогрессивные веяния в политической жизни Латинской Америки, укрепившиеся с конца 60-х годов. Их основным содержанием явилось усиление борьбы за экономическую независимость и подлинную политическую самостоятельность, стремление к более важной роли в международных делах. Не случайно одной из первых на континенте в декабре 1970 г. (вслед за Кубой) дипломатические отношения с КНР установила Чили, где к власти с триумфом пришла коалиция Народного единства. Годом позже были нормализованы отношения с революционным военным правительством Перу. Быстрыми темпами стали устанавливаться связи с молодыми, добившимися независимости в антиколониальной борьбе странами Карибского бассейна. К началу 1980 г. КНР установила отношения также с Аргентиной, Мексикой, Гайаной, Ямайкой, Тринидадом и Тобаго, Венесуэлой, Бразилией, Суринамом, Барбадосом, Эквадором, правительства которых рассчитывали получить прежде всего экономические выгоды от развития связей с КНР.

⁵ «Жэньминь жибао», 23.I.1971.

⁶ In: «Peking Review», 1972, № 24, p. 19; № 28, p. 19.

⁷ In: «Foro internacional», 1973, № 53, p. 40.

⁸ In: «Comercio exterior», 1971, № 11, p. 81.

Переход Пекина к установлению межгосударственных отношений со странами континента, при всей многоплановости этого процесса, не изменил основного, глубинного существа его латиноамериканской политики. Китайское руководство по-прежнему рассматривает отношения с Латинской Америкой в контексте своих великодержавно-гегемонистских планов, направленных на внедрение в этот регион, привлечение его стран к реализации задач глобальной маоистской политики.

Особо следует отметить, что в подобном курсе китайское руководство делает ставку на параллелизм интересов с силами империализма и латиноамериканской реакции, стремящихся не допустить дальнейшего развития революционных, освободительных, антиимпериалистических и антиколониальных процессов в Латинской Америке и сохранить ее в качестве своего «стратегического тыла», своеобразного «заповедника» маорювого антикоммунизма и беззастенчивой эксплуатации. Этим целям призваны служить методы экономической экспансии, разжигание антикоммунизма, поддержка реакционных диктаторских режимов. По накатанным рельсам такой политики китайское руководство рассчитывает провезти багаж собственных великодержавно-экспансионистских планов в отношении Латинскоамериканского континента.

Одним из главных направлений внешнеполитической активности Пекина в Латинской Америке является подрывная деятельность против форпоста социализма в Западном полушарии — Республики Куба. Еще в середине 60-х годов, стремясь «покарать» Кубу за отказ подчиниться маоистскому диктату, Пекин в одностороннем порядке резко сократил экспорт китайского риса в страну и одновременно значительно снизил объем закупок кубинского сахара. Китайское посольство в Гаване распространяло на Кубе маоистские клеветнические материалы и даже пыталось установить тайный контакт с представителями вооруженных сил страны, чтобы обманным путем вовлечь их в антигосударственную деятельность. Эти действия китайского руководства получили решительный отпор и были оценены Фиделем Кастро в традиционной речи по случаю седьмой годовщины революции 2 января 1966 г., а также на страницах газеты «Гранма» 6 февраля 1966 г. как вопиющий пример грубого вмешательства во внутренние дела Кубы и фактическое присоединение к империалистической блокаде острова.

Современный курс Пекина по отношению к Кубе тесно связан с его растущими интересами в бассейне Карибского моря. Занимающий важное стратегическое положение, этот район сосредоточил острые политико-идеологические и социально-экономические противоречия. Их основной фронт проходит между США и социалистической Кубой. Развитие в регионе антиколониальных, антиимпериалистических движений, воодушевляемых примером успехов первой социалистической страны Западного полушария, вызывает явное беспокойство в США, которые рассматривают этот район как важную сферу своих экономических и военно-политических интересов, фактически как свой южный фланг и «жарантинную» зону вокруг Кубы⁹. В 70-х годах Вашингтон неоднократно предпринимал попытки стабилизировать положение в странах, избравших путь независимого развития, — Ямайке, Тринидаде и Тобаго, Гайане, стремился подорвать в них растущий авторитет кубинской революции, запугать угрозой вооруженного вмешательства.

Внешиполитическая активность Пекина в бассейне Карибского моря играет на руку планам империализма в этом районе. Повышенное внимание к этому району со стороны китайского руководства наблюдается с середины 70-х годов. Его политика здесь нацелена прежде всего на обострение политической обстановки путем провоцирования США на

⁹ Одним из симптомов этого беспокойства явилось создание в 1977 г. специальной карибской группы при Госдепартаменте.

авантюристический путь усиления конфронтации с Советским Союзом и Кубой и одновременно связана с расчетами на усиление взаимопонимания с США на антисоветской и антикубинской основе.

Руководство Китая не отказалось от мысли столкнуть СССР и США в военном конфликте, что оно уже пыталось предпринять во время карибского кризиса 1962 г. Не случайно в фокусе пекинской пропаганды, касающейся положения дел в субрегионе, неизменно сходятся вопросы военной конфронтации Советского Союза и США, связанной с якобы усиливающейся советской «военной угрозой». Китайская печать раздувает провокационную шумиху по поводу «наращивания» мощи советского военно-морского флота на его «базе» в Карибском бассейне. В 1978 г. она подхватила распространявшийся в США миф об «опасности», исходящей с Кубы от истребителей МИГ-23, а годом позже панические выкрики из Пекина — «вооруженный до зубов медведь ломится в американскую дверь» — сопровождали клеветническую кампанию, развернутую по поводу нахождения на Кубе советского военного персонала.

По мере укрепления отношений между КНР и США, а также с дальнейшей активизацией китайской дипломатии в Карибском бассейне Пекин предпринимает все более откровенные попытки не допустить разрядки в отношениях между США и Кубой. Как подчеркивал Фидель Кастро, стало известно, что китайское руководство в своих секретных переговорах с представителями Вашингтонской администрации рекомендовало США не возвращать Кубе военно-морскую базу в Гуантанамо, а также не прекращать экономическую блокаду острова.

О том, насколько заманчива для китайского руководства идея натравливания США на Кубу и связанного с этим возможного глобального столкновения между США и Советским Союзом, свидетельствует то упорство, с которым оно взывает к Вашингтону, сетуя на проявление им якобы «чрезмерной мягкости» по отношению к Кубе. Находившийся с визитом в США в январе — феврале 1979 года заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин открыто ратовал за необходимость «проучить» ее наряду с Вьетнамом. Аналогичный тезис повторили в начале мая заместители председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэй и Уланьфу. Откровения Пекина лишний раз продемонстрировали его опасный для дела мира и безопасности народов подстрекательский курс. Как подчеркивала кубинская газета «Гранма», требование пекинских правителей к США выступить против кубинской революции является еще одним свидетельством того, «насколько далеко зашла контрреволюционная политика маоистов, пытающихся установить альянс с империализмом»¹⁰.

В 1974 г. в развитии и обосновании проимпериалистического, направленного против социализма курса китайского руководства в бассейне Карибского моря был сделан новый важный шаг. В статье «Схватка двух сверхдержав в Западном полушарии» Пекин впервые открыто выступил с утверждениями относительно якобы имеющейся «угрозы» со стороны советского военно-морского флота в этом районе не только латиноамериканским странам, но и «собственно США и их стратегическим связям между Южной и Северной Америкой, а также Панамскому каналу и Магелланову проливу — этим двум стратегическим каналам, соединяющим два океана — Атлантический и Тихий»¹¹. Пуская в оборот такое провокационное утверждение, китайское руководство, конечно, вряд ли всерьез рассчитывало обеспокоить правящие круги США, разумеется, осведомленные о подлинном состоянии военно-политической обстановки в бассейне Карибского моря. Расчет был другой: с одной стороны, дать заявку на более тесное взаимопонимание с Вашингтоном на

¹⁰ «Granma», 24.V.1978.

¹¹ «Peking Review», 1974, № 22, p. 22.

базе мнимой советской и кубинской «угрозы», а с другой, — подбросить странам Латинской Америки идею о том, что неоколониалистское присутствие США на континенте (в том числе и военное) продиктовано исключительно соображениями противодействия «советской экспансии». Вывод из такого тезиса, на который наводит Пекин, — объединиться для борьбы прежде всего против Советского Союза, чтобы «расчистить дорогу» якобы для последующего «сведения счетов» с империализмом.

Такой курс направлен не только против Советского Союза и Кубы, но и против коренных интересов карибских государств, Латинской Америки в целом. Руководство КНР стремится подорвать их растущие связи с миром социализма. В бассейне Карибского моря Пекин пытается, кроме того, оборвать звенья складывающегося единого антиимпериалистического фронта. В этих целях им активно используются рычаги экономической «помощи», а также влияние относительно многочисленной китайской зарубежной буржуазии.

С 1978 г. наблюдается явный рост активности китайской дипломатии в странах Карибского бассейна. Он проходил параллельно с эскалацией антисоветской и антикубинской кампании, развернутой на Западе. В середине года ряд карибских и сопредельных с ними стран посетили наиболее представительные китайские делегации. В июне делегация во главе с заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэн-фэем побывала в Мексике и Венесуэле, а в июле состоялся визит заместителя премьера Госсовета КНР Гэн Бяо в Мексику, Тринидад и Тобаго, Ямайку и Гайану. Определяющей тематикой, в русло которой китайская сторона пыталась направить переговоры с руководителями этих стран, являлись подстрекательские спекуляции против Советского Союза и Кубы. На этом фоне контрастом выделялось почти полное отсутствие в китайских заявлениях хотя бы косвенной критики империализма и колониализма.

В преддверии и во время созыва VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся государств в Гаване Пекин усилил клеветнические выпады против Кубы, пытаясь дискредитировать ее важную позитивную роль в движении неприсоединения, осложнить ее отношения со странами — активными участниками движения: в том числе Ямайкой, Гайаной, Перу и др. Характерно, что именно в этот же период империалистические круги попытались навязать развивающимся странам провокационную дискуссию о «правомочности» Кубы выступать участником движения неприсоединения и организатором конференции. Явным единодушием было отмечено также стремление Пекина и реакции в США выдать победу прогрессивных сил в Гренаде, свергнувших антинародный режим Э. Гейри, за «прощихи» Советского Союза и Кубы, связанные якобы с их попытками «использовать создавшуюся ситуацию» в целях «дальнейшего внедрения в Карибский район»¹².

Все эти факты свидетельствуют о намерении пекинского руководства строить свой курс в регионе в расчете на тесную координацию усилий с империализмом и его поддержку.

Современная внешнеполитическая практика пекинского руководства в латиноамериканских странах со всей очевидностью демонстрирует, что оно по-прежнему глубоко враждебно делу революционных, освободительных преобразований на континенте. Исполняя директивы Пекина, местные маоистские группы ведут настоящую войну против прогрессивных, антиимпериалистических режимов. В Перу руководители маоистской «марксистско-ленинской компартии» и ряда других пропекинских групп открыто выступили против пришедшего к власти в 1968 г. революционного военного правительства, назвав его «реакционным», а важнейшие структурные реформы, проводимые им, — «фальшивыми». В 1973—

¹² «Beijing Review», 1979, № 21, p. 28.

1974. а также в 1976 г. в обстановке контрастности перуанской реакции маоисты значительно активизировали свою подрывную деятельность в этой стране. В ряде городов, в частности в Арекипе, Пуно, Куско, ими а также различными право- и левозэкстремистскими группировками были спровоцированы беспорядки, столкновения некоторых отрядов трудящихся с властями. О далеко идущих планах маоистов свидетельствовали обнаруженные в некоторых районах подпольные склады оружия и маоистской пропагандистской литературы.

В Боливии маоисты пытались организовать вооруженную борьбу против патристически настроенного военного правительства Х. Х. Торреса. Их деятельность существенно облегчила реакцию подготовку и проведение правого военного переворота в августе 1971 г. Весьма сходной тактикой характеризовалась деятельность пропекинских элементов в других странах — Чили, Уругвае, Эквадоре.

Официальный Пекин вынужден в ряде случаев отмежевываться от причастности к провокационным акциям местных маоистов, демагогически сетуя на «непонимание» ими «диалектики» происходящих в их странах процессов. Однако это никоим образом не меняет сути подхода китайского руководства к антиимпериалистическим, освободительным преобразованиям. Выдавая себя за их сторонника, защитника интересов латиноамериканских стран на международной арене, Пекин пытается столкнуть эти страны с антиимпериалистических позиций, спровоцировать на конфронтацию с миром социализма.

Особая роль в этих планах отводится навязыванию антисоветизма в обертке «противоборства сверхдержавной гегемонии». Практически ни одна из встреч китайского руководства с представителями государственного-политических и деловых кругов латиноамериканских стран деятелями культуры, науки, средств массовой информации и даже встречи на высшем уровне (с президентами Мексики Л. Эчеверрией и Лопесом Портильо, премьер-министром Тринидада и Тобаго Э. Уильямсом, президентом Гайаны А. Чаном и премьер-министром страны Ф. Бернхэмом) не обошлись без политических назиданий относительно необходимости усиления борьбы против «сверхдержав», а в ряде случаев открытых антисоветских выпадов. Примечательно, что наиболее развязные попытки настроить партнеров по переговорам против Советского Союза китайские лидеры допускают в отношении малых стран региона, которые остро нуждаются в политической и экономической поддержке. При этом Пекин цинично попирает существующие нормы международных отношений, на деле проявляет свою великодержавную, диктаторскую позицию.

Важное значение китайские лидеры придают контактам с представителями средств массовой информации. Они пытаются превратить отдельные издания стран региона в постоянные рупоры пекинской пропаганды эффективные инструменты благожелательной ориентации общественного мнения в отношении Китая. Враждебность Пекина революционно-освободительным силам зачастую открывает ему двери крупных латиноамериканских издательств, газет, журналов, телевидения. Используя их, китайское руководство методично и с размахом осуществляет практику приглашений в Китай редакторов и ответственных сотрудников крупных латиноамериканских газет и журналов, а также посылку китайских журналистских групп. В мае 1978 г. делегация агентства Синьхуа во главе с заместителем директора агентства Му Цин, побывавшая в Венесуэле и Гайане, непосредственно обеспечила должную политическую подготовку визитов в латиноамериканские страны делегаций заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэя, а также заместителя премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. В этот же период посол КНР в Венесуэле посетил редакцию газеты «Ультимас нотиснас», предоста

выв ее сотрудникам обширную информацию о развитии китайско-венесуэльских отношений и международной обстановке.

Китайское руководство рассчитывает на поддержку своих внешнеполитических тезисов прежде всего представителями окрепшего латиноамериканского буржуазного национализма. Как правое, так и в значительной мере левое его крыло зачастую сходно подходят к оценке антиимпериалистических, освободительных процессов в своих странах, фактически сводя их к «бунту» народов «третьего мира» против «международных центров силы», «богатых наций», «сверхдержав». Позиции таких, как правило, влиятельных политико-идеологических течений нередко характеризуются рецидивами антисоветизма, попытками подпевать маоистским тезисам. В Колумбии представители таких кругов, среди которых, в частности, бывшие президенты страны М. Пастрана и Л. Камарго, ратуют за «гуманный марксизм», якобы исповедуемый маоистами, восхваляют Мао за разрыв с основополагающим выводом марксизма об исторической роли пролетариата и за разрыв с Советским Союзом¹³.

Руководство Китая рассматривает националистические устремления крупной латиноамериканской буржуазии, стремящейся на гребне антиимпериалистической борьбы к повышению своей роли в иерархической системе мирового капиталистического хозяйства, как один из факторов внедрения и развития антисоциалистических экстремистских течений в движении развивающихся стран. Поэтому Пекин заинтересован в активизации и подогревании таких процессов. Немаловажное значение в связи с этим он придавал спекуляции на стремлении буржуазных кругов в некоторых латиноамериканских странах непомерно раздуть значение требований международного признания прав прибрежных государств на одностороннее расширение зоны их территориальных вод до 200 и более морских миль. В унисон с этими силами пекинские пропагандисты утверждали, что это движение, «застрельщиками, инициаторами» которого выступили латиноамериканские страны, является «новой страницей в борьбе «третьего мира» против великодержавного гегемонизма», что оно «приобрело «всемирно-историческое значение»¹⁴ и «переносится на Азию, Африку и даже Северную Европу».

Основной целью этой кампании Пекина было провоцирование напряженности и конфликтов в связи с попытками одностороннего раздела морской прибрежной зоны, ниспровержение основ международного морского законодательства и создание обстановки хаоса и произвола в международных делах. Такой характер китайской активности ясно продемонстрировала его позиция на ряде международных конференций по проблемам морского права, в частности на конференции в Каракасе в июле — августе 1974 г. Не без вины Пекина, как известно, на ней радикально не сблизились позиции различных сторон. Некоторые латиноамериканские представители считали, что конференция закончилась неудачей из-за «сложности проблемы и противоречивости различных интересов»¹⁵, а также из-за «позиции великих держав». Китайская сторона активно мешала конструктивной работе конференции, а после ее окончания стала твердить о «большой победе» «третьего мира» над «сверхдержавами»¹⁶, явно призывая некоторые государства, в частности латиноамериканские, продолжать курс на конфронтацию. В сходных провокационно-подстрекательских целях китайское руководство пыталось использовать и некоторые другие вопросы, в частности вопрос о латиноамериканской безъядерной зоне (Договор Тлателолко).

В последнее время в центр внимания Пекина в его подходе к странам Латинской Америки выдвинулись экономические проблемы. Такое из-

¹³ См. «Проблемы мира и социализма», 1976, № 1, с. 48, 49.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 6.IX.1973.

¹⁵ In: «Journal do Brasil», 29.VIII.1974.

¹⁶ См. «Жэньминь жибао», 30.VIII.1974.

менение отражает прежде всего специфику внутривнутрирегиональной и международной ситуации. В латиноамериканских странах усилилось движение за достижение подлинной экономической независимости. Оно сопровождается активизацией деятельности латиноамериканских представителей на различных экономических конференциях, в том числе в рамках ООН, оживлением ранее существовавших и появлением новых региональных и субрегиональных торгово-экономических объединений, таких как Организация Андского пакта, Латиноамериканская экономическая система, Карибское сообщество (КАРИКОМ) и др.

Укрепляется и антимпериалистическая направленность экономической борьбы стран региона. Такая ориентация на пути достижения нового экономического порядка на демократических началах, против бесконтрольной деятельности транснациональных корпораций получила свое отражение в документах конференции Совета ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в марте 1975 г. в Лиме, Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в мае 1972 г. в Сантьяго, совещаний неприсоединившихся государств в августе 1972 г. в Джорджтауне и в августе 1975 г. в Лиме.

Пытаясь выдать себя за поборника экономического освобождения Латинской Америки, Пекин, однако, на деле стремится ослабить ее антимпериалистический потенциал, превратить экономические вопросы в сферу, разделяющую национальные интересы латиноамериканских стран и мирового социалистического содружества.

Пекин настойчиво навязывает «антисверхдержавное» толкование борьбе латиноамериканских стран за экономическую независимость. В печати КНР проводится тезис о том, что борьба против «гегемонизма» в области экономических отношений образует некий «критический момент» «национально-демократической революции» в Латинской Америке¹⁷. Такие взгляды проповеваются Пекином как в двусторонних контактах с представителями стран континента, так и на проходящих в низших международных экономических форумах. Пекинская дипломатия пытается увести их от обсуждения насущных проблем развивающихся стран, замкнув дискуссию на осуждении «сверхдержавного гегемонизма». На конференции ЮНИДО в марте 1975 г. китайская делегация ссылалась при этом на то, что ныне «борьба против гегемонизма распространилась на сферу экономики»¹⁸.

Пекинские пропагандисты стремятся всемерно раздуть «антигегемонистское» значение погандившихся в Латинской Америке торгово-экономических объединений и союзов стран — экспортеров кофе, бананов, бокситов и др., трактуя их деятельность как пример «коллективной опоры на собственные силы» и «совместной оппозиции сверхдержавам». Во время встречи премьер-министра Гайаны Ф. Бернхэма с Дэн Сяопином в марте 1975 г. последний специально отметил их роль в линии на использование «сырья как оружия». При этом китайские руководители не скрывают своей заинтересованности в том, чтобы направить деятельность таких интеграционных объединений по пути конфронтации с миром социализма. Чтобы опорочить перед латиноамериканскими странами экономическую политику Советского Союза, Пекин чернит характер советско-кубинских отношений, распространяет нелепые измышления о стремлении Советского Союза «заманить» латиноамериканские страны в Совет Экономической Взаимопомощи, рассматриваемый им не иначе, как «орудие неокOLONиалистской политики социал-империализма». Расширению равноправных, взаимовыгодных связей стран континента с социалистическим сообществом противопоставляется перспектива сближения с Китаем и развитыми капиталистическими державами, не исключая США.

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 21.II.1977.

¹⁸ Ил: «Peking Review», 1975, № 12, p. 16—17.

После смерти Мао Цзэдуна китайское руководство активизировало усилия по налаживанию и рекламе «образцовых», крупномасштабных отношений на торгово-экономической основе с наиболее влиятельными латиноамериканскими странами — Мексикой, Бразилией, Аргентиной, Венесуэлой. В начале 1977 г. КНР заключила торговый договор, а в мае 1978 г. подписала с Аргентиной целый комплекс документов об импорте сельскохозяйственной продукции. В январе 1978 г. был заключен торговый договор с Бразилией, а в ноябре — торговое соглашение о поставках китайской нефти в обмен на железную руду и продукцию бразильской металлургии.

Одной из главных задач Пекина, помимо чисто политических, является получение доступа к современной западной технологии, а также внедрение в разветвленную систему капиталистических внешнеэкономических связей. Им уже установлены тесные контакты с рядом латиноамериканских стран в области ядерной энергетики, нефтедобычи, сельского хозяйства. Характерно, что китайские представители стремятся к установлению деловых контактов прежде всего с филиалами крупных транснациональных монополий с преобладающей ролью капитала США. Так, в Бразилии одним из ведущих торговых партнеров Китая является лишь формально национальная электроэнергетическая компания «Мендис Юннорс», подписавшая в ноябре 1978 г. в Пекине контракт на строительство гидроэлектростанции в ущелье реки Янцзы и согласившаяся предоставить технологию производства различных гидроагрегатов. В Аргентине Пекин предпочитает вести отношения с крупной сельскохозяйственной монополией «Бунхе и Борн». Не случаен и тот факт, что торгово-экономическая выставка КНР, проводившаяся в ноябре 1975 г. в Мексике, состоялась не в столице, а в небольшом мексиканском городке Тихуана. Расположенный на границе с США, он сосредоточил филиалы многих крупнейших корпораций США, в активы которых поступает немалая часть доходов от торговли латиноамериканских стран с Китаем.

По существу, Пекин пытается «прислегнуть» свои экономические отношения с латиноамериканскими странами к курсу на дальнейшее сближение с США и развитыми капиталистическими державами. Не имея возможности открыто призывать государства Латинской Америки к альянсу с США, давно скомпрометировавшими себя неокOLONIALИСТИЧЕСКИМИ притязаниями, китайское руководство прибегает к обходному маневру. Пекинская пропаганда усиленно рекламирует в качестве перспективных экономических партнеров латиноамериканских стран Канаду, а также членов Европейского Экономического Сообщества. Именно такими целями определялась географическая направленность недавнего визита Цзи Пэнфэя в Венесуэлу, Мексику и Канаду. На состоявшейся в сентябре 1978 г. Конференции ООН по проблемам технического сотрудничества между развивающимися странами китайская делегация открыто призвала к союзу «второго» и «третьего» миров. В китайской печати неоднократно расписывались «преимущества» укрепления связей Карибского сообщества с европейским «Общим рынком»¹⁹.

Несмотря на активную поддержку США, местных проимпериалистических кругов и представляющий их мощный пропагандистский аппарат, усилия китайского руководства не встречают в латиноамериканских странах того отклика, на который оно рассчитывает. И это не случайно. В Латинской Америке неуклонно пробивает себе дорогу тенденция к развитию антиимпериалистической борьбы, укреплению равноправных и взаимовыгодных связей с миром социализма. Такой путь рассматривается в латиноамериканских странах как важный фактор, способствующий их борьбе за достижение подлинной экономической независимости и политической самостоятельности. Одной из наиболее характерных примет

¹⁹ См. «Жэньминь жибао», 1.IV.1978.

реализации такой тенденции является развитие прямых связей латиноамериканских стран с СЭВ²⁰. Дает осечки и проимпериалистическая антисоветская деятельность Пекина в международных организациях. Так, китайской делегации не удалось протащить пункт о «сверхдержавках» в итоговую резолюцию Лимской конференции ЮНИДО в марте 1975 г. Провалом закончились и аналогичные усилия на конференции ООН в сентябре 1978 г. в Буэнос-Айресе. Ее делегаты единодушно одобрили предложенную Советским Союзом резолюцию о развитии технического сотрудничества между развивающимися странами.

Цели и средства современного политического курса Пекина в Латинской Америке проявились в наиболее наглядной, зримой форме в его подходе к революционно-демократическим преобразованиям в Чили. Победа в 1970 г. широкого народного движения шла вразрез со взглядами и практическими интересами китайского руководства, прежде всего потому, что она противоречила маоистским постулатам, отрицающим возможность различных путей революции, в том числе мирного²¹. В основе враждебности Пекина к правительству Народного единства лежат, конечно, не только «теоретические» расхождения. Апеллируя к теории, китайское руководство пыталось замаскировать свое глубокое недовольство практикой развития освободительных процессов в Чили. Деятельность правительства Сальвадора Альенде, опиравшаяся на союз рабочего и народного движения, важную роль в котором играла Компартия Чили, проводимые им глубокие социально-экономические преобразования объективно препятствовали Пекину в осуществлении его гегемонистских, проимпериалистических устремлений.

Не имея возможности открыто выступить против народного правительства, китайское руководство заняло двурушническую позицию: с одной стороны, демонстрировало заинтересованность в развитии отношений, а с другой — вело против него подрывную деятельность. Маоистская группировка — «революционная компартия» — с первых дней пребывания у власти правительства Альенде включилась в активную борьбу против него под демагогическим лозунгом «народной войны». В 1971 г. чилийские маоисты, исполняя директивы Пекина, несколько подкорректировали свою деятельность. На пленуме ЦК «революционной компартии» было принято решение сделать упор на противодействие не всему блоку Народного единства в целом, а лишь Компартии Чили, как наиболее организованной, цементирующей силе народной коалиции. Выступая с провокационными выпадами против ее мнимой «гегемонии», маоисты пытались оттеснить компартию с политической арены, посеять недоверие между партиями, составлявшими Народное единство, и вызвать его раскол. Одновременно китайское руководство пыталось спекулировать на успехах правительства Альенде, выдавая их за пример реализации маоистских тезисов в латиноамериканских условиях. В китайской пропаганде выступлениям чилийских государственных деятелей постоянно давалась «антигегемонистская» трактовка. Даже буржуазная пресса Чили признавала, что Пекин делает ставку на развитие националистических тенденций²².

За период с момента установления дипломатических отношений с Чили в декабре 1970 г. до середины 1973 г. КНР подписала с чилийским правительством ряд торгово-экономических документов, в том числе

²⁰ В августе 1975 г. была создана смешанная комиссия СЭВ — Мексика. На 78 и 79-м заседаниях Исполкома СЭВ в Москве в октябре 1976 г. и в Гаване в январе 1977 г. рассматривались вопросы сотрудничества также и с Гайаной.

²¹ Пытаясь опровергнуть закономерный характер успеха чилийского народного движения, игнорируя роль массовой поддержки чилийцами коалиции Народного единства на выборах 1970 г., Чжоу Эньлай заявил, что победе С. Альенде более всего помог случай — убийство правыми экстремистами главнокомандующего вооруженными силами Р. Шнейдера.

²² Ип: «El Mercurio», 31.X.1970.

обещала предоставить кредит в размере 92,5 млн. долл. Значительная часть этих обещаний так и осталась на бумаге.

По мере того как становилось все более ясно, что чилийское правительство не пойдет на поводу у Пекина, а также по мере ухудшения внутривнутриполитической ситуации в стране Пекин все более определенно переориентировался в расчете на ожидаемый приход к власти фашистов. Руководство КНР фактически устранилось от обещанной экономической помощи Чили, ссылаясь, как это было указано в письме Чжоу Эньляя (Сальвадору Альенде от 23 февраля 1973 г., на «ограниченность экономических возможностей КНР». В обстановке подлинно империалистической блокады Чили Пекин цинично советовал остерегаться экономической поддержки извне, имея в виду прежде всего экономическую помощь Советского Союза.

Свое отношение к событиям, последовавшим за военно-фашистским переворотом 11 сентября 1973 г., китайское руководство стремилось использовать для демонстрации готовности к дальнейшему сближению с империализмом и латиноамериканской реакцией. Ради этого оно не задумываясь отбросило все доводы о возможности сохранения остатков своего «революционного» престижа в некоторых мелкобуржуазных слоях. Пекин устранился от международной кампании солидарности с чилийскими патриотами. В дни переворота китайское посольство отказывалось предоставлять убежище даже маонистам, которых оно подстрекало на борьбу против Народного единства. Как прямо-таки с истинно маонистским цинизмом отмечалось в некоторых комментариях западной печати, «ценой потери некоторых интеллектуалов, которые не очень-то были ему нужны, Пекин сохранил свое твердое присутствие еще в одной латиноамериканской стране»²³.

Характерной чертой нынешней латиноамериканской политики китайского руководства является значительная активизация деятельности по налаживанию возможно более тесных отношений с реакционными военно-диктаторскими режимами. Пекин прилагает все большие усилия для подлинного расцвета китайско-чилийских отношений. Всего за период 1976—1977 гг. Пекин предоставил чилийскому режиму кредитов на общую сумму около 220 млн. долл.²⁴ Солидная договорно-правовая основа была подведена под отношения с чилийской военной во время визита в Китай министра иностранных дел хунты Э. Кубильоса в октябре 1978 г., министра экономики, развития и реконструкции Р. Келли в апреле 1979 г. и ответного визита заместителя министра внешней торговли КНР Чэнь Цзе в июне того же года. В результате проведенных переговоров был подписан целый ряд документов, в частности об обмене постоянными военными миссиями, о восстановлении деятельности совместной комиссии по двустороннему сотрудничеству, договор о научно-техническом сотрудничестве, заключены крупные торговые сделки.

Все эти визиты еще раз подтвердили, что отношения обеих сторон базируются на устойчивом совпадении антисоциалистических и антисоветских интересов при активном патронаже империализма. Так, в частности, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа при встрече с Кубильосом выразил особое удовлетворение антисоветской и антикубинской позицией хунты и ратовал за взаимную поддержку, непосредственно связываемую с задачами создания «единого широчайшего фронта» борьбы против Советского Союза. Со своей стороны, посланец хунты выступил со злобными нападениями на СССР, Кубу и Вьетнам. Судя по всему, Пекин намерен активно способствовать выходу чилийского режима из международной изоляции. В чилийской печати подчеркивается стремление «доброй воли» Пекина «помогать Чили на международной

²³ «Destino», 1976, № 2034, p. 41.

²⁴ «Правда», 7.IV.1978.

арене». В свою очередь хунта посредничает в деле сближения Китая с реакционными военными диктатурами. Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК Компартии Чили Луис Корвалан, альянс Пекина и клики Пиночета — «свидетельство того, что маоисты готовы во имя достижения своих великодержавных замыслов идти на союз с кем угодно, вплоть до откровенных фашистов»²⁵.

Эволюция латиноамериканской политики Пекина по пути все более открытого и тесного сближения с силами империализма и реакции глубоко размежевала его интересы с интересами и целями широких революционных, освободительных и демократических сил стран Латинской Америки. В авангарде борьбы с маоизмом на континенте идут латиноамериканские компартии. Резкая отповедь предательской политике китайских правителей прозвучала на Совещании коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 1975 г. в Гаване. В его итоговой декларации, подписанной 24 компартиями континента, подчеркивалось: «Бороться с этой политикой предательства дела единства и солидарности, предательства лучших традиций мирового революционного движения — долг всех коммунистических партий Латинской Америки»²⁶.

Против маоистской политики подрыва и раскола рабочего движения выступают такие крупнейшие профсоюзные объединения, как Профсоюзная конфедерация трудящихся Колумбии, Всеобщая конфедерация трудящихся Перу, ведущие профсоюзы Ямайки и других стран.

Глубокое возмущение в Латинской Америке вызвала разбойничья агрессия пекинских гегемонистов против Социалистической Республики Вьетнам. Как «самое отвратительное во всей истории человечества предательство революционного движения» охарактеризовал эту акцию Ридель Кастро, выступая на массовом митинге в Гаване²⁷. С решительным осуждением Пекина и требованием немедленного и безоговорочного вывода китайских войск за пределы исторически сложившейся границы с Вьетнамом выступили компартии, крупнейшие профсоюзы, демократические организации, коалиции левых партий. В их числе Левый широкий фронт в Эквадоре, Союз левых сил Мексики, коалиция «Единый народ» Никарагуа, Федерация журналистов Латинской Америки и многие другие. Агрессия Пекина вызвала тревогу и озабоченность в правительственных кругах латиноамериканских стран, отрезвляюще подействовав на те из них, которые без оглядки заигрывали с китайским руководством.

События последних лет внесли разброд даже в хилые ряды местных маоистов. В латиноамериканских странах усилился идейно-организационный распад их раскольнических группировок. Все это является еще одним свидетельством глубокого кризиса маоизма.

Антисоциалистический курс китайского руководства, направленный на смыкание с империализмом и реакцией, несет в себе непосредственную угрозу успешному развитию революционной, освободительной борьбы в латиноамериканских странах. Такой курс противоречит коренным интересам латиноамериканских народов. Однако революционно-освободительный процесс на континенте идет не по наметкам Пекина. В соответствии со своими специфическими особенностями он развивается в рамках общих закономерностей, свойственных современной эпохе. Его историческая перспектива — полное национальное освобождение и полная независимость, демократия и народное благосостояние, мир и социализм.

²⁵ «Правда», 7.IV.1978.

²⁶ «Коммунист», 1975, № 10, с. 97.

²⁷ См. «Правда», 23.II.1979.

Ближневосточная политика КНР до и после Кэмп-Дэвида

*В. Г. Грачева,
кандидат исторических наук*

Эволюция внешнеполитического курса КНР в отношении национально-освободительных движений стран Азии, Африки и Латинской Америки на протяжении последних двадцати лет подчинена глобальной стратегии маоизма как идеологии и политики, проникнутой великодержавными амбициями и нацеленной на превращение Китая в определяющий фактор формирования международной обстановки. Стремление к мировой гегемонии — вот что определяет политический курс Пекина в последние два десятилетия. «Эта политика, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»¹.

На Ближнем Востоке внешнеполитический курс Пекина разрабатывается и осуществляется с учетом следующих «соображений». Прежде всего маоисты исходят из того, что любое обострение арабо-израильских противоречий вряд ли может отразиться на благополучии самого Китая и содержать в себе угрозу его национальной безопасности. Достаточно большая удаленность арабского мира от территории КНР, полагают в Пекине, дает китайским руководителям основание не опасаться за судьбу Китая в случае возникновения не только новой арабо-израильской войны, но и конфликта большего масштаба. Более того, именно непосредственное военное столкновение Советского Союза, защищающего интересы арабских народов, и Соединенных Штатов Америки, оказывающих поддержку агрессивным кругам Израиля, в значительной мере отвечало бы великодержавным интересам правящей верхушки КНР. Разрушительные последствия советско-американского конфликта, на который так рассчитывают в Пекине, должны стать предпосылкой превращения КНР в великую державу, способную оказывать решающее воздействие на мировую политику еще до того, как военно-экономический потенциал Китая достигнет высокого уровня.

Пекинские руководители, поставив перед собой цель превратить арабо-израильский конфликт в постоянный очаг международной напряженности, отнюдь не стремятся к восстановлению мира и справедливости, к победе сил национального освобождения в этом районе земного шара. Судьбы народов ближневосточного региона вовсе не заботят Пекин, и для него, как утверждал Мао Цзэдун в закрытых выступлениях, не существенно, «кто кого победит» и будут ли «уничтожены все евреи или палестинский народ исчезнет с лица земли»². Задачей,

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 459.

² Это высказывание Мао Цзэдуна было приведено в выступлении тогдашнего министра иностранных дел Китая Цяо Гуаньхуа в Тяньцзине 20 мая 1975 г.

имеющей первостепенное значение в осуществлении великодержавных устремлений руководства КНР на протяжении последних десятилетий, определяющей тактику Пекина на протяжении последних десятилетий, всемерное противодействие восточного кризиса, справедливое урегулированию ближневосточной проблемы, превращению ближневосточного арабского кризиса в проблему справедливости, мира и сотрудничества на национально-независимости и справедливости.

В подобном великодержавном контексте декларации Пекина о «решительном намерении Китая справедливо разделить ответственность за арабский кризис» не более чем пропагандистским прикрытием. Широко рекламируемая китайская практика Пекина. Широко рекламируемая китайская практика арабским народам, — оценивается журнал «Эйша куотерли», — ограничивается провозглашением революционных лозунгов и выражением той симпатии, которая не связывает Пекин обязательством и не заставляет предпринимать что-либо конкретное»³.

Руководству КНР становится все труднее скрывать разительное несовпадение воинственных заявлений Пекина о поддержке арабов в их противостоянии с Израилем с тем мизерным объемом материальной помощи, которая поступала из КНР. «Если уж говорить о помощи по военной линии, — отмечал с сожалением бывший министр иностранных дел Египта Махмуд Риад, — китайцы не были бы в состоянии предоставить нам таковую даже в том случае, если бы наши страны разделяла лишь узкая полоса границы»⁴.

Подобной точки зрения придерживалось и израильское руководство. Именно оно — больше, чем кто бы то ни было на Ближнем Востоке, — было заинтересовано в китайском «присутствии» и насаждении маоизма в арабском национально-освободительном движении. «Путь к миру на Ближнем Востоке, — говорил Бен Гурион, известный политический деятель Израиля и международного сионизма, — лежит через Пекин»⁵. К тому, разумеется, «миру», который был бы приемлем для сионистских лидеров, — «миру», возможному в результате подавления национально-освободительного движения арабских народов. Распространение маоизма во второй половине 60-х годов в форме «левого» экстремизма, ультрареволюционности, абсолютизации «народной войны» как «единственно верного средства в борьбе против Израиля» давало повод сионистам для обвинения арабских народов в «агрессивности»⁶ и тем самым для оправдания «упреждающего» удара по арабским странам.

В Тель-Авиве (равно как и в Вашингтоне) воинственные заявления Пекина вызывали скорее одобрение, чем протест, и не создавали препятствий для налаживания контактов как официального, так и неофициального характера. При этом сионистов вовсе не смущало то обстоятельство, что китайская пресса вплоть до последнего времени широко распространяла тезис о «непричастности» КНР к созданию государства Израиль и к разделу Палестины, тем самым пытаясь завоевать симпатии арабских народов. Из тактических соображений официальный Пекин до сих пор утверждает, что КНР никогда не признавала Израиль и не собирается, мол, делать это впредь. Тем не менее известно (хотя и не очень широко), что контакты между Пекином и Тель-Авивом существовали в форме обмена правительственными посланиями, переговоров на уровне послов КНР и Израиля в третьих странах и т. д. Например, в июне 1954 г. в Рангуне состоялась встреча покойного премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая с Дэвидом Хакохеном, послом Израиля в Рангуне и видным государственным деятелем, в ходе которой изра-

³ «Asia Quarterly» (Bruxelles), 1977, № 3, p. 226.

⁴ Ibid., p. 234.

⁵ Цит. по: «Международная жизнь», 1978, № 4.

⁶ E. O'Ballance. Arab Guerilla Power. 1967—1972. London, 1974, p. 21

ильской стороне не только было предложено направить в КНР делегацию для обсуждения вопросов экономического и торгового сотрудничества, но и было заявлено, что китайское руководство «уверено в благоприятном исходе переговоров»⁷. Намерение Пекина установить дипломатические отношения с Тель-Авивом было высказано в том же году Чжоу Энлаем в официальном выступлении на сессии Всекитайского собрания народных представителей⁸.

Малонизвестно и то, что израильская экономическая делегация, прибывшая в Пекин в феврале 1955 г., была встречена весьма дружелюбно и принята, в частности, заместителем министра торговли КНР, выразившим «особое уважение народу Израиля за твердость во всех испытаниях» в «борьбе за независимость, несмотря на многие препятствия». Ясно, что под «препятствием» для сионистов подразумевалось, конечно, арабское и особенно палестинское национально-освободительное движение. К середине 50-х годов Израиль уже успел продемонстрировать «свою агрессивную природу, оккупировав десятки арабских поселений на территории свыше 6 тысяч кв. км, и создать очаг постоянной напряженности на Ближнем Востоке. Несмотря на это, даже после Конференции «солидарности стран Азии и Африки 1955 г. в Бандунге, где были установлены первые китайско-арабские контакты и Пекин оказался вынужденным высказаться в поддержку борьбы арабского народа Палестины «за права человека», китайские дипломаты продолжали утверждать, что правительство КНР «и теперь стремится к дружественным отношениям с Израилем»⁹.

Зантересованность КНР в развитии связей с Тель-Авивом была настолько серьезна, что китайскому послу в Рангуне было поручено передать израильской стороне официальные извинения китайского правительства за «проарабскую» позицию делегации КНР на Бандунгской конференции¹⁰. В Пекине рассчитывали и на то, что израильское руководство положительно оценит полное отсутствие критики Израиля в выступлениях китайских ораторов на Бандунгской конференции по поводу положения на Ближнем Востоке.

И в 50-е и 70-е годы интенсивность китайско-израильских контактов находилась в прямой зависимости от позиции США и состояния китайско-американских отношений. Враждебность США народному Китаю в середине 50-х годов была в числе основных причин, не позволивших Тель-Авиву и Пекину оформить достигнутую договоренность (назначение посла Израиля в КНР состоялось еще в июле 1950 г. одновременно с решением кабинета установить дипломатические отношения с Пекином)¹¹. В «рекомендациях» правительства США правительству Израиля относительно сближения с Пекином, изложенных государственным секретарем Д. Ф. Даллесом, прямо говорилось: «...не устанавливать отношения с режимом, который близок к падению»¹². Однако по мере того как политика КНР на международной арене приобретала все более явную проимпериалистическую направленность, менялось и отношение американской администрации к перспективе установления официальных связей с маоистским Китаем и к целесообразности использования «китайской карты» в конфронтации двух социальных систем. В начале 70-х годов сближение Китая с Соединенными Штатами Америки, а также с антикоммунистическими режимами, отстаивающими интересы американского империализма в ближневосточном регионе, стало политиче-

⁷ In: M. Brecher. *Israel, the Korean War and China. Images, Decisions and Consequences.* Jerusalem, 1974, p. 69.

⁸ In: «The New China News Agency», September 23, 1954.

⁹ A Sino-Soviet Perspective in the Middle East. US Congress. Hearings. Washington, 1972, p. 31.

¹⁰ In: M. Brecher. *Op. cit.*, p. 69.

¹¹ *Ibid.*, p. 45.

¹² A Sino-Soviet Perspective in the Middle East, p. 31.

ской реальностью. Нормализация китайско-американских отношений в свою очередь повлекла за собой новые сообщения о восстановлении контактов между маонистами и сионистами.

К началу 70-х годов в Тель-Авиве осознали, что «политика КНР на Ближнем Востоке не наносит ущерба Израилю, поскольку никакой практической помощи (о которой стоило бы беспокоиться. — В. Г.) китайцы арабам не оказывают»¹³. Дипломаты из Тель-Авива справедливо полагали, что «у Китая нет оснований пренебрегать Иерусалимом в социальном и идеологическом планах. КНР, пожалуй, ближе к Израилю, чем, например, к Саудовской Аравии»¹⁴. Израильские дипломаты могли бы добавить, что в основу как китайской, так и израильской внешней политики положены общие принципы, способствующие на данном этапе сближению двух стран, а именно: крайне националистический подход к постановке и решению внешнеполитических задач; прагматизм, доведенный до цинизма в международных отношениях; отсутствие ограничений в выборе средств для достижения цели; признание правомерности территориальных захватов в общем стремлении к экспансии и расширению сфер влияния; пренебрежительное отношение к ООН и принципам международного права; использование китайских эмигрантов и соответственно лиц еврейской национальности как средства давления на политику других стран; общая антисоветская и антикоммунистическая направленность; стратегическое значение союза с американским империализмом и т. д. Маонистский Китай и Израиль объединяет и общая враждебность арабскому национально-освободительному движению. делу борьбы за разрядку международной напряженности, разоружение и запрещение испытаний и распространения ядерного оружия. Агрессия КНР против социалистического Вьетнама имеет поразительное сходство с экспансионизмом Израиля в отношении арабских соседей.

В своем сближении с Израилем и США Пекин зашел настолько далеко, что высказывания его руководителей стали созвучны претензиям сионистов на Палестину как «родину всех евреев», то есть основополагающую тезису сионизма. Так, на встрече с Говардом Скуодроном, одним из ведущих деятелей Американского еврейского конгресса, заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо заявил, что «китайский и еврейский народы объединяет такая любовь к родной земле, какой нет ни у какого другого народа»¹⁵.

Переход китайского руководства на откровенно реакционные позиции явился логическим завершением политической деградации маонистов. двадцать лет тому назад отступивших от марксизма-ленинизма — сначала резко «влево», а затем, после того как претензии на роль лидера развивающихся стран и революционных движений Азии, Африки и Латинской Америки оказались несостоятельными и были отвергнуты подавляющим большинством молодых независимых государств, так же резко вправо. Для страны, официально квалифицировавшей Советский Союз как «врага № 1», «врага главного и наиболее опасного», и полностью предавшей интересы народов, борющихся против империализма и неоколониализма, естественными союзниками могли стать лишь антикоммунистические и реакционные режимы. На Ближнем Востоке ими оказались режимы бывшего шаха Ирана Пехлеви, султана Омана Кабуса, президента АРЕ Садата.

Перемена союзников КНР на Ближнем Востоке, где Китай к началу 70-х годов сократил, а в некоторых случаях и вовсе отказался от поддержки Фронта освобождения Омана, Палестинского движения сопротивления и других сил, стоящих на переднем крае борьбы с империа-

¹³ «Ас-Сафа» (Бейрут), 12.II.1973.

¹⁴ «China Mail» (Hongkong), 18.II.1974.

¹⁵ «New York Post», 9.I.1979.

лизмом, оказала заметное влияние на позицию Пекина по проблемам ближневосточного урегулирования, не меняя, однако, общего подхода КНР к месту и значению арабо-израильского конфликта в системе маоистских внешнеполитических приоритетов и его стремления к максимально возможному обострению кризисной ситуации в регионе. Маоисты, будучи не в состоянии оказывать решающее воздействие на развитие обстановки на Ближнем Востоке и самостоятельно направлять ее в русло государственных интересов КНР, расценили активизацию деятельности США в странах Арабского Востока, восстановление позиций Вашингтона, на подрыв советских позиций, как благоприятную для Пекина и избрали курс, империалистическому.

Вероятно то, что сближение Пекина с империализмом и явилось наиболее откровенным в моменты, в значительной мере для развития арабского национально-освободительного и упрочения левых и прогрессивных сил в регионе. Военно-политические события 1970—1971 гг. в Иордании, получившие известность как «черный сентябрь» и приведших к глубокому военно-политическому кризису Палестинского движения сопротивления, китайские представители за рубежом, не стесняясь, высказывали свое «разочарование» в неспособности палестинских организаций развязать «длительную народную войну» по пекинским рецептам и намерение прекратить оказание военной и материальной помощи¹⁶. Подобное проявление лояльности к Израилю и США было продемонстрировано маоистами в ходе «двадцатидневной войны» осенью 1973 г. Китайские представители в ООН в кулуарных беседах ясно давали понять, что судьба арабских народов в этой войне — не тот фактор, который определяет политику Пекина. На встрече с американскими конгрессменами, состоявшейся за кулисами Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1973 г., пекинские дипломаты, как сообщала арабская печать, заверяли своих собеседников в том, что «КНР займет умеренную позицию в отношении нынешнего конфликта на Ближнем Востоке... Любое возможное поражение арабских стран не вызовет беспокойства Пекина, поскольку это может способствовать возникновению разногласий между арабами и СССР»¹⁷.

Практические же шаги Пекина (в том числе и в Организации Объединенных Наций) в дни «октябрьской войны», ливанского кризиса 1975—1976 гг. и в еще большей степени в последнее время означали не столько «умеренность» в отношении конфликта, сколько враждебность освободительным силам и предательство интересов арабских народов. В 1977—1979 гг. Пекин оказался в числе немногих государств, одобрявших путь сепаратных сделок, по которому пошел президент АРЕ Садат, и оказавших ему военную помощь и морально-политическую поддержку. В дни, когда подписание документов «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» (сентябрь 1978 г.), а также самого «мирного» договора (март 1979 г.) руководителями Египта, Израиля и США ознаменовало наступление качественно нового этапа в развитии ближневосточного кризиса и существенно осложнило условия борьбы за справедливое урегулирование арабо-израильского конфликта, китайское руководство стало на сторону империализма, сионизма и арабской реакции.

Чем же можно объяснить то, что в 1978 г. маоисты решились отбросить «принципиальную линию» в отношении методов урегулирования конфликта? Почему альтернативой военному решению, единственно приемлемому для китайских руководителей в прежние годы, стали сепаратные переговоры между Египтом и Израилем под эгидой США? Чем

¹⁶ См. «Маарив» (Тель-Авив), 27.VII.1971.

¹⁷ «Аш-Шааб» (Бейрут), 6.XI.1973.

руководствовались маоисты при определении позиции по отношению к Кэмп-дэвидским документам и договору, закрепившему новый военный союз Вашингтона, Каира и Тель-Авива?

Прежде всего правящие круги КНР учитывали то обстоятельство, что к середине 70-х годов на Ближнем Востоке произошли определенные изменения, повлиявшие на соотношение сил в регионе. В условиях обострения процесса классового расслоения наряду с антиимпериалистическими и антимонархическими революциями в Афганистане, Эфиопии, Иране и упрочением социалистических тенденций в развитии Южного Йемена повысились роль и влияние Саудовской Аравии, активизировалась реакция в Египте, в ряде стран усилились прозападные настроения, развернулась антикоммунистическая кампания там, где еще недавно успешно развивалось сотрудничество между различными левыми и умеренными партиями.

Одновременно в условиях обострения энергетического кризиса в капиталистическом мире повысилось значение ближневосточного района как основного источника нефти и нефтепродуктов. С учетом и на фоне этих изменений социального и экономического характера была заметно активизирована внешнеполитическая деятельность США, направленная на обеспечение экономических и военно-стратегических интересов Америки на Ближнем Востоке с помощью создания военно-политических блоков, контролируемых и финансируемых Вашингтоном. Не следует, разумеется, полагать, будто, выступив в поддержку Кэмп-Дэвида, Пекин ограничивается только вспомогательной ролью ради завоевания благосклонности Соединенных Штатов. Нет, китайское руководство стремится использовать в своих интересах политическую экспансию США в регионе, прилегающем к границам СССР, и подтолкнуть американскую администрацию на проведение более жесткого курса в отношении СССР и тех арабских стран, которые развивают плодотворное сотрудничество с Советским Союзом. «Китайцы,— писала газета «Крисчен Сайенс Монитор», комментируя визит официальной делегации КНР в США,— призывали Картера использовать могущество Америки и доказать, что США — не бумажный тигр»¹⁸. Более определенно и целенаправленно эти провокационные призывы прозвучали в интервью Дэн Сяопина корреспондентам американского телевидения. «Мы действительно надеемся на то,— заявил Дэн Сяопин,— что США предпримут более эффективные, более решительные меры, чтобы противостоять вызову, брошенному гегемонизмом»¹⁹.

Со своей стороны маоисты приложили максимум усилий, чтобы продемонстрировать Вашингтону глубокое удовлетворение его деятельностью, нацеленной на укрепление антисоциалистических, антисоветских настроений на Ближнем Востоке. Маоистский курс и тут оказался параллельным империалистическому. В китайской трактовке первопричин ближневосточного кризиса были заметно смещены акценты в сторону усиления антисоветизма. Пропаганда КНР пыталась «облагородить» деятельность администрации Картера, представить дело таким образом, будто США выступили с инициативой мирных переговоров ради стабилизации обстановки в регионе и предотвращения возникновения нового вооруженного конфликта между арабами и израильтянами²⁰.

Метаморфозы, происходившие с пекинской пропагандой в 1978—1979 гг., подтверждают, что Пекин придает важное значение усилению американского присутствия на Ближнем Востоке. «Политической гибкости» маоистов, точнее, политической беспринципности, поистине нет предела: последние пекинские издания приписывают именно Соединенным Штатам главную роль в борьбе за мир в регионе, в организации мирных

¹⁸ «Christian Science Monitor», 18.III.1979.

¹⁹ «Beijing Review», 16.II.1979. № 7, p. 17.

²⁰ Ibid., 2.II.1979, № 5, p. 21.

переговоров между АРЕ и Израилем, в сглаживании противоречий и т. п. Если судить по китайским материалам, то США только и стремятся к всеобщему урегулированию и потому исполнены решимости убедить Сирию, Иорданию и ООП присоединиться к переговорам с Израилем после подписания египетско-израильского мирного договора и осуществить поэтапное урегулирование ближневосточного вопроса²¹. При этом «миротворческая» деятельность Вашингтона противопоставляется политике СССР, которая беззащитно квалифицируется маоистами как главный фактор, якобы дестабилизирующий ситуацию в регионе.

Позиция китайского руководства по ближневосточному урегулированию к моменту подписания кэмп-дэвидских соглашений уже была предопределена фактическим блокированием КНР с ведущими западными державами по важнейшим международным вопросам. По мнению западных исследователей, с начала 70-х годов маоисты «стали представлять любые доказательства того, что укреплению отношений с США они придают первостепенное значение»²². Заместитель премьера Госсовета КНР Уланьфу во время визита в АРЕ осенью 1978 г. показывал, что Пекин поддерживает и оправдывает ближневосточную политику США, сепаратные переговоры между Каиром и Тель-Авивом, а также одобряет документы, подписанные этими странами в Кэмп-Дэвиде. По существу, это означает, что китайское правительство готово ограничить свое требование «освобождения оккупированных территорий» вызовом израильских войск лишь к Синайскому полуострову²³, а решение палестинской проблемы свести к предоставлению палестинским арабам — жителям Западного берега реки Иордан прав «национального меньшинства» в рамках «автономии».

Маоистское руководство, безусловно, принимает в расчет тот факт, что большинство арабских стран отказалось от поддержки политики Садата²⁴. Вот почему пекинская пропаганда осторожна и либо публикует «беспристрастное» изложение фактов, либо цитирует египетских и американских политических деятелей, фальсифицировавших содержание и цели переговоров в Кэмп-Дэвиде. Одновременно средства массовой информации КНР активно выступают с критикой советской внешней политики на Ближнем Востоке, нацеливая арабские народы на противодействие «советской экспансии» и пропагандируя тезис, приемлемый лишь для арабских реакционеров, — тезис об «угрозе» со стороны СССР, якобы «более устрашающей, чем со стороны империализма и сионизма».

Китайская печать прибегает к самой беззащитной фальсификации, чтобы представить капитуляцию и предательство египетского режима как «справедливую позицию, отвечающую интересам египетского, палестинского и других арабских народов». Китайские руководители, игнорируя мнение большинства арабских стран, осудивших Каир на совещании в Багдаде в ноябре 1978 г., цинично заявляют, что «Китай не видит для арабских стран никакой пользы в занятии позиции, враждебной политике президента Садата». В более поздних публикациях переговоры между АРЕ и Израилем преподносятся китайской пропа-

²¹ In: «Beijing Review», 2. II. 1979, № 5, p. 21.

²² «Journal of Palestine Studies» (Beirut), August 1973, vol. III, № 1, p. 133.

²³ Гэн Бяо, как сообщила газета «Нью-Йорк пост» от 9 января 1979 г., в беседе с Г. Скудроном прямо заявил, что «израильские должны отказаться от большей части оккупированной арабской территории». Данное высказывание ничем не отличается от тех положений, которые выдвигаются американской дипломатией.

²⁴ Пекин, учитывая резкие протесты арабских государств в связи с капитуляцией Садата, счел нужным публично оправдать его «мирную» инициативу, во-первых, тяжелым экономическим кризисом, охватившим страну в результате непомерных расходов на военные нужды и потерь от войны, составивших 40 млрд. долл., а во-вторых, — проблемами, «созданными» для египетской экономики и обороны якобы Советским Союзом.

гандой как «самое выдающееся событие 1978 года на Ближнем Востоке».

Пекин фактически одобрил «мирный договор» между АРЕ и Израилем, оформивший военно-политический союз Вашингтона, Каира и Тель-Авива и нацеленный на обострение противоречий между США и СССР.

Нет никакого противоречия в том, что китайское руководство, для которого ближневосточная программа-максимум по-прежнему заключается в обострении кризисной ситуации и в провоцировании вооруженного столкновения, положительно оценило политическую инициативу США. Дело в том, что египетско-израильский договор в значительной степени сохраняет потенциальную возможность новой вспышки военных действий на Ближнем Востоке (об этом говорят операции Израиля на юге Ливана, воздушные бои сирийских и израильских ВВС). В Пекине рассчитывают и на то, что египетско-израильская сделка может вызвать новую волну «левого» экстремизма и терроризма на Ближнем Востоке, а это в свою очередь может быть использовано Израилем для оправдания новых «репрессивных» операций израильских карателей — и не столько против отчаявшихся одиночек, сколько против по-настоящему революционных отрядов, в частности национально-патриотических сил Ливана, Палестинского движения сопротивления и др.

Сам факт подписания подобного «мирного договора», навязанного империализмом и сионизмом в обход резолюций и решений Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН и подрывающего принцип соблюдения этих решений странами — членами ООН (а значит, и Китаем), создает опасный международно-правовой прецедент: он узаконивает сохранение оккупированной территории в руках агрессора и игнорирует проблему беженцев. Пекинским милитаристам «по душе» и то, и другое.

Немаловажным для КНР явилось и то, что подписание «мирного» договора между Каиром и Тель-Авивом в значительной степени способствовало заключению военного соглашения между АРЕ и КНР, квалифицированного арабской коммунистической печатью как «китайская агрессия против арабской нации»²⁵. Весьма показательно в плане истинного отношения маоистов к интересам арабских народов то обстоятельство, что китайское оружие предоставляется АРЕ в тот момент, когда Египет уже вышел из состояния конфронтации с Израилем, и поэтому не может быть использовано в общеарабской борьбе. Напротив, это оружие направляется в Египет с целью укрепления режима Садата внутри страны, содействия в преодолении той внешнеполитической изоляции, в которой оказался Каир на Ближнем Востоке в результате сближения с Израилем, а также для того, чтобы в случае необходимости обратить это оружие против арабского революционного движения. «Вызывает возмущение политика пекинского руководства, — говорил Генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины Найеф Хаватме, — поддерживающего Садата и готового предоставить ему военную помощь. Желание Пекина предоставить предателю арабской нации вооружение и боевую технику, которую последний наверняка намерен использовать не против Израиля, а направить ее против национально-освободительного движения в Африке и в арабском мире, лишь подчеркивает тесную координацию между США и Китаем в районе Ближнего Востока в интересах усиления позиций империализма и реакции и нанесения удара по силам освобождения и прогресса». Недаром роль Соединенных Штатов в подготовке и заключении этого соглашения была названа президентом Садатом «главной»

²⁵ «Ан-Нида» (Бейрут), 8.VI.1979.

«решающей»²⁶. Нет сомнения в том, что США не стали бы способствовать заключению любого военного соглашения в том случае, если бы сохранялась возможность использовать его в борьбе против Израиля. Проамериканская политика КНР в арабском мире привела, по мнению американской печати, к тому, что Китай «впервые оказался так активно представлен в военном плане на Ближнем Востоке»²⁷. Подобное содействие маонстам можно расценить как своего рода компенсацию США за ту позицию, которую заняло китайское руководство в отношении «мирного» договора между Египтом и Израилем и вмешательства Америки в процесс ближневосточного урегулирования.

Вероятно, для маонистов Китая наиболее далеко идущим последствием заключения египетско-израильского договора может стать официальное установление дипломатических отношений между Пекином и Тель-Авивом. О такой возможности китайские руководители поговаривали довольно давно. Еще в 1973 г. в беседе с министром иностранных дел Италии Дж. Медичи Цзи Пэнфэй, например, предсказывал, что КНР, скорее всего, изменит свой антагонизм в отношении Израиля, как только будет достигнуто решение конфликта, которое удовлетворит арабов»²⁸. В 1978—1979 гг. китайское руководство, учитывая важность поддержки американской мирной инициативы на Ближнем Востоке с точки зрения националистических интересов КНР, пошло на новые контакты с израильскими официальными лицами (в частности, с постоянным представителем Израиля в ООН Х. Герцогом, министром обороны Израиля Э. Вейцманом и др.), с тем чтобы «подтолкнуть» в своих интересах заключение сепаратной сделки между Израилем и Египтом: подписание «мирного договора» устраняло формальные преграды, до тех пор удерживавшие КНР от признания Израиля де-юре.

Поддержка Пекином сепаратных переговоров была по достоинству оценена в Тель-Авиве и вызвала новую волну прокитайской дипломатической активности сионистов. В частности, готовность Израиля установить дипломатические, консульские и торговые отношения была подтверждена заявлениями министра иностранных дел Израиля Моше Даяна. Расширение экономического сотрудничества двух стран (в частности, содействие израильских экономических экспертов осуществлению программы «четырех модернизаций») стало уже свершившимся фактом. Что же касается взаимопомощи в других областях, например в области сбора и обмена разведывательными данными, то в этой сфере опыт сотрудничества китайской и израильской спецслужб насчитывает не один год, и не десять лет. Одними из первых совместных операций были попытки организации политического убийства президента ОАР Ямаля Абдель Насера и взрыва американского посольства в Каире²⁹. Среди последних — террористические акты, диверсии, агитация, направленные против иранских религиозных деятелей — лидеров антимаонархической революции.

В странах, не согласных с курсом президента Садата, позиция КНР в отношении Кэмп-Дэвида, безусловно, подорвала политический авторитет китайского руководства, что заставило маонстов прибегнуть к маневрированию и выступить с новыми заявлениями о поддержке арабских народов.

²⁶ См. «Аш-Шарк аль-Аусат» (Лондон), 8.VI.1979.

²⁷ «Financial Times», 6.VI.1979.

²⁸ M. Br e e c h e r. Op. cit., p. 125; «Jerusalem Post», 10.I.1973.

²⁹ In: D. Richard. The Chinese Secret Service. New York, 1974, p. 457.

Стоимостная оценка советско-китайского научно-технического сотрудничества (1949—1966)

Л. В. Филатов,
кандидат экономических наук

С начала 60-х годов и вплоть до настоящего времени китайская печать и официальные представители КНР, стремящиеся извратить существо и роль научно-технического обмена между Советским Союзом и Китаем в 1949—1966 гг. и принизить значение советской помощи, преднамеренно искажают факты и события и сознательно замалчивают стоимостные и качественные показатели этой помощи.

В этой связи объективная оценка советской помощи Китаю приобретает важное значение для разоблачения китайских фальсификаторов истории советско-китайских отношений.

Советско-китайское научно-техническое сотрудничество, осуществлявшееся в значительной степени на безвозмездной и неэквивалентной основе, в котором основные затраты несла советская сторона, представляло собой, в сущности, помощь Советского Союза Китайской Народной Республике. Вклад советской стороны в это сотрудничество во много раз превосходил китайский вклад, а оплата советских научно-технических услуг производилась на максимально выгодных для КНР условиях. Передача советской научно-технической документации, которая по объемам в 16 с лишним раз превосходила китайскую, осуществлялась на безвозмездной основе с оплатой лишь стоимости копирования. Командирование в Китай советских специалистов и обучение китайских граждан в Советском Союзе — по льготным для КНР расценкам.

По нашим минимальным расчетам на базе цен мирового рынка, стоимость советской научно-технической помощи только по линии специальных межправительственных соглашений, предусматривавших выполнение заказов китайской стороны на специальное изготовление технической документации, включая передачу секретов производства и лицензий, составляет 7440 млн. руб., или свыше 10 млрд. долл. (данный расчет, как и все последующие, произведен по валютному курсу рубля и доллара, установленному Госбанком СССР с 1 апреля 1978 г.). Китайская сторона компенсировала всего лишь примерно 9 млн. руб.

Стоимость же всего объема советской научно-технической помощи, за которую Китай заплатил лишь около 113 млн. руб., превышает 9,7 млрд. руб., или 14 млрд. долл. Что касается китайских научно-технических услуг, главным образом передачи документации и образцов, за которые Советский Союз заплатил Китаю около 1100 тыс. руб., то они могли быть оценены по ценам мирового рынка максимум в 71 млн. руб.

При расчете приведенных стоимостных оценок был применен метод составления «конкурентных листов», широко используемый внешнеторговыми организациями социалистических стран для анализа мировых цен и определения базисных цен на различные виды товаров. Произведенные по данному методу расчеты стоимости советской научно-технической помощи Китаю в 1949—1966 гг. основываются на расценках западных фирм на выполнение заказов по оказанию различного рода на-

учно-технических услуг или работ типа «инжиниринг», на конкретных примерах внешнеторговых сделок и международной торговой практике того времени. Ниже приводятся стоимостные оценки различных видов советской научно-технической помощи Китаю. В оценку стоимости советской документации, переданной Китаю, включена лишь не компенсированная Китаем (полученная безвозмездно) документация по линии специальных межправительственных соглашений, предусматривающих выполнение особых заказов китайской стороны. Для определения ее стоимости необходимо различать две категории документации: а) требующую специального изготовления, которую Китай оплачивал лишь в размере затрат советской стороны, связанных с изготовлением и размножением копий, без учета, как правило, вносимых в них изменений; б) не требующую специального изготовления, которую Китай получал бесплатно.

К первой категории относится документация, полученная Китаем через Советско-китайскую комиссию (СКК) по межправительственным соглашениям о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНР. В эту категорию входят 8457 комплектов документации, в том числе 1408 проектов по капитальному строительству, 5513 чертежей на машины и оборудование, 1536 комплектов технологической документации (в отдельные годы 13—17 % общего объема документации этой категории предоставлялось Китаю бесплатно).

Кроме того, к первой категории относится вся специально изготовленная конструкторско-технологическая документация, полученная Китаем по межправительственным соглашениям при строительстве промышленных объектов.

По этим соглашениям, как, впрочем, и по всем линиям научно-технической помощи Китаю, за передаваемые одновременно с документацией «ноу-хау» (секреты производства, опыт, знания) и лицензии Советским Союзом не взималась какая-либо дополнительная плата.

Ко второй категории относятся все остальные виды документации, полученные Китаем по этим соглашениям: 4933 комплекта ведомственной документации (нормативы, инструкции, методики, предписания и пр.), 4261 учебное пособие, 4602 государственных стандарта и др., которые Китай получал бесплатно (в единичных случаях по отдельным экземплярам документации этой категории советской стороной взималась стоимость копирования в связи с внесением в них существенных изменений).

По нашим расчетам, за документацию первой категории Китай уплатил около 9,2 млн. руб. Средневзвешенная цена одного листа советского чертежа формата А-1 размером 814×576 мм (все остальные размеры приведены к формату А-1) составила около 2 руб.

Для расчета стоимости советской документации по ценам мирового рынка были использованы расценки европейских и американских фирм на выполнение услуг типа «инжиниринг». Было установлено соотношение между советскими и западными расценками и на этой основе определена общая стоимость советской документации, переданной КНР. В качестве мерила стоимости при расчете нами взята цена чертежа формата А-1.

По подсчетам советских экономистов, в европейских странах на начало 60-х годов средняя стоимость одного часа инженерно-проектных работ, выполненных рядовыми инженерами и консультантами, составляла в среднем 8 руб., а в США — 12,5 руб. Исходя из того, что разработка одного чертежного листа А-1 требует в среднем 120 человеко-часов¹, его стоимость в европейских странах составляла в среднем

¹ In: H. C. Bauman. Estimate Design Engineering Costs. — «Hydrocarbon Processing and Petroleum Refiner», 1964, vol. 43, № 10, p. 141—144. (Расчет изв. — Л. Ф.)

960 руб., а в США — 1500 руб. (с учетом 25 %-ной скидки за повторное изготовление — соответственно 720 и 1125 руб.).

Если исходить из того, что цена одного листа чертежа А-I по советским расценкам составляла около 2 руб., а по расценкам западных стран свыше 700 руб., то цены мирового рынка превосходили советские минимум в 350 раз, или в среднем почти в 500 раз. Это подтверждается конкретными примерами внешнеторговой практики прошлых лет. Так германская фирма «ИГ Фарбениндустри» за документацию на производство синтетического каучука запрашивала 14,4 млн. руб., что оказалось в 410 раз дороже стоимости советской документации по расчетам с социалистическими странами. Американская фирма «Юнайтед инжиниринг энд фаундри» за документацию по сталелитейному стану запрашивала свыше 450 тыс. руб., а аналогичная советская документация передавалась социалистическим странам по цене примерно в 400 раз ниже.

Если исходить из выявленного нами минимального соотношения между советскими ценами и ценами мирового рынка (1:350), а также общей стоимости советской документации первой категории, переданной Китаю по линии СКК, без учета бесплатно переданной документации, то общая стоимость советской документации по мировым ценам составила минимум 3220 млн. руб.

Одновременно с документацией китайской стороне фактически по всем темам сотрудничества передавались новые технические решения, уникальный опыт и знания, либо изобретения, патентные права на которые оформлялись в виде бесплатных лицензий.

Как показывает международная практика, стоимость лицензий на «ноу-хау» и изобретения, как правило, значительно превосходит стоимость самой документации. Если же оценивать вместе с документацией и научно-технические решения (даже по минимальным ставкам мирового рынка на «ноу-хау» и изобретения), то их общая стоимость как минимум в два раза превысит рассчитанную нами², то есть составит не менее 6440 млн. руб.

Большую ценность представляет также документация второй категории, переданная Китаю по линии СКК, которая также причисляется к разряду весьма важной составной части научно-технической документации, поскольку ее первоначальная разработка требует значительных затрат материальных средств и труда. Например, по контракту американского концерна ЭССО с японской фирмой «Дженерал ойл» на продажу технологии каталитического реформинга и гидрофайнинга предусматривалось, что оплата инструкции по эксплуатации оборудования составит 30 тыс. долл.³

По нашим расчетам, объем документации второй категории, приведенный к формату чертежей А-I, составит около четверти всего объема первой категории. Разработка этого объема документации по ставкам мирового рынка может быть оценена примерно в 800 млн. руб., а вместе со стоимостью лицензий на «ноу-хау» и изобретения — в 1600 млн. руб.

Таким образом, стоимость всего объема документации первой и второй категорий, переданной только по линии СКК, по ценам мирового рынка может быть определена в размере около 4 млрд. руб., а вместе с лицензиями на «ноу-хау» и изобретения — около 8 млрд. руб.

Помимо документации, переданной через СКК по межправительственным соглашениям, Китаю в значительных количествах были безвозмездно предоставлены конструкторско-технологическая документа-

² Рассчитано по данным: М. Л. Городисский, И. Д. Иванов. Лицензионный договор. М., 1961, с. 25—26; И. Д. Иванов, Ю. А. Сергеев. Патенты и лицензии в международных экономических отношениях. М., 1966, с. 114, 117.

³ См. И. Д. Иванов, Ю. А. Сергеев. Указ. соч., с. 112—113.

ция, а также лицензии на «ноу-хау» и изобретения по соглашениям о техническом содействии при строительстве промышленных объектов гражданского и военного назначения.

На мировом рынке стоимость лицензии на производство современных машин и оборудования достигает 30—50 %⁴, а в некоторых случаях и 100 % стоимости самого оборудования. В свое время Советский Союз заплатил за лицензию на производство тракторов сумму, которая значительно превысила стоимость всего оборудования.

Учитывая, что Советский Союз снабжал строившиеся в Китае предприятия, особенно объекты специального назначения, новейшими, порой уникальными машинами, оборудованием и технологией производства, можно с полным основанием считать, что стоимость советской документации вместе с лицензиями на «ноу-хау» и изобретения в этой области по мировым ценам составила по меньшей мере 50 % стоимости оборудования, то есть примерно 1 млрд. руб.

Суммируя наши расчеты, можно заключить, что общая стоимость советской документации вместе с лицензиями на «ноу-хау» и изобретениями, переданной Китаю через СКК и по специальным межправительственным соглашениям, исходя из цен мирового рынка того периода, составила около 9 млрд. руб.

В данный расчет не вошли значительные количества научно-технических материалов, предоставленных Китаю при непосредственных контактах министерств, ведомств и организаций обеих стран, то есть вне рамок специальных межправительственных соглашений и минуя СКК. С учетом этих материалов, полные объемы которых установить крайне затруднительно, общая стоимость документации, переданной Китаю по всем каналам сотрудничества, вместе с лицензиями может быть оценена на базе цен мирового рынка в еще более внушительную сумму.

Со времени образования КНР Советский Союз для оказания помощи при строительстве и реконструкции промышленных объектов гражданского и специального назначения командировал в Китай около 15 тыс. специалистов, включая военных советников, педагогов, деятелей культуры и искусства и пр.

За услуги советских специалистов Китай заплатил около 80 млн. руб., что составило средневзвешенные месячные ставки возмещения за одного специалиста около 400 руб. В то же время месячные ставки возмещения за услуги специалистов западных стран по контрактам советских внешнеторговых организаций составили в среднем более 1200 руб.

По свидетельству директора службы технического сотрудничества ОЭСР* А. Мэддисона, уровень расценок за услуги специалистов США и международных организаций, включая ООН, в начале 60-х годов значительно превысил европейский и составил в среднем 25 тыс. долл. за одного специалиста в год⁵, или около 2 тыс. руб. в месяц, что примерно в 5 раз выше среднего уровня советских расценок. На основе данных расчетов можно прийти к выводу, что расценки мирового рынка за услуги специалистов были не менее чем в 4 раза выше советских.

Таким образом, можно заключить, что стоимость услуг советских специалистов, командированных в Китай, без учета транспортных и коммунальных расходов, расходов на медицинское обслуживание и пр., по расценкам мирового рынка составляла сумму минимум 320 млн. руб.

По заявлению польского еженедельника «Политика», западные экс-

⁴ См. Ю. Корминов. Научно-техническая кооперация стран СЭВ. — «Вопросы экономики», 1969, № 5, с. 60—61.

* ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития, в которую входят основные промышленно развитые капиталистические страны.

⁵ In: A. Maddison. Foreign Skills and Technical Assistance in Economic Development. Paris, 1965, p. 63.

перты оценивают работу советских специалистов в Китае в 500 млн долл.⁶

Какова стоимость обучения китайских специалистов в Советском Союзе?

На ведущих советских промышленных предприятиях прошли стажировку и профессионально-техническое обучение около 10 тыс. китайских специалистов — рабочих, техников и инженеров.

По соглашениям между СССР и КНР средневзвешенная стоимость обучения инженерно-технического персонала на одного человека составила около 20 руб. в месяц.

В соответствии со сложившейся в западных странах практикой в стоимость обучения группы, состоящей, как правило, из пяти человек, включается зарплата специалиста, проводящего производственно-техническое обучение, компенсация потерь фирмы, связанных с его отсутствием на производстве, а также расходы, связанные с амортизацией оборудования.

Если не принимать в расчет амортизационные расходы, то по ставкам возмещения, установленным западными фирмами для различных категорий специалистов, стоимость обучения одной группы в месяц составит в среднем: 615 руб. (руководитель — высококвалифицированный рабочий), 725 руб. (руководитель — техник) и 1015 руб. (руководитель — инженер), а обучение одного человека в месяц — соответственно 123, 145 и 203 руб.

Учитывая, что руководство производственно-техническим обучением в Советском Союзе велось главным образом высококвалифицированными рабочими и техниками и реже инженерами, можно принять для расчета стоимость обучения одного человека в пределах 123—145 руб. Исходя из советской расценки 20 руб. и западных расценок 123—145 руб. за обучение одного человека в месяц, соотношение составляет от 1:6 до 1:7. Если же в стоимость обучения включить расходы, связанные с амортизацией оборудования, то она окажется еще выше.

По свидетельству А. Мэддисона, среднемесячная стоимость обучения одного практиканта составляла в 1962 г. в Европе 300 руб., а в США — 450 руб., из которых примерно 25 % приходилось на стоимость использованного оборудования. В своем расчете А. Мэддисон допускает, что значительная доля затрат на обучение (около 75 %) покрывалась за счет субсидий правительств западных стран, частных фирм, фондов помощи различных международных организаций, а также зарплаты самих обучающихся. Исходя из этих расчетов, обучение одного специалиста в Европе и США обходилось развивающимся странам соответственно в 75 и 112,5 руб. в месяц⁷.

Если же учесть, что в ходе обучения на производстве неквалифицированный подсобный рабочий мог бы заработать в месяц около 75 руб. (по уровню зарплаты в США)⁸ и часть его заработка уходила на оплату обучения, то затраты развивающихся стран на обучение одного специалиста в месяц могли бы составить до 150 руб. в Европе и до 187,5 руб. в США. В этом случае советские расценки также в 5,5—7,5 раза, или в среднем в 6 раз, ниже западных.

На основе приведенных нами расчетов можно заключить, что на мировом рынке стоимость обучения специалистов была примерно в 6 раз выше уровня советских расценок. Общая стоимость обучения китайских специалистов по расценкам мирового рынка составила бы около 38 млн. руб.

⁶ См. «Экономическая газета», 1963, № 40, с. 15.

⁷ In: A. Maddison. Op. cit., p. 62. (Расчет наш. — Л. Ф.)

⁸ In: «The Journal of Political Economy», vol. LXXIV, 1966, № 4, p. 369. (Расчет наш. — Л. Ф.)

В высших учебных заведениях Советского Союза прошли обучение около 13 тыс. китайских граждан, включая военнотружеников. В соответствии с соглашением между СССР и КНР от 9 августа 1952 г. китайская сторона возмещала Советскому Союзу лишь 50 % затрат, связанных с обучением и содержанием студентов и аспирантов: выплатой стипендий, заработной платы профессорско-преподавательскому составу, учебными, хозяйственными, коммунально-бытовыми и транспортными расходами. Медицинская помощь китайским гражданам, находившимся в Советском Союзе, оказывалась бесплатно.

Расчеты за обучение китайских студентов и аспирантов производились на льготных условиях по соглашениям и протоколам о неторговых платежах.

По нашим расчетам, с учетом 50 %-ной скидки за обучение и льготных условий по неторговым платежам общая сумма затрат Китая на обучение и содержание всего контингента китайских студентов и аспирантов в течение всего периода сотрудничества составила около 11 млн. руб.

По данным А. Мэддисона, средняя стоимость обучения и содержания студента в высших учебных заведениях за один год составила в конце 50-х — начале 60-х годов в европейских странах 2250 и в США — 5400 долл., а с учетом государственного финансирования — соответственно 1100 и 3300 долл.⁹ Кроме того, часть расходов на обучение иностранных студентов в западных странах погашалась из фондов технической помощи стран ОЭСР, фондов программы культурного обмена между странами и фондов частных организаций. В 1962 г. погашение затрат на обучение иностранных студентов за счет этих фондов составило в европейских странах около 27 %, а в США — около 47 %¹⁰, что означало снижение стоимости обучения в Европе до 803, а в США — до 1551 долл. (соответственно 720 и 1396 руб. в год).

Сопоставление этих расценок с советскими показывает, что стоимость обучения в европейских странах была почти в 3 раза, а в США в 5,6 раза, то есть в среднем в 4 с лишним раза выше, чем в Советском Союзе. На основании приведенного нами соотношения можно прийти к выводу, что обучение и содержание китайских студентов и аспирантов по расценкам мирового рынка обошлось бы минимум в 44 млн. руб. При этом необходимо отметить, что осуществляемое в капиталистических странах финансирование обучения студентов и аспирантов касается далеко не всех иностранных граждан.

К указанному выше расчету следует добавить стоимость обучения китайских военнотружеников в высших учебных заведениях, которое по своим условиям в известной степени было аналогично обучению студентов и аспирантов.

При расчете стоимости обучения китайских военнотружеников в Советском Союзе необходимо исключить 50 %-ную скидку, которая распространялась в СССР только на обычных студентов и аспирантов, а при расчете стоимости обучения в западных странах, видимо, необходимо исключить финансирование со стороны различных международных организаций и частных фирм. Исходя из этих соображений, стоимость обучения китайских военнотружеников в высших учебных заведениях Советского Союза по расценкам мирового рынка составила минимум 225 млн. руб.

Стоимость советской помощи Китаю в области науки оценивается следующим образом.

Советский Союз оказал Китаю огромную помощь в организации на-

⁹ In: A. Maddison. Op. cit., p. 61.

¹⁰ Ibid., p. 62. (Расчет наш. — Л. Ф.)

учно-исследовательской деятельности, в создании Академии наук КНР и многочисленных научных учреждений.

По соглашению от 27 апреля 1955 г. между СССР, КНР и другими социалистическими странами китайские физики были ознакомлены с научно-исследовательскими работами в СССР в области мирного использования атомной энергии.

В 1956 г. около 600 советских ученых и 500 советских учреждений участвовали в разработке 12-летнего плана развития науки и техники КНР, который охватывал 616 крупнейших проблем науки.

В целях оказания максимального содействия развитию китайской науки и техники и упрощения порядка контактов между советскими и китайскими научными организациями были подписаны пять межведомственных соглашений, включая соглашение от 11 декабря 1957 г. о научном сотрудничестве между АН СССР и АН КНР, а также ряд соглашений о проведении совместных исследовательских работ; соглашение между АН СССР и АН КНР от 18 августа 1956 г. по выявлению природных ресурсов и развитию производительных сил бассейна реки Амур.

Особенно важное значение для развития китайской науки имело соглашение от 18 января 1958 г. о совместном проведении исследований и оказании Советским Союзом помощи Китаю в решении 122 проблем, включавших основные направления и задачи 12-летнего плана развития науки и техники Китая. В ходе сотрудничества количество проблем по просьбе китайской стороны было увеличено до 163.

По нашим расчетам, основанным на учете всех фактических затрат, связанных с оказанием помощи Китаю в решении научных проблем и проведении научных исследований и разработок, стоимость советской помощи Китаю в области науки только по линии АН СССР в 1958—1960 гг., не считая предшествующих и последующих лет, составила не менее 300 млн. руб. Эту сумму можно считать минимальной, поскольку советские внутренние расценки на многие виды услуг значительно ниже западных.

Если же подсчитать весь объем советских расходов по оказанию помощи Китаю в области научных исследований и разработок по линии всех ведомств и научных организаций, то он мог бы составить по ценам мирового рынка несколько миллиардов рублей.

Подводя итог нашим расчетам, можно сказать, что приведенные выше стоимостные оценки различных видов советской научно-технической помощи Китаю можно считать с полным основанием минимальными, поскольку в расчет принимались лишь минимальные объемы советских услуг и минимальный уровень западных расценок на эти услуги с учетом всевозможных скидок и льгот, которые западные страны представляли отдельным — далеко не всем — развивающимся странам.

Идеологическая борьба в Китае на современном этапе

В. Ф. Феоктистов,

кандидат философских наук

Г. Н. Яценко,

кандидат исторических наук

Идеологическая борьба в КПК, обострившаяся после установления в КНР идейно-политического господства маоизма, по-прежнему остается характерной чертой внутривнутриполитической жизни страны. Эта борьба отражает глубокий идейно-теоретический кризис маоизма, оказавшегося неспособным дать китайскому обществу научно обоснованную программу социально-экономического и политического развития. Войдя в противоречие с объективными потребностями развития Китая, столкнувшись с ростом недовольства трудящихся антинародной политикой, маоизм вынужден был прибегнуть к серии политических и идеологических манипуляций, чтобы попытаться найти выход из тупика, в который он завел страну. Однако современное китайское руководство ищет этот выход на старых, обанкротившихся путях великоханьского социал-шовинизма, милитаризма и антисоветизма. Следовательно, идеологическая борьба в КПК по-прежнему сохраняет враждебную марксизму-ленинизму направленность.

С приходом к власти нынешнего руководства КНР эта борьба затронула проблему идейного содержания маоизма в целом и прежде всего вопрос о том, в какой форме должен быть принят маоизм как великодержавно-националистическая, милитаристская, социал-шовинистская идеология — в «левой» или правой.

К началу 70-х годов маоизм принял форму ультра-«левой» идеологии. Главную черту ее составляла концепция «казарменного коммунизма» в сочетании с курсом на искусственное обострение «классовой борьбы». Идейно-политическое содержание маоизма было сведено к концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Теоретическое оформление этой концепции проходило под знаком пропаганды идей Мао о «классе новой буржуазии в партии», о том, что «при социализме буржуазия находится именно в партии», то есть было связано с откровенным и полным отождествлением «революции» с внутривнутрипартийной борьбой маоистов против своих политических противников. Исходящая из этой «концепции» внутривнутриполитическая доктрина сводила всю деятельность партии и правительства к задаче удержания господства маоизма в китайском обществе посредством нагнетания обстановки перманентной «классовой борьбы». В этом заключалось служебное назначение абсолютизации левореволюционаристских призывов маоизма.

Несовместимость маоистской идейно-политической доктрины в ее левореволюционаристской форме с программой установления внутривнутриполитической стабильности и развития производства наглядно проявилась в 1975—1976 гг. (кампания борьбы против «правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов»). Ультра-«левые» выступили тогда против всяких попыток отказаться от установок «классовой борь-

бы» и заменить их «тремя указаниями председателя Мао»: изучать «теорию диктатуры пролетариата», добиваться «сплоченности и единства» и развивать производство. В ходе этой кампании версия «трех указаний» была квалифицирована как полный отход от маоизма, ее критика переросла в острую политическую схватку. Автор этой версии Дэн Сяопин был политически дискредитирован и вновь отстранен от активной общественной деятельности.

Эта последняя при жизни Мао Цзэдуна вспышка внутривнутриполитической борьбы показала, что проблема пересмотра идейно-политического содержания маоистской доктрины, отказа от ее левореволюционаристских крайностей вполне назрела и осознана даже в среде маоистского руководства. Поэтому с конца 1976 г. корректировка идейно-политической доктрины маоизма стала ведущим мотивом идеологической жизни КНР. Однако этот пересмотр был предпринят в целях укрепления общественного статуса маоизма, его спасения от полной дискредитации, поскольку доведенный до абсурда в левореволюционаристском варианте маоизм со всей наглядностью обнажил свою несовместимость с насущными потребностями общественного развития КНР и (что было главным для пекинских лидеров) не давал возможности эффективно реализовать маоистскую великодержавно-шовинистическую стратегию. Пересмотр этот проходил в острой борьбе, принявшей затяжной характер. Не затрагивая социал-шовинистической, милитаристской и антисоветской сути «идей Мао Цзэдуна», соглашаясь в главном — в том, что касается содержания стратегических целей его курса, — различные группировки китайского руководства разошлись в отношении путей, методов, способов реализации общих гегемонистских планов.

Борьба вокруг интерпретации «идей Мао» прошла два этапа, различающихся между собой как по составу борющихся группировок, по формам и методам борьбы, так и по глубине пересмотра содержания маоистской доктрины в целом.

Создание первой «обновленной версии» маоизма

Первый этап начался в сентябре 1976 г. с приходом к власти нового руководства во главе с Хуа Гофэном и завершился XI съездом КПК в августе 1977 г. То был этап идеологической (и не только идеологической) борьбы против «четверки» — группы лиц из окружения Мао Цзэдуна, которые прежде активно насаждали маоизм в его ультра-«левой» форме. В активный идеологический оборот были включены «указания» и «идеи Мао», призывающие к внутривнутриполитической стабильности и ускоренному наращиванию военно-промышленной мощи Китая. Главным направлением в этот период была выработка новой версии маоизма как якобы «теории социалистической революции и социалистического строительства».

Характер и масштабы пересмотра идейно-политической доктрины маоизма были определены в первых же заявлениях нового руководства сразу после смерти Мао Цзэдуна. Прежде всего были даны заверения в преданности «идеям Мао» и в твердой решимости «довести дело председателя Мао до конца». В пропаганде по вопросам идеологии сразу же наметился курс на более активное использование маоизма в качестве идеологического оружия на мировой арене, в связи с чем произошло усиление маоистского паразитирования на марксизме. Антисоветизм был подтвержден в качестве стержня внешней политики КНР.

Пропаганда тезиса об обострении «классовой борьбы» при социализме была приостановлена, на первый план выступили более общие вопросы о роли «идей Мао» в истории Китая и человечества вообще. Сам

Мао возвеличивался как революционный вождь и теоретик, «величайший марксист-ленинец нашей эпохи», «великий учитель международного пролетариата, угнетенных наций и народов», а его идеи были объявлены «энциклопедией марксизма». В качестве главных теоретических достижений Мао назывались теперь уже две теории — «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата» и «теория социал-демократической революции», первая из которых особенно настойчиво увязывалась с борьбой против «современного ревизионизма»¹.

Попытки пересмотреть левореволюционаристские «идеи Мао» на более отчетливо проявились после ареста «четверки», которая была обвинена в «умышленном противопоставлении революции — производству, политике — экономике, классовой борьбе — производственной борьбе», что квалифицировалось как прямой антимаоизм. В ходе кампании критики «четверки» появились установки, свидетельствовавшие о пересмотре отдельных аспектов идейно-политической доктрины Мао. В частности, установка Хуа Гофэна «усиленное развитие социалистической экономики — одна из основных задач диктатуры пролетариата» заменила известный постулат Мао, сводивший диктатуру пролетариата только к карательным или внешним функциям, а установка «председатель Мао учит нас, что жизнь партии — это ее единство» знаменовала отход от тезиса о неизбежности обострения внутрипартийной борьбы как «законе» функционирования партии.

Избранный руководством Хуа Гофэна путь преодоления левореволюционаристских черт маоизма в достаточной мере обнаружил себя после опубликования в конце декабря 1976 г. работы Мао «О десяти важнейших взаимоотношениях», посвященной в основном вопросам экономической политики. Читателям внушалось, что эта работа содержит определение «великого курса на строительство социализма» и что именно эта работа является «вкладом председателя Мао в теоретическую сокровищницу марксизма». Поставив в центр идеологической работы это сочинение Мао, новое руководство КНР сделало резкий сдвиг в сторону популяризации экономических «идей Мао», причем сам Мао Цзэдун изображался «величайшим теоретиком» в области политэкономии.

Таким образом, складывалась обновленная версия маоизма как «теории социалистического строительства», а внутриполитическая доктрина маоизма определялась как «диалектическое сочетание задач революции и производства» и была развернута в установке «постоянно помнить указание председателя Мао о том, что цель революции — открыть простор для развития производительных сил»².

Важной мерой, направленной на утверждение новой модификации маоизма, явилось издание в апреле 1977 г. пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна». Официально эти сочинения навязывались общественному мнению как «теоретическое обобщение социалистической революции и социалистического строительства». В апологетике маоизма проявилась при этом новая тенденция — усиление спекуляций на авторитете китайской революции и очередное извращение истории КПК и КНР, противопоставление опыта КНР опыту международного коммунистического движения ради возвеличения «заслуг» Мао Цзэдуна и вопреки общезвестным фактам. Мао Цзэдуну приписывались все победы, достигнутые китайским народом в революционной борьбе и в строительстве нового Китая под руководством КПК вопреки всем «упованиям Мао». Пятый том сочинений Мао был назван «летописью побед и великой борьбы и ее научным обобщением». Представляя весь позитивный опыт китайской революции неотделимым от политической и

¹ «Жэньминь жибао», 16.IX.1976.

² «Хушань», 1977, № 1, с. 94.

теоретической деятельности Мао, руководство Хуа Гофэна подчеркивало «новаторский характер» этой деятельности, что должно было послужить историческим обоснованием тезиса о развитии марксизма Мао Цзэдуном. В частности, утверждалось, что социалистические преобразования в КНР, заслуга проведения которых целиком приписывалась Мао Цзэдуну, являет собой уникальный «опыт одновременного (1) проведения социалистических преобразований и социалистического строительства», и потому «подытоживание и обобщение председателем Мао Цзэдуном вышеуказанного опыта имеют важное теоретическое значение в истории развития марксизма»³.

В качестве важнейшего элемента маоистского наследия по-прежнему называлась «великая теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая преподносилась как новейшее достижение марксистской мысли, дающая якобы решение «новой проблемы, долгое время не находившей правильного ответа в международном коммунистическом движении»: существуют ли классы и классовая борьба при диктатуре пролетариата. Официальная печать утверждала, что Мао Цзэдун «впервые в истории международного коммунистического движения дал научный ответ на вышеуказанную проблему, затрагивающую исторические судьбы диктатуры пролетариата». Тем самым новое китайское руководство не просто поставило Мао в один ряд с классиками марксизма-ленинизма, но и приписало ему, и только ему, теоретическое решение вопроса о социальных отношениях при социализме. Что же касается содержания «продолжения революции», то оно в основном трактовалось — согласно все тем же «указаниям Мао» — как «классовая борьба против буржуазии в партии» против «главной опасности — реставрации капитализма». Как и прежде, становление «великой теории» связывалось с борьбой против «современного ревизионизма», провозглашалась задача «следовать заветам председателя Мао и довести борьбу против советского социал-империализма до конца».

Что же касается «классовой борьбы» при социализме, то теперь эта как называемая «революция» стала трактоваться не только как процесс решения политических задач, но и как фактор, «содействующий быстрому развитию производительных сил».

В самом начале 1977 г. был возведен в ранг «основного курса» деятельности партии и государства призыв Мао «мобилизовать все позитивные факторы внутри и вне страны и превратить Китай в могучее социалистическое государство» из работы «О десяти важнейших взаимоотношениях». Пропаганда этого курса постоянно сопровождалась напоминанием «указания Мао» о том, что необходимо найти отличный от советского, «подходящий для условий Китая путь строительства социализма»⁴. Черты этого представления об «особом пути» стали вырисовываться с февраля 1977 г. в ходе пропаганды «написанной лично председателем Мао Конституции Аньшанского комбината»⁵, а затем «опыта Дачжая и Дацина», объявленного «конкретным путем перехода к коммунизму»⁶. Пропаганда «основного курса» в конечном итоге воспроизвела все установки маоистской «политики трех красных знамен» — «большой скачок», народную коммуну и новую генеральную линию (призыв Мао строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее»). По существу, был установлен паритет между концепцией «продолжения революции» и концепцией военно-казарменного коммунизма.

В окончательном виде маоистская идеологическая доктрина на этом этапе ее пересмотра предстала в документах XI съезда КПК, прове-

³ «Жэньминь жибао», 1.V.1977.

⁴ Там же, 29.XII.1976.

⁵ «Хунци», 1977, № 3, с. 92.

⁶ Там же, № 7, с. 6—8.

енного под лозунгом продолжения «революционной линии Мао». Съезд утвердил в качестве официальной идеологии маоизм, отождествленный, однако, с марксизмом-ленинизмом с помощью формулы «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна», тогда как прежде «идеи Мао» возобладали над марксизмом-ленинизмом в качестве его «вершины». В идеологическую доктрину вошли следующие компоненты: 1) «теория народной демократической революции», якобы открывшая «новый путь освобождения всех угнетенных наций и угнетенных народов мира»; 2) «великая теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая выдвигалась за «единственно верную» теорию строительства социализма «в современных условиях и определялась как «самое важное достижение марксизма в современную эпоху», «обобщение исторического опыта диктатуры пролетариата послеленинского периода» как в Китае, так и во всем мире; 3) «теория деления на три мира» в качестве теоретической основы антисоциалистического, антисоветского курса на международную арене.

Необходимо подчеркнуть, что основу основ новой версии маоизма по-прежнему составляла «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата». Главной темой доклада Хуа Гофэна на XI съезде было «точное освещение» этой теории, согласно которому она была определена как «целостная теория», то есть как идейно-теоретическая основа всей деятельности КПК, будь то в области политики или в области экономики. В отличие от традиционной интерпретации, выводившей эту теорию непосредственно из постулатов Мао о существовании антагонистических классов и обострения борьбы между ними при социализме, Хуа Гофэн указал, что данная теория основана на «выводах» Мао Цзэдуна о двух типах противоречий: «основных» (между производственными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой) и «главных» (в сфере надстройки).

В соответствии с тезисом об «основных» противоречиях была определена задача «продолжения революции» как курса на «диалектическое сочетание революции и строительства» в духе идеи Мао о «трех великих революционных движениях» («классовая борьба, производственная борьба и научный эксперимент»). «Классовая борьба» в сфере экономики стала пониматься в духе «идей Мао» конца 50-х годов, то есть как компонент экономической политики, обеспечивающий рост материального производства. Были подтверждены установки типа: «взявшись за революцию, стимулировать производство» и «взявшись за основное звено — то есть «классовую борьбу». — Авт.), добиваться установления внутриполитического единства».

В то же время, рассуждая о «главных» противоречиях в сфере надстройки, Хуа Гофэн свел «великую теорию» к «учению председателя Мао о внутрипартийной борьбе в период социализма», а Е Цзяньин — к «целостному учению о борьбе с лицами в партии, облеченными властью и идущими по капиталистическому пути». Соответственно «революция в области надстройки» сводилась по-прежнему к «классовой борьбе», аналогичной «культурной революции», которая «будет проводиться в дальнейшем еще много раз». В Уставе КПК 1977 г. в качестве «основной линии партии на весь период социализма» по-прежнему зафиксирован курс на разрешение «классовых противоречий». Судя по открытым документам, конкретного разговора о задачах строительства не было, съезд ограничился общими призывами к наращиванию экономической мощи в духе маоистской генеральной линии «больше, быстрее, лучше и экономнее».

В этом виде маоистская идеологическая доктрина позднее была зафиксирована в документах последовавших затем съездов общественных организаций КНР — профсоюзов, «комсомола» и федерации женщин.

Итак, руководство Хуа Гофэна предприняло пересмотр сложившей-

ся к середине 70-х годов маонистской идейно-политической доктрины путем отказа от абсолютизации ультра-«левых» крайностей и включения в активный оборот «идей Мао» о необходимости внутривластной стабильности, форсированного наращивания экономической мощи. Эти «идеи» в сумме представляют собой все ту же концепцию военно-казарменного коммунизма и направлены на усиление борьбы за реализацию гегемонистских устремлений на международной арене. Данный пересмотр несколько не изменил сущности маонизма как социал-шовинистической идеологии. В результате этой корректировки идейное наследие Мао было пущено в пропагандистский оборот в более полном его объеме, что означало попытку спасти маонизм от полной дискредитации, на грани которой он оказался в середине 70-х годов.

Новый этап идеологической борьбы и дальнейшая корректировка маонизма

Второй этап идеологической борьбы в КПК характеризовался тенденцией к дальнейшему пересмотру маонистской идейно-политической доктрины в прагматическом духе путем уже не только преодоления крайностей «левой» версии, но и замены левореволюционистскими «идеями Мао» правооппортунистическими. Эта тенденция, появление и усиление которой связано с возвратом к активной политической деятельности Дэн Сяопина, направлена на фактический пересмотр идеологической доктрины, зафиксированной в документах XI съезда КПК и отстаиваемой Хуа Гофэном. Все это повлекло за собой острую борьбу между группировками Дэн Сяопина и Хуа Гофэна, однако дело не дошло до открытого политического столкновения. На этом этапе борьба против «четверки» стала использоваться и для прикрытия дальнейшего пересмотра некоторых концепций маонизма. По существу это была борьба Дэна за признание курса на создание «собственной теории строительства социализма», но уже на основе соединения «идей Мао» с практикой «четырех модернизаций».

После XI съезда КПК при разработке китайским руководством экономической программы «четырех модернизаций» выяснилось, что курс на «диалектическое сочетание революции и производства» не снял вопроса о том, какой из этих контрагентов является определяющим главным. Уже в этот период были предприняты первые попытки обосновать превращение экономики в самодовлеющий, центральный объект деятельности партии и правительства. Тем самым обозначилась тенденция к отказу от маонистского принципа приоритета политики.

Официальное признание этой тенденции было зафиксировано в документах первой сессии ВСНП 5-го созыва (февраль — март 1979 г.), которая подтвердила походя «основную линию» на продолжение «классовой борьбы» и провозгласила «четыре модернизации» «генеральной задачей на новый исторический период». В отличие от линии XI съезда на достижение внутривластного единства через «классовую борьбу» сессия провозгласила курс на воссоздание и активизацию деятельности «единого фронта», и в идеологическую доктрину была включена еще одна «великая теория Мао» — «единого фронта», основанная на «учении Мао о двух типах противоречий», в частности на правооппортунистической концепции «противоречий внутри народа».

После сессии ВСНП начался период новой корректировки идейного наследия Мао в целях приспособления его к курсу «четырех модернизаций». Этот курс носил ярко выраженный милитаристско-гегемонистский характер, поэтому в его обоснование был развернут весь набор «идей Мао», призывающих к ускоренному наращиванию военно-промышленной мощи Китая. По этому вопросу в китайском руководстве разногла-

ний не возникло. Но с другой стороны, курс «четырех модернизаций» по методам осуществления слишком напоминал «большой скачок», что вызвало острые разногласия, особенно вокруг установки «взявшись за революцию, стимулировать производство». В пропаганде были усилены тезисы о ведущей роли производительных сил в общественном развитии, призывы к преодолению волюнтаризма и использованию экономических методов хозяйствования и управления. При этом Мао Цзэдун стал изображаться сторонником научно-технического прогресса и широкого использования достижений современной, в том числе экономической, науки в народном хозяйстве, противником уравниловки, «большого скачка». Пропаганда «опыта Дачжая и Дацина» была постепенно свернута. Это вызвало противодействие определенных кругов в руководстве КПК. «Экономической» тенденции были противопоставлены «идеи Мао», подчеркивающие приоритет политики. Признание необходимости экономических методов управления обществом, в частности материального стимулирования, сопровождалось возрождением тезиса об их вспомогательном характере и принятием «политика — командная сила»⁷. В ответ была предпринята атака на этот принцип, было указано на вторичный характер политики как надстроечного явления, был сформулирован вывод о том, что «не политика определяет направление развития экономики, а как раз наоборот, экономика направляет развитие политики»⁸. Противники этой позиции в свою очередь стали утверждать, что «основной принцип марксизма заключается в признании того, что классовая борьба — стержень всего», а их оппоненты в ответ на это вновь выдвинули положение о «самом основном принципе марксизма». Борьба между сторонниками дальнейшего пересмотра маоистской доктрины и их противниками приняла форму «дискуссии по проблемам гносеологии».

Начало дискуссии было положено в первых числах мая 1978 г. критикой приписываемых Линь Бяо и «четверке» утверждений, характерных для времен «культурной революции», о том, что «идеи Мао» якобы «вершина развития марксизма». Как указывалось в печати, цель дискуссии состояла в том, чтобы выяснить, как определять «правильное отношение к революционным вождям и их учениям». «Теория вершины» отвергалась как «метафизическая позиция», которая якобы отрицает необходимость «дальнейшего развития марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна». В противовес ей провозглашался курс на «исправление», «обогащение», «развитие» и создание «новых теорий»⁹. В дальнейшем дискуссия была продолжена под девизом «Практика — единственный критерий истины». В печати появились утверждения, что никакая теория, в том числе и «идеи Мао», не может служить критерием истинности линии или курса, поскольку единственный ее критерий — практика. В сущности, речь шла о том, чтобы лишить марксизм-ленинизм роли теоретической основы практической деятельности и допустить любой пересмотр, «просеивание» по мере надобности «идей Мао», в чем руководствоваться только практическими соображениями, а уже из текущей практики выводить «новые теории». Тем самым предлагалось оставить «идеи Мао» на вооружении в качестве «знамени идеологической борьбы», в том числе на международной арене¹⁰.

Отношение руководства к этой дискуссии проявилось на Всекитайском совещании по политработе в НОАК (май — июнь 1978 г.). На нем Хуа Гофэн провозгласил курс на усиление политработы в духе «идей Мао»¹¹. Суть его позиции выразилась в тезисах: «генеральная задача на новый исторический период основана на теории председателя Мао о

⁷ «Гуанмин жибао», 16.I.1978.

⁸ Там же, 17.I.1978.

⁹ «Жэньминь жибао», 8.V.1978.

¹⁰ «Гуанмин жибао», 11.V.1978.

¹¹ Там же, 5.VI.1978.

продолжении революции при диктатуре пролетариата», посему необходимо твердо придерживаться этой теории и «использовать революционизацию в качестве ведущей силы модернизации»; созданные Мао «основы политработы в армии непоколебимы», «самое главное заключается в том, чтобы... восстановить и широко распространить лучшие традиции созданной председателем Мао идейно-политической работы в армии», при этом «нужно опираться на целостное и точное овладение и применение идей Мао Цзэдуна». В противоположность этой позиции Дэн Сяопин провозгласил и попытался обосновать курс на пересмотр принципов и традиций политработы¹². Он заявил, что со времени создания Мао Цзэдуном «основ политработы» прошло более сорока лет, произошли большие изменения, поэтому «нужно изменить и методы и содержание, и требования политработы», что в целом она «непрерывно должна иметь новый цвет». При этом Дэн подчеркивал, что он выступает за то, чтобы «искать истину, опираясь на реальные факты», против «позиции некоторых товарищей», которые ратуют за то, чтобы «искать фразы Маркса — Ленина — Мао и поступать в соответствии с ними». В обоснование своей позиции Дэн привел все те основные положения, которые в свое время сформулировал Мао в обоснование отхода от марксизма под предлогом его «творческого развития на основе конкретной практики китайской революции»: «искать истину, опираясь на реальные факты», «исходить из реальной обстановки», «соединять теорию с практикой». Эти положения были объявлены Дэном «исходной и основной точкой зрения идей председателя Мао» и «самым основным принципом марксизма», гарантирующим «правильное отношение к революционным вождям и их учениям».

С октября 1978 г. дискуссия стала вестись под лозунгом «раскрепощения сознания», суть которого состояла в том, чтобы поступать соответственно реальной обстановке, не считаясь с «указаниями», причем это касалось главным образом «теории продолжения революции». Под воздействием позиции Дэна в ходе дискуссии главным теоретическим достижением маоизма было объявлено уже не «учение Мао о противоречиях», а «великое учение председателя Мао о практике», или «теория практики». В материалах, посвященных идейно-теоретической доктрине маоизма, перестала упоминаться «великая теория продолжения революции», а содержание доктрины определялось теперь «теорией новой демократии», «теорией деления на три мира» и «великим учением о двух типах противоречий»¹³, обосновывающим деление общества не на классы, а на «народ» и «врагов народа». Как подчеркивала китайская печать, «дискуссия по проблемам гносеологии» подготовила идеологические предпосылки для решений III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.).

В решениях III пленума отразились некоторые результаты и итоги идейной борьбы между группировками Дэн Сяопина и Хуа Гофэна. Пленум принял решение о «переносе центра тяжести на четыре модернизации», то есть поставил в центр деятельности партии экономику. Было провозглашено завершение «классовой борьбы» против «четверки». Статус «идей Мао» был определен как идейно-теоретическая основа осуществления «четырех модернизаций». Другими словами, «идеи Мао» были признаны прежде всего «теорией социалистического строительства», и, как подтвердили последующие события, тезис о приоритете «революции», «классовой борьбы» — по крайней мере в пропаганде — был фактически снят.

Под воздействием решений III пленума в течение января — марта 1979 г. в идеологической жизни КНР произошли значительные пере-

¹² См. «Гуанмин жибао», 6.VI.1978.

¹³ «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.

мены, которые определялись тенденцией ко все более явному пересмотру идейно-политической доктрины маоизма в правооппортунистическом духе.

Во-первых, с начала минувшего года идеологическая жизнь едва ли не впервые за последние два десятка лет стала определяться критикой «левизны». Было объявлено, что прежние оценки «линии Линь Бяо и банды четырех» как «ультраправой» или «по форме левой, а по существу правой» неверны; были выдвинуты установки «раскритиковать до конца ультра-«левую» сущность» этой линии¹⁴. Критика была развернута под лозунгом, призывающим «покончить с ошибочными представлениями, будто левизна лучше правизны», причем эти представления были квалифицированы как главное препятствие на пути торжества «правильной идеологии»¹⁵. Все это должно было убедить общественное мнение в том, что правая тенденция является «единственно верной» альтернативой ультра-«левой» линии Линь Бяо и «четверки».

Во-вторых, метод массовых идейно-политических кампаний был открыто отвергнут как вредный для экономического развития страны. Лозунгом «Взявшись за революцию, стимулировать производство» больше пользоваться нельзя» — под таким заголовком в марте 1979 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья, в которой отмечалось, что перманентные идеологические и политические кампании, в том числе и «культурная революция», «являлись длительное время главным препятствием на пути развития производительных сил»¹⁶.

В-третьих, пропаганда в духе продолжения «классовой борьбы» была фактически приостановлена. Ее место заняла пропаганда курса на воссоздание и активизацию деятельности «единого фронта» — союза КПК с политическими партиями национальной буржуазии, живущей в Китае и за рубежом. «Единый фронт» пропагандировался как одно из «чудодейственных средств» КПК на этапе «социалистической революции и социалистического строительства», а его активизация в современных условиях — как основная гарантия успешного осуществления «четырех модернизаций». Главной темой стала «великая теория председателя Мао о едином фронте» — концепция «новой демократии», центральную идею которой составляет идея коалиционного правительственного, и завершающего эту теорию учение о двух типах противоречий. Основываясь на этих «идеях Мао», пропаганда провозгласила тезис о социальном-политическом единстве общества КНР, полностью отрицающий антагонистическую природу отношений между национальной буржуазией и трудящимися. Понятие «диктатура пролетариата» было истолковано в буржуазно-либералистском духе, а понятие «социалистическая демократия» — как курс на «взаимный контроль деятельности» КПК и буржуазных партий в рамках «единого фронта»¹⁷.

Отталкиваясь от тех же «идей Мао», пропаганда повела речь о необходимости учета «экономических интересов народа», в том числе национальной буржуазии, которая стала изображаться дружественным классом, имеющим заслуги в «социалистической революции и социалистическом строительстве», призванным «в новых исторических условиях» также внести «свой вклад» в осуществление «четырех модернизаций». Именно в этом духе обосновывалась необходимость расширения «экономической демократии», в частности замены или «дополнения» пролетарского, социалистического принципа планового руководства экономикой принципом свободной конкуренции, а плановое ценообразование — рыночной стихией цен¹⁸.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 16.II.1979.

¹⁵ «Хунци», 1979, № 2, с. 7.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 9.III.1979.

¹⁷ Там же, 7.II.1979.

¹⁸ См. «Гуанмин жибао», 24.III.1979.

Активное стремление к «реставрации» маоизма в правооппортунистическом духе вызвало настороженное отношение группировки, выступающей за сохранение идейно-политической доктрины маоизма в том виде, в каком она зафиксирована в документах XI съезда КПК. В конце апреля 1979 г. правой тенденции были противопоставлены призывы усилить массовую идейно-политическую работу под лозунгами восстановления «лучших традиций партии». Была в ударном порядке развернута идеологическая кампания под девизом «Смело и прямо говорить социализм — это хорошо». В основу этой кампании были положены «четыре принципа»: придерживаться «социалистического пути», «диктатуры пролетариата», «руководства КПК» и «марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁹. Курсу на широкое использование «экономических методов», который в действительности оказался курсом на тесное экономическое сотрудничество с Западом, ведущим к потере экономической независимости страны, был вновь противопоставлен курс «опора на собственные силы». Было возобновлено активное обсуждение вопроса о соотношении «идейно-политического воспитания» и «экономических методов». В прессе были сформулированы положения, характерные для маоистской концепции военно-казарменного коммунизма.

Встретив столь резкое противодействие, группировка Дэна решила протащить свой курс, несколько видоизменив его, и в начале мая 1979 г. выдвинула с этой целью концепцию «трех великих движений за раскрепощение сознания», которая, по существу, отрицала роль марксизма-ленинизма в исторической судьбе Китая, а тем самым и любую попытку поворота КНР к теории и практике научного коммунизма²⁰. Согласно этой «концепции», новейшая история китайского общества подразделена на три эпохи «раскрепощения сознания», то есть качественного обновления идеологии: 1) движение «4 мая» 1919 г., в результате которого Китай «познакомился с марксизмом»; 2) движение «чжэнфэн» 1942—1945 гг., когда марксизм, подвергшись «китаизации» и представ в виде «идей Мао», стал оказывать «реальное воздействие на ход общественного развития страны», и 3) ныне провозглашенное «великое движение за раскрепощение сознания», перед которым поставлена задача «внести новый вклад в передовую идеологию человечества на основе «соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна с конкретной практикой осуществления четырех модернизаций». Таким образом, в данной «концепции» предложен еще более радикальный, чем ранее, прагматический пересмотр «идей Мао», была заявлена претензия на глубокое качественное обновление официальной идеологической доктрины. На основании того, что социализм якобы «новое», «недостаточно изученное явление» и что существует множество «форм социализма», в данной концепции был сформулирован призыв «через сравнение различных форм социализма найти наилучший социалистический путь». При этом делалось предостережение против использования «готовых форм», а по существу — против использования опыта стран социалистического содружества. Осуществление же «четырех модернизаций» было возведено в ранг «великой революции» «ведущей к соответствующим многосторонним изменениям как в области производственных отношений, так и в области надстройки». Последний тезис может быть использован и как утверждение о необходимости существенного изменения политического и экономического строя КНР.

В результате этой борьбы к концу мая 1979 г. идеологическая кампания под девизом «Смело и прямо говорить: социализм — это хорошо» явно захлебнулась, уступив место вновь развернутой шумной критике «ультра „левой“ сущности линии Линь Бяо и „банды четырех“».

¹⁹ Там же, 6.IV.1979.

²⁰ См. «Жэньминь жибао», 7.V.1979.

После второй сессии ВСНП (июнь 1979 г.) положения схемы «трех великих движений за раскрепощение сознания» стали активно пропагандироваться и внедряться в официальные документы, что означало рост влияния группировки Дэна и ее «линии». Однако вторая сессия ВСНП 5-го созыва признала, что немедленное осуществление «четырех модернизаций» невозможно, и провозгласила курс на «урегулирование, преобразование, упорядочение». Сессия вместе с тем подтвердила линию на использование «экономических методов» в их правооппортунистическом толковании, провозгласив политику активного использования «всех целесообразных форм, применяемых в международной практике, для привлечения зарубежного капитала», чего, собственно, и добивался Дэн Сяопин.

К концу 1979 г. второй тур борьбы вокруг интерпретации «идей Мао» в пекинском руководстве привел к появлению новой, компромиссной «версии» маоизма. Хотя выработка этой версии, возможно, не закончена, ее преимущественно правонационалистический, оппортунистический характер обнаружил себя уже довольно ясно.

Согласно этой новой интерпретации маоизма, движущей силой развития китайского общества («главным противоречием») на текущем этапе стала не «классовая борьба», а разрешение противоречий (!), связанных с «четырьмя модернизациями» в условиях «социально-политического единства». При этом утверждается, что для разрешения этого «главного противоречия» необходимо провести преобразования как в области производственных отношений, так и в области надстройки, причем их направленность противопоставляется крайне-«левому» курсу. Осуществление же «четырех модернизаций» оценивается как «глубокая революция».

Вместе с тем новая «версия» содержит и такую «балансирующую» установку: «Нужно выступать как против отрицания существования классовой борьбы, так и против утверждений, что она расширяется и обостряется». Сам же термин «классовая борьба» трактуется не как борьба против какого-либо определенного класса или классов, а как борьба против «отдельных враждебных элементов», и она, во-первых, «должна концентрироваться вокруг осуществления четырех модернизаций», а не наоборот, как считалось до III пленума ЦКК, и во-вторых, — вестись не методами широких массовых кампаний, а в порядке преследования на основе государственных законов.

В качестве идейно-теоретической основы подобной социальной политики было объявлено «учение Мао Цзэдуна о двух типах противоречий», обосновывающее деление общества на «народ» и «врагов народа», причем критерием такого разделения должно служить отношение к «политической линии», то есть к курсу «четырех модернизаций». Для лучшей убедительности была воскрешена старая установка времен национально-освободительной борьбы: «сплотить все силы, которые только можно сплотить», но уже не через «классовую борьбу» и не на основе вообще «идей Мао», а на основе осуществления программы «четырех модернизаций».

В качестве социальной базы осуществления этой программы были указаны рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия, а также вообще «патриоты, поддерживающие социализм», причем особой заботой стали окружать национальную буржуазию, поскольку она «перевоспиталась в людей нового типа».

Наконец массовая идеологическая работа была все же признана «необходимой наряду с экономическими методами», но проводится она должна под лозунгом «раскрепощения сознания» и в духе призывов к борьбе против «двух идеологических ошибок»: «преклонения перед указаниями сверху» и «начетничества».

Идейно-теоретическая работа была сориентирована на «создание

собственной цельной и законченной научной теории строительства социализма на основе тесного соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна с великой практикой осуществления четырех модернизаций»²¹. Тем самым изобретена еще одна формула, позволяющая откеститься от однозных черт маоизма, сохраняя его суть.

Для полноты картины следует отметить, что в общую канву пропаганды по вопросам идеологии нередко и все чаще вплетаются отдельные марксистско-ленинские положения (вопреки установкам, критикующим использование «фраз» Маркса, Энгельса, Ленина). Однако это «применение» марксизма не выходит за обычные для маоизма рамки идейной спекуляции. Марксистско-ленинские положения, как правило, употребляются лишь в роли декларативных повторений общих истин, к которым пытаются пристегнуть нынешний маоистский курс «четырех модернизаций», точно так же, как прежде «марксизм-ленинизм» использовался для аргументации тезиса об обострении «классовой борьбы». Подлинное отношение нынешнего китайского руководства к марксизму-ленинизму проявилось в установке: «создать собственную теорию социалистического строительства» на основе соединения «идей Мао» с практикой осуществления «четырех модернизаций», в которой марксизму-ленинизму, по существу, не остается места.

Приведенный анализ идейно-политических процессов в КНР после прихода к власти нового руководства показывает, что этот период отмечен острой идеологической борьбой, отражающей кризис маоизма, сужением рамок идейного паразитирования, которое было главным ресурсом существования и «перевоспложения» маоизма. Поэтому этот кризис не мог не вылиться в пересмотр маоистской идейно-политической доктрины. Однако маоизм по-прежнему нужен нынешнему руководству КПК как великодержавно-шовинистическая идеология и милитаристская практика, на этот раз правого толка.

Это подтверждено и материалами IV пленума ЦК КПК (сентябрь 1979 г.), в которых «идеи Мао Цзэдуна» квалифицировались как «квинтэссенция более чем полувекового опыта революционной борьбы и строительства нового общества в Китае, квинтэссенция коллективной мудрости коммунистической партии Китая». Помимо всего прочего, эта формулировка свидетельствует о том, что у новейшей «версии» маоизма есть и свои пределы, призванные оградить Мао и его «идеи» от угрозы полного обесценения, которую несут в себе призывы сторонников «радикального пересмотра» маоистской доктрины.

Зафиксированная в документах XI съезда КПК первая обновленная версия маоизма по форме оставалась той же «левой», в ее основу были положены концепция «казарменного коммунизма» и «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», определяющая в качестве «основной линии партии на весь этап социализма» курс на обострение «классовой борьбы». После XI съезда КПК, особенно с мая 1978 г., развернулась борьба между группировкой Хуа Гофэна, выступающей за сохранение маоистской идейно-политической доктрины в том виде, в каком она была зафиксирована XI съездом КПК, и группировкой Дэн Сяопина, которая стремится положить в основу этой доктрины правооппортунистическую в своей сущности «теорию председателя Мао о едином фронте», а в основу деятельности КПК — курс на осуществление великодержавно-милитаристской программы «четырех модернизаций», предполагающий пересмотр маоизма в прагматическом духе с целью приспособить его к нуждам курса на всестороннее сотрудничество с Западом. Достигнутый к настоящему времени компромисс в руководстве КПК говорит о том, что маоизм все более явно превращается в разновидность правооппортунистической идеологии.

²¹ «Жэньминь жибао», 28.VII.1979.

«Философия наследников Мао Цзэдуна»

*Н. Г. Сенин,
доктор философских наук*

В нынешней мировой борьбе идей маоизм занял прочное место как разновидность антикоммунизма, ловко маскирующегося под марксизм-ленинизм. Как во внутренней, так и во внешней политике маоисты своим идейным ориентиром считали и продолжают считать «идеи Мао Цзэдуна», в которых наиболее важное место отводится его философским взглядам.

Нынешние руководители Китая провозгласили «знамя Мао Цзэдуна» своим собственным знаменем, Мао Цзэдун объявлен «самым великим марксистом нашего времени», а его «идеи» названы «самым новым достоянием теоретической сокровищницы марксизма-ленинизма, самым ценным наследством, оставленным председателем Мао нашей эпохе»¹. «Идеи Мао» объявлены в новом Уставе КПК руководящей идеологией партии и теоретической основой ее политики.

В последние два года наследники Мао Цзэдуна в связи со все усиливающимся ориентированием своего курса на блокирование с США и их западноевропейскими союзниками по НАТО проводят определенный пересмотр «идей Мао». В политическом отношении акцент делается на сохранении из работ и высказываний Мао лишь того, что соответствует нынешнему курсу Пекина. С этой целью, с одной стороны, прибегают к замалчиванию тех высказываний, в которых перспективу построения социализма в Китае в условиях существования в мире империалистической системы Мао Цзэдун ставил под сомнение или отягивал ее осуществление на 200—300 лет, а также замалчиваются высказывания, в которых когда-то выражалось Мао Цзэдуном положительное отношение к Октябрьской революции, к Советскому Союзу. С другой — выбрасываются призывы к борьбе против империализма, за интернациональное единство Китая с социалистическим содружеством, с международным коммунистическим движением.

В идейно-теоретическом отношении крен сделан в сторону очистки «идей Мао» от взаимоисключающих, логически противоречивых суждений под предлогом «целостного отношения» к «идеям Мао», а также в сторону выборочного отношения к подобным суждениям под предлогом «конкретно-исторического» подхода к ним и т. д. При этом у наследников Мао ясно прослеживается тенденция снять с себя ответственность не только за практические, но и за все теоретические «грехи» маоизма, за пропаганду культа личности Мао Цзэдуна, носившую уродливые, патологические формы, за чудовищные последствия этого культа личности для китайского народа, за нескончаемые идеологические кампании, изнурявшие трудящиеся массы, и переложить эту ответственность целиком на своих испровергнутых идейно-политических противников — Линь Бяо и «банду четырех». Линь Бяо и «четверку» лицемерно обвиняют в том,

¹ Хуа Гофэн. Политический отчет на XI Всекитайском съезде КПК. — XI Всекитайский съезд КПК (документы). Пекин, 1977, с. 6.

будто они объявили «идею Мао» «вершиной» марксизма-ленинизма, пропали гносеологическую установку Мао — «истину искать в реальных фактах», — заменив эту установку формулой «Все, что сказано Мао Цзэдуном, — истина», будто они провозгласили критерием истины «идею Мао» вместо того, чтобы видеть этот критерий в практике, и т. д. и т. п. Вся эта пропагандистская шумиха, в которой ясно просматриваются чисто прагматические цели, приняла масштабы новой, самой широкой идейно-политической кампании, развернувшейся по всей стране.

Подобных спекулятивных утверждений появляется в Китае все больше и больше. Мы далеки, разумеется, от того, чтобы брать под защиту Линь Бяо или кого-либо из дискредитированной «четверки». На всех них тоже лежит ответственность за позорные страницы истории Китая в период маоистского господства. Но вину за это несут и нынешние руководители Китая, воскуряющие фимиам Мао Цзэду, чье звание они ныне провозгласили своим собственным знаменем и клятвенно обязались «решительно защищать» его и «передавать из поколения в поколение».

В последнее время руководители Китая начали широковещательную кампанию под названием «раскрепощение сознания». Эта кампания формально связывается с борьбой против Линь Бяо и «банды четырех». Фактически же это вынужденный шаг, чтобы дать какую-то отдушину идейной тирании, царившей в Китае в период господства группы Мао Цзэдуна. Китайские вузы и университеты возобновили конкурсную систему приема студентов, в них восстанавливаются нормальные сроки и программы обучения; возрождается деятельность Академии наук Китая. Она разделилась на две части: Академию наук, на которую возлагается разработка проблем естествознания, и Академию общественных наук, в компетенцию которой вошли философия, экономика, право, литература, история, археология и другие гуманитарные науки. Возобновилось издание научных журналов, закрытых в период «культурной революции», — «Чжэсюэ яньцзю» («Философские исследования»), «Лиши яньцзю» («Исторические исследования»), «Вэнь-ши-чжэ» («Литература, история, философия»). Появился новый журнал «Шэхуэй кэсюэ чжэянь» («Фронт общественных наук»). Стали созываться всекитайские симпозиумы по философии, истории, политэкономии и другим общественным наукам.

Можно было бы позитивно истолковать все эти «инновации», если бы они отражали действительный процесс демократизации в Китае, способный вывести страну из мрака маоизма. Нынешнее же руководство Китая, напротив, стремится посредством этих частичных перемен облегчить проведение своего милитаристского и гегемонистского курса и получить новые аргументы для обоснования и оправдания своей враждебной социализму и чуждой интересам китайских трудящихся политики.

Философией нынешних китайских руководителей остается философия Мао Цзэдуна. Сам Мао Цзэдун неоднократно заявлял, что он поборник философии марксизма — диалектического и исторического материализма. В Уставе КПК, принятом XI съездом, Мао Цзэдун изображается не только как последовательный материалист, но и как стойкий борец против идеализма и метафизики, против ревизионизма, догматизма и эмпиризма.

На претензии Мао Цзэдуна и его нынешних наследников можно ответить замечанием В. И. Ленина о том, что о философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами себе навешивают, а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему научили своих учеников и последователей².

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 228.

Учитывая поучительное замечание В. И. Ленина, а также следуя призыву новых китайских идеологов «искать истину в реальных фактах», попробуем определить, чему учил и чему научил Мао Цзэдун своих учеников и последователей.

* * *

Еще в 1963 г. в одном из своих «указаний» Мао провозгласил: «Убрать философию из учебных аудиторий и учебников; превратить философию в острое оружие в руках масс». Этот призыв предшествовал развернувшейся в 1964 г. известной философской дискуссии о «раздвоении единого», которая в свою очередь явилась идейной подготовкой «культурной революции», направленной своим острием прежде всего против наиболее сознательной, мыслящей части населения страны.

Избиение наиболее подготовленных и опытных философских кадров марксистов сопровождалось массовой кампанией публикации статей, авторство которых приписывалось рабочим от станка и крестьянам из народных коммун. Статьи были посвящены проблемам типа: «Философия продажи арбузов», «Философия счетного дела», «Философия откорма свиней», «Философия игры в пинг-понг», «Диалектика безопасного вождения машин» и т. д. Даже специальный академический журнал «Чжэцзюэ яньцзюэ» («Философские исследования») и тот, понуждаемый общей тишиной, на своих страницах писал, будто рабочим и крестьянам не нужна «книжная философия», они-де сами «стихийные материалисты и диалектики», а ученые-философы только, мол, морочат им головы.

Линия на вульгаризацию философии в форме организации кампании публикации «философских» статей от имени рабочих и крестьян — обычный прием Мао Цзэдуна, которым он широко пользовался в демагогических целях, чтобы демонстрировать свою «кровную близость» к массам и, следовательно, свое право выступать от имени масс³.

Спекулятивное подлаживание Мао Цзэдуна под настроения отсталых масс использовалось им в качестве рычага своей внутренней политики. В начале 70-х годов китайская пропаганда обнародовала в качестве директивного «указания» Мао Цзэдуна его резолюцию, которую он начертил на одном документе. Резолюция гласила: «Низшие слои населения — самые умные; высшие — самые глупые». Политический смысл этой резолюции был раскрыт в статье «Низшие слои населения — хозяева страны», написанной работниками парткома одного тракторного завода и напечатанной в газете «Гуанмин жибао». В статье говорилось: «13-летняя история нашего завода — это история борьбы с «высшими слоями, которую постоянно развешивали «низшие слои», высоко держа знамя блестящей резолюции председателя Мао; это история постоянных побед материалистической теории отражения над идеалистической теорией трансцендентализма»⁴. В обоснование тезиса «низшие слои — самые умные люди» в статье говорилось, что их социальное положение «предопределяет их способность лучше всех воспри-

³ Подобной вульгаризацией марксистской философии призывают заниматься и нынешние официальные органы пропаганды в Китае. Так, например, августовский выпуск «Пекин ревью» за 1978 г. сообщает: «Китайская пресса призывает больше использовать в оценке нашей работы теорию «раздвоения единого», или «теорию двух сторон», то есть видеть не только то, в чем мы сильны, но и то, в чем мы слабы. Председатель Мао применял эту теорию, чтобы дать живое описание основного закона диалектического материализма, закона единства противоположностей. Для иллюстрации этой маоистской «диалектики» в статье приводится ряд банальных примеров. — См. «Peking Review», 1978, № 34, p. 28.

⁴ «Гуанмин жибао», 18.V.1971. — Под «теорией отражения» здесь подразумевается эмпирический гносеологизм Мао Цзэдуна, а под теорией «трансцендентализма» — философская позиция, которую маоисты приписывают без всякого к тому основания своим идейно-политическим противникам — Ван Миню, Лю Шаоци, Чэнь Шэца и др.

нимать идеи Мао Цзэдуна и с помощью этих идей активно преобразовывать мир»⁵.

В статье проводилась типичная для китайской пропаганды линия, что «философские идеи» Мао Цзэдуна позволяют, мол, отличать истинный марксизм от лжемарксизма, находить правильный путь между правым и «левым», учат, как вести классовую борьбу, поэтому отношение к «идеям Мао» объявлялось водоразделом между «умными» и «глупыми».

Второй тенденцией в пропаганде «философских идей» Мао Цзэдуна была попытка оправдать беспринципную борьбу маоистов так называемой «классовой линией», придать философским «идеям Мао» пролетарский «классовый характер», хотя пролетарского в них не больше, чем в позорной «великой пролетарской культурной революции», которую Мао Цзэдун со своими сторонниками развязал во второй половине 60-х годов.

Проиллюстрировать маоистский «классовый подход» к социальным вопросам можно на выступлениях не только столичных органов печати, но и провинциальных. Так, например, в передовой статье одной из газет, выходящих в Южном Китае, говорилось: «В условиях диктатуры пролетариата классовый враг скрывается под мантией марксизма-ленинизма. Он распространяет в народе слухи, распространяет яд ревизионизма, выступает против революционной линии председателя Мао. Обманщики поднимают красный флаг, чтобы выступать против красного флага. Эти люди, занимающиеся идеализмом и метафизикой, выдают себя за марксистов, но они выхолащивают и коверкают душу и суть марксизма-ленинизма, выступают против классовой борьбы и диктатуры пролетариата»⁶.

Нетрудно видеть, среди кого маоисты выискивали и выискивают своих «классовых врагов» и над кем учиняли и продолжают учинять расправу, навешивая им ярлык «каптуистов», объявляя их идеалистами и метафизиками. Кстати сказать, подобные приемы дискредитации, а затем уничтожения или попыток уничтожения своих противников применялись Мао Цзэдуном в свое время против представителей КПК в Коминтерне, осуществлявших связь китайской революции с международным коммунистическим движением. Это против них были направлены тирады вроде таких, как: «Человек не может познать какое бы то ни было явление без соприкосновения с ним, то есть если его собственная жизнь (практика) не протекает в условиях этого явления»⁷. Это именно наиболее марксистски подготовленных китайских коммунистов-интернационалистов Мао Цзэдун презрительно называл «книжниками», «всезнайками», «догматиками» и избрал их мишенью для своих ядовитых стрел еще в 30-е годы.

В 1964 г. была впервые обнародована статья Мао Цзэдуна «Против книжности», написанная им еще в 1930 г. В этой статье Мао высказал то, что почти 35 лет хранил под спудом, то есть свою закамуфлированную неприязнь к марксизму. «Книжный метод изучения общественных наук, — говорил он, — является наиболее опасным... Многие, читавшие марксистские «тома», стали изменниками революции»⁸.

Как видим, Мао Цзэдун не случайно провел логическую связь между своими идейно-политическими противниками и людьми, «читавшими марксистские „тома“», которых он назвал «изменниками революции». В эту категорию попали Цюй Цюбо, Ван Мин, Лю Шаоци и многие другие.

Как попытка подделать вульгаризаторскую философию маоизма под марксизм, так и стремление оправдать политический произвол маоистов ложноклассовой позицией служат неблагоприятной цели — защите все-

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: «China News Analysis», 14.V.1971.

⁷ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 512.

⁸ Избранные произведения Мао Цзэдуна. Серия «Б». Пекин, 1964, с. 21.

средствами своих групповых позиций, скрепленных националистическими амбициями, прежде всего в ущерб интересам самого китайского народа, в ущерб делу социализма, интересам международного революционного движения.

Вот чему учил и научил Мао Цзэдун своих последователей. Отсюда нетрудно понять, с кем Мао Цзэдун и его последователи идут рука об руку.

Нынешние китайские руководители, пришедшие на смену Мао Цзэдуну, наследники его политической линии и идеологии, хотя и пытаются прибегать к приемам выборочного подхода к «идеям Мао», к его философии, тем не менее суть их они сохранили в аутентичном виде. Пушенные ныне в оборот китайской пропагандой философские высказывания Мао Цзэдуна закреплены в изданном недавно 5-м томе его «Избранных произведений»⁹.

Остановимся на характере некоторых философских высказываний Мао, которые впервые увидели свет в 5-м томе его «Избранных произведений». Следует иметь в виду, что материалы, помещенные в этом томе, относятся к лучшим годам развития Китая после провозглашения КНР, к годам социалистического строительства, подъема народного энтузиазма, всеобщего расцвета науки и культуры. В эти годы были переведены заново и опубликованы основные произведения Маркса, Энгельса и Ленина, десятки научных журналов публиковали статьи по марксистско-ленинской философии, были специальные издания, печатавшие переводы лучших статей по философии советских и других зарубежных авторов. По всей стране происходили оживленные дискуссии о сущности марксистско-ленинской философии, о ее месте в общественной жизни и т. д.

Позитивные тенденции в духовной жизни Китая, получившие мощный толчок в результате общего революционного обновления общественной жизни в стране, начавшегося с победы народной революции, могли бы успешно развиваться и в последующие годы, если бы уже с начала 50-х годов не вышли в свет «Избранные произведения» Мао Цзэдуна с официально закрепленным догматическим отношением к ним и установкой изучать теоретическое наследие основоположников научного коммунизма исключительно через призму «идей Мао Цзэдуна».

Было написано бесчисленное количество комментаторских статей по философским работам Мао Цзэдуна «Относительно практики» и «Отношение противоречия», впервые обнародованным в начальных томах его «Избранных произведений». Критический дух марксизма сознательно погашался апологетической трактовкой всех положений, высказанных Мао Цзэдуну, в том числе и по философии. Этому содействовало и то обстоятельство, что «идеи Мао Цзэдуна» преподносились пропагандой не иначе как под видом марксизма-ленинизма.

Естественно, что у Мао Цзэдуна были в то время и серьезные идейные противники в Китае, не согласные с его трактовкой философских проблем и с его претензиями на «творческий» марксизм. Об этом свидетельствуют проходившие в то время в стране различные философские дискуссии и те проблемы, которые стояли в центре этих дискуссий.

⁹ Пятый том «Избранных произведений» Мао Цзэдуна вышел в свет огромным тиражом в апреле 1977 г. В него вошло 70 работ за период с сентября 1949 по ноябрь 1957 г., из которых 46 работ опубликованы впервые. Материалы сборника были подвергнуты тщательному отбору и редакционной обработке, проведенной специальной комиссией ЦК КПК, возглавлявшейся Хуа Гофэном. Характерной особенностью публикации данного тома является то, что в новых материалах содержится антисоветские выпады, относящиеся еще к середине 50-х годов, и высказывания, свидетельствующие о готовности Китая к установлению тесных связей с капиталистическим Западом. Пятому тому новое китайское руководство придает исключительное значение.

На основе своей ложной, догматической посылки — будто материя и дух находятся между собой в диалектическом противоречии — Мао развивал тезис о «вечности» борьбы между материализмом и идеализмом. «Материализм и идеализм в философии, — говорил Мао в своем выступлении на всекитайском совещании секретарей парткомов в январе 1957 г., впервые опубликованном в 5-м томе его «Избранных произведений», — представляют собой единство противоположностей и борются друг с другом. Есть еще диалектика и метафизика, которые тоже являются единством противоположностей и ведут между собой борьбу. Говоря о философии, нельзя умолчать об этих двух парах противоположностей...

Фактически в любой стране есть идеализм и метафизика, есть ядовитые травы... Мы же открыто признаем борьбу между материализмом и идеализмом, между диалектикой и метафизикой, между благоухающими цветами и ядовитыми травами. Эта борьба будет продолжаться вечно...»¹⁰

Это типичное для Мао рассуждение обращает на себя внимание не только тем, что оно готовило идейную базу для последующего разгрома философских кадров в Китае, стоявших на марксистско-ленинских позициях, с целью их дискредитации и устранения как активной оппозиции установкам Мао Цзэдуна. Публикация этого материала наследниками Мао явно нужна была им для «теоретического обоснования» своего антисоветского политического курса, утвержденного в качестве официального партийного и государственного курса.

Важное, если не центральное место среди философских высказываний Мао в 5-м томе занимают вопросы маоистской диалектики, а вернее псевдодиалектики. Мао не скупился на призывы: «Вся партия должна взяться за изучение диалектики и ратовать за то, чтобы в своей деятельности руководствоваться диалектическим методом»¹¹; «Мы хотим постепенно распространить диалектику, хотим, чтобы все постепенно научились применять научный, диалектический метод»¹²; «Необходимо широко пропагандировать положение о единстве противоположностей, пропагандировать диалектику. Я считаю, что нужно вывести диалектику из узкого круга философов и распространить ее среди широких народных масс»¹³.

Хотя в этих настойчивых призывах упоминается диалектика, но речь в действительности идет не о научной диалектике, а о диалектике в ее маоистском толковании¹⁴. Мао видит в своей псевдодиалектике лишь удобное орудие, средство для «умелого применения тактики использования противоречий», чтобы достичь поставленных перед собой определенных политических целей. Приведем иллюстрацию.

Мао Цзэдуну, например, нужно было подвести «теоретическую основу» под антисоветский крен своей политики в середине 50-х годов, а затем и под свое великодержавие. С этой целью он пустил в ход «диалектический» тезис: якобы Китай и Советский Союз, хотя и относятся к социалистическим странам, в силу диалектики представляют собой «единство противоположностей». Следует обоснование. «Советский Союз, — говорит он, — отличается от Китая по национальному составу. Октябрьская революция произошла там 39 лет тому назад, а у нас со времени завоевания власти во всей стране прошло всего семь лет. Что касается конкретной практики, то и здесь разница огромная. Например, наша коллективизация сельского хозяйства в отличие от советской проходит чер

¹⁰ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 5. Пекин, 1977, с. 440.

¹¹ Там же, с. 459.

¹² Там же, с. 520.

¹³ Там же, с. 628.

¹⁴ Подробнее см. об этом в статье: Н. Г. Сеини. Софистика под видом диалектики. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

несколько этапов; в отношении капиталистов мы проводим политику, отличающуюся от советской; наша политика рыночных цен не такая, как советская; взаимоотношения между сельским хозяйством, мелкой и тяжелой промышленностью разрешаются нами иначе, чем в Советском Союзе; институты и порядки внутри нашей армии и внутри нашей партии отличаются от советских. Мы говорили им, что не согласны с некоторыми их вещами и не одобряем некоторые их меры»¹⁵.

Различия между странами в конкретно-исторических условиях, в традициях, в методах решения всевозможных вопросов естественны и неизбежны. Но совершенно не научно под подобные различия подводить философскую базу, диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Это опoшление материалистической диалектики. А как известно, именно категорию «различие» Мао Цзэдун кладет в основу своего понимания противоречивости явлений, закона единства и борьбы противоположностей.

Приведем другой пример, которым Мао Цзэдун иллюстрирует свое понимание диалектики. «Вода, — говорит он, — есть соединение двух элементов — водорода и кислорода. Она не может образоваться из одного только водорода без кислорода или, наоборот, из одного только кислорода без водорода... Любое химическое соединение есть не что иное, — продолжает Мао, — как единство противоположностей неодинаковых по своему характеру элементов. То же самое относится и к общественным явлениям. Центр и места составляют единство противоположностей, единство противоположностей образует и каждое данное ведомство вместе с другим ведомством»¹⁶.

И этой примитивной тарбарщиной пичкают до сих пор всех китайцев, заставляя их повсеместно после работы часами сидеть на собраниях коллективно выискивать в ней «глубокий смысл», вложенный их «великим учителем».

Если в противоречии — единстве противоположностей — одна из сторон не может существовать без другой стороны, то тогда, по логике Мао Цзэдуна, ни кислород не может существовать без водорода, ни водород без кислорода. А какие «две стороны» противоположностей составляет сложное химическое соединение? Какие учреждения в общественной жизни противостоят, скажем, банку, школе, почте и т. д.?

Мао выступал с изложением своей философии не на птичьей ферме, а на пленуме ЦК КПК. И главным моментом в его выступлении была философская мудрость вождя партии, а идейно-политическая подготовка ее руководящего состава к переходу на антисоветские рельсы. Он приветал на Советский Союз, на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, развязно заявляя, будто бы она перестала быть примером для других стран и у нее «больше не надо учиться», что в СССР «ленинизм уже в основном отброшен» и т. д.

Эти высказывания относятся к ноябрю 1956 г.

Антисоветизм с великодержавной спесью нашел четкое отражение и в упоминавшемся выступлении Мао Цзэдуна на всекитайском совещании секретарей парткомов в начале 1957 г. В этом выступлении Мао, вставая китайско-советских отношений, с философским видом разглагольствовал: «Не думайте, что между коммунистическими партиями не может быть спора. Как же в мире без споров? Марксизм есть учение о спорах, о противоречиях, о борьбе... В настоящее время между Китаем и Советским Союзом имеются некоторые противоречия. Образ мыслей и действий у советских людей и исторически сложившиеся у них привычки отличаются от наших. Поэтому с ними нужно вести работу... Противоречия всегда бывают, и если сейчас в целом будет терпимо, то можно

¹⁵ Мао Цзэдун. Избр. прозв., т. 5, с. 407.

¹⁶ Там же, с. 406—407.

ныскивать общее при сохранении разногласий, отложив на будущее разговор о расхождениях. Если они наперекор всему пойдут еще дальше, настанет день, когда мы все выложим»¹⁷.

Вот такой тон разговора с советскими людьми стал задавать Мао Цзэдун своим ученикам и последователям еще в середине 50-х годов.

Через призму противоречий Мао рассматривал и вопрос учебы у зарубежных стран, использования их опыта для нужд Китая, причем здесь он рассматривает противоречия в духе традиционной китайской диалектики: плюс и минус, хорошо и плохо и т. д. Каждой нации, стране как и отдельному человеку, говорит он, присущи положительные и отрицательные качества, достоинства и недостатки. Только Китай Мао ставил в исключительное положение. Его недостатки он возводил в достоинства. Экономическая отсталость Китая, низкий уровень развития его науки и культуры не только не являются помехой, а, по маоистской диалектике, выступают в качестве двигателя общественного прогресса.

«С точки зрения развития это отнюдь не плохо, — говорил Мао. — Бедность побуждает к революции, богатому же трудно на нее подняться. Страны с высоким уровнем науки и техники обычно сильно зазнаются. Мы же представляем собой чистый лист бумаги, на котором удобно писать»¹⁸.

Опираясь на свою «философию отсталости», Мао высокомерно читал наставления, у кого, как и чему учиться. Фактически, как это представлено в 5-м томе, он отрицал необходимость изучения опыта строительства социализма в Советском Союзе и других социалистических странах.

Обрушиваясь на политических деятелей в Китае, которые настаивали на необходимости изучения советского опыта строительства социализма, Мао называл их «догматиками», лишенными «собственного мнения». Он обвинял их в односторонности, в стремлении видеть жизнь в Советском Союзе лишь в позитивном свете, то есть не замечать вторую сторону — недостатки. Акцентируя внимание на второй стороне, не раскрывая даже содержания этой «второй стороны», Мао Цзэдун вновь допустил ряд антисоветских выпадов, призвал китайцев тщательно «изучать передовую науку и технику капиталистических стран»¹⁹.

Стремясь как можно быстрее опубликовать «Избранные произведения» Мао Цзэдуна, содержащие положения, соответствующие нынешнему курсу Пекина, в том числе антисоветские, наследники Мао явно преследовали цель подготовить общественное мнение к спокойному восприятию их линии на разрыв со странами социализма и на смыкание с силами империализма, что вполне соответствовало курсу самого Мао в последние годы его жизни.

Мировая общественность не знает, в какой мере теоретическое обобщение измены китайского руководства принципам пролетарского интернационализма и международной солидарности в борьбе за мир, демократию, национальное освобождение и социальный прогресс принадлежит самому Мао Цзэдуну с середины 50-х годов и в какой — нынешнему китайскому руководству. Но в любом случае 5-й том дает убедительное свидетельство, что в лице Мао Цзэдуна выступает опытный политический двурушник и лицемер, который втихую подличал против Советского Союза, а в открытую клялся в «вечной дружбе» с ним, всесторонне эксплуатируя при этом искренние чувства симпатии, дружбы, благодарности широких слоев китайских трудящихся к Советскому Союзу.

В этой связи уместно привести ряд публичных высказываний Мао Цзэдуна разных периодов, в которых он признавал роль Советского

¹⁷ Там же, с. 437—439.

¹⁸ Там же, с. 367.

¹⁹ Там же, с. 365.

Союза и его всесторонней помощи китайскому народу в революционной борьбе, в строительстве социализма в Китае.

Накануне второй мировой войны, когда руководство КПК отдавало себе отчет в том, что китайская революция является неотъемлемой частью единого мирового революционного процесса, во главе которого стоял Советский Союз, Мао Цзэдун писал: «...Теперь положение совершенно ясно: если не политика союза с Россией, если не союз с социалистическим государством, то непременно политика союза с империалистами, непременно союз с империализмом... Империалисты намерены бороться с СССР, бороться с коммунистами. Пойдешь на союз с ними, а они потребуют от тебя «с боем — на север», и от твоей революции ничего не останется»²⁰.

Когда китайской революции для победы нужен был союзник, а этим союзником могло быть только социалистическое государство, то есть Советский Союз, Мао Цзэдун понимал, что союз с империалистами вел к гибели революции. И это он выразил совершенно четко.

В 1949 г., на завершающем этапе освободительной борьбы китайского народа, Мао Цзэдун признавал решающую роль, которую сыграл Советский Союз в обеспечении его (Китая) победы и в закреплении ее. В статье «О демократической диктатуре народа» он писал: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа во второй мировой войне, направленной против фашизма, если бы японский империализм не был разгромлен... то нависшие над нашими головами силы международной реакции, конечно, были бы неизвестно во сколько раз больше, чем сейчас. Могли бы мы, — спрашивал Мао, — победить при таких обстоятельствах?» И совершенно резонно отвечал: «Конечно, нет. А если бы даже и победили, то не смогли бы закрепить свою победу. Китайский народ в этом отношении имеет слишком большой опыт»²¹.

Этот вывод Мао Цзэдуна был совершенно справедлив и не вызывал сомнений ни у врагов, ни у друзей Китая. В течение первого десятилетия развития Китая по социалистическому пути Мао Цзэдун, стоявший во главе Китайской Народной Республики, неоднократно публично признавал неоценимую помощь, которую оказывал советский народ китайскому народу в строительстве нового, освобожденного от гнета и эксплуатации социалистического общества, который по-братски делился своим многогранным опытом в преодолении трудностей, гарантировал мирное небо над Китаем. Он не говорил тогда открыто о противоположности Китая Советскому Союзу, не говорил, что советский опыт является для Китая «негативным» примером. Напротив. Выступая на приеме в Пекине весной 1957 г. в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, Мао говорил совершенно другое: «Советский народ в ходе борьбы за социалистическую революцию и длительного строительства социализма и коммунизма накопил чрезвычайно богатый опыт. Этот опыт является огромным достоянием трудящихся всего мира. Китайский народ как в ходе революционной борьбы в прошлом, так и в деле социалистического строительства в настоящее время научился многому ценному у Советского Союза. Китайский народ и впредь будет продолжать усиленно изучать передовой опыт Советского Союза для того, чтобы ускорить социалистическое строительство в Китае»²².

Не призывал тогда Мао империалистические державы и все силы мировой реакции объединиться вместе с Китаем в единый фронт для борьбы против Советского Союза и всего социалистического содружества. Напротив. В том же выступлении он заверял в вечности и нерушимо-

²⁰ Цит. по: О чем умалчивают в Пекине? М., 1972, с. 26.

²¹ О новой демократии. М., 1960, с. 100.

²² «Правда», 18.IV.1957.

сти уз дружбы между двумя народами, в крепкой сплоченности Китая и СССР против агрессивных сил империализма. «Империалистические агрессивные силы, — говорил Мао Цзэдун, — всегда всякими способами стремятся спровоцировать и подорвать сплоченность и дружественные отношения между нашими двумя странами. Однако факты свидетельствуют о том, что эти их темные замыслы никогда не могут осуществиться. В мире нет таких сил, которые смогли бы разъединить нас. Дружба восьмисотмиллионного народа Китая и Советского Союза вечна и нерушима»²³.

О подобного рода высказываниях Мао Цзэдуна и других китайских руководителей ныне в Пекине молчат. Не включены они и в 5-й том, но наследники Мао охотно и на каждом шагу цитируют те высказывания Мао Цзэдуна 50-х годов, которые вместе с его новейшими «теориями» и установками позволяют им приспособить их к нынешнему антисоветскому курсу, к союзу с силами империализма против социалистического содружества и международного рабочего движения, к поддержке самых реакционных режимов в мире в борьбе против национально-освободительного движения. Вместе с тем нынешние правители Китая используют идейное наследие Мао и для своей идущей вразрез с социализмом и с интересами широких трудящихся масс Китая внутренней политики.

Выступая с отчетным докладом на XI съезде КПК, Хуа Гофэн привел известное высказывание В. И. Ленина: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет его врагов переодеваться марксистами». Это высказывание было адресовано «четверке», но оно бьет не в бровь, а в глаз самих маоистов, претендующих на роль продолжателей идей и дела Маркса и Ленина. Хуа Гофэн без всякого к тому основания ставит Мао Цзэдуну в заслугу то, что он будто бы «раскрыл закономерности развития социалистического общества», что он якобы «творчески применив» закон единства и борьбы противоположностей к анализу социалистического общества, создал «великую целостную теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата». Суть этой «новой» теории в том, что при социализме, который охватывает довольно длительный период, «от начала до конца существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим, существует опасность реставрации капитализма»²⁴. Основными борющимися классами считаются пролетариат и буржуазия, составляющие якобы главное противоречие социалистического общества. Отсюда необходимость ожесточенной классовой борьбы, продолжения революции.

Вопреки утверждениям нынешних правителей Китая, будто Мао Цзэдун «унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм» и будто «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата» занимает «особо важное место в истории развития марксизма» и представляет собой «самый великий вклад в марксизм в период социализма» и т. д., худосочные рассуждения Мао об антагонизме классов и классовой борьбе в социалистическом обществе, о необходимости продолжения в нем вплоть до полного коммунизма политической революции в виде заранее запланированных встрясок типа «культурных революций» лишь с издевкой могут характеризоваться как «творческое развитие» марксизма-ленинизма; они представляют собой крайне убогую ревизию марксизма-ленинизма и служат лишь ширмой для прикрытия отступничества от него.

Основоположники научного коммунизма теоретически доказали, а практика мирового освободительного движения неопровержимо подтвердила, что классовая борьба является неизбежным спутником классово-антагонистических обществ. С завоеванием рабочим классом политиче-

²³ Там же.

²⁴ XI Всекитайский съезд КПК (документы), с. 30—31.

ской власти и началом революционного преобразования буржуазного общества в новое, социалистическое общество рабочий класс не прекращает классовой борьбы против свергнутых, но еще не уничтоженных классов. Он продолжает ее, но продолжает, как указывал В. И. Ленин, «в иной обстановке, в иной форме, иными средствами»²⁵. Эта борьба продолжается в течение всего переходного периода от капитализма к социализму, вплоть до уничтожения враждебных классов.

В. И. Ленин дал четкое и исчерпывающее разъяснение понятию «уничтожение классов». «Уничтожить классы, — говорил он, — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества, это значит — все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее»²⁶.

С построением основ социализма, то есть с ликвидацией эксплуататорских классов и утверждением общественной собственности на средства производства во всех секторах народного хозяйства, классовая борьба теряет свою почву внутри страны как в экономической, так и в политической и социальной областях. Все вопросы в этих областях жизни решаются на базе социально-политического единства общества мирным путем. Проблемы культуры, идейного воспитания и образования в социалистическом обществе тем более решаются мирными средствами.

Главная ошибка Мао Цзэдуна в данном случае (если здесь вообще можно говорить о каких-либо его ошибках) в том, что он не признает принципиальной разницы между переходным периодом от капитализма к социализму и периодом строительства социализма как первой фазы коммунизма. Для него переходным периодом является весь период от завоевания рабочим классом власти до полной победы коммунизма. Более того, признавая, что политическая власть в переходный период к социализму может быть только диктатурой пролетариата, он сделал вывод, что поскольку это диктатура, то ее главной функцией может быть только насилие. Насилие Мао всегда рассматривал в качестве рычага для сохранения личной власти. Именно такому пониманию насилия он и придал название «классовая борьба».

Мао Цзэдун игнорировал важнейшие указания В. И. Ленина о том, что формы, методы и средства классовой борьбы рабочего класса, когда он находится у руля государственной машины, качественно иные, чем до установления диктатуры пролетариата, что главной функцией диктатуры пролетариата является не насилие, а организация и строительство нового, бесклассового общества²⁷.

Для Мао Цзэдуна, как и для его наследников, суть диктатуры пролетариата в безграничном насилии под видом «продолжения революции», в продолжении и усилении «классовой борьбы», в подавлении «классовых врагов», то есть всех сопротивляющихся политике руководства.

С целью укрепления своего собственного положения и группы, пришедшей к власти в Китае после смерти Мао Цзэдуна, Хуа Гофэн под видом выполнения «политического завещания» Мао Цзэдуна призвал на последнем съезде КПК развернуть широким фронтом «народную войну» против сторонников дискредитированной «четверки», объявил классовую борьбу «решающим звеном» внутренней политики страны. «Великая классовая борьба за разоблачение и критику «четверки», — заявил он со съездовской трибуны, — ныне является основной движущей силой в развитии нашего дела»²⁸.

Надо иметь в виду, что термин «классовый враг», «враг народа» никогда не имел в политическом жаргоне Мао своего прямого социального

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

²⁶ Там же, т. 24, с. 363.

²⁷ См. там же, т. 38, с. 385.

²⁸ XI Всекитайский съезд КПК (документы), с. 79.

содержания. По сути дела, он служил лишь бранным ярлыком, которым навешивался тем, с кем Мао сводил личные счеты, или тем, кто не соглашался с его порочными установками. Ярлыком «классовый враг» Мао наделил даже таких политических деятелей Китая, как Гао Ган, Пэ Дэхуай, Лю Шаоци, Линь Бяо, которых он в течение десятилетий называл своими «соратниками». Они стали жертвами его коварных интриг.

В период «культурной революции» ярлык «классовый враг» Мао Цзэдун навесил на своих противников, которых он назвал «каппутистами», то есть «лицами, стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути». В эту категорию «классовых врагов» попали деятели, руководившие партийными организациями всех ступеней, органами народной власти, общественными организациями и т. д., то есть руководители тех главных «штабов», по которым Мао распорядился «открыть огонь».

В последний период жизни, уже после вакханалии «культурной революции», Мао Цзэдун, своими волюнтаристскими действиями создавший в китайском обществе действительно антагонистические противоречия между его антисоциалистическим курсом и жизненными интересами трудящихся, стал искать своего «врага» внутри им же самим реорганизованной коммунистической партии. Упрекая своих последователей, что они ведут «социалистическую революцию» и не знают, где находится их «враг», Мао дал им кощунственное разъяснение, что этот «враг» — буржуазия, которая находится «как раз в самой коммунистической партии».

Последние разъяснения Мао явились бальзамом на раны нынешних его последователей. Они разделились со своими главными политическими соперниками «классическими» маоистскими методами, навесив на них такие ярлыки, которые одновременно и дискредитируют и душат: «Чжань Чуньцяо — гоминьдановский шпион, Цзян Цин — изменник, Яо Вэньюань — классово чуждый элемент, а Ван Хунвэнь — новый буржуазный элемент»²⁹. Нечего сказать — хорош посмертный букет «учеников» своему обожаемому «великому учителю»! Очередь теперь за тысячами и тысячами других, неугодных режиму.

С конца 1978 г., после III пленума ЦК КПК, китайские руководители провозгласили линию на «либерализацию» классовой политики внутри страны. Вопреки установкам Мао Цзэдуна и своим собственным, закрепленным в материалах XI съезда, китайские руководители объявляли, что в классовой структуре Китая произошли «фундаментальные изменения»: помещики, кулаки и капиталисты, говорят они, перестали существовать как классы; «большинство представителей этих классов, способных к труду, превратилось в трудящихся и, следовательно, классовая борьба «перестала быть основным противоречием китайского общества».

Не будем вдаваться в вопрос, когда больше были не правы в своих суждениях китайские руководители — до или после XI съезда КПК. Нам больше интересуют причина внезапных метаморфоз этих взглядов китайских руководителей. Сами они объясняют причину изменений международного положения Китая, достижением Китаем «новых и важных успехов в создании международного единого фронта против гегемонизма и развитии дружеских отношений со странами во всех частях мира»³⁰. Среди упомянутых успехов особо выделяются заключение китайско-японского договора «о мире и дружбе» и нормализация отношений с США.

Блокирование с международным империализмом на антисоветском основе, возведенное в государственную политику, нашло отражение и во внутренней политике Пекина. В целях достижения «великого единства» в стране китайской буржуазии возвращена свобода частного предпринимательства.

²⁹ Там же, с. 26.

³⁰ Коммюнике III пленума ЦК КПК. — «Peking Review», 1978, № 52, р. 8.

мательства, капиталистам возвращены их авуары и принадлежавшее им имущество, в экономику страны законом допущен иностранный капитал на началах равноправного партнерства. Сделаны соответствующие шаги и в политической области. Недавно была реабилитирована последняя группа «правых элементов», осужденная в 50-х годах за «подрывную деятельность», перекалвалифицирована оценка деятельности «четверки» с «ультраправой» на «ультралевую», в искусстве и науке в качестве основного курса вновь принят лозунг «ста цветов», возрождена деятельность Народного политического консультативного совета Китая, во главе которого стал Дэн Сяопин, с подчеркнутым акцентом на усиление связи с «хуацяо», проживающими в различных зонах мира.

Отмеченная «либерализация» классовая политика носит кампанейский характер. Призывы к усилению классовой борьбы не сняты с повестки дня в Китае, перенесено лишь острие классовой борьбы на тех, кто не согласен с действительно правым, сугубо прагматическим курсом нынешних китайских руководителей. Китайская пропаганда разъясняет, что острие классовой борьбы теперь направлено против «контрреволюционеров», «вражеских агентов», «политических перерожденцев», «противников модернизации» и прочих «классовых врагов различных видов», по отношению к которым «должна применяться диктатура пролетариата в течение длительного времени»³¹.

Как показала практика политических преследований за последние два десятилетия в Китае, под подобную категорию «классовых врагов» можно подвести и подвергнуть репрессиям кого угодно. Тем более, что за основной критерий при определении «классового врага» принято отношение к политике «модернизации», проводимой нынешним руководством. Признающий и поддерживающий эту политику — «свой», не признающий и «подрывающий» ее — «враг», против которого направлена карающая рука маонистского правосудия, спекулятивно именуемая диктатурой пролетариата.

Наследники Мао Цзэдуна, провозгласив «классовую борьбу» решающим звеном своей политики, надеются при помощи этого рычага установить «всеобщий порядок в Поднебесной», добиться единства, сплоченности и стабильности в стране. Уже это свидетельствует об их неуверенности в своем нынешнем положении. Неуверенно чувствуют себя нынешние китайские руководители и в отношении будущего своей страны. Правда, под широковещательным лозунгом «модернизации» всех сфер общественной жизни они сулят, «ставя зарубежное на службу Китаю», а по существу, опираясь на всестороннюю помощь мирового империализма, к концу столетия превратить Китай в могущественное государство, которое они даже называют «социалистическим».

Но как бы маонисты ни спекулировали на марксистских терминах «диктатура пролетариата», «социализм», «коммунизм», они в действительности не верят ни в социализм, в научном его понимании, ни в коммунизм, как не верил в них и сам Мао Цзэдун. В докладе Е Цзяньина на XI съезде КПК об изменениях в Уставе КПК разъяснялась основная программная установка партии и с предельной четкостью было заявлено со ссылкой на установку Мао, что, «пока существует империализм, социалистическое государство не может вступить в коммунизм»³².

Более того, в том же докладе приводится еще одна установка Мао, в которой ставится под сомнение создание коммунистического общества даже после того, как империализм будет полностью свергнут и весь мир вступит в социализм. Мао Цзэдун мотивировал это тем, что буржуазия будет все еще жива и после ее свержения и будет всевозможными средствами разлагать коммунистическую партию.

³¹ См. Фундаментальные изменения классового положения Китая. — «Beijing Review», 1979, № 46, 47.

³² XI Всекитайский съезд КПК (документы), с. 179.

Эта капитулянтская линия Мао Цзэдуна взята на вооружение его нынешними наследниками.

С наличием империализма наследники Мао связывают проблему абсолютной неизбежности войны. «Председатель Мао Цзэдун говорил нам, что до тех пор, пока империализм и социал-империализм как общественный строй не изменятся, война неизбежна...»³³

Клевеще на Советский Союз и называя его «социал-империалистической сверхдержавой», якобы готовящей нападение на Китай, Хуа Гофэн на XI съезде партии тщился «доказать», что мировой войны избежать нельзя, поскольку-де это объективный закон, не зависящий от воли людей. Приводится также в качестве своеобразного «теоретического» подкрепления утверждение Мао Цзэдуна, будто бы война — продолжение политики мира, вытекающее из его философского тезиса о том, что состояние мира неизбежно должно сменяться состоянием войны.

Опираясь на эти и другие «теоретические» постулаты своего «великого учителя», ученики и последователи Мао Цзэдуна делают все, чтобы в союзе с агрессивными силами империализма помешать международной разрядке, воспрепятствовать мобилизации прогрессивных сил на предотвращение угрозы мировой войны, в которой они видят путь осуществления своих агрессивных, экспансионистских планов.

Нынешние китайские правители не только идут едва ли не в первых рядах пропагандистов новой мировой войны, но и являются зачинщиками военных конфликтов с соседними странами. Война, развязанная против социалистического Вьетнама, продолжающиеся и усиливающиеся военные провокации на границах с Вьетнамом, Лаосом, а также всесторонняя поддержка остатков полпотовских банд в Кампучии свидетельствуют о том, что китайские гегемонисты не ограничиваются словесными запугиваниями своих южных соседей, а создают реальную угрозу миру и безопасности всего района Юго-Восточной Азии, создают опасный очаг мирового конфликта.

* * *

Анализ философии наследников Мао Цзэдуна позволяет сделать вывод, что Мао учил и научил своих учеников и последователей не марксизму, как в Пекине пытаются утверждать, а отступничеству от марксизма, учил псевдомарксизму, ядром которого по-прежнему остаются великодержавный шовинизм и воинствующий гегемонизм, находящие непосредственный выражение в политике Пекина.

Нельзя, однако, не сказать о бесперспективности такой политики. Пропаганда неизбежности новой мировой войны встречает все усиливающийся отпор со стороны народов всей Земли. Эта пропаганда компрометирует и Китай как великое государство, как постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, основное предназначение которой как раз и заключается в том, чтобы обеспечивать мир на нашей планете. К тому же пропаганда войны ведется в Китае от лица небольшой группы людей, стоящих у власти, а не от лица народа этой страны. Великий народ Китая еще не сказал своего слова на этот счет, но он рано или поздно скажет его, и это слово, несомненно, будет веским.

Принципиальная линия Советского Союза в отношении курса нынешнего китайского руководства и его идеологической основы — «идей Мао» — нашла отражение в решениях XXV съезда КПСС и во многих последующих заявлениях КПСС и Советского правительства. Эта линия состоит в том, чтобы, с одной стороны, вести бескомпромиссную борьбу с чуждой социалистическим принципам и идеалам маонистской политикой и несовместимой с марксизмом-ленинизмом маонистской идеологией, а с другой стороны, держать открытой дверь для нормализации отношений между двумя странами на принципах мирного сосуществования.

³³ Там же, с. 64—65.

Расправа Мао Цзэдуна со своими противниками в 1930—1931 гг.

А. С. Титов

В истории Коммунистической партии Китая имеется немало трагических событий, связанных с именем Мао Цзэдуна. Кроме пресловутой «культурной революции» 60-х годов, к таким событиям, в частности, относятся кровавые события в Юго-Западной Цзянси и Западной Фуцзяни (1930—1931), кампания по «искоренению контрреволюции» в Северной Шэньси осенью 1935 г., кампания «по исправлению стиля работы» в 1941—1945 гг. Характерной чертой всех этих событий был чудовищный кровавый террор, с помощью которого Мао Цзэдун расправлялся со своими противниками в КПК и ее вооруженных силах. Для поддержания любой ценой мифа о «непогрешимости» Мао Цзэдуна официальная китайская историография либо умышленно умалчивает об этих событиях, либо пытается представить их в искаженном виде.

В данной статье мы коснемся кровавых событий в Юго-Западной Цзянси и Западной Фуцзяни, начало которым положили так называемые футяньские события в декабре 1930 г. Военный корреспондент ТАСС П. П. Владимиров, находившийся в Особом районе Китая в 1942—1945 гг., писал об этих событиях: «Никто в Особом районе не ответит прямо на вопрос: что же тогда случилось в Футяни? Это страшная тема. О ней избегают говорить. Все делают вид, что ничего не слышали и не знают. Если и вспоминают о Футяни, то в духе строго обязательных формулировок, спускаемых из КП, из которых ни черта не поймешь, кроме того, что Мао «спас партию»...»¹

Что же в действительности произошло в Футяни и как Мао Цзэдун «спасал партию?» Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно остановиться на борьбе Мао Цзэдуна за установление безраздельной единоличной власти над армейскими частями и партийной организацией в партизанских районах в провинциях Хунань, Цзянси и Фуцзянь.

Еще во время «восстания осеннего урожая» в провинции Хунань в 1927 г. Мао Цзэдун выдвинул свою основополагающую «идею» — «выставка рождает власть»², смысл которой полностью совпадает с неслыханным постулатом китайских милитаристов: «есть армия — есть власть». С этого времени борьба за армию стала главной целью Мао Цзэдуна, который считал, что, используя армию, можно установить контроль над партией и подчинить себе все и вся.

Возглавив в конце 1928 г. Фронтвой комитет 4-го корпуса Красной армии, Мао Цзэдун вопреки установкам ЦК КПК о подчинении частей Красной армии партийным органам соответствующих провинций, в которых действуют эти части, превращает комитет в орган, руководящий

¹ П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945. М., 1973, с. 311.

² См. Воспоминания о революционной деятельности председателя Мао Цзэдуна в провинции Хунань в ранний период его жизни. — «Жэньминь жибао», 6.IX.1977.

не только военными, но и политическими и партийными делами. Вначале он противопоставляет Фронтовой комитет Хунаньскому, а затем Цзянсийскому и Фуцзяньскому провинциальным комитетам КПК. Одновременно он продвигает своих ставленников на ответственные посты в местные военные и партийные органы.

Диктаторские замашки и неприкрытое администрирование Мао Цзэдуна вызвали не только недовольство, но и сопротивление местных руководителей работников, особенно цзянсийцев, которые проделали большую работу по развитию аграрной революции и советского движения в провинции. Кроме провинциального комитета КПК, в Цзянси действовали Особые комитеты партии Западной и Южной Цзянси. Под их руководством создавались и действовали части Красной армии и партизанские отряды, а также местные органы власти — революционные комитеты рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В октябре 1929 г. в Западной Цзянси была созвана конференция представителей местных органов власти, которая образовала Временное советское правительство Западной Цзянси и приняла решение начать радикальный передел земли. В 1929—1930 гг. в Западной и Южной Цзянси были сформированы четыре корпуса Красной армии (6, 20, 21 и 22-й). Массовые организации в Цзянси — профсоюзы, крестьянские союзы, молодежные, женские и другие — насчитывали свыше 1,5 млн. человек³.

Борьба Мао Цзэдуна против местных руководящих партийных и военных кадров особенно обострилась в 1930 г. Вернувшись вместе с 4-м корпусом Красной армии из Западной Фуцзяни в Юго-Западную Цзянси в начале 1930 г., Мао Цзэдун с помощью своего ставленника, секретаря Особого комитета КПК Западной Цзянси Лю Шици⁴, созвал 7 февраля в местечке Потоу (уезд Цзиань) объединенную конференцию представителей 4, 5 и 6-го корпусов Красной армии и Особых комитетов КПК Западной и Южной Цзянси. На конференции присутствовал представитель Цзянсийского провинциального комитета КПК Цзян Ханьбо, а также руководящие работники советского правительства Западной Цзянси во главе с секретарем комфракции Ли Вэньлинем⁵.

На конференции деятельность Лю Шици как секретаря Особого комитета КПК Западной Цзянси подверглась резкой критике со стороны Цзян Ханьбо. Он критиковал Лю Шици за допущенные им политические и военные ошибки, в частности за путчистские установки, выражавшиеся в попытках во что бы то ни стало захватить уездный город Цзиань (было предпринято несколько попыток, наступавшие несли огромные потери, но овладеть Цзианью не смогли). Однако Мао Цзэдун взял Лю Шици под защиту. Более того, по настоянию Мао Цзэдуна, несмотря на возражения представителя Цзянсийского провинциального комитета КПК Цзян Ханьбо и других, на конференции было принято решение объединить Особые комитеты КПК Западной и Южной Цзянси, а также Пограничный Хунань-Цзянсийского района в один Особый комитет КПК Юго-Западной Цзянси, секретарем которого был назначен Лю Шици.

На конференции, опять-таки по настоянию Мао Цзэдуна, было решено преобразовать Фронтовой комитет 4-го корпуса в Общий, или Центральный, фронтовой комитет — руководящий орган 4, 5, 6-го корпусов Красной армии, а также воинских частей и партизанских отрядов Западной и Южной Цзянси, Западной Фуцзяни, долины реки Дунцзян (провинция Гуандун), Пограничного района Хунань — Цзянси и других с

³ См. Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934, с. 212—250.

⁴ Лю Шици, земляк Мао Цзэдуна, был направлен к нему ЦК КПК весной 1929 г.

⁵ Ли Вэньлинь, уроженец Цзянси, учился в военной академии Вампу, член ЦК КПК с 1926 г., один из организаторов и руководителей партизанского и советского движения в Цзянси.

ветских районов⁶. Таким образом, Мао Цзэдуну удалось сосредоточить в своих руках всю полноту военной власти в указанных выше обширных партизанских районах.

Конференция также приняла решение о расширении Временного советского правительства Западной Цзянси и превращении его в Советское правительство Юго-Западной Цзянси, во главе которого был поставлен сторонник Мао Цзэдуна — Цзэн Шань⁷. После конференции в Потоу столкновения между Мао Цзэдуном и его ставленниками, с одной стороны, и их противниками из числа местных руководящих работников — с другой, усилились. Обнаружились расхождения не только по военному, но и по другим вопросам, особенно по аграрно-крестьянскому. На объединенной конференции 7 февраля 1930 г. в Потоу был принят земельный закон, предложенный Мао Цзэдуном, который предусматривал конфискацию всей земли — и помещичьей и крестьянской — и ее уравнительный передел по едокам. Большинство местных партийных работников, руководствуясь решениями VI съезда КПК о конфискации только помещичьей земли, выступили против предложенного Мао Цзэдуном земельного закона о конфискации всей, а не только помещичьей земли⁸. Они выступили также против уравнительного раздела земли по едокам, считая, что поскольку кулацкие семьи, как правило, наиболее многочисленны, то при уравнительном разделе земли по едокам кулак окажется в более выгодном положении, чем бедняк и середняк. Явной уступкой кулаку, по их мнению, было решение конференции в Потоу не делить при разделе земли уже засеянные — кто посеял, тот пусть и собирает свой урожай (большие посеы имели, естественно, кулаки). Не согласные они были и с некоторыми другими положениями маоцзэдуновского земельного закона, считая их надклассовыми. Несмотря на то что возражения в большинстве случаев были правильными, Мао Цзэдун отверг их как «прокулацкую» позицию.

В то время по рекомендации Исполкома Коминтерна в Компартии Китая началась борьба против лилисаневской установки на «союз с кулаком». Во избежание обвинений в том, что его земельный закон, принятый на конференции в Потоу, явился отражением ошибочной лилисаневской установки «на союз с кулаком», Мао Цзэдун навязал проходившему под его руководством в июне 1930 г. заседанию Общего фронтового комитета и Особого комитета КПК Западной Фуцзяни специальную резолюцию «по вопросу о борьбе против кулака». В этой резолюции главное внимание было уделено борьбе против кулака и искусственному расширению «рамок кулака» за счет отнесения к нему значительных слоев среднего крестьянства. В разделе «Кто является кулаком» выделялись не два (как в документах КПК), а три типа кулаков — в дополнение к категориям «кулак-полупомещик» и «кулак капиталистического типа». В резолюции утверждалось, что «третий тип состоит из кулаков в первоначальной стадии, то есть из лиц, которые не сдают землю в аренду, но имеют каждый год излишки продуктов для продажи или дачи взаймы»⁹. Поскольку размер «излишка» в резолюции не определялся (да и не мог быть определен), под это определение подпадали и зажиточные середняки, и значительная масса середняков, имевших минимальный излишек. Более того, в резолюции подчеркивалось, что все три типа «кулаков»

⁶ См. Советы в Китае, с. 228—229.

⁷ Цзэн Шань на VII съезде КПК (1945) был избран кандидатом в члены ЦК КПК, с 1960 г. — министр внутренних дел КНР. На IX съезде КПК избран в члены ЦК.

⁸ Впоследствии Мао Цзэдун был вынужден признать, что установка на конфискацию всей земли была ошибочной, причем ошибка объяснялась отсутствием в тот период «опыта борьбы за землю». — См. Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 169, прим. 17.

⁹ In: Tsolliang Hsiao. The Land Revolution in China 1930—1934. A Study of Documents. Seattle — London, 1969, p. 152—153.

контрреволюционны, что они обязательно выступят против революции и их следует рассматривать также как помещиков, то есть в качестве контрреволюционеров.

Эта резолюция потребовалась Мао Цзэдуну не столько для действительной борьбы против кулаков, сколько для борьбы против его противников в советских районах в Юго-Западной Цзянси и Западной Фуцзяни. В своем письме в ЦК КПК от 14 октября 1930 г. он сообщает, будто вся партийная организация Юго-Западной Цзянси попала под кулацкое руководство. Поэтому, утверждал он, для проведения в жизнь решения об уравнительном переделе земли в пользу батраков и бедняков, о борьбе с кулаком и ликвидации кулацкого руководства необходимо в корне реорганизовать парторганизацию Юго-Западной Цзянси.

После конференции 7 февраля в Потоу проводником установок и линии Мао Цзэдуна в Юго-Западной Цзянси стал Лю Шици. В августе 1930 г., когда Мао Цзэдун вместе с войсками отправился на захват крупных городов — Наньчана и Чанша, состоялся второй пленум Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси, на котором присутствовал инструктор ЦК КПК. На пленуме Лю Шици и Мао Цзэдун подверглись критике за самоуправство, милитаристские замашки и развал советской работы в Цзянси. Критике были подвергнуты установки Мао Цзэдуна по аграрному вопросу, вызвавшие недовольство среди крестьян. Пленум принял решение о снятии Лю Шици с работы.

Мао Цзэдун, узнав о снятии Лю Шици, заявил, что второй пленум Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси был «сборищем членов „Эйбитуань“»¹⁰. В то время Мао Цзэдун продолжал активно осуществлять на практике линию Ли Лисаня¹¹. Однако его попытки захватить города Наньчан и Чанша закончились неудачей.

В начале октября 1930 г. в соответствии с установками лилисаневского руководства ЦК КПК Мао Цзэдун создает общий комитет действий провинции Цзянси в качестве центра по руководству намечавшимися восстаниями, объединив в нем партийные, комсомольские и профсоюзные организации. На западе, юге, востоке и северо-востоке провинции были созданы местные комитеты действия. Одновременно было принято решение о наступлении частей Красной армии на Наньчан, Цзюцзянь и далее на Ухань¹². Однако осуществлению этих решений помешал первый поход гоминьдановских войск Чан Кайши против советских районов и Красной армии, который начался в конце октября 1930 г., а также решительная борьба против авантюристической линии Ли Лисаня. Вынужденный отказаться от своих левацких пролилисаневских планов наступления на крупные города и захвата всей провинции Цзянси, Мао Цзэдун ударяется в другую крайность. В связи с началом первого похода Чан Кайши он предлагает план отступления частей Красной армии из провинции Цзянси в Западную Фуцзянь под видом заманивания противника в глубь советских районов. Этот план оставлял открытыми для противника основные советские районы в Центральной и Юго-Западной Цзянси, что, естественно, вызвало тревогу и озабоченность за судьбу населения и всей проделанной работы прежде всего у местных руководящих работников. Недовольство охватило и части Красной армии, главным образом местные, цзянсийские. План Мао Цзэдуна они расценили

¹⁰ «Эйбитуань», или «Антибольшевистский союз» (сокращенно «АБ союз»), — тайная контрреволюционная организация, созданная в 1927 г. гоминьдановцем Дуань Сипэном для борьбы с коммунистическим движением. Борьба с «Эйбитуань» в Цзянси началась еще весной 1930 г.

¹¹ См. А. М. Григорьев. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930). — В кн.: Коминтерн и Восток. М., 1965, с. 325—334.

¹² См. там же.

как «установку на бегство»¹³. Стремясь преодолеть сопротивление и установить свой безраздельный контроль, Мао Цзэдун предпринимает чистку и расправу со своими противниками (он давно вынашивал этот план) вначале в частях Красной армии, а затем в партийных и советских органах Цзянси. Чистку и расправу учиняют под предлогом «истребления контрреволюционных элементов» из числа «Эйбитуань», якобы проникших в Красную армию, в партийные и советские органы. С этой целью Мао Цзэдун создает специальные комитеты по борьбе с контрреволюцией. Его не остановила возможность того, что кровавые репрессии против руководящих военных и партийных работников в Цзянси внесут дезорганизацию в его собственные ряды и облегчат Чан Кайши ликвидацию советских районов на юге Китая.

Для оправдания репрессий Мао Цзэдун распустил слухи о том, что в Цзиани после ее занятия частями Красной армии 4 октября 1930 г. якобы обнаружены списки членов «Эйбитуань», действующих в Красной армии, партийных и советских органах Цзянси. Еще до отступления из Цзиани (18 ноября 1930 г.) Мао Цзэдун попытался, используя эти «данные», ликвидировать одного из наиболее авторитетных и влиятельных лидеров цзянсийцев — Ли Вэньлиня, который руководил вторым пленумом Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси, а затем возглавил Цзянсийский провинциальный комитет действия. Сославшись на то, что «документально» установлена принадлежность помещичьей семьи Ли Вэньлиня к «Эйбитуань», Мао Цзэдун на заседании советского правительства Цзянси потребовал арестовать Ли Вэньлиня. Обвинения против одного из основателей партизанского движения и советских районов в Цзянси было настолько невероятным, что при голосовании Мао остался в одиночестве. Тогда он решил использовать другие средства в борьбе против своих противников.

Вернувшись из Цзиани в Хуанпо (уезд Нинду), где находились главные силы Красной армии и канцелярия Общего фронтового комитета, он под предлогом их принадлежности к «Эйбитуань» приказал тайно арестовать нескольких военных и партийных работников из числа местных цзянсийских кадров, чтобы с помощью пыток добиться от них нужных ему показаний. В результате дело было представлено так, будто большинство командного состава и политработников в местных цзянсийских частях Красной армии, а также большинство кадровых работников партийных и советских органов в Цзянси являются членами «Эйбитуань». После этого начались массовые аресты и казни. В декабре 1930 г. руководство Общего фронтового комитета сообщило, что 4400 человек — «членов «Эйбитуань» поначалу обнаружено и арестовано в частях Красной армии в Цзянси»¹⁴.

В конце ноября 1930 г. в Хуанпо были вызваны (под предлогом совещания) и тайно арестованы Ли Вэньлинь, бывший секретарь Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси, Чжоу Чи и некоторые другие лидеры цзянсийцев. Секретарем Цзянсийского провинциального комитета действия вместо Ли Вэньлиня Мао Цзэдун назначил своего сообщника Гу Бо¹⁵.

3 декабря 1930 г. Мао Цзэдун, открыто объявив Общий (Центральный) фронтовой комитет высшим руководящим органом, сосредоточивает всю полноту власти в своих руках. «Отныне, — говорилось в его приказе, — всеми военными, а также политическими и партийными делами

¹³ См. Лю Ялоу. Великий первый шаг. — В кн.: Из искры может разгореться пожар (на кит. яз.), т. 2. Пекин, 1962, с. 2—3.

¹⁴ См. Письмо Общего фронтового комитета от 20.II.1930. — В кн. Tsoliang Hsiao. Power Relations within the Chinese Communist Movement, v. II. Seattle, 1969, p. 273.

¹⁵ Гу Бо — одно из доверенных лиц Мао Цзэдуна, его личный адъютант и телохранитель.

ведает Центральный фронтовой комитет, объединяющий в себе все руководство»¹⁶. Одновременно Мао Цзэдун отдал приказ о массовом терроре во всех советских районах Цзянси. От имени Общего фронтового комитета он наряду с указанием о ликвидации неугодных ему лиц писал своим сообщникам — Гу Бо, Цзэн Шаню, Чэнь Чжэнжэню и другим, которые вместе с руководящими партийными и советскими органами Юго-Западной Цзянси перебрались из Цзинани в город Футянь: «Во всех уездах и во всех волостях необходимо в широком масштабе проводить аресты кулаков, деклассированных и колеблющихся элементов, а также целыми партиями их убивать. В тех районах, где не проводятся эти аресты и расстрелы, партийные комитеты и советы обязательно являются организациями «Эйбитуань». Поэтому ответственных работников этих мест можно арестовывать и допрашивать».

Тогда же Мао Цзэдун направляет в Футянь в помощь своим сообщникам карательный отряд во главе с начальником канцелярии Общего фронтового комитета Ли Шаоцзю¹⁷, которому предписывалось: «Крайне серьезное восстание помещиков и кулаков, проникших в партию, уже превратилось в очень распространенное явление. Вы должны со всей решительностью подавить его... По сообщению Лун Чжаоцина, Дуан Ляньби — председатель провинциального комитета комсомола, Юань Чжаохуань — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Цзян Кэхуань — заведующий организационным отделом и сейчас в Дуантяни... Всех их немедленно арестовать и хорошенько допросить! Еще более опасный преступник — Ли Бофан!... Воспользуйтесь ими, чтобы найти еще более важных преступников!»¹⁸

По прибытии в Футянь карательный отряд Ли Шаоцзю арестовал весь состав партийной конференции, назначенной на 8 декабря, а также других кадровых работников, находившихся в городе, — всего более 120 человек. Все они обвинялись в принадлежности к «Эйбитуань». Начались допросы с применением средневековых пыток. Допросы вел Ли Шаоцзю. На допросах присутствовали Гу Бо, Цзэн Шань, Чэнь Чжэнжэнь. Они и решали судьбу каждого арестованного.

В одном из описаний того, что происходило тогда в Футяни, говорилось: «Ночью [арестованных] товарищей подвергли жутким пыткам. Их просто истязали... Товарищи отрицали обвинения. Тогда их пытали горящими кесиновыми фитилями... Если арестованные упорствовали — пытки разнообразили... Все они «признались» — непризнание означало бы смерть под пытками... В ходу были самые чудовищные пытки. Преварительно называли какую-нибудь фамилию и требовали признать ее владельца «контрреволюционером» или «своим сообщником». Таким образом, были названы все ответственные провинциальные работники... Тогда же были взяты под стражу жены товарищей Бай Фана, Ма Минна и Чжоу Мяна. Их раздели донага, истязали, кололи острым орудием руки, прижигали фитилями тело и половые органы, перочинными ножами вырезали груди и вообще совершали всяческие зверства, от одного перечисления которых можно содрогнуться»¹⁹.

10 декабря 1930 г. Мао Цзэдун направил письмо Гу Бо, в котором давалось указание ускорить выполнение поставленной ему задачи и добиться у арестованных признаний в том, будто Чжу Дэ, Пэн Дэхуань, Хуан Гунлюэ и Тэн Даоюань — «важнейшие преступники из эйбитуаньцев в Красной армии» и будто они «уже вступили в переговоры с некоторыми

¹⁶ Цит. по: О. Владимиров, В. Рязанцев. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1969, с. 34.

¹⁷ Ли Шаоцзю — один из доверенных людей Мао Цзэдуна. Впоследствии был обвинен в принадлежности к «Эйбитуань» и расстрелян.

¹⁸ П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 222—223.

¹⁹ Там же, с. 226—227.

ми белыми войсками, и о других их преступлениях», «чтобы своевременно арестовать и уничтожить их»²⁰.

Оценивая футяньские события 7 декабря 1930 г., Цзянский комитет действия 25 декабря 1930 г. отмечал: «Мао Цзэдун, желая сохранить свое положение, замышлял физически уничтожить руководящие кадры партии и союза молодежи провинции Цзянси и создать партию, носящую исключительно окраску маоцзедуновской группировки, с тем чтобы использовать ее в качестве орудия для борьбы против ЦК. События 17 числа разыгрались во имя осуществления этих замыслов Мао Цзэдуна»²¹.

Аресты, пытки, расправы без суда и следствия вызвали протест в местных воинских частях. 12 декабря подразделение 20-го корпуса Красной армии разоружило охрану тюрьмы, освободило заключенных и арестовало эмиссаров Мао Цзэдуна²². Эти события были квалифицированы Мао Цзэдуном как «контрреволюционный мятеж» 20-го корпуса, как главное доказательство «контрреволюционного заговора» в Юго-Западной Цзянси.

Оставшиеся в живых работники комитета действия Цзянсийского провинциального комитета КПК и Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси, зная, кто был инициатором и организатором футяньских событий, открыто выдвинули лозунг борьбы против Мао Цзэдуна. «Долой Мао Цзэдуна, убивающего, обманывающего и угнетающего рабочих и крестьян! — говорилось в их первом экстренном обращении от 12 декабря 1930 г. — Да здравствует Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хуан Гунлюэ!» Опасаясь контрдура со стороны Мао Цзэдуна, освобожденные из тюрьмы цзянсийские руководящие кадры решили перебраться из Футяни на другой берег реки Ганьцзян в город Юньань и образовали там в противовес маоцзедуновскому новый Юньаньский провинциальный комитет действия.

15 декабря состоялось заседание Юньаньского комитета действия, которое, учитывая напряженную обстановку в связи с первым походом Чан Кайши, приняло решение снять лозунг об открытой борьбе против Мао Цзэдуна и передать дело на рассмотрение ЦК КПК. Одновременно было принято решение направить двух членов комитета в ЦК КПК, который находился в Шанхае, чтобы информировать о футяньских событиях.

Мао Цзэдун в этой обстановке сделал главную ставку на стремление Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Хуан Гунлюэ достичь единства перед лицом карательной экспедиции гоминьдановских войск. Он уговорил их выступить с обращением к «мятежному» 20-му корпусу. Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и Хуан Гунлюэ, судя по содержанию их обращения, не разделяли точку зрения Мао Цзэдуна на причины и суть событий, но считали, что перед лицом противника главным является преодоление раскола в партии и Красной армии. В обращении от 17 декабря 1930 г. говорилось: «В настоящее время величайшими врагами являются участники переворота в Дунгу и Футяни. Как бы они субъективно ни работали для революции, этот переворот является изменой классу. Он вносит раскол в революционные силы, разрушает фронт классовой борьбы, фактически помогает Чан Кайши и Лу Дипину в борьбе против революции»²³.

В то же время в обращении содержались обвинения, явно инспирированные Мао Цзэдуном. Так, в нем указывалось: «Арестованные Крас-

²⁰ По утверждению Мао Цзэдуна и его приверженцев, это письмо якобы было «сфабриковано «Эйбитуань». Мао Цзэдун направил это письмо в ЦК КПК как свидетельство того, как его «провоцирует „Эйбитуань“».

²¹ О Владимире В. Рязанцев. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна, с. 34.

²² См. П. П. Владимирова. Особый район Китая, с. 229—232.

²³ Заявление Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Хуан Гунлюэ по поводу переворота в Футяни. — Материалы по истории КПК (на яп. яз.), т. 5. Токио, 1972, с. 138—139.

ной армией вожди «Эйбитуань» Лю Тяньлюэ, Цзэн Чжаохань, Чжао Сяочжи (командиры местных частей Красной армии. — А. Т.) и другие единодушно утверждают, что Дуань Ляньби, Ли Бофан, Се Ханьчан (руководители цзянсийской партийной организации. — А. Т.) — все являются ответственными работниками «Эйбитуань». Показания эти имеются, кто может их отрицать?»²⁴ И далее: «В Футяни неожиданно было окружено советское правительство и свергнута советская власть... Заявление на словах, что вы поддерживаете ЦК, и арест на практике инспектора И Эрши не нуждаются в подтверждении своей контрреволюционности»²⁵.

В действительности председатель советского правительства Цзэн Шань и генеральный секретарь этого правительства Чэнь Чжэнжэнь, которые помогали Ли Шаоцзю в арестах, допросах и пытках, арестованы «мятежниками» не были; инспектор ЦК КПК И Эрши был арестован, но на следующий день был освобожден и принимал участие в работе Юнъянского комитета действия. 15 декабря 1930 г. он сделал доклад на заседании комитета в Юнъяни о III пленуме ЦК КПК. Были освобождены и другие арестованные, в том числе даже Ли Шаоцзю. Никто из арестованных «мятежниками» не был расстрелян.

Тот факт, что 20-й корпус Красной армии и освобожденные руководители партийных, военных и советских органов Цзянси не перекинулись на сторону врага, а действовали, несмотря на случившееся, в соответствии с партийной дисциплиной, проявляя заботу о судьбе советского района, и вели борьбу против гоминьдановского карательного похода, ясно показал, что маоцзэдуновская версия футяньских событий была дурной. Более того, после обращения Чжу Дэ, Пэн Дэхуая и Хуан Гунлюэ они признали, что, «хотя выступление 20-го корпуса Красной армии имело целью освободить арестованных товарищей, тем не менее с военной точки зрения оно было дурным явлением». В письме в ЦК КПК от 21 января 1931 г. Юнъянский комитет действия сообщал, что после футяньских событий 20-й корпус провел три сражения с гоминьдановскими войсками и предпринял наступление на Цзянь, но неудачно.

Оставшиеся в живых руководящие работники Цзянсийского провинциального комитета КПК указывали, что Мао Цзэдун давно утверждал, что второй пленум Особого комитета КПК Юго-Западной Цзянси, состоявшийся в августе 1930 г., был «пленумом членов „Эйбитуань”», однако они не придали этому должного значения, за что жестоко поплатились. Они осудили ложные показания под пытками своих арестованных товарищей как проявление слабости, «в результате чего Мао Цзэдун получил „доказательства” для оправдания своих действий».

В начале марта 1931 г. делегация Юнъянского комитета действия, возглавляемая Дуань Ляньби, которого Мао Цзэдун причислил к «ответственным работникам „Эйбитуань”», прибыла в Шанхай для доклада ЦК КПК о футяньских событиях. Мао Цзэдун, узнав об отъезде этой делегации, направил в Шанхай свою делегацию во главе с секретарем комитета действия Юго-Восточной Хунани. Она прибыла в Шанхай почти одновременно с делегацией Юнъянского комитета и заявила, что не признает полномочий последней информировать ЦК КПК, что глава этой делегации Дуань Ляньби — «эйбитуанец», что он был против раздела земли, против расстрела одного «явного эйбитуанца», против подавления «мятежного» 20-го корпуса отдельной хунаньской дивизией. Делегация Юнъянского комитета действия в свою очередь заявила, что члены Цзянсийского провинциального комитета КПК, арестованные Мао Цзэдуном, вынуждены были под пытками признать себя членами «Эйбитуань» и показали следы пыток.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Маоцзэдуновская делегация прибыла в Шанхай более подготовленной, чем делегация Юньаньского комитета. Она привезла с собой, помимо личной информации, различные документы, в частности обращение Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Хуан Гунлюэ к «мятежному» 20-му корпусу и их заявление по поводу футяньских событий. В этом заявлении содержалось навязанное Мао Цзэдуном утверждение, будто разногласий между ними и Мао Цзэдуном нет, что они едины, и нет какой-то особой линии Мао Цзэдуна и линии Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Хуан Гунлюэ, а есть линия партии, и что они вместе с Мао Цзэдуном борются с классовым врагом. Маоцзэдуновская делегация привезла также воззвание Мао Цзэдуна, в котором говорилось, что Красная армия очищена от почти четырех тысяч «эйбитуаньцев» и что благодаря этому она значительно окрепла политически и в военном отношении.

Все эти «документы» и другие «доказательства» убедили руководителей ЦК КПК в Шанхае в том, что выдвинутые цзянсийцами обвинения против Мао Цзэдуна не соответствуют действительности, а являются «делом „Эйбитуань“». Виновниками футяньских событий были объявлены «эйбитуаньцы». Политбюро ЦК КПК приняло решение одобрить линию Мао Цзэдуна «в деле борьбы с классовым врагом», но указало, что в его действиях «имелись некоторые перегибы».

Политбюро ЦК КПК, находясь в Шанхае на нелегальном положении, не имело регулярной связи с цзянсийской революционной базой и, в сущности, не знало, что там в действительности происходило. Кроме того, оно было занято ожесточенной борьбой с остатками лилisanевщины и правыми лочжанлуновцами. Борьба против лилisanевщины сыграла немаловажную роль при оценке футяньских событий и действий Мао Цзэдуна. Некоторые руководители ЦК КПК, в частности Чжан Готао, не зная действительного положения в цзянсийской революционной базе, истолковали сообщения руководителей Цзянсийского провинциального комитета КПК о том, что Мао Цзэдун боролся против ЦК КПК и не выполнял его указаний, как свидетельство того, что Мао Цзэдун был противником лилisanевской линии. Поэтому они механически отнесли Мао Цзэдуна к противникам линии Ли Лисаня, а руководство Цзянсийского провинциального комитета КПК — к сторонникам лилisanевской линии. Даже сообщение о том, что партийный и комсомольский комитеты Юго-Западной Цзянси в основном поддерживают ЦК КПК, было расценено ими как приверженность цзянсийцев к лилisanевскому ЦК КПК. Так, Чжан Готао впоследствии писал: «В начале марта 1931 г. я ознакомился с одним документом комитета комсомола Юго-Западной Цзянси. В нем Мао Цзэдун обвинялся в постоянном нарушении указаний ЦК, в самочинстве, выступлениях с антипартийных, антиреволюционных позиций. В документе говорилось, что партийный и комсомольский комитеты Юго-Западной Цзянси в основном поддерживают ЦК (то есть линию Ли Лисаня)...»²⁶

Согласно воспоминаниям Чжан Готао, в начале марта 1931 г. состоялось заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, на которое был приглашен секретарь ЦК КСМК Цинь Бансянь для доклада о футяньских событиях. Цинь Бансянь доложил, что содержание полученного доклада совпадает с устным сообщением, сделанным представителем комитета КСМК Юго-Западной Цзянси. Характеризуя этого представителя, Цинь Бансянь указал, что он неоднократно приезжал в Шанхай и что работники ЦК КСМК знают его как надежного человека. По словам Цинь Бансяня, члены комитета комсомола Юго-Западной Цзянси согласны с документом, обвиняющим Мао Цзэдуна, но не подписали его, так как боялись, что Мао Цзэдун уничтожит их как «эйбитуаньцев», ес-

²⁶ Chang Kuot'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. 1928—1938. The Autobiography, vol. 2, Lawrence etc., 1972, p. 167.

ли узнает об этом. Цинь Бансянь подчеркнул, что партийные и комсомольские работники Юго-Западной Цзянси считают возможным, что часть членов «Эйбитуань» проникла в партийные, комсомольские и военные органы Юго-Западной Цзянси и воспользовалась в своих целях борьбой против Мао Цзэдуна. Однако Мао Цзэдун, «не разбираясь, кто прав, кто виноват, арестовал не только «эйбитуаньцев», но и многих недовольных им руководящих партийных, военных и комсомольских работников и расстрелял их. Только в Футяни было расстреляно свыше 100 человек»²⁷.

«Цинь Бансянь, — пишет Чжан Готао, — считал, что Мао Цзэдун действительно допустил грубые ошибки. Хотя его неподчинение указаниям Ли Лисаня и можно оправдать, сам он, по мнению Циня, не избежал правого уклона. Во время футяньских событий Мао, сознательно или нет, уничтожил товарищей, которые выступали против него, а этого простить ему нельзя»²⁸.

Как утверждает Чжан Готао, Постоянный комитет Политбюро на первом заседании не принял никакого решения. Он, Чжан Готао, занялся сбором материалов по этому делу, считая недоказанным выдвинутое Цинь Бансянем обвинение Мао Цзэдуна в правом уклоне. Фактически Чжан Готао взял под защиту Мао Цзэдуна, а доклад комитета комсомола Юго-Западной Цзянси и его представителя квалифицировал как отражение «юношеской запальчивости» и как «не заслуживающий доверия»²⁹.

Узнав о благосклонном к нему отношении в руководстве ЦК КПК Мао Цзэдун и его сторонники перешли к полному подавлению своих противников в Цзянси. В июне и июле 1931 г. там начались «открытые суды» и дальнейшая «чистка» местных воинских частей, органов партии, комсомола и советов. К сентябрю 1931 г. число репрессированных в Цзянси в ходе кампании «подавления контрреволюционеров» достигло 10 тыс. человек. «Мятежный» 20-й корпус Красной армии был полностью уничтожен³⁰.

Одновременно Мао Цзэдун начал кампанию по подавлению своих противников в советском районе Западной Фуцзяни, где, как и в Цзянси, с 1930 г. шла борьба между его сторонниками (Чжан Динчэн, Дэ Цзыхуэй и др.) и его противниками. Противников Мао Цзэдуна возглавлял один из основателей и первых командиров местных частей Красной армии в Западной Фуцзяни Фу Боцуй. Его поддерживали командиры Фуцзяньских частей и комитет КСМК. В 1930 г., после преобразования местных частей в 12-й корпус Красной армии, Фу Боцуй был заменен ставленником Мао Цзэдуна Ло Бинхуэем. Борьба усилилась в связи с тяжелым положением в районе в результате проведения здесь маоцзэдуновских авантюристических установок: массовой ликвидации как «кулаков» крестьян, «имевших больше двух свиней и трех уток», мобилизации в армию под угрозой конфискации земли, экспроприации в широких масштабах продовольствия, что привело к бегству крестьян из района³¹.

Фу Боцуй и его сторонники были обвинены в принадлежности к так называемой социал-демократической партии. Начались массовые аресты, пытки и расстрелы. В ходе этой кампании было ликвидировано около 1500 человек.

Уполномоченный ЦК КПК в своем письме в ЦК писал: «Оказалось, что партия II Интернационала, о деятельности которого в Китае до сих

²⁷ Ibid., p. 168.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., p. 168.

³⁰ См. Гун Чу. Красная армия и я (на кит. яз.). Гонконг, 1954, с. 247.

³¹ См. Лу Гуйли. Долой социал-демократическую партию. — «Хунши чжоубао», № 25, (1.1.1932). Цит. по: Ван Цзяньминь. Очерки истории КПК (на кит. яз.). т. 2. Тайбэй, 1969, с. 559—560.

пор не было ничего известно, фактически завербовала в свои ряды не только всех коммунистов, работавших в Фуцзяньском советском районе, но и весь комсомол, все профсоюзы, все массовые организации. Программа и тактика социал-демократической партии такие же, как и у «Эйбитуань». Организация и система полностью сходны с нашей партией».

Брат Мао Цзэдуна — Мао Цзэминь, направленный в Западную Фуцзянь в июле — августе 1931 г., впоследствии писал: «Работа по борьбе с контрреволюцией довела до такого состояния, что ни в советских административных, ни в военных и политических органах Западнофуцзяньского советского района не было работников... члены Реввоенсовета Фуцзянь-Гуандун-Цзянсийского пограничного района, члены провинциального правительства (за исключением председателя и секретаря, а последним в то время был Ли Ижу), члены уездных комитетов партии, депутаты уездных советов и другие кадровые работники — все были арестованы по обвинению в принадлежности к социал-демократической партии. Были арестованы не только кадровые, но даже такие низовые рядовые работники, как рабочие прачечной, служанки. Арестовывали и за то, что случайно ел или разговаривал с арестованным. Бойцы и командиры, сражавшиеся в то время на передовых позициях против врагов, тоже арестовывались за связь с социал-демократической партией. Арестованных с передовых позиций партиями отправляли в тыл. В тюрьме к ним применялись самые жестокие телесные пытки, в том числе такие пытки феодального Китая, как «бить палками с силой молнии», «через нос наливать горячий перцовый суп», «жарить мясо огнем» и т. п. Человек, давший показания, подлежал немедленному расстрелу. Были и такие стойкие революционные кадровые работники, которые и после этих тяжелых пыток не давали показаний. В таких случаях этих подлинных революционеров обвиняли в том, что они являются самыми стойкими кадровыми работниками социал-демократической партии, а поэтому и без признания и дачи показаний их расстреливали».

И далее: «Я был живым свидетелем того, как в течение одного с лишним месяца в городе Фучане (столица провинциального советского правительства. — А. Т.) было расстреляно столько людей, что повсюду валялись трупы, и на них нельзя было смотреть... Родственники и друзья боялись подойти к трупам и подобрать их, так как это грозило арестом за связь с расстрелянными».

Весь этот кошмар Мао Цзэминь оправдывал: «У нас не было классовой бдительности и опыта борьбы с контрреволюцией». Естественно, о своем брате Мао Цзэдуне, о его причастности к этим репрессиям Мао Цзэминь не пишет ни слова. Чжоу Эньлай позднее говорил, что «все происходившее в Западной Фуцзяни, расстрелы и перегибы, — это отрывка событий в Цзянси», инициатором и организатором которых, как видно из вышесказанного, был Мао Цзэдун.

В 1936 г. в беседе со своим биографом и «другом» американским журналистом Э. Сноу Мао Цзэдун представил кровавую расправу со своими противниками в Цзянси как свою борьбу против проявлений лисаньшаньщины в советских районах. «Антимаонистская группа в Цзянсийском провинциальном комитете КПК, — писал Э. Сноу, — предприняла попытку свергнуть Мао. Конечным результатом явился футяньский инцидент (декабрь 1930 г.), который, как утверждает Мао, восходит к линии Ли Лисаня. Последовала короткая, но кровопролитная борьба, совпавшая с подавлением Мао Цзэдунем «Антибольшевистского союза». Многие коммунисты были убиты, а многие подозреваемые в антимаонизме заключены в тюрьму»³².

Другой буржуазный историк, Сяо Цзолян, повторяя версию Мао

³² E. Snow. Red Star over China. New York, 1961, p. 486.

о связи футяньских событий с линией Ли Лисая, в то же время на основании изучения подлинных документов вынужден был признать, что «именно Мао нанес первый удар от имени Центрального фронтального комитета. Он первый уничтожил более 4400 человек в Красной армии, а затем арестовал руководителей Цзянсийского провинциального комитета действия»³³.

Несмотря на некоторую сумбурность и противоречивость оценки кровавых событий в советских районах Цзянси и Западной Фуцзяни, Бюро ЦК КПК Центрального советского района в своем решении «О работе по искоренению контрреволюционных элементов в советских районах»³⁴ от 7 января 1932 г. дало довольно объективную и заслуживающую внимания оценку этим событиям. Так, в решении подчеркивалось, что в советских районах Цзянси «против контрреволюционной организации «Эйбитуань» вели беспорядочную борьбу, руководствуясь мелкобуржуазными настроениями террора, неистовства и остервенения», и что масштабы деятельности «Эйбитуань» были крайне преувеличены.

В решении особо подчеркивалось, что в ходе борьбы против «Эйбитуань» были допущены крайне серьезные ошибки в отношении методов борьбы. «Борьба против «Эйбитуань», — говорилось в решении, — осуществлялась только методами допроса и телесных наказаний обвиняемых... Использование примитивных и неоправданно жестоких методов в процессе борьбы против «Эйбитуань» и социал-демократической партии (массовые аресты и допросы подозреваемых, в особенности рабоче-крестьянских элементов, и даже применение пыток для получения показаний и с невероятной легкостью совершаемые казни) и, что особенно серьезно, возникновение паники внутри партии и атмосферы взаимного недоверия, охвативших даже руководящие органы, — все это не только не могло способствовать нанесению ударов по контрреволюционным силам и их распаду, изоляции чуждых элементов в борьбе за массы, но, наоборот, расшатывало наши собственные революционные силы на фронте классовой борьбы, наносило им ущерб».

Далее в решении подчеркивалось, что в «процессе борьбы против «Эйбитуань» был разгромлен ряд революционных организаций и органов, что вызвало у народных масс чувство страха и недоверия к партии... Рост панических настроений создавал огромные препятствия работе по расширению рядов Красной армии, развитию партии и привлечению активистов в руководящие органы».

Эти «серьезные ошибки» объяснялись в решении тем, что «органы, занимавшиеся искоренением контрреволюции, — комитеты по искоренению контрреволюции, а также местные управления политической охраны... превратились в органы диктатуры, стоящие над партией и над властью... имели исключительно широкие полномочия, не контролировались и даже оказались в руках контрреволюции».

Таким образом, решение Бюро ЦК КПК Центрального советского района от 7 января 1932 г. в целом признало, что борьба по искоренению контрреволюционных элементов в советских районах Цзянси и Западной Фуцзяни, инициатором и руководителем которой был Мао Цзэду, нанесла огромный ущерб революционной борьбе и Коммунистической партии Китая. Из изложенного видно, что кровавые события в советских районах Цзянси и Западной Фуцзяни во многом напоминают пресловутую «культурную революцию» Мао Цзэдуна второй половины 60-х годов. В сущности, это была в миниатюре первая «культурная революция» Мао Цзэдуна, во время которой он пытался утвердить свою единоличную власть в находившихся под его контролем партизанских районах в Цзянси и Западной Фуцзяни.

³³ In: Tsoliang Hsiao. Power Relations within the Chinese Communist Movement, 1930—1934. Washington, 1961, p. 107.

³⁴ См. «Гунфэй хого шилля хунбянь», т. 2. [Б. м.] 1964, с. 474—479.

Пекин бряцает оружием

«Унэн» (МНР)

Мировой общественности хорошо известна великодержавно-гегемонистская, захватническая политика правителей КНР. «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар...» — так Мао Цзэдун определял стратегическую цель установления китайского господства над миром.

Составной частью долговременной стратегии китайского руководства является его агрессивная, аннексионистская политика в отношении соседних с Китаем государств, в том числе Монгольской Народной Республики. Проводя такую политику, Пекин то и дело поднимает вопрос о пребывании советских воинских частей в МНР. При этом Пекин, как обычно, прибегает ко всякого рода лжи и клевете, извращая характер подлинно братских взаимоотношений между Монголией и Советским Союзом, цель пребывания советских воинских частей в МНР.

В истории международных отношений можно найти множество примеров, когда то или иное государство перед лицом угрозы его безопасности прибегает к помощи и поддержке дружественных стран и народов. Это является его суверенным правом. История становления самой КНР не является исключением в этом отношении.

Тогда почему же Пекин выдвигает требование о выводе советских воинских частей из Монголии?

Обратимся к реальностям и обстоятельствам, которые поставили независимость и суверенитет нашей страны под серьезную угрозу.

МНР, как один из соседей Китая, в течение продолжительного времени непосредственно испытывает на себе пагубные последствия гегемонистской, экспансионистской политики Пекина, подвергается его враждебным наскокам по самым различным направлениям. Политика китайских лидеров прямо направлена на ликвидацию независимости и суверенитета народной Монголии, на аннексию ее территории, на захват ее природных богатств.

Хорошо известно, что Мао Цзэдун не раз высказывал свое нетерпение, желая присоединить Монголию к Китаю. В 1936 г., еще до прихода к власти, он в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу открыто заявлял о своих захватнических амбициях по отношению к МНР. Позднее, в 1949 г., когда новая, народная власть в Китае еще не успела окрепнуть, Мао «запросил» мнение руководителей Советского Союза о присоединении МНР к Китаю. Даже после победы социалистической революции в Китае и установления официальных дипломатических отношений между МНР и КНР Пекин не оставлял желаний аннексировать Монголию «мирным или иным путем».

В 1964 г. в беседе с делегацией Социалистической партии Японии Мао снова поднимал вопрос о присоединении Монголии к Китаю. При этом он оклеветал Советский Союз, заявив, что он превратил Монголию в свою «колоннию».

Таким образом, игнорируя независимость и суверенитет целого социалистического государства, существовавшего намного раньше образования КНР, пекинские лидеры вынашивали намерение решить судьбу монгольского народа за его спиной, без его ведома.

Каждый раз, когда Пекин выдвигал эти аннексионистские претензии, Советский Союз, уважая право монгольского народа на свободу, независимость, право иметь свое суверенное государство, давал решительный отпор и выступал в поддержку суверенного существования монгольского народа.

Притязания Пекина в отношении МНР выражались в форме «картографической агрессии». Например, через месяц после образования КНР, в ноябре 1949 г., в Шангае была издана «новейшая карта Китая», на которой многие районы МНР были включены в состав КНР. На географической карте КНР, изданной в 1952 г. в Пекине, обширные территории Монголии по-прежнему были включены в состав Китая. Эта карта впоследствии переиздавалась несколько раз без каких-либо изменений.

После победы народной революции в Китае, когда между МНР и КНР поддерживались нормальные отношения, наша страна, руководствуясь благородными целя-

ми укрепления дружбы и сотрудничества, в 1956 г. упразднила свои пограничные войска. При этом МНР исходила из того, что граница с КНР, так же как и с СССР, станет границей мира и дружбы.

Однако китайцы, воспользовавшись отсутствием официальной демаркационной линии границ и упразднением пограничных войск, начали совершать в 50-х годах различного рода провокации с целью захвата отдельных участков нашей территории. Воинские части Китая не раз нарушали нашу границу, провоцировали инциденты и вооруженные столкновения; китайцы затевали различные территориальные споры захватывали отдельные участки территории МНР.

Предупреждения в дружественном порядке и официальные протесты монгольской стороны по поводу нарушений ее государственных границ либо оставались без ответа, либо отвергались китайской стороной.

Озабоченное все ухудшавшейся обстановкой на границе, правительство МНР неоднократно предлагало урегулировать все спорные вопросы, связанные с монголо-китайской границей. Однако это предложение долгое время оставалось без положительного ответа со стороны КНР. Лишь в 1962 г. был заключен монголо-китайский договор о границе в результате повторных настояний монгольской стороны. Пекин пошел на заключение этого договора, чтобы продемонстрировать свое «миролюбие», ввести в заблуждение мировую общественность и отвлечь ее внимание от затеянного им вооруженного конфликта на границе с Индией. Это был вынужденный маневр. Даже подписав этот документ, китайские руководители пользовались любым случаем, чтобы декларировать свои особые «права» в отношении МНР. Один из членов Политбюро ЦК КПК в 1964 г. заявлял, что «заключение договора о границе между КНР и МНР подобно тому, что отрезан кусок от живого тела человека».

Однако и после заключения договора о границе правящие круги Китая, пренебрегая своими договорными обязательствами, не прекращали провокационных действий против МНР. Напряженность на монголо-китайской границе постоянно возрастала. Положение еще более усугубилось с началом «культурной революции».

Нагнетание маоистами милитаристского психоза, форсированное строительство военно-стратегических сооружений и сосредоточение крупных армейских соединений вдоль китайско-монгольской границы фактически доводило обстановку на границе до состояния фронтовой линии. Все эти провокационные действия сопровождались наглыми призывами свергнуть законное правительство нашей страны, ликвидировать свободу и независимость социалистической Монголии.

Положение осложнялось еще тем, что в Пекине не только ратовали за мировую войну, но и усиленно готовились к ней, взяв курс на милитаризацию экономики страны.

Главным стержнем всей политики Китая стал антисоциализм, махровый антисоветизм. Таким образом, когда реакционный маоизм взял верх в руководстве Китая, тогда антисоциализм был возведен в ранг официальной государственной политики Пекина и он открыто пошел на разрыв с мировым социализмом, независимость нашей страны оказалась под реальной угрозой.

В этих условиях со всей серьезностью встал вопрос о защите государственной независимости и суверенитета нашей страны и революционных завоеваний монгольского народа.

Правительство МНР предприняло в этих целях необходимые меры, в частности восстановило в начале 60-х годов свои пограничные войска на всем протяжении монголо-китайской границы (4672 км), увеличило количество частей Монгольской народной армии. Здесь следует отметить, что вынужденное отвлечение значительного количества рабочей силы и финансовых средств из сферы материального производства в целях укрепления обороноспособности страны оказывает отрицательное влияние на развитие нашей экономики. Однако Монголии, как стране малонаселенной и имеющей сравнительно небольшой материально-экономический потенциал, трудно самостоятельно обеспечить гарантированную защиту своих завоеваний от посягательств внешних сил, тем более со стороны такого государства, как Китай, которого численность только вооруженных сил в несколько раз превышает численность всего населения Монголии. К этому следует добавить, что в китайском арсенале имеются ядерное оружие и современные средства его доставки.

Правительство МНР, отражая беспокойство монгольского народа перед лицом угрозы со стороны китайского экспансионизма, в соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между МНР и СССР и в духе Устава ООН обратилось к нашему испытанному другу — великому Советскому Союзу за помощью в деле защиты независимости, суверенитета и территориальной целостности страны. Советский Союз не раз в прошлом приходил нам на помощь. В 1939 г. советско-монгольские войска отразили японо-маньчжурское нападение в районе реки Халхин-Гол, в августе 1945 г. вооруженные силы СССР и МНР совместно нанесли удар по квантунской армии, освободили значительную территорию Китая и ускорили капитуляцию Японии.

Последовательно верный своему интернациональному долгу и союзническому обязательству, Советский Союз и на этот раз удовлетворил просьбу монгольской

правительства и согласился дислоцировать свои воинские части на территории нашей страны.

Советские воинские части находятся в Монголии исключительно по просьбе ее правительства в соответствии с монголо-советским Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 1966 г.

Никто не может оспаривать то, что решение о размещении советских воинских частей в МНР — это сугубо внутреннее дело суверенного монгольского государства. Советские воины, временно находящиеся в МНР, вместе с войсками Монгольской народной армии стоят на страже государственной независимости и территориальной целостности МНР. Об этом хорошо знают и в Пекине.

Могут спросить, как обстоит дело в настоящее время, после смены руководства в Пекине. Нынешние правители Китая, клянясь в верности маоизму, не только продолжают, но и развивают в еще более изощренном виде маоистский внешнеполитический курс, направленный на установление китайской гегемонии в Азии и во всем мире.

Не изменилась и политика Пекина в отношении МНР. Аннексионистские притязания Пекина по-прежнему остаются в силе. В опубликованном в 1978 г. учебнике по истории Китая помещены карты, на которых обширные районы соседних с КНР государств и даже целые страны, в том числе МНР, включены в состав «исконной» территории Китая. Совсем недавно в газете «Гуанмин жибао» появилась статья, в которой Пекин пытается — уже который раз — подвести некую «научную» основу под тезис о принадлежности монгольской нации к так называемой «великой китайской семье». Для этого вновь вытащили на свет средневекового монгольского правителя Чингисхана, зачинателя завоевательных походов против других стран, в том числе и против Китая. В статье прямо говорится, что «монгольская нация есть национальное меньшинство Китая... Коль скоро Чингисхан был монгольским ханом, он, следовательно, являлся и китайским ханом, пришедшим в древности к власти в качестве представителя одного из национальных меньшинств. Нельзя считать древнюю Монголию иностранным государством. Следует знать, что в настоящее время большая часть монгольской нации по-прежнему проживает в пределах границ Китая». Сказано ясно. Тут излишне объяснять, что кроется за такого рода сентенциями.

Китайские власти продолжают нагнетать напряженность на границе с МНР. По-прежнему не прекращаются провокации. Только с 1969 по 1978 г. китайский военный персонал более 400 раз нарушал монгольскую границу. Нередко случалось так, что подразделения китайских войск проникли в глубь территории МНР на 15—220 км. В приграничных районах демонстративно проводятся военные учения. После 1969 г. в данных районах было проведено более 250 военных учений, произведено 887 тысяч взрывов, свидетельствующих об интенсивности военных приготовлений в сопредельных с Монголией районах.

Известно, что в настоящее время на китайско-монгольской, а также на китайско-советской границах сконцентрированы крупные воинские контингенты Китая. На территории Китая, в районах, граничащих с МНР, дислоцируются войска четырех военных округов, в том числе двух самых крупных — пекинского и шэньаньского. На их долю приходится более трети всего личного состава сухопутных сил КНР. Этим двум округам приписана половина бронетанковых дивизий, больше половины ВВС Китая. А всего, по данным иностранной печати, по периметру границы Китая с МНР и СССР сосредоточено более 2 400 тысяч военнослужащих, то есть большая часть китайской армии.

Здесь уместно спросить, какую цель преследует спровоцированная в последнее время Пекином тенденциозная шумиха в западной печати вокруг количества советских войск и типов военной техники, дислоцированных на территории МНР. Прежде всего ясно, что это нужно китайской стороне для создания видимости того, что ее требования о выводе советских воинских частей с территории МНР имеют основания. Вполне может быть, что это делается с целью подготовить повод для дальнейшего наращивания военных сил на подступах к границам МНР и СССР.

Все это свидетельствует о том, что угроза независимости и безопасности МНР со стороны Пекина не уменьшилась и все еще сохраняется как реальность.

Об угрозе китайского экспансионизма и гегемонизма еще раз свидетельствует агрессия Пекина против Социалистической Республики Вьетнам. Эта агрессия показала, что правящие круги Китая готовы пойти на все ради осуществления своих великодержавно-экспансионистских амбиций. И нет гарантий, что Пекин не прибегнет к новым военным авантюрам. Это означает, что каждая сопредельная с Китаем страна может стать объектом его агрессивных действий.

Поэтому пока китайские правящие круги на деле не отказались от своей аннексионистской политики в отношении МНР, пока не устранена угроза суверенитету и территориальной целостности МНР, пока Пекин не прекратит антисоциалистическую, антисоветскую политику и действия, МНР по-прежнему будет нуждаться в действительной помощи и поддержке Великого Советского Союза. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал заявил, что «у монгольского народа немалый опыт в борьбе за свободу и независимость, он извлек из нее уроки и хорошо знает, кто его настоящие друзья. Уже более полувека наш народ уверенно идет по пути социализма. На этом пути нам не раз

удавалось отразить атаки извне. И каждый раз мы могли опереться на бескорыстную, в полном смысле интернационалистскую помощь Страны Советов».

Каждому объективному человеку ясно, что пребывание советских воинских частей в МНР является прямым следствием аннексионистского курса Пекина. Его требование о выводе этих частей из МНР, повторно выдвинутое «Жэньминь жибао» 15 октября 1979 г., нельзя расценивать иначе, как акт бесцеремонного вмешательства в суверенные дела нашей страны, преследующий цель лишить социалистическую Монголию надежной гарантии ее независимости и безопасности. Понстине коварные замыслы правящих кругов Китая.

Монгольский народ, которому дороги свобода и независимость, никогда не поступится своими высшими интересами строительства социализма.

* * *

Практика внешнеполитической деятельности Пекина за последние двадцать с лишним лет со всей убедительностью показывает, что китайские руководители зачастую приписывают другим странам все то негативное, что они сами делают или собираются делать. Этот излюбленный прием китайской дипломатии ярче всего проявляется в подходе к самым насущным проблемам современности, в частности к вопросу о войне и мире.

Действуя таким образом, официальные представители Пекина и его пропагандистский аппарат прилагают все свои силы к тому, чтобы создать у не искушенных в политике людей впечатление, будто бы Китай находится в осадном положении под угрозой вооруженного нападения со стороны сопредельных с ним стран, притом социалистических, и это якобы ставит пекинских правителей перед неотложной необходимостью любой ценой вооружаться до зубов и даже с помощью военно-промышленных комплексов империалистических держав.

Если верить словам пекинских пропагандистов, получается, что Советский Союз ценой тысяч жизней своих сынов и дочерей освободил Северо-Восточный Китай от многолетней оккупации японских милитаристов, создавал все условия для успешного развертывания победоносной освободительной борьбы китайского народа на всей территории страны, оказывал решающую помощь в укреплении революционных завоеваний народа Китая, в повышении боеспособности его вооруженных сил, в создании основы его оборонной промышленности и защищал небо КНР от вседушного нашествия империалистических агрессоров и их чанкайшанских сообщников лишь ради того, чтобы напасть затем на Китай. По логике великоханьских шовинистов, многострадальный Вьетнам, который вел тридцатилетнюю жестокую борьбу против империалистических агрессоров, добился объединения родины и приступил наконец к мирному созидательному труду лишь для того, чтобы перейти к военной конфронтации с Китаем.

Если судить по отчаянному беспокойству, проявленному Пекином по поводу отдельных советских воинских частей, находящихся в МНР, то получается, что Монголия, имеющая сравнительно небольшую экономическую и военную мощь, которая почти на всем протяжении своей истории подвергается аннексионистским притязаниям и всякого рода давлению со стороны китайских правителей, угрожает двестишестидесяти миллионному Китаю с его огромной армией, вооруженной ракетно-ядерным оружием. Весь мир, в том числе китайский народ, хорошо знает, что народная Монголия никогда не угрожала суверенитету Китая, а наоборот, несмотря на постоянное враждебное отношение великоханьских экспансионистов, всегда стояла на стороне китайского народа и внесла свой посильный вклад в дело борьбы за его победу и национально-освободительном движении.

Возникает естественный вопрос: что же это на самом деле? Все это — плоды гегемонистских вождельных великоханьских экспансионистов, беспардонные инсинуации пекинских правителей. Подобная версия о мнимой угрозе с севера, фабрикуемая Пекином в течение стольких лет, служит дымовой завесой для прикрытия агрессивной поджигательской политики китайского руководства на международной арене и его внутривластного курса на форсированную подготовку к войне и тотальной милитаризацию жизни китайского общества.

Давайте посмотрим, как это выглядит в действительности.

Идейным истоком того, что руководство КПК перешло от политической и идеологической конфронтации со странами социалистического содружества к межгосударственному противоборству по всем линиям, что политика Пекина сегодня коренным образом противоречит делу мира, международной безопасности и интересам всех миролюбивых сил на земле, является маоизм, его военная теория и практика. По его вине КНР ныне стала единственной страной в мире, правящие круги которой публично, без всякой маскировки выступают апологетами новой мировой войны, открыто бряцают оружием, посягая на свободу и национальную независимость других народов, и без зазрения совести угрожают «преподать уроки» миролюбивым государствам за то, что они мешают осуществлению гегемонистских замыслов великоханьских экспансионистов.

Почвой, на которой формировался маоизм как антимарксистское, антинародное и авантюристическое течение, был культ насилия и милитаризма, уходящий своими

корнями в глубокое прошлое Китая. Это было обусловлено спецификой исторического развития Китая, для которого характерны периодические подъемы и падения различных династий, многовековая изоляционистская политика китайских императоров, всегда враждебно относившихся ко всем другим государствам. Наконец, имеют значение и бесконечные междоусобные войны, продолжавшиеся почти непрерывно в течение двух тысяч лет истории страны. Все это породило в общественном сознании ханьцев устойчивое представление об их превосходстве над другими народами, о неизбежности и естественности военных конфликтов и об особой роли военной силы в историческом процессе. В этой связи еще великий китайский демократ-революционер Сунь Ятсен писал: «Сам Китай чересчур высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным. Изоляционизм Китая и его высокомерие имеют длительную историю. Китай никогда не знал выгод международной взаимопомощи, поэтому он не умеет заимствовать лучшее у других, чтобы восполнить свои недостатки».

Культ военной силы, апологетика милитаризма, унаследованные из прошлого, хотя и подвергались определенному преломлению в эклектических постулатах маоизма, но сохранили свою суть. Если яростный проповедник культа насилия, известный представитель легистского течения в прошлом Шан Ян писал, что только «войной можно уничтожить войну» и что лишь «после убийств можно говорить о человеколюбии», то в наше время у Мао Цзэдуна мы находим категорические высказывания о том, что «перестроить мир можно только с помощью винтовки», «покончить с войной можно только путем разрывания народной партизанской войны в мировом масштабе», «наш коронный номер — это война и диктатура». Всему миру известно, что такие поджигательские лозунги, как «превращение Китая в единый военный лагерь», «каждый китаец — это прежде всего солдат», «каждое поколение должно иметь свою войну», «стимулировать производство, продолжать революцию, готовиться к войне», «уметь переносить тяготы и страдания, не бояться смерти», «служить рыть туннели на случай войны», служили и служат основополагающими политическими девизами для всей партии, армии и народа Китая.

Все это не является лишь политическим лозунгом, но и осуществляется в практических действиях китайского руководства.

Если Китай в годы первого десятилетия своего существования придерживался в основном оборонительной стратегии, направленной на обеспечение мирных условий для строительства новой жизни, то с конца 50-х годов он перешел к агрессивно-наступательной стратегии. С того времени он из года в год почти непрерывно провоцирует различные военные инциденты и крупномасштабные агрессивные акции против многих государств. Из 30 военных конфликтов, имевших место в Азии после второй мировой войны, 19 возникли по вине КНР, кроме того, за последнее двадцатилетие не было такого случая, чтобы Пекин в той или иной форме не вмешивался в вооруженные выступления пропекинских раскольников или прозападных реакционных режимов против национально-освободительного движения и законных правительств ряда стран Азии и Африки. Все эти провокационно-агрессивные происки Пекина сопровождались открытыми претензиями на территориальную целостность почти всех стран, граничащих с Китаем, при этом китайское руководство, неизменно укрепляя военно-бюрократический режим, возникший в ходе маоистской «культурной революции», большое внимание уделяет наращиванию военной мощи страны и ракетно-ядерного потенциала. Ныне КНР по численности личного состава вооруженных сил занимает первое место не только в Азии, но и во всем мире.

Согласно новой конституции КНР, ее вооруженные силы представляют собой триединую систему, соединяющую в себе полевые (регулярные) армии, местные войска и народное ополчение.

По данным иностранных наблюдателей, только в сухопутных войсках КНР служат более 3,2 млн. человек, в их состав входят 136 общевойсковых дивизий (в том числе 121 пехотная, 12 танковых, 3 воздушно-десантных), 20 артиллерийских, 701 дивизий местных войск и более 130 отдельных полков. В ВВС и ПВО насчитывается до 400 тыс. человек и более 5200 боевых самолетов, в ВМС — около 300 тыс. человек, приблизительно 1500 боевых и вспомогательных кораблей и 700 самолетов. По зарубежным сведениям, вооруженные силы КНР в своем арсенале уже имеют более 100 боевых ракет среднего радиуса действия 1200—2800 км, в том числе с ядерными боеголовками. Начиная с 1964 г. в Китае проведено 24 испытания ядерного оружия, осуществлено более 150 экспериментальных запусков ракет. Ведется интенсивная работа над созданием межконтинентальных баллистических ракет.

В народном ополчении, охватывающем почти все трудоспособное население, по расчетам японских военных специалистов, насчитывается примерно 200 млн. человек. Ополчение подразделяется на общее и кадровое, последнее имеет в своих рядах около 5 млн. человек, вооруженных легким оружием.

Таким образом, вооруженные силы КНР насчитывают более 200 млн. человек, что вполне соответствует маоистскому лозунгу «весь народ — солдаты».

Однако эти цифры постоянно растут. По имеющимся данным, только в 1977—1978 гг. численность вооруженных сил КНР увеличена еще на 1 млн. человек, одновременно прямые военные расходы Китая за последние три года увеличились с 21

до 36 млрд. долл., 30 % этих средств расходуется на осуществление ракетно-ядерной программы.

Как известно, китайское руководство, помимо количественного расширения, уделяет усиленное внимание качественному улучшению вооруженных сил, их модернизации с использованием современных военно-технических достижений развитых капиталистических стран. Этой цели служат многочисленные поездки высоких чинов Пекина во многие капиталистические страны. И правящие круги этих стран, представители военно-промышленных комплексов в известной мере идут навстречу домогательствам Пекина. Это способствует еще большему росту азарта пекинских лидеров в безудержной гонке вооружений, нагнетании напряженности на Азиатском континенте.

Естественно, возникает вопрос: что же заставляет Китай держать столь огромную военную машину? Продиктовано ли это задачей защиты от классовых врагов китайского народа — империалистических агрессоров? Отнюдь нет. Наоборот, китайские лидеры всемерно стараются сохранить военное присутствие США в Азии, других частях мира, ратуют за укрепление военно-политического альянса Вашингтон — Токио — Сеул, официально дают обещание не разрушать военный потенциал Тайваня.

Всемирно известно, что в годы «культурной революции» Пекин коренным образом изменил дислокацию основных сил китайской армии, которые раньше были сосредоточены главным образом в восточном и юго-восточном направлениях. Теперь самые крупные армейские группировки войск Китая находятся в Шэньянском, Пекинском, Ланьчжоуском и Урумчийском военных округах, в непосредственной близости к границам МНР и СССР.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют о неправомерности утверждений пекинского руководства о некоей «угрозе с севера». Тем более не логично требование вывода с территории МНР советских воинских частей, по-братски оказывающих ей такой содействии в укреплении ее обороноспособности, в то время как Китай концентрирует огромные силы на наших границах.

Каждому здравомыслящему человеку понятно, что в этих условиях МНР не может не укреплять обороноспособность своей страны. Ведь именно маоистское руководство Пекина превратило границу между КНР и МНР, существовавшую как граница мира и добрососедства, в границу постоянной напряженности. Именно оно превратив приграничные районы общей протяженностью около 5 тыс. км в долгие временные военно-стратегические зоны, нагнетает атмосферу недоверия и вражды к социалистической Монголии. Сегодня эти районы Китая в буквальном смысле слова напоминают прифронтовую зону. Там в широком масштабе ведется строительство различных наземных и подземных стратегических сооружений, аэродромов, ракетных полигонов, железных и шоссежных дорог, восстанавливаются даже стародоты, дзоты, построенные еще японцами. Регулярно в непосредственной близости от линии границы проводятся полевые учения войск с применением всех видов боевой техники. С помощью высотных башен, построенных около границ, с помощью летательных и осветительных аппаратов, порой путем нарушения неприкосновенности границ ведется визуальная разведка нашей территории. Более того, в Китае действуют специальные центры по подготовке профессиональных агентов-разведчиков, подрывников для засылки в МНР и Советский Союз. Помимо этого, китайские власти систематически обрабатывают воинво НОАК и местное население в духе великоханьского гегемонизма, в духе вражды к народам братских стран социализма с помощью устной агитации, различных средств пропаганды. В этих целях, по признанию самих китайцев, в пограничных районах КНР, особенно в воинских частях, широко используются такие пропагандистские пособия, как «колоты или уголки ненависти».

Политика бряцания оружием не даст пекинским правителям ничего, кроме еще большего ушерба и лишений для самого китайского народа, коренные интересы которого требуют жить в мире и дружбе со всеми другими народами.

Монгольский народ, не один раз испытывавший на себе всю горечь вооруженных нашествий как великоханьских экспансионистов, так и империалистических захватчиков в прошлом, прекрасно знает, что именно благодаря нерушимой братской дружбе и боевому союзу с великим Советским Союзом он пожинает плоды свободы, независимости своей родины и уверенно идет по пути подлинного национального процветания и прогресса. Иначе на его долю могла выпасть такая же горькая участь, как у многих неханьских наций в Китае в настоящее время. Именно суверенное, независимое, социалистическое развитие Монголии вызывает злобу и ненависть великоханьских гегемонистов Пекина, и они отчаянно пытаются подорвать нерасторжимые узы дружбы и боевого союза между монгольским и советским народами и тем самым обезоружить монгольский народ перед милитаристским Китаем. Но потуги Пекина тщетны. Гарантом этого служили и будут служить свободолюбие и непоколебимая преданность монгольского народа делу социализма и вечные узы дружбы с Советским Союзом и другими братскими странами социализма.

Хо Ши Мин — патриот, коммунист, человек

[к 90-летию со дня рождения]

Е. В. Кобелев

19 мая 1980 г. исполняется 90 лет со дня рождения великого сына вьетнамского народа Хо Ши Мина. «Каждый шаг нашей партии и народа за последние сорок лет неразрывно связан с кипучей и прекрасной революционной деятельностью Хо Ши Мина, — писал в 1970 г. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан. — Вся его жизнь, отданная без остатка делу борьбы нашего народа и партии, — это бессмертный гимн во славу вьетнамской революции»¹.

Яркий след оставила в истории революционного движения на Азиатском континенте многолетняя самоотверженная борьба трудящихся Вьетнама под руководством Коммунистической партии за национальное и социальное освобождение, в защиту независимости и свободы своей родины от посягательств многочисленных внешних врагов — колонизаторов, империалистов, международной реакции.

Успешная борьба за осуществление народной, национально-демократической революции в отсталой, полуфеодальной, колониальной стране (1930—1945); образование первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян в условиях империалистического окружения (2 сентября 1945 г.); девятилетняя труднейшая война (Сопrotивления против французских колонизаторов, стремившихся вернуть утраченное колониальное господство (1946—1954); длительная политическая, вооруженная и дипломатическая борьба за освобождение Южного Вьетнама и воссоединение родины, увенчавшаяся полной победой (1954—1975); вторая война Сопrotивления против империалистической агрессии США, явившая образцы стойкости, самоотверженности и массового героизма (1965—1973); нынешнее доблестное противостояние гегемонистским действиям правящей верхушки Китая, вставшей на путь вооруженной экспансии в Юго-Восточной Азии, — таковы слагаемые великого патриотического революционного подвига вьетнамского народа. «Пройдут годы, но не изгладится человеческой памяти история борьбы героического вьетнамского народа, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. — ...Уроки эпопеи Вьетнама говорят о многом. Они говорят о всепобеждающей силе марксистско-ленинских идей, о громадном значении последовательно интернационалистской политики правящей коммунистической партии, о неодолимости народа, ведущего борьбу за правое дело»².

Жизнь и деятельность Хо Ши Мина, который на протяжении более полувека возглавлял вьетнамское национально-освободительное движение, Коммунистическую партию Вьетнама, независимое вьетнамское государство, неразрывно связаны с великим патриотическим и революционным подвигом вьетнамского народа, с героической эпопеей Вьетнама.

* * *

Хо Ши Мин родился и рос в мрачную пору истории Вьетнама — в годы, когда его родина лишилась независимости и стала «жемчужиной в короне» французской колониальной империи. Детские и отроческие годы Хо Ши Мина проходили в атмосфере скорби об утраченной свободе и ожидания появления былинных героев, которые могли бы поднять знамя национального освобождения, выпавшее из рук патриотов уходящего века. С детских лет Хо Ши Мином владела мысль отыскать правильный путь, ведущий к освобождению родного народа от чужеземных угнетателей. В 1911 г. он покидает Вьетнам и едет в Европу, где рассчитывает почерпнуть необходимые знания.

В июле 1920 г., находясь в Париже, Хо Ши Мин знакомится с первой в своей жизни ленинской работой — «Тезисами по национальному и колониальному вопросу», подготовленным для II Конгресса Коминтерна. Эта работа произвела на него неиз-

¹ Ле Зуан. Вьетнамская революция. М., 1970, с. 15.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 384.

гладимое впечатление. Спустя много лет Хо Ши Мин вспоминал: «С этого момента я полностью встал на сторону Ленина и III Интернационала»³. В том же году на Турском съезде Социалистической партии Франции Хо Ши Мин — единственный делегат съезда от колоний — проголосовал вместе с большинством за присоединение партии к Коминтерну и стал первым во Вьетнаме коммунистом. Он нашел тот путь, который искал долгие годы. «...Только социализм, только коммунизм, — сделал он логический вывод, — может освободить от рабства и угнетенные народы, и трудящихся всего мира»⁴.

В 1923 г. Хо Ши Мин приезжает в Советскую Россию и становится активным деятелем Коминтерна. Целых 20 лет, с 1923 по 1943 г., он являлся представителем вначале Восточного отдела, затем Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна и в этом качестве вел организационно-политическую, революционную работу не только во Вьетнаме, но и в других странах Юго-Восточной Азии.

Много лет он посвятил подготовке преданных коммунистическим идеалам, политически зрелых кадров для будущей Коммунистической партии Индокитаея (КПИК), которая была создана в 1930 г. под его непосредственным руководством и встала у руля национально-освободительной революции в Индокитае. «С момента своего рождения... Коммунистическая партия Индокитаея, — писал Хо Ши Мин, — проявила себя в основном как партия нового типа, ленинская партия, боевая партия молодого вьетнамского пролетариата, сумевшая сплотить под своим знаменем широкие массы крестьянства и трудового народа»⁵.

В 1941 г. Хо Ши Мин после тридцати лет жизни в эмиграции тайно возвращается на родину. По его инициативе КПИК принимает на вооружение тактику широкого национального фронта, выработанную на VII Конгрессе Коминтерна (1935) и создает Вьетминь — массовую патриотическую организацию, в которой партия является руководящим ядром.

В августе 1945 г. победно завершилась почти вековая борьба вьетнамского народа против колониализма. Августовская революция, приведшая к образованию Демократической Республики Вьетнам, вошла в историю мирового революционного движения как один из ярких образцов революционного творчества масс, руководимых марксистско-ленинской партией. Хо Ши Мин и его соратники, проявив глубокое понимание революционной стратегии и тактики, умело воспользовались исключительно благоприятной ситуацией, создавшейся в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне и поражения милитаристской Японии, оккупировавшей в тот период Вьетнам, и смело повели народные массы на штурм колониальной крепости. Победа Августовской революции, отмечал Хо Ши Мин, была победой ленинского учения в первой национально-освободительной революции в колониальной стране⁶.

Созданная победившим народом Демократическая Республика Вьетнам с первых же дней своего существования вынуждена была с оружием в руках защищать свой суверенитет и независимость от колонизаторов, пытавшихся восстановить утраченное господство. Хо Ши Мин как Президент ДРВ и руководитель партии возглавил войну Сопротивления вьетнамского народа. Он «стал душой великой народной войны, которая была нашей борьбой за свободу, — писал позднее премьер-министр СРВ Фам Ван Донг. — Его образ несли в своих сердцах бойцы на фронте, партизаны в тылу врага, рабочие военных мастерских, крестьяне, трудившиеся на полях»⁷.

Под руководством Хо Ши Мина вьетнамский народ одержал блистательную победу под Дьенбьенфу, вынудив колонизаторов пойти на прекращение конфликта и восстановление мира в Индокитае. С его именем связаны и вступление Вьетнама на путь строительства социалистического общества и первые крупные успехи в создании материально-технической базы социализма в крайне отсталой в прошлом стране.

Хо Ши Мин неустанно боролся за единство своей родины, против попыток империалистических кругов оторвать от ДРВ южную часть страны и превратить ее в колонию нового типа. «Вьетнам — одна страна, вьетнамцы — один народ. Реки не могут высохнуть, горы — разрушиться, но эта истина не изменится никогда»⁸ — эти слова Хо Ши Мина стали программой действий для вьетнамских коммунистов, всех патриотов Вьетнама, поднявшихся на решительную борьбу за освобождение Юга своей страны от империалистических оккупантов и их марионеток.

Хо Ши Мин руководил и второй войной Сопротивления вьетнамского народа против империалистической агрессии США. Его крылатые слова «Нет ничего дороже независимости и свободы!»⁹ служили девизом всенародной освободительной борьбы, вели вьетнамских патриотов от победы к победе. И в этой войне он оста-

³ «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, с. 19.

⁴ Там же, с. 20.

⁵ «Правда», 21.IV.1960.

⁶ См. Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 726.

⁷ Президент Хо Ши Мин (Политическая биография). М., 1963, с. 14.

⁸ Hồ Chí Minh. Vi đoc lap tu do, vi chiu nghia xa hoi. Ha-noi, 1970

с. 65, 273.

⁹ Хо Ши Мин. Сочинения (1920—1969). Ханой, 1971, с. 324.

вался, как и в прошлом, живым воплощением непоколебимой уверенности в грядущем торжестве правого дела вьетнамского народа.

Хо Ши Мин не дожидаясь исторического дня в жизни своего народа — бесславного провала империалистической агрессии, полного освобождения южной части Вьетнама и воссоединения родины на социалистических началах. Но он всегда твердо верил, что этот день настанет. В своем Политическом завещании, подготовленном незадолго до кончины, он написал: «Какими бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американские империалисты непременно будут вынуждены уйти из нашей страны. Наша родина непременно будет объединена. Соотечественники Юга и Севера непременно будут жить под одной крышей»¹⁰.

* * *

На протяжении всей своей жизни Хо Ши Мин выступал как последовательный продолжатель дела марксизма-ленинизма, внося весомый вклад в творческое развитие и правильное применение марксистско-ленинских идей в сложных условиях Вьетнама. Институт истории партии при ЦК КПВ, анализируя политические уроки многообразной революционной деятельности Хо Ши Мина, выделяет следующие из них¹¹:

— Хо Ши Мин придавал исключительное значение руководящей роли партии рабочего класса, умеющей творчески применить марксизм-ленинизм в конкретных условиях своей страны для победы национально-освободительной и социалистической революций.

В своей брошюре «Путь революции», написанной еще в 1926 г. и сыгравшей во вьетнамском революционном движении такую же роль, какую сыграла в России ленинская работа «Что делать?», Хо Ши Мин теоретически обосновал необходимость для авангарда национально-освободительного движения в Индокитае овладения передовой революционной теорией — марксизмом-ленинизмом и создания подлинно революционной, коммунистической партии. Эпиграфом к этой брошюре он взял знаменитые ленинские слова: «...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»¹².

Хо Ши Мин постоянно заботился о качественном и количественном росте рядов партии, призывал хранить как зеницу ока ее сплоченность и единство, повышать ее боеспособность, сделать ее ядром национального союза вьетнамского народа.

Выступая с Политическим докладом на II съезде Партии трудящихся Вьетнама в 1951 г., когда была в самом разгаре война Сопrotивления против колонизаторов, он выразил твердую уверенность, что революция во Вьетнаме будет идти от одной победы к другой, потому что «у нас есть большая и сильная партия, которая вооружена марксистско-ленинским учением, потому что все члены партии работают настойчиво и самоотверженно, потому что она пользуется любовью, доверием и поддержкой всей армии и всего народа»¹³.

В период мирного строительства он постоянно заботился о повышении руководящей роли партии в социалистическом строительстве, об идеологическом и организационном укреплении ее рядов, о правильном сочетании ею национальных интересов с выполнением интернационального долга.

Первые строки своего Политического завещания он посвятил партии, выразив уверенность, что и после его кончины она останется, как и прежде, испытанным авангардом вьетнамского рабочего класса, всего народа. «Сплоченность — самая ценная традиция нашей Партии и нашего народа, — писал он. — Все товарищи, от Центрального Комитета до первичных организаций, должны как зеницу ока беречь сплоченность и единство Партии... Надо беречь чистоту партийных рядов, быть достойными звания руководителей, верных слуг народа»¹⁴.

Борясь за победу народной, национально-демократической революции, Хо Ши Мин постоянно подчеркивал исключительную важность прочного союза рабочего класса и крестьянства. Еще на заре своей революционной деятельности, ознакомившись с работами В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам, он делает вывод, что в таких странах, как Вьетнам, «революция первоначально и прежде всего является крестьянской революцией» и что «союз между подавляющим большинством крестьянства и рабочим классом — вот та основа, на которой можно создать широкий и прочный национальный фронт»¹⁵. В процессе осуществления народной, национально-демократической революции он постоянно обращал внимание своих соратников, всех членов партии на необходимость обязательного и правильного учета органической взаимосвязи между национальным вопросом и борьбой за демократию, между задачами антиимпериалистической и антифеодальной борьбы.

Ленинское понимание специфики социально-политических условий в колониальных странах, жизненной важности правильного решения крестьянского вопроса поз-

¹⁰ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1970, с. 311.

¹¹ «Nhan dan», 19.V.1970.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

¹³ Hồ Chí Minh. Vi doc lap... с. 118.

¹⁴ Хо Ши Мин. Избранное. М., 1979, с. 264.

¹⁵ Almanach de l'Humanité. Paris, 1970, p. 14.

волило немногочисленной в 1945 г. партии вьетнамских коммунистов повести за собой подавляющее большинство населения страны и обеспечить успех Августовской революции, выстоять и победить в двух длительных тяжелых войнах Сопротивления против иностранной агрессии, успешно строить социалистическое общество.

— Хо Ши Мин был активным поборником последовательного проведения партией политики единого широкого национального фронта на каждом конкретном этапе революции.

Эта стратегия стала мощным оружием в руках вьетнамских коммунистов вначале в борьбе за освобождение страны от японских оккупантов и французских колонизаторов (Фронт Вьетминь), затем в борьбе населения юга Вьетнама против американской агрессии (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама) и, наконец, в успешном строительстве социализма на вьетнамской земле (Отечественный фронт Вьетнама). Объясняя, в чем причины успехов вьетнамского народа в борьбе за национальное и социальное освобождение, Хо Ши Мин в качестве одной из них назвал то, что «партия смогла сплотить в Едином национальном фронте Вьетнама все патриотические и прогрессивные силы, создать единство народа в антиимпериалистической и антифеодалской борьбе»¹⁶.

— Хо Ши Мин учил вьетнамских коммунистов смело отвечать «революционным насилием на контрреволюционное насилие»¹⁷, при этом уметь определять в зависимости от конкретной обстановки и гибко сочетать приемлемые формы революционной борьбы — вооруженные, политические и др.

Наиболее показательны в этом отношении ход и итоги длительной, тяжелой борьбы против американской агрессии, за освобождение Юга страны, когда Хо Ши Мин и КПВ сумели добиться гибкого, творческого сочетания политической, вооруженной и дипломатической форм борьбы, каждая из которых подкрепляла другую в зависимости от конкретного развития обстановки, что позволяло оказывать на противника непрекращающееся, растущее давление, ставя его в пассивное положение.

Сам по натуре человек мягкий и добрый, Хо Ши Мин являл собой образец твердости, стойкости и решительности, когда того требовала обстановка. В борьбе за национальную независимость, свободу и социализм, учил он, народ должен продемонстрировать «революционную решимость, всегда высоко нести знамя революционного героизма, не отступать перед любыми трудностями и жертвами»¹⁸, действовать упорно и до конца.

— В своих политических трудах Хо Ши Мин подчеркивал исключительную важность ленинского положения о диктатуре пролетариата в условиях Вьетнама. Он разъяснял членам партии, рабочему классу, что после взятия власти первоостепенной задачей является всемерное упрочение основ пролетарской диктатуры, без чего не могут быть закреплены и развиты завоевания революции, построено новое общество — общество без эксплуатации человека человеком, созданы социалистические производственные отношения.

— В Хо Ши Мине гармонически сочетались подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм. Борьба рабочего класса и трудящихся Вьетнама, учил он, — это неразрывная составная часть международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Где бы Хо Ши Мин ни вел революционную работу, он стремился к объединению трудящихся разных стран мира. В Париже в 1921 г. он участвует в создании Союза колониальных народов. В Москве в 1924 г. предлагает Исполкому Коминтерна создать Коммунистическую федерацию Востока в Южном Китае в 1925 г. вместе с соратником Сунь Ятсена Люо Чжункаем создает Союз угнетенных народов Азии. В 1941 г., вернувшись на родину, он продолжал в горах Вьетбака выступать как представитель Коминтерна, хотя давно уже, с тех пор как началась вторая мировая война, не имел никаких связей с ИККИ.

Находясь на посту Президента ДРВ, Хо Ши Мин внес большой личный вклад в развитие братских отношений Вьетнама с социалистическими странами, молодыми освободившимися государствами, в борьбу за единство и сплоченность международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. «Нам удалось преодолеть все трудности и привести народ к славным успехам, — писал он, — именно потому, что партия не отрывала революционное движение в своей стране от революционного движения мирового пролетариата и национально-освободительного движения угнетенных народов»¹⁹.

— Хо Ши Мин был страстным поборником революционной морали, неустанно боролся за воспитание у членов партии, всех вьетнамских трудящихся высоких личных качеств. Партия только тогда будет стойкой и боеспособной, учил он, если будет не только обладать передовой революционной теорией, но и состоять из людей, которым в полной мере присущи качества подлинных революционеров. К этим качествам он в первую очередь относил последовательную революционность, самоотречение во имя революции, готовность к самопожертвованию, стремление к единству, трудолюбие, бережливость, бескорыстие, заботу об общественном благе, самкрити-

¹⁶ Хо Ши Мин. О Ленине..., с. 207.

¹⁷ Hồ Chí Minh. Vi doc lap..., с. 302.

¹⁸ Хо Ши Мин. О Ленине..., с. 299.

¹⁹ Там же, с. 207—208.

тичность в действиях, презрение к славе, отсутствие гордыни, умение переносить нужду и т. п.

Большое впечатление на всех окружающих, на тех, кто общался с Хо Ши Мином, производили его редкостная простота и скромность. За долгие годы борьбы он привык к суровому, спартанскому образу жизни, и ничто не было так чуждо его характеру, как стремление к роскоши. В беседах с друзьями он любил вспоминать о трудной, но полной романтики жизни в горных пещерах Вьетбака накануне Августовской революции и в долгие годы первой войны Сопротивления, когда он укрывался в джунглях в бамбуковых хижинах без стен, доступных всем ветрам. Ему всегда была по душе эта простая жизнь среди народа, где он делил пищу с крестьянами и солдатами и спал с ними под одной крышей. Такую же простую жизнь Хо Ши Мин старался вести и после победы, до самых последних своих дней.

От его облика исходило животворное душевное тепло, которым он щедро делился с теми, с кем связывала его совместная революционная, партийная работа. Он относился к категории людей, которых чужие страдания и горести ранят больше, чем собственные. Один из соратников Хо Ши Мина по Союзу колониальных народов, уроженец Антильских островов Блонкур, вспоминал, как «однажды, узнав о варварских репрессиях французских колонизаторов в Дагомее, он возмущился до глубины души и страдал так, будто все это произошло во Вьетнаме, с его народом»²⁰. Многие зарубежные представители, встречаясь с Президентом Хо Ши Мином, отмечали, что он чрезвычайно остро воспринимал все, что касалось жизни вьетнамского народа, его страданий и жертв, заметно волновался, когда рассказывал о героизме вьетнамских юношей и девушек, с горечью повторяя: «Погибают самые лучшие».

Одним словом, Хо Ши Мин по праву принадлежит к замечательной когорте революционеров ленинской школы, которые не только восприняли и претворили на практике гениальное ленинское учение, но и своими личными качествами, жизненным примером продемонстрировали огромную притягательную силу коммунистических идей.

Ближайшие соратники Хо Ши Мина — те, кто работал с ним бок о бок долгие годы, — в своих воспоминаниях единодушно отмечают его талант руководителя и организатора, такие присущие ему замечательные качества, как полная самоотдача делу, максимальная ответственность за его выполнение, оперативность и деловитость, простота в обращении с товарищами по партии и в то же время требовательность, тесный контакт с местными жителями и целенаправленная работа с ними (в предреволюционные годы и в годы первой войны Сопротивления). Одним словом, Хо Ши Мину была в полной мере присуща совокупность всех тех качеств партийного руководителя, которые мы сегодня называем ленинским стилем работы.

Хо Ши Мину была присуща неиссякаемая энергия, он был в полном смысле этого слова человеком действия. Основным жизненным принципом его стали известные слова К. Маркса: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»²¹. Как революционер-практик он ощущал не только потребность, но и необходимость действовать, чтобы помогать тем, кто борется, и будоражить тех, кто смирился с положением подневольных рабов. В 1919 г. он направил в адрес Парижской мирной конференции «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа», хотя «старые патриоты» и отвергали его, считая это бесполезным. Однако эта акция произвела в Париже впечатление разорвавшейся бомбы и привлекла внимание французской демократической общественности к страданиям народов Индокитая.

Куда бы ни забрасывала его судьба, если там были его соотечественники, он тутчас же открывал политические курсы для подготовки революционных кадров. Большинство руководителей КПВ и СРВ учились у Хо Ши Мина на политических курсах либо в Кантоне (в 1925—1927 гг.), либо на севере Вьетнама во Вьетбаке (в 1941—19445 гг.). Многие вьетнамских коммунистов он лично направил в 20—30-х годах на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве.

Среди вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин считался непревзойденным мастером такой сложной и абсолютно обязательной в революционном деле науки, как конспирация. Первые навыки ее он приобрел еще в 20-х годах на партийной работе во Франции, где ни один эмигрант из колоний, как правило, не оставался без надзора со стороны тайной полиции. Настоящую же школу конспирации он прошел в Коминтерне под руководством заведующего орготделом ИККИ О. Пятницкого. Скрываясь от преследований, он сменил почти два десятка имен и псевдонимов, среди которых затерялась настоящая его имя, которое дали ему при рождении, — Нгуен Шинь Кунг.

Хо Ши Мин настолько умел запутывать агентов колониальной охранки, которым было поручено следить за каждым его шагом, что они иногда переставали даже верить в его существование. Так, в начале 40-х годов агент Сюрте генераль в севе-

²⁰ Вас Но о Phap. Ha-noi, 1975, с. 49.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 111.

ровьетнамской провинции Каобанг информировал свое ведомство в Ханое, что по слухам, циркулирующим среди местных жителей, в горах появился революционный вожак по имени Хо Ши Мин, однако некоторые считают, что это Нгуен Ай Куок (основное партийное имя Хо Ши Мина в 1919—1942 гг.). На это агенты ответили, что указанные слухи не имеют под собой никаких оснований, так как «доподлинно известно», что Нгуен Ай Куок умер еще в 1932 г. в гонконгской тюрьме.

Многие ветераны КПВ вспоминают, что Хо Ши Мин постоянно напоминал о необходимости строжайшего соблюдения законов и методов конспирации, без чего не может быть настоящего революционера. Благодаря в первую очередь усилиям Хо Ши Мина колониальной охранке ни в предреволюционные годы, ни в годы войны Сопротивления так и не удалось обнаружить местонахождение руководящего штаба революции и правительства ДРВ. На неуловимость «вьетконговского штаба» — руководства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама «жаловались» и американские «специалисты по противопартизанским действиям», которые на протяжении всей своей агрессивной войны во Вьетнаме не раз предпринимали безуспешные попытки его захвата и уничтожения.

Хо Ши Мин был одаренной творческой личностью. Теоретик партии, публицист, журналист, поэт. Его политические труды «Суд над французским колониализмом» (1925) и «Путь революции» (1926) оказали большое воздействие на революционный процесс в Индокитае. В первом из них автор беспристрастно разоблачал преступление колонизаторов, во втором наметил конкретные пути освобождения индокитайских народов от колониального ига. Хо Ши Мина называют во Вьетнаме основоположником вьетнамской революционной литературы. Свое художественное кредо он ярко выразил в двух поэтических строчках, написанных в тюремных застенках: «Пускай стихах звенит и блещет сталь. Поэт — боец, других друзей ведущий!» Его цикл стихов «Тюремный дневник» переведен на многие языки мира, в том числе и на русский.

Хо Ши Мин отличался энциклопедической образованностью, свободно владел несколькими языками. Анатоля Франса он читал на французском, Шекспира — на английском, Лу Синя — на китайском, в Советском Союзе выступал с речами на русском языке.

Марксизм-ленинизм учит, что ни один класс в истории не достигал господства, если не выдвигал своих политических вожаков, или, говоря словами В. И. Ленина «наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»²². Роль вождей, способных организовать движение и руководить им, выработать политику своего класса, особенно возрастает на решающих этапах развития революции. Все эти общие положения, разумеется, относятся и к Хо Ши Мину. Наряду с ними Хо Ши Мину были присущи некоторые дополнительные особенности, которые придали еще большую исключительность его месту и роли в истории вьетнамской революции.

Вьетнамская революция развивалась в условиях крайней политической и культурной отсталости масс, печать которой несли на себе, естественно, и те передовые представители трудящихся классов, которые активно включались в революционную борьбу. Хо Ши Мин, первый вьетнамский коммунист, овладел основами марксистско-ленинского учения во Франции и Советской России, изучил опыт Великой Октябрьской революции, деятельности ВКП(б) и ФКП, два десятилетия он являлся активным деятелем Коминтерна, наконец, был человеком высокой образованности, хорошо знакомым с культурными достижениями как Востока, так и Запада. Все это позволяло ему, с одной стороны, постоянно сверять деятельность партии вьетнамских коммунистов с марксизмом-ленинизмом, с многообразным опытом ВКП(б) и других коммунистических партий, быть непосредственным проводником благотворного, направляющего воздействия Коминтерна, с другой стороны — вносить, если можно так выразиться, творческое, интеллектуальное начало в деятельность партии вьетнамских коммунистов. В целом о Хо Ши Мине можно сказать, и это отмечают многие его соратники²³, что он был великолепным, поистине искусным пропагандистом революционного марксистско-ленинского учения среди отсталых слоев вьетнамского населения, демонстрируя необычайную силу убеждения и максимальную доходчивость агитационно-пропагандистской работы.

Для деятельности Хо Ши Мина характерно органическое сочетание национальных и классовых интересов, нерасторжимое единство общепатриотических идеалов с идеями социализма и коммунизма, что объяснялось прежде всего характером вьетнамской революции — национально-освободительной революции, перераставшей в социалистическую. Еще в своей брошюре «Путь революции» Хо Ши Мин, исходя из того, что будущая марксистско-ленинская партия во Вьетнаме должна решить прежде всего задачу свержения господства колонизаторов, расширил ленинское положение о соединении рабочего движения с социализмом, ввел общенациональные элементы патриотизма. В условиях Вьетнама, где подавляющая часть нации страдает от колониального гнета и жаждет освобождения, указывал он

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 24.

²³ См. Dâu nguôn. Ha-poi, 1975.

патриотизм приобретает народный и классовый характер, поэтому коммунисты должны взять его на вооружение при разработке своей стратегии и тактики²⁴.

Это важное положение, высказанное Хо Ши Мином на заре вьетнамской национально-освободительной революции, стало с той поры ведущим, определяющим в его практической революционной работе, сделало его в глазах вьетнамцев подлинным символом великой национальной солидарности.

Всю свою жизнь Хо Ши Мин считал себя «солдатом, идущим в бой по велению народа», верным его слугой. Его образ мыслей и действий в концентрированном виде нашел свое воплощение в крылатых словах «верность родине, любовь к народу», которые он считал мерилем всякого подлинного патриота-революционера.

Оставаясь всегда на классовых позициях — на позициях рабочего класса, Хо Ши Мин вместе с тем умел привлечь на свою сторону самые широкие круги патриотически настроенных представителей национальной буржуазии, помещиков, буржуазно-феодальной интеллигенции, что позволяло на наиболее трудных этапах вьетнамской революции противопоставлять внешним врагам достаточно широкий национальный союз вьетнамского народа. Многие представители буржуазно-феодальной интеллигенции Вьетнама отмечают, что они примкнули к революции под воздействием выдающейся личности Хо Ши Мина, в котором они увидели прежде всего надежду на будущее национальное освобождение и возрождение Вьетнама.

Значение деятельности Хо Ши Мина, как и возглавлявшейся им почти четыре десятилетия Коммунистической партии Вьетнама, давно уже переросло национальные рамки. К революционной практике Хо Ши Мина и КПВ обращают взоры в первую очередь революционеры тех стран Азии, Африки и Латинской Америки, где ведется или еще только предстоит решительная борьба за национальное и социальное освобождение народных масс, за демократию и социализм. Очень точно и емко сказал о Хо Ши Мине Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди, охарактеризовавший его как «символ коммунистической мудрости в Азии»²⁵.

Свет, исходящий от Хо Ши Мина, приобретает сегодня еще большую яркость на фоне позорной измены делу пролетарской революции, интересам трудящихся со стороны Мао Цзэдуна, «учение» которого пекинская пропаганда и кое-кто на Западе пытаются выдать за современный марксизм-ленинизм, но которое на самом деле стало синонимом капитулянтства, союза с империализмом и реакцией, разнузданного антисоветизма и антикоммунизма.

В последнее время китайская печать, развернув оголтелую антивьетнамскую кампанию, пытается в неблагоприятных целях спекулировать светлым именем Хо Ши Мина, называя его в противовес руководству СРВ «борцом за вьетнамо-китайскую дружбу». Это не что иное, как попытка поставить факты с ног на голову.

Будучи великим интернационалистом, Хо Ши Мин, конечно же, выступал за дружбу с китайским народом, как выступают за нее и соратники Хо Ши Мина, весь вьетнамский народ. Но он, как никто другой, умел распознавать имперскую, великоханьскую сущность китайских гегемонистов.

В 1945 г., когда Вьетнам до 16-й параллели был оккупирован чанкайшистскими войсками и одновременно создавалась опасность возвращения французских колонизаторов, в правительстве ДРВ шла острая дискуссия о том, какой враг более опасен, какую избрать тактическую линию. Часть членов правительства предлагала просить военной поддержки у гоминьдановского Китая, чтобы помешать возвращению Франции во Вьетнам. На одном из заседаний Хо Ши Мин подверг эти предложения резкой критике. «Понимаете ли вы, что произойдет, если китайцы останутся? — сказал он. — Неужели вы забыли нашу историю? Если китайцы приходили, то они оставались на тысячу лет. Французы... они смогут остаться лишь на некоторое время, но в конечном счете должны будут уйти... Если же останутся китайцы, то они никогда не уйдут»²⁶. Точно так же и в 60е годы, когда американская агрессия во Вьетнаме достигла самой опасной точки, Хо Ши Мин решительно отвергал какую бы то ни было возможность приглашения во Вьетнам китайских регулярных войск, хотя такие предложения ему делались.

Со стремлением маоистов поучать вьетнамцев (в лексиконе нынешних руководителей Китая это слово приобрело новый, злобещий оттенок — «проучить») Хо Ши Мин столкнулся еще на заре своей революционной деятельности. В 1927 г., находясь в Кантоне, Хо Ши Мин на встрече с одним из руководящих деятелей КПК обратился с просьбой помочь вьетнамским революционерам, которых тогда много эмигрировало в Южный Китай, в создании в Кантоне собственной коммунистической ячейки. На это представитель КПК высокомерно ответил, что во Вьетнаме пока нет условий для создания и деятельности коммунистической партии, поэтому те, кто хочет бороться за дело коммунизма, пусть вступают в КПК²⁷.

В 1954 г. на совещании в Женеве глава делегации КНР Чжоу Эньлай нанес незаживающую рану Хо Ши Мину, когда без согласия на то правительства ДРВ вступил

²⁴ См. Р. Т. Намин. Важная веха в истории распространения идей В. И. Ленина во Вьетнаме. — «Научный коммунизм», 1974, № 3, с. 110—116.

²⁵ См. Е. Кобелев. Хо Ши Мин. М., 1979, с. 263.

²⁶ В. Fall. Last reflection on a war. New York, 1967, p. 85.

²⁷ См. А. Б. Резников. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. М., 1978, с. 199.

в прямые переговоры с французской делегацией и предложил решить вьетнамский вопрос путем раздела Вьетнама на две части. Хо Ши Мин, высшим смыслом жизни которого была борьба за свободный и единый Вьетнам, жил с этой раной все последующие годы, всеми помыслами его владело страстное желание добиться освобождения отторгнутого Юга страны, объединения родины на социалистических началах.

Хо Ши Мин тяжело переживал трагическое для судеб Китая перерождение его руководства, его измену марксизму-ленинизму. У него вызывал в прямом смысле слова отвращение уродливый культ личности Мао Цзэдуна. В одной из своих статей по вопросам революционной морали и борьбы против индивидуализма, написанной незадолго до кончины, Хо Ши Мин указывал, что, если болезнь индивидуализма поражает партийного руководителя, это приводит к тяжелым последствиям для партии и народа, наносит урон делу революции²⁸. Эти слова Хо Ши Мина были восприняты вьетнамскими коммунистами как недвусмысленная критика Мао Цзэдуна и его антинародной политики.

* * *

Имя великого сына вьетнамского народа товарища Хо Ши Мина в Советском Союзе известно каждому. Советским людям образ Хо Ши Мина особенно дорог и близок потому, что великий патриот Вьетнама был большим другом нашей страны, с любовью относился ко всему, что связано с Октябрьской революцией, с В. И. Лениным. В 1923 г. он впервые приехал в Советскую Россию, чтобы прежде всего увидеться с В. И. Лениным, в учении которого он нашел единственный и верный путь к освобождению родного народа. Но эта встреча не состоялась. «Мне так и не довелось встретиться с Лениным, и это было самой большой горестью в моей жизни...»²⁹ — вспоминал Хо Ши Мин. В траурные январские дни 1924 г. среди многочисленных откликов зарубежных друзей на кончину вождя мировой революции появилась и статья за подписью Нгуен Ай Куока. «При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком, — писал в ней Хо Ши Мин. — Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции. Ленин живет в наших делах, он бессмертен»³⁰.

Позднее в статье «Ленин и Восток», опубликованной в газете «Гудок» в день второй годовщины со дня смерти В. И. Ленина, Хо Ши Мин дал развернутое понимание им международного значения ленинизма, универсального характера этого революционного учения всех борцов за национальное и социальное освобождение. Появление ленинского учения имело для народов колоний непреходящее значение, подчеркивал он, так как открыло «новую, подлинно революционную эпоху в колониальных странах». Ленин, отмечал Хо Ши Мин, «первым решительно осудил все предрассудки по отношению к колониальным народам, въевшиеся в кровь и плоть многих европейских и американских рабочих... первым понял и подчеркнул колоссальную важность для мировой революции правильного разрешения колониального вопроса... вовлечения колониальных народов в революционное движение», без участия которых «социальная революция немислима». Именно там, где последовательно осуществляется ленинская тактика, коммунистическим партиям удается вовлечь в революционное движение «все то лучшее и активное, что есть в колониях». Ленинский подход к сложнейшему национальному вопросу, его практическое решение в Советской России, подчеркивал Хо Ши Мин, являются «самым мощным орудием пропаганды в колониальных странах».

Хо Ши Мин напоминает в своей статье, как внимательно, заботливо относился В. И. Ленин к представителям колониальных и угнетенных стран Востока, с которыми встречался, как умел вникать в самые сложные, чисто местные условия их работы. «Каждый из нас, — писал Хо Ши Мин, — имел достаточно времени, чтобы десятки раз убедиться, насколько он был прав в своих суждениях и как ценны были его указания»³¹.

Этим ленинским указаниям, всепобеждающим идеям ленинизма Хо Ши Мин был верен всю свою жизнь. Свои действия и политику возглавляемой им партии он постоянно сверял с бесценным ленинским опытом, ища и находя в нем ответы на многие встававшие во весь рост вопросы. Ленинизм — это «солнце, озаряющее наш путь к конечной победе, к социализму, к коммунизму»³², указывал Хо Ши Мин. Верность вечно живому ленинскому учению и сегодня ведет Коммунистическую партию Вьетнама, вьетнамский народ от победы к победе.

За годы революционной деятельности Хо Ши Мин трижды побывал в Советском Союзе — в 1923—1924, 1927—1928 и 1934—1938 гг. В общей сложности он провел в нашей стране, где поистине обрел вторую родину, более шести лет. Эти годы оставили неизгладимый след в его памяти, навсегда сделали его верным другом советского народа. Всю свою последующую жизнь в бегах с товарищами, в лекциях, газетных статьях, в выступлениях с трибун съездов, конференций, митингов он всемерно пропагандировал достижения нашей страны, призывал к единению с советским народом, под-

²⁸ См. Hồ Chí Minh. Vi doc lap..., s. 324.

²⁹ Almanach de l'Humanité, p. 13.

³⁰ Хо Ши Мин. О Ленине..., с. 5.

³¹ «Гудок», 21.1.1926.

³² Хо Ши Мин. О Ленине..., с. 191.

черкивал «веру в несокрушимость Советского Союза — оплота революционного движения и борьбы за мир во всем мире»³³.

Хо Ши Мин был активным поборником вьетнамо-советской дружбы. Он был твердо убежден, что братская дружба и сотрудничество с Советским Союзом являются не только важным фактором успешного строительства социализма в ДРВ и борьбы вьетнамского народа в защиту своей свободы и независимости от посягательств сил империализма и реакции, но и отвечают интересам всего социалистического содружества, интересам борьбы за мир, демократию и социализм во всем мире. «Перед лицом империалистов, пытающихся продлить существование своего ненавистного всем народам и уже пошатнувшегося строя, мы, революционеры всех стран, — подчеркивал Хо Ши Мин, — должны всемерно и ежечасно укреплять свое единство вокруг СССР и Коммунистической партии Советского Союза»³⁴.

Он всегда видел в нашей стране самого близкого друга и соратника борющегося Вьетнама, справедливо считал его надежным оплотом вьетнамского народа в борьбе за независимость и свободу. До конца своих дней Хо Ши Мин подчеркивал: вьетнамский народ никогда не забудет, что его победы неотделимы от огромной помощи Советского Союза.

Знаменательно, что одной из его последних печатных работ стала статья в газете «Правда», посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Каждая ее строка проникнута горячими чувствами дружбы и братства великого сына Вьетнама, всего вьетнамского народа к Советской стране. «...Вьетнамская пословица гласит: «Когда пьешь воду, вспоминаешь об источнике», — писал он. — ...Идя по пути, указанному великим Лениным, по пути Октябрьской революции, вьетнамский народ содержит огромные победы. Именно поэтому у него столь глубоки чувства признательности и благодарности к славной Октябрьской революции, к великому Ленину и к советскому народу»³⁵.

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ неизменно отвечали любовью и уважением к Хо Ши Мину, высоко оценивали его неутомимую деятельность на благо вьетнамского народа, во имя торжества революции, во имя мира во всем мире. «Всю свою замечательную жизнь, весь свой талант революционера, — подчеркивалось в послании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Советского правительства, направленном вьетнамским руководителям в связи с кончиной Хо Ши Мина, — товарищ Хо Ши Мин отдал делу борьбы за светлое будущее своего народа, за торжество марксизма-ленинизма... Кипучая энергия товарища Хо Ши Мина, его железная воля, несокрушимое мужество и вместе с тем — простота и человечность сникали ему глубокую любовь и уважение во Вьетнаме, в Советском Союзе, коммунистов и прогрессивных людей всего мира»³⁶.

Сегодня советско-вьетнамская дружба, у истоков которой стоял Хо Ши Мин, стала еще прочнее и глубже. Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, подписанный 3 ноября 1978 г. в Москве, положил начало новому этапу в развитии братских всесторонних отношений между двумя нашими странами, определил на длительную перспективу основные направления взаимодействия и сотрудничества двух социалистических государств в интересах мирного созидательного труда наших народов, в интересах социалистического и коммунистического строительства.

«Великие вожди революции, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — заложили основы наших государств, дали решающие импульсы их развитию и начертали наш курс — Владимир Ильич Ленин в Советской России и Хо Ши Мин во Вьетнаме. Мы с гордостью можем сказать, что верно следуем этому курсу»³⁷.

³³ Хо Ши Мин. Обращения, т. 3. Ханой, с. 265.

³⁴ Хо Ши Мин. О Ленине., с. 150.

³⁵ «Правда», 28.X.1967.

³⁶ Там же, 5.IX.1969.

³⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 503.

Дело Дэн То: реабилитация или присвоение авторитета?

*А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

В КНР объявлено о реабилитации Дэн То. Его портрет в траурной рамке помещен на страницах «Жэньминь жибао» от 6 сентября 1979 г. Траурный митинг проведен на кладбище Бабаошань близ Пекина. Официально сообщается, что Дэн То «скончался с несмытой обидой 18 мая 1966 г. в возрасте 54 лет из-за преследования со стороны Линь Бяо, «банды четырех» и их советника», то есть Кан Шэна. О Мао Цзэдуне при этом не сказано ни слова, будто в 1966 г. его уже не было в живых.

Реабилитация Дэн То — не единичный случай. Посмертно реабилитировали и других деятелей культуры, павших жертвами маоистской «культурной революции». Но реабилитация Дэн То дает возможность особенно наглядно представить мотивы, которые вынуждают пекинское руководство реабилитировать некоторых пострадавших, цели этой акции.

В 1966 г., в самом начале «культурной революции», маоисты убили Дэн То, и это не было случайностью, они считали его своим врагом и притом опасным. Дэн То был не только крупным партийным и государственным деятелем КНР, но и выдающимся ученым-историком, одаренным литератором-публицистом, разносторонне талантливым человеком. Произведения Дэн То продолжали жить после его гибели, известность — расти. Его читали не только на китайском языке, но и в переводах на японский, немецкий, русский...

Популярность имени Дэн То осложняет положение тех, кто несет ответственность за его гибель. Репутация убийц инкогно не прельщает. В Пекине стали подумывать о реабилитации Дэн То. Однако ни о ка-

ком раскаянии не может быть и речи. Налицо политический маневр, возможный и необходимость которого появилась была осознана вслед за кризисом руководства в октябре 1976 г., смещением «верхи» особо приближенных к Мао Цзэду объявили ответственными за эксцессы «культурной революции», в том числе за гибель Дэн То. Более того, отрицая зорную причастность к его убийству, тайское руководство вознамерилось изобразить Дэн То чуть ли не своим преемником и единомышленником, потратить себе на службу его славу и добрую имя и даже его смерть.

Дэн То погиб под шумный аккомпанемент «критической» кампании, китайские газеты обрушились на него с бранью и клеветой. Теперь все выглядит как портрет Дэн То смотрит на читателей страниц «Жэньминь жибао», о нем говорят и пишут в уважительном тоне, решают друзьям и родственникам отказать скорбеть об утрате. Однако идеологическая позиция Дэн То, его литературная деятельность, его взгляды извращаются, а казний почет должен лишь придать длительность легенде. Замалчивание заслуг для нового руководства фактически жизни и творчества Дэн То служит в тех же целях. Подобная «реабилитация» существованию, больше похожа на присвоение его заслуг и авторитета.

Для того чтобы лучше разобраться в истинной позиции Дэн То, его деятельности и мотивах, которые сейчас умышленно искажаются, следует хотя бы попытаться проследить его жизненный путь.

Дата рождения Дэн То в китайских источниках пока нам не встретилась. В год гибели ему было 54 года, следовательно, он родился в 1912 г. Первый секретарь пекинского горкома Линь Хуншань в траурной речи сказал: «Товарищ Дэн То родом из уезда Миньхоу провинции Фуцзянь. Он с юных лет посвятил себя делу революции, в 1930 г. вступил в Лигу молодых ученых социальных наук и в том же году вступил в Коммунистическую партию Китая. Зимой 1933 г. он участвовал в борьбе Фуцзяньского народного правительства против Чан Кайши. Еще до начала войны сопротивлялся Японии он участвовал в антияпонском движении за спасение родины и в 1937 г. пробрался в пограничный район Шаньси — Чахар — Хэбэй, где работал заместителем заведующего отделом пропаганды бюро ЦК, секретарем парт-

низации партийной газеты, директором газеты «Цзыньчацзи жибао», заведующим районным отделением агентства Синьхуа, заведующим отделом политических исследований Северокитайского бюро ЦК, заведующим экономической группой в отделе политических исследований. После освобождения Пекина товарищ Дэн То стал заведовать отделом пропаганды и отделе-м политических исследований пекинско-го горкома, в 1950 г. стал главным редактором и директором газеты «Жэньминь жибао». В 1958 г. был переведен на работу секретаря пекинского горкома КПК по вопросам культуры и образования и стал главным редактором теоретического органа пекинского горкома «Цяньсянь». С 1960 г. одновременно являлся работником секретариата Северокитайского бюро ЦК КПК»¹.

Добавим, что на посту главного редактора газеты «Жэньминь жибао», центрального органа КПК, Дэн То оказывал противодействие маоистскому курсу, что привело к его смещению в 1958 г. В начале 60-х годов, оставаясь секретарем пекинского горкома, Дэн То стал выступать в пекинских изданиях (газетах «Бэйцзинь жибао» и «Бэйцзинь жибао», а также журнале «Цяньсянь») с публицистикой. Она имела большой успех у читателей и вызвала ненависть маоистов. Публицистика Дэн То была направлена против антисоветского курса Мао Цзэдуна, против маоистского догматизма, системы «идей Мао Цзэдуна», а в форме язвительных замечаний по поводу поэтического «творчества» и некоторых личных качеств Мао Цзэдуна — против нараставшего в КНР культ личности Мао Цзэдуна. За это маоисты во время «культурной революции» и осудили Дэн То, хотя главный обвинитель Яо Вэньюань не решился буквально припронести святотатственные покушения публициста на личность «великого вождя».

В начале процесса реабилитации Дэн То китайская печать косвенно признавала, что гибель Дэн То была связана с политической публицистикой. «Можно было нельзя критиковать и осуждать по-прежнему данного момента — вот вопрос, который надо выяснить при оценке «Вечерних бесед в Яньшани». Товарищи редакторы из издательства «Бэйцзинь» говорят, некоторые фельетоны из «Вечерних бесед в Яньшани» действительно имели фактическую основу, написаны не без оснований»². Сейчас изображают Дэн То главным учеником и последователем Мао Цзэдуна, выдают его за правоверного маоиста. Для этого замалчиваются все прежние обвинения против Дэн То времени «культурной революции», которые касались его высказываний относительно личности Мао Цзэдуна. Особо подчеркивается преданность Дэн То к Мао Цзэдуну в 1944 г., еще до победы в гражданской войне и образования КНР, когда Дэн То,

естественно, еще не выступал против антисоветского авантюристического курса Мао Цзэдуна. В упомянутой траурной речи справедливо отмечалось, что «в 1944 г. под руководством бюро ЦК погранрайона Шаньси — Чахар — Хэбэй под редакцией товарища Дэн То были изданы впервые в Китае «Избранные произведения Мао Цзэдуна», которые сыграли большую роль в распространении идей Мао Цзэдуна»³. Многое потом изменилось в позиции Дэн То, и прежде всего его отношение к «идеям Мао Цзэдуна» военного времени, к тем его сочинениям, которые он сам редактировал и издавал в 1944 г. В более поздней публицистике Дэн То можно найти прямые свидетельства этого изменения и отхода от «идей» под влиянием сложившейся в стране обстановки. «Сейчас наша жизнь не имеет ничего общего с условиями военного времени или периода японской оккупации», — написал Дэн То в фельетоне «Поговорим о разведении собак»⁴, где в качестве примера избрал упадок мясного собаководства в первые годы КНР. «Тому немало разных причин, но одна из них, возможно, связана со специфическими особенностями жизни в условиях затяжной войны в недавнем прошлом. Вспоминаю, как на партизанской базе в центральном Хэбэе, расположенной на северокитайской равнине, еще в самом начале антияпонской войны каждый раз, когда наши партизаны или подпольщики действовали против опорных пунктов или коммуникаций противника, собачий лай выдавал их врагу. Армия и население Хэбэя поэтому начали массовое истребление собак. С течением времени люди перестали держать собак, дошло даже до крайности: собака стала редким животным». Так публицист высмеял догматизм маоистской политической линии. Сам автор был уже полностью свободен от догматов маоизма. «Существует же объективный критерий истины!» — воскликнул он в предисловии к четвертому выпуску своих фельетонов, датированному 23 июля 1962 г.

Творчество Дэн То показывает каждой своей строкой, что с 1944 г. его убеждения переменились в главном: в отношении к Мао Цзэдуну. Уже в середине 50-х годов Дэн То понял гибельность маоистского политического курса для строительства новой жизни в Китае, поэтому к началу «культурной революции» маоисты рассматривали Дэн То как своего смертельного врага, желали его гибели и добились своего. Пострадавший во время «культурной революции» Линь Мохань, который в 1966 г. занимал посты заместителя министра культуры КНР и заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, теперь вспоминает: «Я никогда не забуду, как в мае 1966 года на одном из заседаний было оглашено известие о смерти Дэн То, и я всем сердцем ощутил боль,

³ «Жэньминь жибао», 6. IX. 1979.

⁴ Дэн То. Вечерние беседы в Яньшани. М., 1974, с. 111.

¹ «Жэньминь жибао», 6. IX. 1979.

² «Гуаньмин жибао», 10. II. 1979.

а на лицах Линь Бяо, Чэнь Бода и их «советника» заиграла жестокая усмешка»⁵.

Отношение к Мао Цзэдуну стало главной проблемой сегодняшней реабилитации Дэн То. Каким оно было в действительности? Каким изображают его сегодня в китайской печати?

В одной из первых статей о «Записках из Села Трех», написанных литературной группой, в которую входил Дэн То, и о «Вечерних беседах в Яньшани» автор из «Жэньминь жибао» Жэнь Вэньпин попытался создать впечатление, будто публицистическая деятельность Дэн То в 1961—1962 гг. была вызвана и стимулирована самим Мао Цзэдуну: «ЦК партии созвал расширенное рабочее совещание ЦК, на котором подвел итоги партийной работы по строительству государства за тринадцать лет. Товарищ Мао Цзэдун на совещании призвал развивать социалистическую демократию. Речь товарища Мао Цзэдуна одним махом смела душливую атмосферу в политической жизни нашей страны... Воодушевленный этим обновлением политической атмосферы, товарищ Дэн То, продолжая использовать свободное от работы время, написал свыше пятидесяти фельетонов для «Вечерних бесед в Яньшани» и восемнадцать для «Записок из Села Трех»⁶. Однако приписать Мао Цзэдуну покровительство и поощрение творчества Дэн То оказалось не так-то просто. Сам Жэнь Вэньпин был вынужден признать, что после речи Мао Цзэдуна работа над фельетонами не началась, а была продолжена. И в самом деле, свою публицистику Дэн То начал печатать, за год до выступления Мао Цзэдуна о «социалистической демократии», что вынужден признать как очевидный факт и Жэнь Вэньпин. Изобразить Мао Цзэдуну вдохновителем публицистики Дэн То оказалось делом невозможным.

Во время «культурной революции» в многочисленных статьях в китайской печати открыто утверждалось, что Дэн То выступал против Мао Цзэдуна. Тогда маонисты называли Дэн То «предателем», ошельмовали его и погубили. «Товарищ Дэн То испытал на себе бесчеловечное обращение и надругательство, ему не была гарантирована даже элементарная личная безопасность», — признает теперь «Гуанмин жибао»⁷. И одновременно китайская печать, не заботясь о логике, утверждает, будто Дэн То сам был маонистом: «Линь Бяо и «банда четырех», чтобы скомпрометировать людей, упрямо приписывали Дэн То преступление, выразившееся в «борьбе против председателя Мао», оклеветали его, назвав «предателем». Но хоть они и брызгали клеветой и на время заглушили всех, как бы они ни извращали историю, марая ее грязью, им не истребить железное свидетельство, окропленное кровью полуживого товарища Дэн

То: товарищ Дэн То был активным пропагандистом идей Мао Цзэдуна, многие из них он исходил из основных принципов мировоззрения марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна»⁸.

С одной стороны, китайские пропагандисты отрицают антимаонистскую направленность публицистики Дэн То, изображая борьбу маонистов с ним чуть ли не личное, личное дело. А с другой стороны, оглупляя и ругая Яо Вэньюаня и других приближенных в те годы к Мао Цзэдуну, нынешняя пропаганда не приводит никаких аргументов и не опровергает их. Опровергнуть антимаонистскую направленность публицистики Дэн То просто невозможно. Дэн То был действительным марксистом-ленинцем и пропагандистом учения Маркса и Ленина. Дело Дэн То было своим последствием организационных измышлов, в результате чего руководство партийного горкома во главе с Пэн Чжэнь было смещено. Его использовали в борьбе за власть, которая всегда происходила в маонистском Китае и всегда вела к человеческим судьбам.

Дочь Дэн То тоже опубликовала странную статью «Воспоминания о моем отце Дэн То». Дэн Юнь описывает душевные терзания, выпавшие на долю семилетнего человека, публично ошельмованного маонистами. В то же время Дэн Юнь заявляет, что ее отец якобы «был искренне послушен», хотя и «не поклонялся слову Мао Цзэдуна»⁹. Упомянув об издании в том же году «Избранных произведений» Мао Цзэдуна в 1944 г., Дэн Юнь далее сообщает: «Папа превосходно владел каллиграфией. На витрине магазина Жуньшань на улице Ванфуцзин было выставлено переписанное папой стихотворение председателя Мао „Мань цзян хун“». Ответ товарищу Го Можо». Эти знаменитые пренеполненные глубокого чувства, значительные и крепкие, были начертаны не пером, а папиной кровью сердца. Мы не знаем, написаны ли эти слова пером или современными маонистскими журналистами, но знаем, что самого себя Дэн То не берег и шел на риск, смертельную опасность с открытыми глазами. Назовем его стихи: «Не говори, что книжки впустию рассуждают: их срубленные головы оставили кровавый след»¹⁰.

Раз решившись на антимаонистское выступление в печати, Дэн То не боялся последовательным. В своих фельетонах он подверг обличению «идеи Мао Цзэдуна», его политическую линию, его личность и даже его поэтические претензии. В связи с выступлением Дэн Юнь не мешает напомнить о фельетоне 1961 г., в котором Дэн То писал о стихотворении старой и новой формы в китайской поэзии тех лет: «Каков у нас уровень поэзии старых форм? Кроме произведений

⁵ «Жэньминь жибао», 4. VI. 1979.

⁶ Там же, 22. II. 1979.

⁷ «Гуанмин жибао», 10. II. 1979.

⁸ «Жэньминь жибао», 27. II. 1979.

⁹ «Гуанмин жибао», 18. V. 1979.

¹⁰ Там же, 7. IX. 1960.

скольких руководящих товарищей, если говорить в общем, положение очень неблагоприятное. Самое выдающееся явление — у некоторых авторов стихи старых форм не укладываются в размер. А значит, вызывают сомнения. Вдобавок их поэтичность весьма слаба, что вызывает еще больше сомнений... Если ты используешь размер цы «Мань цзян хун» и не соблюдаешь его размер, то лучше дать какое-нибудь другое название этому размеру, например «Мань цзян хэй», чтобы оно отличалось от «Мань цзян хун»¹¹. Фрония Дэн То касается не только уменьшения пользоваться размером. Название размера-мелодии «Мань цзян хун» можно передать по смыслу приблизительно как «Вся река красна», а предложенное Дэн То наименование «Мань цзян хэй» — как «Вся река черна». Замена красного черным есть замена революционного реакционным, на что и намекает Дэн То, предлагая новый размер «руководящим товарищам», сочинявшим стихи в старых поэтических формах.

Когда 1 сентября 1963 г. Мао Цзэдун написал собственное стихотворение на мелодию «Мань цзян хун», фельетон Дэн То был не только опубликован в газете, но и вышел в отдельном выпуске «Вечерних бесед в Яньшани», а издание, объединяющее все выпуски его публицистики, вышло из печати в марте 1963 г. Положение Дэн То стало критическим, и, чтобы избежать опасности, он переписал каллиграфически новое стихотворение Мао Цзэдуна для витрины на центральной торговой улице китайской столицы. Такой поступок можно считать разве лишь разумной в китайских условиях предосторожностью, но никак не данью особого уважения.

Публицист в самом резком своем фельетоне назвал «идеи Мао» «идеями всяких шентяев, с которыми можно встретиться в нашем обществе». Варварский смысл «идей Мао Цзэдуна» передан там в обидном виде, недаром сам фельетон озаглавлен «Можно ли поедать знания?»¹².

Нападки Дэн То на «идеи» Мао Цзэдуна были настолько резкими и меткими, что даже во время расправы над ним в 1966 г. маонисты старались не связывать их с именем Мао Цзэдуна, а относили на счет ЦК или партии в целом. В статье Яо Вэньюаня «О «Селе Трех» или реакционная суть «Вечерних бесед в Яньшани» и Записок из Села Трех» фельетон «Можно ли поедать знания?» обойден молча. Вот что писал там Яо Вэньюань в другом фельетоне, всячески избегая упоминать имя главного его адресата — Мао Цзэдуна: «25 июля 1962 года «Село Трех» выступило с самой злостной антикоммунистической статьей «Специфические средства против амнезии». Авторы статьи явно клеветают на ответственных партийных работников, утверждая, что они

якобы страдают «амнезией», «быстро забывают то, что видели и говорили», «не выполняют обещанного, не держат своего слова», отличаются «неуравновешенностью», что «страдающих этой болезнью нужно бить по голове особой палкой, чтобы вызвать состояние „шока“»¹³.

Каждому с первых же слов становится ясно, что автор имел в виду Мао Цзэдуна, который в те годы по политическим мотивам распространял слухи о своей болезни, слабом здоровье и физической немощи: «Много на свете страдающих недугами людей, и много разных болезней, в том числе редких и удивительных. Одна из таких необычных болезней называется амнезией. Горе тому, кто заболит этой болезнью, — от нее трудно избавиться. Страдающие этой болезнью не в силах скрыть ее симптомы. Они быстро забывают увиденное, не помнят сказанного ими самими и даже собственных поступков. Они часто не выполняют обещанного, не держат слова, часто окружающие подозревают таких больных в симуляции психических расстройств и наигранном юродстве, не верят им... Однако трудно сказать, что бывает, когда болезнь достигнет последней стадии. Должно быть, человек сходит с ума или становится идиотом... Необходим немедленный и полный покой, ничего нельзя ни говорить, ни делать. В противном случае быть беде. Согласно современной европейской медицине, во время приступа больного бьют по голове особой палкой, чтобы вызвать состояние шока, а затем вновь приводят в сознание, но к такому способу обычно боятся прибегать... Необходимо выполнять указания квалифицированного врача. Родные больного не должны принимать каких-либо решений, и тем более сам больной ни в коем случае не должен вмешиваться в курс лечения»¹⁴.

Читатели и сам Яо Вэньюань, тогдашний рупор группы Мао Цзэдуна, увидели здесь намек на его личность и на его супругу Цзян Цин, которая «принимала решения». Ненависть маонистов к Дэн То была вполне обоснованной: они боялись разящего сатирического слова публициста.

Теперь китайская пресса делает вид, что фельетоны Дэн То не имели к Мао Цзэдуну никакого отношения, а Яо Вэньюань поступал вопреки логике и здравому смыслу. Тем самым стремятся скрыть правду о политической борьбе Дэн То и его единомышленников против группы Мао Цзэдуна. Вот как трактуются теперь в китайской печати «Специфические средства против амнезии»: «В этом фельетоне товарищ Дэн То процитировал отрывок из книги минского автора Лу Чжо «Продолжение рассказов Айцзы», описал течение амнезии, привел описание различных методов лечения. Поскольку в этом

¹¹ Ма Наньцунь. Вечерние беседы в Яньшани, вып. 1. Пекин, 1961, с. 20—21 (на кит. яз.).

¹² Там же, вып. 4. Пекин, 1962, с. 115—118.

¹³ Великая социалистическая культурная революция в Китае, вып. 1. Пекин, 1966, с. 74.

¹⁴ Дэн То. Вечерние беседы в Яньшани, с. 26—28.

фельетоне не указаны точно ни объект сатиры, ни различия по существу между методами «лечения», то могут предлагаться разные толкования. Яо Вэньюань воспользовался этой шелкой, чтобы надеть колпак на автора, лживо уверяя, будто «статья злобно клеветает на ответственных партийных работников, утверждая, что они якобы страдают «амнезией». Его намерения были крайне злы. На деле социальное явление, о котором говорится в «Специфических средствах против амнезии», а именно: «не выполняют обещанного, не держат слова» — существует объективно. Разве ошибочно подвергать нападкам подобное объективно существующее социальное явление?»¹⁵.

«Жэньминь жибао» просто снимает вопрос о политическом смысле фельетона Дэн То. Опубликованный 25 июля 1962 г. в журнале «Цяньсянь» этот фельетон воспринимался читателем не изолированно, а в широком едином социально-историческом контексте. Политическим фоном ему служил отказ маоистов от сотрудничества с СССР, их «забычивость» в отношении советской помощи Китаю, принявшая такие масштабы, что действительно напоминала заболевание амнезией — редкой и странной болезнью. К этому добавлялись постоянно циркулировавшие слухи о нездоровье Мао Цзэдуна и о том, что важнейшие решения принимает за него Цзян Цин. Через восемнадцать лет можно попытаться изобразить дело так, будто вообще не было никакого накала политических страстей в Китае, и «Жэньминь жибао» идет на это. Мао Цзэдун тем самым оказывается совершенно ни при чем, Яо Вэньюань — всего лишь честолюбец и интриганом, а не рупором влиятельных политических сил, и страдает один лишь Дэн То, который из борца, погибшего в неравной, но правой борьбе, превращается в случайную жертву карьериста Яо Вэньюаня. У Дэн То, правда, продолжают признавать широкую эрудицию и писательское мастерство, но его гражданское мужество и совесть коммуниста будто и не существовали. Заодно и внутривнутриполитической борьбы начала 60-х годов тоже как не бывало. Была только несправедливость, «письменное судилище» в духе китайского средневековья, в котором повинен один честолюбец Яо Вэньюань, а Дэн То стал случайной жертвой. Подобная концепция очень удобна для нынешнего китайского руководства, но не имеет никакого отношения к исторической правде.

Во времена «культурной революции» маоисты беззастенчиво передергивали и искажали факты. Теперь, создавая удобные для себя версии прошлых событий, пекинские руководители поступают осторожнее. Вместо прямой и откровенной фальсификации все чаще прибегают к замалчиванию неприятных фактов, не укладывающихся в официально одобренную схему.

Примером такого замалчивания может

¹⁵ «Жэньминь жибао», 22. II. 1979.

послужить статья Чжан Идэ в газете «Гуанмин жибао». Автор дает контрпримеру печально знаменитой статьи Яо Вэньюаня, погубившей Дэн То, но при этом старается изобразить Дэн То маоистом, а маоиста Яо Вэньюаня — чуть ли не врагом Мао Цзэдуна. Вот как совершается такая вопиющая подтасовка. Речь идет о знаменитом фельетоне «Великое пустозвонство» (им открывается книга фельетонов Дэн То, изданных в русском переводе). Чжан Идэ пишет: «В этом фельетоне товарищ Дэн То взял в качестве примера стихотворение ребенка, желая разъяснить, что слова должны передавать богатое содержание и что нельзя заниматься пустозвонством. Он сказал: «Высокие слова — небо, земля, отец, мать, солнце, луна, ветер с Востока, ветер с Запада, кровитель, враг — приковывают внимание читателя, но все они употреблены не к месту и превратились в пустые штампы. Это сказано очень метко. Товарищ Дэн То требовал, чтобы слова не были пустыми, чтобы не занимались пустозвонством. Исходя из этого требования, Дэн То хотел посоветовать любителям великого пустозвонства: лучше бы вы, друзья, больше читали, побольше думали и меньше говорили, а когда захочется говорить, то немедленно шли бы на покой». Однако Яо Вэньюань прибегает к подлой хитрости и говорит так: «С величайшей любовью он потребовал, чтобы наша партия поменьше говорила, а когда захочет говорить, немедленно шла на покой». Но это значит отправить идеи Мао Цзэдуна «на покой»? Не будет ли это означать широкую разгула ревизионистских идей? Присмотревшись внимательно: товарищ Дэн То сказал, что дает совет «друзьям, любителям великого пустозвонства», а Яо Вэньюань воровски подставляет слова «наш партия» и «идеи Мао Цзэдуна», чтобы цепить на товарища Дэн То ярлык, обвинив в «антипартийности» и «наглой риторике» против идей Мао Цзэдуна». Однако факты не извратить. Упрямо связываем «пустозвонство» с «партией» и «идеями Мао Цзэдуна» и, таким образом, злобно клеветает на идеи Мао Цзэдуна, называя их пустозвонством», вовсе не товарищ Дэн То, а сам Яо Вэньюань!»¹⁷

На первый взгляд, статья защищает Дэн То, но такая защита хуже иных падков. Оказывается, против «идей Мао Цзэдуна» был не погибший Дэн То, а маоист Яо Вэньюань, которого за заслуги в «культурной революции» Мао Цзэдун ввел в узкий круг своих приближенных, которому доверил пост члена Политбюро ЦК КПК. Подстановки в китайской пропаганде, как видим, продолжают. В этом автор статьи, разумеется, замалчивает то, что противоречит его замыслу. Давайте же посмотрим конкретно, о каком «стихотворении ребенка» шла речь в фельетоне Дэн То. Вот эти строки:

¹⁶ Дэн То. Вечерние беседы в Яншани, с. 23—25.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 26. I. 1979.

— наш отец, Земля — наша мать, птица — наша няня, Ветер с Востока — наш покровитель, Ветер с Запада — наш враг». Переводчик этого стихотворения на русский язык здесь был вынужден напомнить советскому читателю, что «стихотворение ребенка» заключает в себе язвительный, сатирический парафраз известного маоцзэдуновского тезиса «Ветер с Востока довлечет над ветром с Запада». Мао Цзэдун Яо Вэньюань на себе ощутил всю силу сатирического удара, отсюда и негодовый, уничижающий запал его статьи против Дэн То в защиту «великого кормчего» Мао Цзэдуна. Сравнительная выступление Яо Вэньюаня со статьей Чжан Идэ, легко решить: кому же из авторов отдать пальму первенства в литературной подлоге? Кто же в Китае в октябре 61 г., когда Дэн То опубликовал свой фельетон, занимался великим пустозвонством? Отметим такой бесспорный факт: в 1961 г. Мао Цзэдун опубликовал свои мысли, и китайская печать взахлеб восхваляла их. Пустозвонство в фельетоне Дэн То неспроста названо «великим». Публицист этим эпитетом указывал на масштаб неадекватности пустопорожней маонистской пропаганды. «Стихотворение ребенка», которое привел Дэн То в фельетоне, он сам прокомментировал весьма многозначительно: «Было ли когда на свете такое слабое стихотворение?! Я должен высказать вам серьезную тревогу за судьбу ребенка, который изо дня в день занимается подобной стряпней... Но встречаются люди, которые превозносят написанные вльбчиком стихи до небес. Мне, во всяком случае, непонятно, из каких соображений они это делают»¹⁹.

Замыслы маонистов накануне «культурной революции» были Дэн То неизвестны, мотивы их поведения публицист не знал, не видел крайнюю опасность маоцзэдуновской политической линии для Китая и его народа. История последующего двадцатилетия показала всем, что опасения Дэн То были не напрасными; скорее, грозившая катастрофа представлялась ему менее реальной и реальной, чем она оказалась действительности.

Отрицание антияоистской деятельности Дэн То — лишь один из примеров литературных передержек в статье о нем. Этого для нынешнего китайского руководства оказалось недостаточно. Китайская печать теперь задним числом стремится обвинить Дэн То за антисоветчика и истолковать его публицистику в антисоветском плане. Любопытно, что если Яо Вэньюань обвиняют в том, что он подставлял известных партийных работников» и идею Мао Цзэдуна» в те места фельетонов, которые в оригинале Дэн То оставались без адреса, то нынешние обвинители Яо Вэньюаня, точно так же, как и Яо, подставляют... СССР в безадресные фельетоны Дэн То. Для читателя дело сводится к такому наглядному примеру:

там, где Яо Вэньюань видел критику маонистской политики, нынешние авторы видят «критику Советского Союза». Эта пропагандистская уловка, мягко говоря, не выдерживает критики, тем более что в КНР отнюдь не все грамотные и пишущие статьи люди заражены антисоветизмом. Речь пойдет об известном фельетоне «Две иностранные басни»²⁰. Вот что писал о нем Жэнь Вэньпин — «открыватель» антисоветизма в творчестве Дэн То: «Две иностранные басни» товарища Дэн То рассматривались Яо Вэньюанем, как «бешеная» черная статья... Статья написана мастерски. Прошло немногим более четырех лет, свидетели еще были, но Яо Вэньюань упорно твердил: «Как злобно эти люди высмеивали курс нашей партии на преодоление трудностей своими собственными силами!» Вонистину, если хочешь кому-то приписать преступление, нечего беспокоиться, что он ничего не говорил»²⁰.

Жэнь Вэньпин в феврале 1979 г. отрицает, что фельетон направлен против маонистов, но до этого китайская пресса писала о том же иначе: «Конечно, в этом фельетоне есть места, уязвляющие таких, как Яо Вэньюань. Например, пересказывая одну из «Басен Эзопа», товарищ Дэн То говорил: «И сегодня то тут, то там такие хвастуны встречаются». А поэтому «эта басня с прежней силой помогает людям разбираться в хитроумных построениях хвастунов и выводить их на чистую воду». Такие слова вполне могли испугать хвастуна и профессионального лгуна Яо Вэньюаня, деятеля геббельсовского типа, вот почему он и набросал крикливые ярлыки, рассчитывая запугать ими, а самому «возвратиться ко двору с победой»²¹.

Чжан Идэ написал это 26 января 1979 г., и не прошло месяца, как Жэнь Вэньпин совершил свое удивительное открытие: хвастун и лгун Яо Вэньюань, оказывается, совсем напрасно принял басню Эзопа на свой счет, ее следовало отнести на счет СССР. До такого открытия не додумался даже сам Мао Цзэдун, расправившийся с Дэн То в 1966 г.

Отношение Дэн То к Советскому Союзу никогда не было загадкой. Во всей его публицистике не только нет ничего антисоветского, но содержится критика антисоветизма китайского руководства. Маонисты прекрасно понимали это и прямо писали об этом. Пример из той же статьи Яо Вэньюаня: «В статье «Законы дружбы и гостеприимства» он разглагольствует о том, что нужно «учиться» у страны, которая «сильнее нашей», «спланиваться» с ней и «радоваться, когда друг сильнее тебя». В статье «От трех до десяти тысяч» он язвительно намекает: «Кто высоко мнит о себе и после первых успехов отпихивает от себя учителя, тот ничему не научится».

¹⁹ Там же, с. 116—118.

²⁰ «Жэньминь жибао», 22. II. 1979.

²¹ «Гуанмин жибао», 26. I. 1979.

¹⁹ Дэн То. Вечерние беседы в Яньпини, с. 25.

Примеров доброго отношения к СССР в публицистике Дэн То множество. В начале 60-х годов Дэн То выделялся среди других деятелей КПК именно открытыми симпатиями к Советскому Союзу, его политическому опыту, к политике КПСС и курсу, проводимому в социалистическом строительстве. Главное — Дэн То открыто говорил о своей истинной позиции тогда, когда все в Китае молчали, скрывая маоистской политикой антисоветизма. Попытка зачислить Дэн То в ряды пекинских антисоветчиков может быть только бездоказательной спекуляцией.

Подлинное значение творчества Дэн То для китайского общества и литературы вопреки усилиям антисоветчиков, все более осознается в самом Китае. В репортаже, посвященном решению о переиздании в КНР книги Дэн То «Вечерние беседы в Яньшани», говорилось: «При переиздании «Вечерних бесед в Яньшани» многие товарищи выдвигали такую точку зрения: печальная судьба этой книги не случайна и вовсе не ограничивается вопросом об оценке одной этой книги. Если проанализировать исторический фон того времени, то можно увидеть, что если в нашей партии и государстве существовала бы нормальная демократическая жизнь, если банда «палочников» не заткнула бы рты, не удушила бы дух, не задавила бы критику и самокритику, то как могло бы возникнуть подобное письменное судилище, ставшее самой мрачной страницей в истории китайской культуры? Этот вопрос еще раз подтверждает: надо развивать демократию, взламывать запретные зоны и только тогда окончательно удастся избежать повторения подобной трагедии. Можно или нельзя критиковать и обсуждать политику своего времени — вот вопрос, который следует выяснить при оценке «Вечерних бесед в Яньшани»».

Действительно, судьба Дэн То и его книги не была случайностью. Дэн То был борцом и вел печатным словом политическую борьбу. Недаром при оценке его книги возникает вопрос: можно ли критиковать маоистскую антинародную политику «своего времени»? Дэн То погиб и его книгу постигла злая судьба именно потому, что он позволил себе критиковать и обсуждать политический курс Мао Цзэдуна.

Как же объяснить сам факт переиздания книги Дэн То и оказанные ему в Пекине посмертные почести? Ответ можно найти на страницах газет: «Товарищ Дэн То был нашим предшественником, он и мы стоим на тех же идеологических позициях», — утверждают теперь в Пекине²². Погубленный группой Мао Цзэдуна коммунист Дэн То не мог стоять на тех же идеологических позициях, что и маоисты, не может считаться последователем и пропагандистом «идей Мао Цзэдуна». Его публицистика не имеет ничего общего с современной политикой пекинского руководства, заигрывающего с империализмом.

В фельетоне «Можно ли поедать знания» Дэн То писал: «Из США пришло сообщение, что недавно в университете штата Мичиган ученый исследователь и профессор Макконнел объявил о потрясающем «научном открытии», а именно, что ения съедобны». Он уже заявил, что обнаружил «новый путь приобретения знания и именно «поедание себе подобного организма, обладающего знаниями». Если рассудить в соответствии с его выводами, то каждому незнающему человеку, который хочет приобрести знания, лучше всего съесть того, кто уже знает. Таков людоедский «научный эксперимент», отражающий приращивание кровожадного американского империализма. Вероятно, отпрыски американских богачей мечтают монополизировать знания всего человечества, но, конечно, не хотят поедать себя подобных организмов, обладающих знаниями. Их хищное обличье облачает их перед всеми как смертельных врагов человеческой цивилизации».

Маоисты погубили Дэн То в мае 1966 года, но не сумели стереть память о нем. С годами можно с полным основанием повторить общую оценку его деятельности: Дэн То выразил народные чаяния Китая 60-х годов, его можно назвать совестью китайской интеллигенции и голосом народа души. Дэн То был коммунистом и вполнял, не шадя жизни, свой интернациональный долг перед всем коммунистическим движением. Свое предсмертное письмо из застенка «культурной революции» он закончил словами: «Да здравствует победа во всем мире великого социализма и коммунизма!»

Не сумев предать Дэн То и его творчество забвению, испытывая явную потребность в интеллектуальном авторитете, пекинские руководители решили выдать его за последователя Мао Цзэдуна, «справедливо пострадавшего» в ходе «культурной революции», объявили своим «предшественником» и почтили торжественным перезахоронением. Его сочинения намечаются переиздать, а главная книга — сборник публицистики — уже издана. Выдать Дэн То за маоиста не удастся никому, потому что все его сочинения пиют против подобного фальшивого толкования. Не удастся и приписать Дэн То антисоветизм, чтобы эксплуатировать его честное имя в грязных политических целях.

Супруга Дэн То, Дин Илань, сказала корреспонденту: «Товарищ Дэн То своей горячей кровью окропил сады литературы. «Вечерние беседы» постигла жестокая участь, но они не утратили жизненной силы. Переиздание книг Дэн То, независимо от замыслов пекинского руководства, даст возможность китайскому читателю услышать его собственный голос, почувствовать «чарующую силу искусства как писал сам Дэн То».

²² Ма Наньцуй. Указ. соч., вып. с. 117.

²² «Гуанмин жибао», 10. II. 1979.

Цзоу Таофэнь—поборник китайско-советской дружбы

С. Р. Белоусов

На протяжении многих лет Советский Союз неизменно оказывал борющемуся китайскому народу бескорыстную материальную помощь и значительную моральную поддержку. В этом «наглядно проявилась подлинно интернационалистская позиция нашей страны в отношении Китая»¹.

В свою очередь китайские коммунисты-интернационалисты, все честные патриоты сознавали, сколь важна и велика помощь и поддержка Страны Советов делу национально-освободительной борьбы в Китае, выступали за дружбу с СССР.

Видный деятель КПК Ван Мин в своей книге «Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна» среди тех, кто до образования КНР знакомил китайский народ с Советской страной, называет Цзоу Таофэня. Его произведения, писал Ван Мин, «сыграли значительную роль в революционном воспитании китайского народа и в распространении советского опыта». И не случайно Ван Мин ставит Цзоу Таофэня в один ряд с таким убежденным революционером, литератором-марксистом, другом нашей страны, как Цюй Цюбо, который в 20-е годы своими очерками и книгами о Советской России знакомил китайский народ с жизнью и достижениями СССР.

В 30-х годах возрастающий интерес к СССР в Китае выразился в создании новых произведений о нашей стране, написанных прогрессивными китайскими литераторами нового поколения. Среди этих работ следует прежде всего назвать «Воспоминания скитальца» Цзоу Таофэня.

Кроме очерков о Советском Союзе, в творческом наследии Цзоу Таофэня — статьи о борьбе китайского народа против японской агрессии, воспоминания о поездке по странам Западной Европы и США, статьи, разоблачающие фашизм, книга «О советской демократии», «Избранные переводы» из работ классиков марксизма-ленинизма и другие произведения. Особое место в этом наследии занимают статьи о важности сохранения и укрепления китайско-советской дружбы.

После образования КНР вышел ряд книг, рассказывающих о жизни и творчестве Цзоу Таофэня, в частности биографическая книга Му Синя, сборник воспоминаний о нем и др.² В 1957 г. в издательстве «Шэнхо» было опубликовано трехтомное собрание сочинений Цзоу Таофэня, в которое вошли его произведения, написанные за многие годы. В 1958 г. в Шанхае, где Цзоу Таофэнь провел большую часть своей жизни, был открыт его мемориальный музей. Однако в 60-е годы его творчество, как пишет Ван Мин, было «превращено Мао Цзэдуном в пепел и недоступно трудящимся и молодежи сегодняшнего Китая»³.

Следует подчеркнуть, что литературное наследие Цзоу Таофэня, отразившее бурные события 30-х гг., не утратило своего значения и для сегодняшнего Китая»⁴.

В годы войны китайского народа против японской интервенции Цзоу Таофэнь редактировал и издавал несколько журналов и газет, им было написано огромное число статей. «Он был мастером патриотической пропаганды, другом и учителем молодежи, подвергавшейся давлению со стороны реакционной клики. Читая его журналы, молодежь воспринимала новую идеологию, проникалась горячим патриотизмом и волей к борьбе против империализма и феодализма», — писала «Гуанмин жибао» в статье от 55 ноября 1958 г.

Резонанс его публицистических выступлений был огромным. Му Синь пишет в предисловии к своей книге о Цзоу Таофэне: «Среди китайских писателей и публицистов было немного таких, чьи произведения находили столь широкую читательскую аудиторию и имели такое значение для своего времени, как произведения Цзоу Таофэня»⁵.

¹ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1977. М., 1977, с. 6.

² Му Синь. Цзоу Таофэнь. Пекин, 1958; Путь Цзоу Таофэня. Пекин, 1958.

³ См. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 99.

⁴ Там же.

⁵ Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 2.

В эти годы Цзоу Таофэнь активно выступает и как общественный деятель. В январе 1933 г. его избирают в исполком Лиги защиты демократических прав, созданной по инициативе Сун Цинлин и Цао Юаньпэя. В руководящий состав этой организации вошел и Лу Синь. Основные цели ее заключались в оказании помощи политическим заключенным, борьбе против незаконных арестов, пыток и казней патриотов. Лига выступала за свободу слова и собраний.

Публицистическая деятельность Цзоу Таофэня, его активное участие в работе Лиги защиты демократических прав в условиях гоминьдановского террора не прошли безразлично. Когда в июне 1933 г. был убит секретарь Лиги Ян Синфо, имя Цзоу Таофэня также попало в «черный список», и в июле ему пришлось эмигрировать⁶.

В 1933—1934 гг. Цзоу Таофэнь побывал в странах Западной Европы — Англии, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Голландии — и в США. В июле 1934 г. он приехал в СССР, где прожил два месяца.

Во время своего пребывания в Москве Цзоу Таофэнь прослушал курс лекций в Летнем американском институте при МГУ, побывал в Ленинграде и на юге страны, в Крыму. Он собрал значительный материал о Советском Союзе и написал более 60 очерки о нашей стране, которые печатались на страницах еженедельника «Шэнхо», а через год вышли отдельной книгой, озаглавленной «Воспоминания скитальца»⁷.

Очерки Цзоу Таофэня о Советском Союзе, давшего исключительно высокую оценку социалистическому строительству в СССР, имели большое значение для Китая середины 30-х годов. Так, бывший главный редактор журнала «Дружба» Ху Вэйда, вспоминая, какую роль эти очерки сыграли в его жизни, писал, что благодаря им он встал на путь революционной борьбы⁸.

Сам Цзоу Таофэнь рассказывал, что однажды, во время его встречи с Ван Мином, разговор зашел о книге «Воспоминания скитальца», и Ван Мин, по достоинству оценив значение этой работы, сказал, что «это одна из лучших книг, которые ему приходилось читать об СССР»⁹. Впоследствии Ван Мин не раз упоминал об этом произведении Цзоу Таофэня. Так, в книге «Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна» он писал, что эти очерки «по своему идейному содержанию и художественной форме являются первоклассным произведением в жанре художественного репортажа... Третий том, в котором он (Цзоу Таофэнь. — С. Б.) рассказывал о Советском Союзе, строящем социализм под руководством ленинской партии, явился одой социализму»¹⁰.

Читая сегодня эти записи, видишь, как глубоко удалось их автору проникнуть в сущность советского строя, показать его огромные преимущества в сравнении с миром капитала. Цзоу Таофэнь продолжил традиции тех китайских литераторов 20-х годов, которые «в своих произведениях и статьях правдиво рассказали в Китае об Октябрьской революции, о В. И. Ленине, о положении в СССР, повели борьбу с клеветой на советский народ»¹¹. Он сумел заметить самое важное, найти общие закономерности за отдельными явлениями советской действительности и сделал на основе этого правильные выводы об увиденном им в Советском Союзе новом, социалистическом обществе.

Необходимо особенно выделить тот факт, что пребывание в Советском Союзе оказало огромное влияние на развитие мировоззрения самого Цзоу Таофэня.

Цзоу Таофэнь и до своей поездки по странам капиталистического мира, до посещения СССР всегда находился в рядах борцов за прогресс, демократию и национальное освобождение в Китае, был подлинным патриотом. Однако в то время он еще не понимал социальных причин, порождающих бедность и нищету в обществе, не видел ясно истоков противоречий, которые раздирали тогда отсталый, полуфеодальный Китай. Цзоу Таофэнь «все еще находился в известной степени под влиянием буржуазной идеологии, не находил правильного выхода из создавшегося положения, еще не видел той единственной силы, которая может спасти Китай»¹². Это было характерно для многих образованных людей Китая 20—30-х годов.

Представителям прогрессивно настроенной молодежи Китая, в том числе и Цзоу Таофэню, в силу многих причин все еще трудно было преодолевать остатки традиционных старокитайских представлений, избавляться от влияния буржуазной идеологии в тех или иных ее проявлениях, трудно было найти правильный выход из создавшегося положения. Поэтому в начале 30-х годов Цзоу Таофэнь «не призывал еще к коренному переустройству общества, сохраняя иллюзию возможности его изменения путем проведения отдельных реформ»¹³.

⁶ См. Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 76.

⁷ Цзоу Таофэнь. Воспоминания скитальца. Шанхай, 1935. — Цзоу Таофэнь принадлежит также ряд брошюр и статей о Советском Союзе, в том числе книги «Горький — классик революционной литературы» (Шанхай, 1933).

⁸ См. «Дружба», 1959, № 33.

⁹ Цит. по: Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 430.

¹⁰ Ван Мин. Указ. соч., с. 99.

¹¹ О. Б. Рахманин. Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, с. 15.

¹² Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 106.

¹³ Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 106.

Приехав в Советский Союз, Цзоу Таофэнь получил возможность сравнить негативные стороны мира капитала с преимуществами социалистического строя, которые подтверждались успехами, достигнутыми СССР к этому времени. Каждая строчка, посвященная пребыванию в СССР, проникнута чувством глубокой симпатии к стране Советов. Каждый очерк посвящен какой-либо конкретной проблеме, а в целом Цзоу Таофэнь создал широкую панораму советской действительности начала 30-х годов.

Цзоу Таофэнь не был бесстрастным наблюдателем. Он ставил перед собой задачу не только осознать для себя теорию и практику социалистического строительства, но и показать преимущества нового общественного строя, чтобы сделать возможным для Китая развитие по пути социализма. «Жизнь в Советском Союзе прекрасна. Отчего же она не может быть такой же прекрасной и у нас в Китае?» — писал он¹⁴.

В сентябре 1934 г. Цзоу Таофэнь возвращается из СССР в Лондон. Здесь, в библиотеке Британского Музея, он занялся серьезным изучением основополагающих произведений марксизма-ленинизма. Му Синь пишет об этом периоде жизни Цзоу Таофэня: «Из переведенной и отредактированной им книги избранных переводов из произведений марксизма, которая была создана им после его возвращения на родину на основе записей, сделанных в Лондоне, можно увидеть, что во время пребывания в Лондоне Цзоу Таофэнь прочел немало научных трудов о революционном переустройстве общества. Он не только систематически читал классические произведения марксизма-ленинизма, но и познакомился с трудами, посвященными жизни, деятельности и эволюции идеологических воззрений Маркса, Энгельса и Ленина»¹⁵. Цзоу Таофэнь читал также сопутствующую литературу, работы, которые цитировались или критиковались в произведениях классиков марксизма.

Посещение Советского Союза оказало огромное воздействие на развитие мировоззрения Цзоу Таофэня, определило характер его дальнейшей литературной и общественной деятельности. «Возвратившись на родину после двухлетнего вынужденного отсутствия, он уже решительно и бесповоротно встал на революционные позиции, воспринял взгляды диалектического и исторического материализма, вследствие чего им был найден правильный ответ на важнейший вопрос о перспективе развития Китая. С этой точки зрения его путешествие по существу послужило поворотным моментом в его идеологии»¹⁶.

Приехав в Китай, Цзоу Таофэнь писал, что в тех условиях невозможно было принимать примиренческую позицию, оставаться «над схваткой». «Пусть даже тебе кажется, что ты и занимаешь нейтральную позицию, однако в современных условиях это означает, что на деле ты потворствуешь злодею в его преступлениях. Главное содержание нашей эпохи состоит в том, что прогрессивное движение усиливается с каждым днем и есть только два пути: революционный и контрреволюционный, никакого нейтралитета или примиренчества в этом вопросе быть не может»¹⁷.

Такая эволюция в идеологическом мышлении Цзоу Таофэня определила его стремление к пропаганде социалистического образа жизни и опыта Советского Союза. В мае 1939 г. Цзоу Таофэнь закончил перевод и редактирование книги «О советской демократии», которая вышла в свет в июле того же года.

В книге воспоминаний, озаглавленной «Путь Цзоу Таофэня», Чжан Чжунши, в очерке «Выдающийся представитель китайской нации», пишет: «В начале 1939 г. он (Цзоу Таофэнь. — С. Б.) перевел книгу «О советской демократии», познакомив китайского читателя с демократическим духом, пронизывающим все стороны жизни народа в Советском Союзе»¹⁸. Сам Цзоу Таофэнь в предисловии к этой книге писал: «Богатое содержание советской демократии должно послужить для нас поучительным примером, который необходимо перенять... В великую эпоху борьбы с агрессией и создания независимого, самостоятельного государства необходимо развивать и укреплять демократию в Китае, с тем чтобы полностью мобилизовать народные массы на участие в великом деле борьбы и созидания»¹⁹.

В книге воспоминаний о Цзоу Таофэне содержатся статьи таких известных литераторов и общественных деятелей Китая, как Мао Дунь, Ба Цзинь, Чжэн Чжэньдо, Ся Янь, Тао Синчжи, Ху Шэн, Сяо Сань, Ху Юйчжи и др. Все они в своих воспоминаниях обращают внимание на то, что изменение в мировоззрении Цзоу Таофэня, после посещения им Советского Союза определило последующий взгляд публициста на развитие отношений дружбы и сотрудничества с СССР.

Особенно отчетливо отношение Цзоу Таофэня к этой проблеме прослеживается в его статьях, написанных в период борьбы китайского народа с японскими захватчиками и посвященными дружбе СССР и Китая.

Известно, что после того, как Япония совершила агрессию против Китая (1931),

¹⁴ Цзоу Таофэнь. Собр. соч., т. 2. Пекин, 1957, с. 219. — Далее при цитировании работ Цзоу Таофэня будут указываться только тома и страницы.

¹⁵ Му Синь. Цзоу Таофэнь, с. 104—105.

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ Там же, с. 131.

¹⁸ Путь Цзоу Таофэня, с. 49.

¹⁹ Там же.

советское правительство придавало самое серьезное значение событиям в Северо-Восточном Китае. Это объяснялось тем, что японская агрессия была чревата опасностью войны и против СССР. Кроме того, Советский Союз не мог закрывать глаза на тот факт, что агрессия в Северо-Восточном Китае при создавшейся международной обстановке представляла серьезную угрозу миру и безопасности всех народов Азии, несла многомиллионному китайскому народу новые бедствия, угрозу превращения Китая в колонию японского империализма.

Таким образом, «кровные интересы народов СССР не только не противоречили чаяниям и интересам китайского народа, а, наоборот, совпадали с ними, что еще крепче связывало эти два великих народа»²⁰. Несомненно, лучшим средством отражения японской агрессии было бы объединение усилий Советского Союза и Китая в борьбе за мир на Дальнем Востоке. Такова была точка зрения правительства СССР.

Что касается Китая, то передовая общественность страны, понимая, какое большое значение для безопасности Китая и мира на Дальнем Востоке имеет китайско-советская дружба, настойчиво добивалась улучшения отношений с СССР. Лу Синь вместе с другими китайскими писателями-патриотами направил советскому правительству телеграмму, в которой говорилось: «Китайский народ ясно увидел, что только Советский Союз является искренним другом угнетенных наций»²¹. «Мы, — говорил Лу Синь, — боремся против нападения на Советский Союз. Мы расправимся со всяким дьяволом, какие бы сладкие речи он ни произносил, в какую бы тогу справедливости ни рядился, если он попытается напасть на Советский Союз»²².

Гоминьдановское правительство, которое в силу внутренних и международных факторов вынуждено было стать на путь сопротивления японским захватчикам, пошло на известное сближение с СССР. При этом оно рассчитывало, что «поддержка Советским Союзом Китая обострит отношения с Японией, а возможно, приведет к советско-японской войне»²³. Правительство СССР учитывало это. Однако, стремясь облегчить китайскому народу его справедливую борьбу за национальную независимость, оно приняло ряд мер для оказания практической помощи²⁴. Такая позиция советского правительства вытекала из сущности внешней политики нашей страны и была ее естественным проявлением.

Такая ситуация складывалась в Китае и на Дальнем Востоке, когда в августе 1935 г. Цзоу Таофэнь вернулся на родину. Это был период дальнейшего, более глубокого проникновения японских агрессивных сил в Китай. Возвратившись из своего путешествия, Цзоу Таофэнь сразу включился в патриотическое движение против японских захватчиков.

В июне 1936 г. в Шанхае была создана Всекитайская ассоциация национального спасения во главе с Сун Цинлин, Чжан Найци, Тао Синчжи, Ма Сянбо, Шэнь Цзюньжу (всего 35 человек). Цзоу Таофэнь также был избран в исполком этой организации. Ее лозунгом было: «Объединение всех партий и группировок на борьбу с врагами за спасение родины».

В октябре 1936 г. японские агрессоры вторглись в провинцию Суйюань. Это вызвало новую волну патриотического движения в стране. Вместе с другими деятелями Всекитайской ассоциации национального спасения Цзоу Таофэнь повел активную борьбу против захватнической политики Японии. Но правительство гоминьдана, опасавшееся расширения патриотического движения, 22 ноября незаконно арестовало Цзоу Таофэня, Ли Гунпу, Ван Цзяоши, Шэнь Цзюньжу, Тао Синчжи и других видных общественных деятелей. Заключение в тюрьму этих патриотов вызвало волну возмущения среди китайского народа и мировой общественности. ЦК КПК и такие известные деятели, как Ромен Роллан и Альберт Эйнштейн, направили гоминьдановскому правительству телеграммы протеста. Арестованные патриоты были освобождены лишь 31 июля 1937 г., то есть после начала войны против японских агрессоров.

Но Цзоу Таофэнь и в тюрьме продолжал работать. За время своего заключения (январь — июль 1937 г.) он написал «Заметки при изучении трудов Маркса» и дописал последнюю (восьмую) главу «Воспоминаний скитальца».

Выйдя из тюрьмы, Цзоу Таофэнь вновь включился в борьбу за национальное освобождение Китая, активно поддерживал инициативу КПК в создании единого антияпонского фронта и развитии дружественных отношений с СССР. В ноябре 1936 г. в статье, опубликованной в еженедельнике «Шэнхо» под заголовком «Китайско-советская дружба и мир на Дальнем Востоке», он писал о «двух необходимых условиях спасения» для своей страны: «Первое — прекращение всякой гражданской войны и выступление единой силой во внешней политике; второе условие заключается в том, чтобы в полной мере использовать нынешнюю международную обстановку и прилагать все усилия к тому, чтобы установить отвечающие нашим интересам дружественные отношения с такими государствами, как Англия, США, Франция и СССР».

²⁰ М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 250.

²¹ См. Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1959, с. 87.

²² Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 5, 1938, с. 31—32.

²³ М. С. Капица. Указ. соч., с. 270.

²⁴ См. там же.

в особенности необходимо установить такие отношения с Советским Союзом, страной, которая не вынашивает агрессивных планов в отношении других государств, чья территория граничит с нашей и чьи интересы тесно связаны с интересами Китая»²⁵.

В своей статье Цзоу Таофэнь приводит часть завещания Сунь Ятсена, в котором зафиксирован один из трех принципов политической платформы вождя первой китайской революции. Обращаясь к советскому правительству, Сунь Ятсен выражал надежду, что «скоро настанет день», когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что «в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

Приводя эти строки из обращения Сунь Ятсена в ЦИК СССР, Цзоу Таофэнь пишет: «Каждая фраза в нем искренна, каждое слово выстрадано; и мы считаем, что необходимо как можно скорее найти конкретные способы решения таких проблем, как укрепление дружбы Китая с Советским Союзом, оказание совместного отпора агрессии, обеспечение мира на Дальнем Востоке»²⁶. В качестве конкретной меры Цзоу Таофэнь предлагает заключить договор о взаимопомощи между Китаем и СССР. Он пишет: «Тот факт, что советский и китайский народы связывает крепкая дружба, конечно же, не вызывает сомнения. Однако этот факт получит свое конкретное подтверждение в случае, если наши государства подпишут определенное соглашение о взаимопомощи, что в то же время послужит острасткой агрессору»²⁷.

Оказание Советским Союзом существенной поддержки китайскому народу в то время, когда Китай находился в исключительно трудном положении, свидетельствовало о миролюбии СССР. Это видел и Цзоу Таофэнь. Он правильно понимал сущность внешней политики СССР. «Тот процесс, который принято называть движением за мир,— писал он,— никак не может осуществляться в условиях, когда существуют агрессия и жертвы этой агрессии. Вот почему внешняя политика СССР основывается на мире и проявляется в том, что Советский Союз заключает со многими государствами договоры о взаимном ненападении, а это значит — не нападать самим и не подвергаться нападению»²⁸. С другой стороны, Цзоу Таофэнь разоблачал лживые выпады буржуазной пропаганды, которая твердила о «необходимости защиты от коммунизма». «В их устах,— писал Цзоу Таофэнь,— «защита от коммунизма» означает сначала уничтожение Китая, а вслед за тем — нападение на СССР»²⁹.

Цзоу Таофэнь понимал также, что японская агрессия несет в себе угрозу безопасности не только СССР и Китая, но и других государств Азии. И уже в то время он выступил в поддержку идеи создания системы коллективной безопасности на Азиатском континенте. Он отмечал, что хотя именно дружба СССР и Китая является основой сохранения мира на Дальнем Востоке и в прилегающем районе Тихого океана, однако все государства этого региона, сочувствующие этой идее, могут и должны принять участие в обеспечении коллективной безопасности в данном районе. «При этом,— подчеркивал Цзоу Таофэнь,— два таких великих государства, как Китай и Советский Союз, территории которых к тому же граничат друг с другом, должны показать пример в деле сопротивления захватнической политике»³⁰.

Эти положения, нашедшие отражение и в других статьях Цзоу Таофэня, имели большое значение для правильного понимания китайским народом того, как важно сохранить и упрочить китайско-советскую дружбу в условиях, когда гоминьдановское правительство инспирировало злобные антисоветские выпады реакционной китайской прессы и отдельных политических деятелей, стараясь дискредитировать СССР в глазах Китая, Гоминьдановская пресса повторяла клевету, против которой боролся Цзоу Таофэнь, клевету об «агрессии» Советского Союза, и писала об «угрозе» Китаю со стороны СССР. Троцкисты Чэнь Дусю и Е Цин систематически печатали в журнале «Миньши» и в газете «Саодан бао» антисоветские статьи. Разоблачая инсинуации антисоветской печати, Цзоу Таофэнь писал, что если бы гоминьдановское правительство, изменив свою позицию, выступило за установление отношений подлинной дружбы и сотрудничества, как того хотел СССР и требовали огромные массы китайского народа, «если бы две страны заключили военный союз, то это создало бы непреодолимое препятствие японской агрессии. «Мы надеемся,— писал Цзоу Таофэнь,— что и правительство СССР, и правительство Китая в целях обеспечения мира как для своих государств, так и для достижения подлинного мира на Дальнем Востоке приложат все усилия для решения этой проблемы. Мы также надеемся, что и народы наших стран будут способствовать решению этого вопроса»³¹.

Однако реакционная клика гоминьдана по-прежнему продолжала проводить политику, препятствующую сближению советского и китайского народов, боясь установления дружественного сотрудничества между народами СССР и Китая.

Но поборники китайско-советской дружбы вновь и вновь обращались к народным массам Китая, объясняя, кто является их подлинными друзьями и соратниками.

²⁵ Т. 1, с. 193.

²⁶ Там же, с. 194.

²⁷ Там же, с. 195.

²⁸ Там же, с. 194.

²⁹ Там же, с. 195.

³⁰ Там же.

³¹ Т. 1, с. 195.

После предательского нападения фашистской Германии на СССР эти голоса звучали с новой силой.

Прогрессивная общественность Китая понимала, что СССР оказался перед самым трудным за все время своего существования испытанием.

Китайские патриоты сознавали и то, что на советско-германском фронте решается судьба не только народов СССР, но и других стран, в том числе Китая, что разгром гитлеровской Германии, этой основной силы агрессивной оси «Берлин — Рим — Токио», должен предрешить разгром Японии.

Коммунистическая партия Китая выступала за активизацию боевых действий в условиях, когда часть японских войск была скована присутствием на восточной границе СССР. КПК выдвинула лозунг: «Защита Советского Союза — помощь Китаю; защита Китая — помощь Советскому Союзу!»

Как и другие патриоты Китая, Цзоу Таофэнь понимал, что в тех условиях лучшей помощью советскому народу была бы активная борьба Китая против японских захватчиков, которая лишила бы их возможности напасть на СССР с востока.

Ведя борьбу против антисоветской позиции, занятой руководителями гоминьдана и их приспешниками, которая по сути основывалась на пособничестве агрессивной политике Японии, что в равной степени представляло угрозу для безопасности как СССР, так и самого Китая, Цзоу Таофэнь разоблачал подлинную сущность такой политики, призывал к установлению отношений истинной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. В статье «К вопросу о позиции в отношении СССР» (1941) Цзоу Таофэнь писал, имея в виду представителей реакционных кругов страны: «Такие деятели, слышав голоса, призывающие всю страну объединиться и немедленно начать наносить контрудары по всему фронту, если Япония на севере совершит нападение на СССР, считают, что в этом случае ведение боевых действий будет выгодно СССР и не выгодно Китаю»³². Эти люди не понимают, писал Цзоу Таофэнь, что Япония, предпринимая наступление на севере, расплывает свои военные силы и тем самым предоставляет Китаю удобный случай для проведения контрнаступления по всему фронту, дает возможность китайскому народу одержать новые победы. Цзоу Таофэнь подчеркивал: «Проведение китайскими войсками наступления было бы выгодно СССР, но это было бы выгодно и Китаю, так как интересы наши совпадают. Те же, кто думает иначе, пытаются противопоставить интересы Китая и Советского Союза. считают, что нам выгоднее всего было бы прекратить боевые действия в случае нападения Японии на СССР. Ради того только, чтобы Советский Союз хлебнул побольше горя, они не останутся ни перед чем и пожертвуют интересами самого Китая!»

Это результат логики, получившей распространение у некоторых людей в вопросе об отношении к СССР. Такой подход в корне противоречит интересам Китая»³³.

Однако гоминьдановское правительство продолжало проводить антисоветский курс. Несмотря на то что СССР, отражая натиск гитлеровских войск, спасал тем самым Китай от порабощения его фашизмом, реакционные круги в гоминьдане вели антисоветскую пропаганду, пытались подорвать авторитет Советского Союза.

Цзоу Таофэнь разоблачал антисоветский курс гоминьдановских руководителей, указывал на пагубность такой политики для дела национального освобождения Китая. Он отмечал, что позиция, занятая китайскими реакционерами в вопросе об отношении к СССР, по существу, смыкается с платформой империалистических кругов Японии, отвечает интересам японского милитаризма. «Наши враги, японские империалисты, — писал Цзоу Таофэнь, — тщательно обдумывают, планируют и возлагают все свои надежды на то, что им удастся поднять в Китае волну антисоветского движения или по крайней мере постоянно разжигать в китайцах чувства неприязни и зависти к Советскому Союзу и таким образом лишить Китай поддержки СССР — самого верного нашего союзника за время борьбы с агрессией; в то же время это может привести к расколу внутри страны, что будет выгодно Японии и станет гибелью для Китая»³⁴. «Конечно, — пишет Цзоу Таофэнь, — совсем не этого хочет китайский народ. Однако среди китайцев до сих пор есть люди, которые делают все для провоцирования чувства вражды между Китаем и СССР, как будто только проведение враждебного Советскому Союзу курса будет отвечать принципу «государство и нация превыше всего», а в противном случае будут проводиться в жизнь доктрины «Советский Союз превыше всего» и «все в интересах только СССР». Независимо от того, каким является субъективный взгляд этих людей, объективно это играет на руку японским империалистам»³⁵.

В связи с этим Цзоу Таофэнь отмечал, что, когда Германия напала на СССР, администрация Англии и США, руководствуясь тем, что в данный момент наиболее соответствовало интересам их государств, прекратила «сведение старых счетов» с Советским Союзом. В качестве примера Цзоу Таофэнь приводит высказывания тогдашнего премьер-министра Англии У. Черчилля и заместителя государственного секретаря США Уэллса, которые прежде открыто заявляли, что являются самыми непримиримыми и последовательными противниками коммунизма. Однако, когда Гер-

³² Там же, с. 295.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 294.

³⁵ Там же.

мания развязала войну против СССР, они выступили с заявлениями, в которых признали: «В той обстановке, с которой мы сталкиваемся в современных условиях, все это уже не имеет значения... самым актуальным сейчас является вопрос: можно ли обуздать и уничтожить национал-социалистическую партию, сорвать ее планы порабощения и уничтожения всех национальных и демократических государств»³⁶. Цзоу Таофэнь делает вывод: «Что касается политических деятелей капиталистических стран, то они на время решительно пересмотрели свое прежнее отрицательное отношение к СССР, изменив его в какой-то мере на дружественное... и мы не можем не отметить их дальновидности»³⁷.

Советское правительство понимало, что в тех условиях, когда трехсторонние переговоры военных миссий Англии, Франции и СССР, проводившиеся в Москве в августе 1939 г., зашли в тупик³⁸, не время было делать упор на выступления с обвинениями в адрес английской и французской дипломатии за срыв переговоров перед лицом более важной и насущной задачи — обуздания фашистской агрессии, задачи, которая стояла тогда перед народами всех стран антигитлеровской коалиции³⁹.

Отмечая такую позицию СССР в этом вопросе, Цзоу Таофэнь указывал гоминьдановским реакционерам на недопустимость антисоветских выпадов, таких, например, как заявление, опубликованное телеграфным агентством гоминьдана 9 декабря 1941 г. В нем говорилось, что японцы должны понять: настало время напасть на Сибирь и советское Приморье, и они это сделают, хотя и существует советско-японский пакт о нейтралитете⁴⁰. 30 января 1942 г. в журнале «Вэньхуа юй канчжань» была опубликована статья Лю Юя, полная злобных выпадов против СССР. Временные неудачи Советской Армии он квалифицировал как «поражение социализма, который имеет меньшую поддержку масс, чем капитализм», и утверждал, что «эти неудачи являются результатом непригодности социализма».

Цзоу Таофэнь, отмечая, что даже такие явные противники коммунизма, как Черчилль и Уэллс, изменили свою позицию в отношении Советского Союза, вскрыл подлинный характер двурушнической политики гоминьдана, его заигрывание с фашистской Германией наряду со стремлением подорвать авторитет СССР в Китае, ослабить международную поддержку советскому народу. «...Крайнее удивление,— писал Цзоу Таофэнь,— вызывает позиция некоторых наших «официальных органов печати», которые после начала войны между Германией и СССР всячески выпячивают вопрос о сведении старых счетов, обвиняют Советский Союз во всех смертных грехах, как будто СССР повинен в том, что стал жертвой агрессии и так, мол, ему и надо!»⁴¹.

Советское правительство тоже, разумеется, видело эту недружелюбную политику гоминьдановского руководства. Однако обстановка требовала особой выдержки и спокойствия. На правительство Чан Кайши оказывали давление влиятельные круги империалистических государств, толкавшие его на сговор с Японией, в гоминьдане имела сильная прояпонская группировка. «Если бы в этих условиях Советский Союз прекратил помощь, то это было бы выгодно только капитулянтским элементам и ускорило бы соглашение гоминьдановцев с Японией», — отмечает профессор М. С. Капница⁴². Поскольку политика правительства СССР в отношении Китая определялась интересами советского и китайского народов, Советский Союз продолжал оказывать братскую помощь китайскому народу в его освободительной борьбе, в то время как империалисты США и Англии при участии реакционных кругов гоминьдана плели сеть интриг, стремясь за счет Китая организовать «дальневосточный Мюнхен». Тем самым Советский Союз противодействовал мюнхенской политике империалистических кругов и прояпонских элементов в гоминьдане.

В статье «К вопросу о позиции в отношении СССР» Цзоу Таофэнь писал, что Китаю «необходимо укреплять отношения дружбы и сотрудничества с СССР — страной, которая граничит с Китаем, решительнее всех борется с фашизмом и солидарность которой с нашей борьбой и помощь Китаю были самыми значительными». Такой подход, подчеркивает Цзоу Таофэнь, «полностью отвечает государственным и национальным интересам Китая»⁴³.

Цзоу Таофэнь подкрепляет свои утверждения фактами, которые со всей очевидностью свидетельствовали о дружественной политике Советского Союза в отношении Китая. Он пишет, что и до начала фашистской агрессии против СССР и уже в ходе военных действий Советский Союз неизменно оказывал существенную материальную и моральную помощь китайскому народу.

В 1938 г. СССР предоставил Китаю два кредита по 50 млн. ам. долл. А когда в июне 1939 г. был подписан договор о торговле между СССР и Китаем, который явился новым свидетельством дружественной политики нашей страны в отношении китай-

³⁶ Цит. там же, с. 290.

³⁷ Там же, с. 291.

³⁸ См. Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. — «Международная жизнь», 1959, № 2.

³⁹ См. И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру. М., 1962.

⁴⁰ См. М. С. Капница. Указ. соч., с. 307—308.

⁴¹ Т. 1, с. 294.

⁴² М. С. Капница. Указ. соч., с. 292.

⁴³ См. т. 1, с. 293.

ского народа, Советский Союз, желая обеспечить Китаю реальную возможность получения на основе торгового договора необходимых материалов, предоставил ему новый кредит на сумму 150 млн. долл.⁴⁴. Это был третий советский кредит Китаю за время антияпонской войны.

Отмечая материальную сторону этой поддержки, Цзоу Таофэнь приводит конкретные цифры, которые говорят сами за себя. Помощь СССР, писал Цзоу Таофэнь, можно оценить в общей сложности в 300 млн. долл., в то время как США предоставили Китаю займы на сумму 170 млн. долл., а Англия — на 100 млн. долл. В тот период китайская печать всячески рекламировала факты оказания Китаю материальной помощи Англией и Соединенными Штатами, принижая роль поставок военного снаряжения и другой продукции из Советского Союза. Полемизируя с авторами таких заявлений и статей, Цзоу Таофэнь писал: «Наша «официальная печать» делает особый упор на факты предоставления Китаю займов Англией и США, умалчивает о кредитах, полученных от СССР. Мы не против того, чтобы приводить в качестве примера поддержку со стороны того или иного государства, но необходимо закончить и с замалчиванием»⁴⁵. Кроме того, Цзоу Таофэнь подчеркивал: «...мы не можем не знать, кто из союзников в действительности оказывал нам наиболее существенную поддержку»⁴⁶.

Вместе с тем Цзоу Таофэнь отмечает, что даже те китайские деятели, которые трудно было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу, подчас не могли отрицать очевидные факты и признавали, что помощь СССР Китаю была самой весомой. Цитируя высказывания влиятельных лиц гоминьдана, Цзоу Таофэнь тем самым вел борьбу с клеветой на Советский Союз, помогал китайскому народу правильно понять сущность дружественной политики СССР в отношении Китая.

В этой связи небезынтересно сравнить советские кредиты с теми «небольшими» займами, которые США в 1938 г. начали предоставлять Китаю. США соглашались давать Китаю займы только при условии, что расчет по ним будет производиться стратегическим сырьем. Кроме того, США закупали китайские товары по ценам, которые были намного ниже средних мировых цен. А СССР поставлял Китаю оружие и боеприпасы по средним мировым ценам, и советское правительство не требовало от правительства Китая никаких гарантий или уступок. «Кроме того, — писал Цзоу Таофэнь, — СССР был страной, которая раньше и быстрее других предоставила Китаю кредиты»⁴⁷.

Цзоу Таофэнь ссылается на высказывания одного из лидеров гоминьдана, Сунь Фо⁴⁸, который говорил, что накануне «13 августа» (начало боев за Шанхай), когда другие союзники в той или иной степени сомневались, стоит ли оказывать помощь Китаю, советский посол в Нанкине сразу же выразил убеждение в справедливости борьбы китайского народа с агрессией и заявил, что Советский Союз готов оказать помощь Китаю в виде займов. В связи с этим Цзоу Таофэнь пишет, что китайский народ не может не понимать, кто является «самым последовательным союзником Китая».

Из всего сказанного видно, что в статьях, написанных в годы антияпонской войны, Цзоу Таофэнь выступал активным поборником китайско-советской дружбы, старался раскрыть глаза китайцам на тот факт, что «Советский Союз расценивает победу Китая и как свою собственную победу»⁴⁹. Цзоу Таофэнь был глашатаем тех полных революционных и демократических сил в Китае, которые видели свою главную задачу в борьбе с реакцией, за демократию и национальное освобождение, за дружбу с СССР. «Две наши великие нации, — писал Цзоу Таофэнь, — являются главными опорами антифашизма в мире, интересы их тесно связаны и взаимно обусловлены, а не противопоставлены. Наши дружественные отношения и тесное сотрудничество являются источником светлого будущего для всего мира.

Когда война против фашистской агрессии завершится окончательной победой наши нации станут теми маяками, на которые должно будет равняться все человечество на пути к освобождению; лучшие представители молодежи всего мира будут стремиться к тому, чего добьемся мы. Это то основное, о чем мы должны непременно помнить»⁵⁰.

Незадолго до своей смерти, в июле 1944 г., зная, что он безнадежно болен, Цзоу Таофэнь составил завещание, в котором писал: «Я прошу ЦК КПК строго проверить историю моей жизни и борьбы и, если найдут меня достойным, посмертно принять в партию»⁵¹.

«Мы удовлетворяем просьбу Цзоу Таофэня, — говорилось в решении ЦК, — и считаем это честью для нашей партии»⁵².

⁴⁴ См. М. С. Капица. Указ. соч., с. 293.

⁴⁵ Там же, с. 291.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Т. I, с. 291.

⁴⁸ Сунь Фо (Сунь Чжэшэн) в 30-х годах выступал за дружбу с СССР, поэтому перешел на реакционные позиции. Умер в 1966 г. на Тайване.

⁴⁹ См. т. I, с. 294.

⁵⁰ Там же, с. 295.

⁵¹ Цит. по: Му Сянью. Цзоу Таофэнь, с. 331.

⁵² Там же, с. 333.

**Против возрождения
японского милитаризма**

В последние годы в Японии отмечают усиление тенденций к милитаризации, которую толкают страну правые политические круги, выражающие интересы монополистической буржуазии. Из года в год растут военные расходы, расширяется вооруженное сотрудничество с США, укрепляются связи с НАТО и Китаем. Нагнетание милитаристского психоза в стране оправдывают мнимой «советской военной угрозой».

Миролюбивая общественность Японии с тревогой представляет себе опасность такого курса, необходимость дальнейшего развертывания борьбы за мир. О расхождении стремлений противостоят возрождению японского милитаризма свидетельствует, в частности, выход серии из трех томов известного в Японии борца за мир Сигэо. В качестве приложения в каждой книге публикуются многочисленные документы.

В первой книге¹ разоблачаются планы правящих кругов Японии ввести чрезвычайное законодательство, которое развязало бы руки военщины и предоставило ей широчайшие права в мобилизации людских и материальных ресурсов в целях подготовки к войне. Автор показывает, что японские правящие круги фактически уже приступили к разработке законопроекта такого рода под камуфляжем проведения различных исследований. Впервые, отмечает автор, замыслы японского анднования нашли отражение в оперативном плане «Три стрелы», подготовленном управлением национальной обороны Японии в 1963 г. (с. 3). В разработанных в 1964 г. на основе этого плана документов предусматривались мероприятия по усилению милитаристской пропаганды, по усилению укомплектованности соединений частей, созданию запасов снаряжения и привлечению населения к различным обязанностям, использованию частных

средств и объектов в интересах вооруженных сил (с. 6—10).

Автор справедливо подчеркивает, что стремление правящих кругов принять чрезвычайное законодательство связано прежде всего с японо-американским военно-политическим сотрудничеством, в частности с «политикой США, направленной к сохранению их господства в Южной Корее» (с. 14). Не случайно попытки провести законопроекты предпринимались в период подписания в 1965 г. японо-южнокорейского договора и в 1969 г. — в связи с принятием главами правительств США и Японии совместного заявления. Активизация деятельности военных кругов в настоящее время происходит в условиях укрепления японо-американского военно-политического сотрудничества.

Автор подчеркивает, что эти законопроекты разрабатываются не в целях обороны Японии, которой никто не угрожает, а в целях установления господства над другими странами. В подтверждение такого вывода С. Хаяси ссылается на опыт истории (с. 5). Так, принятие законов о всеобщей мобилизации страны, о развертывании военной промышленности, о введении воинской повинности в прошлом было связано с подготовкой Японией войны против царской России и Китая, а впоследствии — с интервенцией против Советской России. В период подготовки «великой войны в Восточной Азии» также был принят ряд законов чрезвычайного времени.

По оценке С. Хаяси, правящие круги Японии, не дожидаясь введения чрезвычайного законодательства, фактически уже проводят в жизнь некоторые его положения. Осуществляется ряд подготовительных мероприятий по введению в стране обязательной воинской повинности. Так, с 1966 г. привлечение добровольцев в вооруженные силы проводится в соответствии с так называемой «системой организованного набора» (сосики босю), в соответствии с которой вербовочные пункты имеют в своем распоряжении заранее подготовленные «списки лиц, находящихся на действительной военной службе, резервистов, бывших военнослужащих, а также лиц, изъявляющих желание поступить на военную службу и подходящих по возрасту» (с. 6). Проводимые мероприятия свидетельствуют о том, что уже в мирное время подготавливаются условия, необходимые для проведения мобилизации, закладываются основы для привлечения населения в чрезвычайный период.

¹ Сигэо Хаяси. Кокка кинкюкэнкю (Исследование о чрезвычайных полномочиях государства). Токио, 1978, с. .

Автор подчеркивает, что в Японии под видом широко проводимых работ по ликвидации последствий стихийных бедствий предусматривается привлечение гражданского населения к выполнению различных воинских повинностей, использование для этих целей материальных ресурсов, а также средств транспорта и связи, принадлежащих частным фирмам (с. 7, 146—152). Существующая система предусматривает формирование по всей стране спасательных команд и отрядов по оказанию медицинской помощи. Вооруженные силы уже в мирное время имеют право использовать средства транспорта, в частности, паромы частных компаний, для перевозки боевой техники и личного состава, общественные и частные здания и школы для размещения личного состава в ходе учений. Разработаны планы создания законченной в организационном отношении системы гражданской обороны (с. 7).

В настоящее время в стране действуют многочисленные организации по содействию вооруженным силам, в том числе «Общество содействия силам самообороны» (Дзэйтай кёрёкукай), «Общество по сотрудничеству в обороне» (Бозэй кёрёкукай), «Лига друзей родных мест» (Гю рэмэй) и др., которые активно содействуют военной пропаганде, насаждению милитаристской идеологии. В случае войны эти организации будут готовы оказывать поддержку вооруженным силам в тылу, составят основу подразделений гражданской обороны.

Автор отмечает, что правящие круги в последнее время развернули в стране широкую пропагандистскую кампанию, имеющую целью «повышение сознательности народа в вопросах обороны страны», иными словами, активизируется идеологическая обработка населения в милитаристском духе. Расходы на эти цели растут из года в год. Ассигнования только на деятельность секции пропаганды при канцелярии премьер-министра выросли со 100 млн. иен в 1960 г. до 11,1 млрд. иен в 1978 г. (с. 10), то есть более чем в 100 раз. Созданная в 1973 г. при УНО ассоциация также ведет широкую пропаганду с целью склонить общественное мнение страны в пользу милитаризации и подготовки к войне.

После соответствующей подготовки общественного мнения правительство намеревается приступить к пересмотру действующей конституции. Этого добиваются от Японии США, требующие от нее увеличения вклада в двустороннее военное сотрудничество (с. 15). Рассматриваются, в частности, проекты внесения в существующие законы изменений, которые позволили бы Японии включить свои подразделения и части в состав войск ООН (с. 118). Такую попытку, указывает С. Хаяси, следует рассматривать как лазейку в обход конституции для получения возможности направлять войска за границу.

Подготовку к чрезвычайному времени преследуют и разработанные УНО предложения по реорганизации органов военного управления, предусматривающие, в част-

ности, создание объединенного штаба вооруженных сил, формирование уже в мирное время центрального разведывательного управления для сбора, анализа и оценки военной информации, расширение функций совета национальной обороны, создание Комиссии общественной безопасности под председательством премьер-министра с включенным в число ее членов ведущих министров кабинета и т. д.

Во второй книге² анализируется процесс укрепления военного сотрудничества между Японией и США в послевоенный период. Автор раскрывает сущность японско-американского военного сотрудничества его характер и цели на разных этапах. Ученый план «Три стрелы» предусматривал проведение совместных японо-американских операций в случае возникновения крупного вооруженного конфликта на Корейском полуострове. США предоставлялась полная свобода в использовании военных баз территории Японии, на нее возлагались задачи по блокированию Цусимского пролива, обеспечению ПВО южной части Тайваня, ремонту боевой техники, а также поставке отдельных видов вооружения и боеприпасов южно-корейских войск.

В развитие плана «Три стрелы» уже позже были разработаны конкретные планы ведения совместных боевых действий «Летающий дракон» (1964—1965) и «Корейский буйвол» (1966). «Летающий дракон» — это план взаимодействия между вооруженными силами Японии и США при ведении боевых действий на о. Окинава. «Бегущий буйвол» — план совместной операции на Тайванском полуострове. Согласно этим документам, вооруженные силы Японии участвуют в боевых действиях в составе «защитных сил ООН» сразу же после принятия решения правительством и переходят, по существу, в подчинение американского командования. На вооруженные силы Японии возлагается выполнение задач по защите воздушного и морского пространства, морских коммуникаций, связывающих Японию с Корейскими островами Окинава и остров Тайвань (с. 11). Предусматривалось создание объединенного органа по координации боевых действий вооруженных сил США и Японии.

В настоящее время, указывает автор, военное сотрудничество между Японией и США получило дальнейшее развитие. После утверждения японским правительством и Советом национальной обороны 28 мая 1978 г. «Основных принципов сотрудничества между Японией и США в военной области» начальник управления национальной обороны дал указание приступить к разработке плана ведения совместных боевых действий, который получил название «нового варианта» плана «Три стрелы» (с. 14). По оценке автора, новый план предусматривает более тесное взаимодействие сторон, принятие Японией на себя дополнительных обязательств. По пре-

² Хаяси Сигэо. Дзэмбун—Масакусэи кэнкю (Разработка «Операции «Три стрелы»). Токио, 1979, 139 с.

ю» бывшего начальника департамента управления национальной обороной К. Ито, посланному 4 июля 1978 г. на заседании бюджетной комиссии нижней палаты парламента, в новом плане должно быть уделено внимание «во-первых, комплексному использованию сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил Японии; во-вторых, устранению недостатков в оснащении японских вооруженных сил, третьих, принятию Японией дополнительных обязательств при ведении совместных операций японскими и американскими войсками» (с. 14, 15).

Как указывает автор, «современная стратегия США в Азии и на Тихом океане строит в том, чтобы обеспечить свое военное присутствие в регионе, идти на полудипломатические отношения с Китаем в условиях советско-китайской конфронтации опираясь на Японию, на основе альянса США, Японии и Китая обеспечить для себя сложившемся балансе сил преимущества отношению к Советскому Союзу» (с. 15). «Являющиеся круги США стремятся использовать все возможности, чтобы «преодолеть национально-освободительное движение, мешать его развитию, способствовать обеспечению господства американского империализма в Северо-Восточной и Южной Азии, в зоне Тихого и Индийского океана», сохранить раскол корейского народа, укрепить союз между США, Японией и Южной Кореей» (с. 15).

Как следует из «Основных принципов сотрудничества между Японией и США в восточной области», это сотрудничество предусматривает ведение совместных боевых действий в случае «опасности или угрозы вооруженного нападения на Японию», участие Японии в наступательных боевых действиях в воздушном пространстве и морской акватории, прилегающих к Японским островам, предоставление вооруженным силам США японских военных объектов в целях их совместного использования в случае возникновения напряженности на Дальнем Востоке (с. 15).

Япония, таким образом, взяла на себя ответственность за совместное с США обеспечение «безопасности» в Азии и зоне Тихого океана, что свидетельствует о качественных изменениях масштабов военного сотрудничества между ними на основе японо-американского «договора безопасности». Объектом совместных действий вооруженных сил Японии и США фактически становится вся Азия и зона Тихого океана.

Япония взяла на себя ответственность «за оборону» акватории в пределах 900 км Японских островов и воздушных коммуникаций — на удалении до 1850 км. Япония обязуется «в случае чрезвычайных обстоятельств» «закрывать» для советского военно-морского флота все три пролива, ведущие в Тихий океан, что должно обеспечить свободу действий американского флота в Тихом океане и таким образом способствовать эффективности ведения боевых действий против Вооруженных Сил Советского Союза (с. 17). Автор приходит к выводу, что «Основные принципы» имеют

первостепенное значение прежде всего для США.

«План совместной обороны» тоже находится в стадии разработки. Подготовкой его оперативной части руководит председатель Объединенного комитета начальников штабов, политической части — начальник управления обороны. В 1980 г. должны быть определены основные направления исследования, затем разработаны варианты возможных боевых действий, ведения совместных операций и распределения задач между вооруженными силами Японии и США.

Принятие «Основных принципов» сопровождается дальнейшим укреплением японо-американского военно-политического сотрудничества, а также согласованием позиций и во внешней политике (с. 20). Утверждение принципов японо-американского военного сотрудничества, вызывающее стремление к пересмотру ряда японских законов или внесению в них существенных поправок, как справедливо указывает автор, не может не привести к дальнейшему усилению милитаристских тенденций в Японии (с. 20), к существенному изменению характера всей системы японо-американского военного сотрудничества в 80-е годы.

В третьей книге С. Хаяси³ рассматриваются вопросы, связанные с использованием вооруженных сил в целях «обеспечения общественной безопасности», то есть в интересах сохранения в стране существующего политического строя. Автор указывает на антидемократический характер японских вооруженных сил, которые, согласно «Закону о силах самообороны», используются для подавления демократического движения, являются орудием обеспечения господства монополий в стране. В ходе последовательного возрождения вооруженных сил — создания резервного полицейского корпуса, его преобразования в корпус безопасности, а затем в «силы самообороны» — декларировалось, что основная их задача состоит в «обороне страны от непосредственной и косвенной агрессии» (с. 10, 11). Под «косвенной агрессией», указывает С. Хаяси, недвусмысленно подразумевается подавление выступлений народа за свои права, за улучшение условий жизни. В процессе создания вооруженных сил принимались меры по совершенствованию функций подавления народа: издавались соответствующие постановления и законы, устанавливались тесные связи между УНО и комиссией общественной безопасности, организовывалось взаимодействие между вооруженными силами и полицией, распределялись задачи между видами вооруженных сил по подавлению выступлений населения (с. 10—11, 18—29).

В 70-е годы было проведено дальнейшее совершенствование системы обеспече-

³ Хаяси Сигэо. Тиан кодо-но кэнкю (Исследование деятельности органов общественной безопасности). Токио, 1979, 135 с.

ния «общественного порядка»: перед вооруженными силами была поставлена задача не только оказания поддержки полиции, но и непосредственного участия в карательных действиях против демократического движения страны. В результате этого более тесным и организованным стало взаимодействие между вооруженными силами и полицией.

По мере усиления борьбы демократических сил правящие круги стали предусматривать применение вооруженных сил для противодействия им. Характерно, что действия по подавлению демократического движения предусматриваются во всех оперативных планах, ежегодно разрабатываемых

в штабах вооруженных сил, что, конечно, держится в строжайшем секрете. В борьбе с демократическими силами планируется применять танки, БТР, вертолеты, слезоточивые газы.

В заключение автор подчеркивает, что чрезвычайное законодательство, принятое в 1976 году, которое добиваются правящие круги, является одной из своих основных целей обеспечение благоприятных условий для вооруженного подавления демократического движения в стране, направлено на ограничение прав народа, превращение Японии в милитаристское государство (с. 15—16).

П. И. Рыбаков

Индийский океан: зона мира или театр военных действий?

В последние годы во многих странах мира все чаще дебатруется проблема обеспечения безопасности в одном из важнейших регионов земного шара — в районе Индийского океана. Такой интерес к данной проблеме вполне понятен: в наши дни индоокеанский регион дает большую часть основных видов природного сырья, в особенности нефти, в нем расположено около пятидесяти суверенных государств (треть членов ООН) с населением более 1 млрд. человек. Естественно поэтому, что обеспечение в районе Индийского океана подлинного мира и стабильности отвечало бы интересам многих народов земного шара. Мировое общественное мнение в этой связи интересуется главным образом два вопроса: каковы возможные пути реализации известного предложения о превращении Индийского океана в зону мира и каковы последствия сохраняющегося по сей день иностранного военного присутствия в данном регионе для судеб населяющих его народов и всеобщего мира. На Западе существует обширная литература по индоокеанской проблеме. В основном этой теме посвящены и рецензируемые монографии*.

Авторы обеих монографий (Ф. Вали — американец венгерского происхождения, М. Безборуа — индеец, проживающий в США) сходятся в том, что район Индий-

ского океана играет всевозрастающую роль в системе международных торгово-экономических и политических отношений, являющихся следствием его «геополитического и геостратегического положения» (Ф. Вали, с. 41) и «возможности, которую предоставляет для контроля над прикасающимися к нему огромными территориями» (М. Безборуа, с. XV—XVI). Вместе с тем они исходят из разных политических посылок: Ф. Вали выступает как сторонник «демонстрации силы» ведущими странами Запада в пределах Индийского океана, М. Безборуа — как представитель концепции «умеренного» или «ограниченного» военного присутствия неприбрежных государств. Соответствующим образом выносятся и выводы, содержащиеся в данных исследованиях.

Анализируя деятельность США в индоокеанском регионе, Ф. Вали выделяет несколько факторов, которые, по его мнению, объясняют их заинтересованность в сохранении своего присутствия в нем в политическом и военном отношении: «желание создавать стабильности и экономическому развитию стран бассейна; поддержание статус-кво, который удовлетворял бы союзников и друзей; капиталовложения в размере 10 млрд. долл. (без учета военной мощи); исторический интерес к обеспечению свободы мореплавания; стратегический интерес к обеспечению свободы мореплавания; стратегические соображения, исходящие из того, что северная часть Индийского океана может быть использована для запуска баллистических ракет» (с. 1). Ф. Вали оправдывает необходимость поддержания в регионе так называемого «баланса сил», который он подразделяет на «баланс внешних сил», создаваемый прибрежными государствами бассейна Индийского океана, и «баланс локальных сформированных прибрежными и материковыми государствами индоокеанского региона». Ф. Вали считает, что сохранение «баланса внешних сил» позволит не допустить некоего «гегемонизма» в регионе. Оправдывая военное присутствие США в регионе, он утверждает, что оно якобы служит «важным стабилизирующим фактором «баланса сил»».

* F. A. Valli. *Politics of the Indian Ocean Region: The Balance of Power*. New York, 1976, XV+272 p.; Moparajan Bezboruah. *U. S. Strategy in the Indian Ocean: The International Response*. New York, 1977, XVII+269 p.

«локальных сил» и потому должно быть «охранено» (с. 52). В этой связи примечательно высказывание Ф. Вали о том, что «репутацию дипломатии канонерок (в наше время, как известно, США трансформировали ее в «дипломатию аваносцев», поместив ее военно-техническое и боевое обеспечение) следует считать «полезной». «Присутствие или появление военно-морских сил американских. — В. К.) может оказывать поддержку внешнеполитическим мероприятиям, воздействовать на друзей и врагов. Эти силы могут вмешиваться в события дружеским или враждебным образом, находясь далеко от своих берегов; ...в условиях мирного времени боевые корабли и авианосный флот могут использоваться в качестве угрозы, осуществлять блокаду морского сообщения, осуществлять осуществлению эмбарго или высаживать десант», — указывает он (с. 58).

Несколько иную трактовку данному вопросу дает М. Безборуа. По его мнению, факторами, которые привлекают американскую военную машину к третьему по величине океану мира, являются: «необходимость заполнения вакуума», возникшего «после ухода Великобритании с ее позиций «к востоку от Индия» в конце 60-х годов; желание «присоединить Индийский океан ядерным зонтиком»; обеспечение «гарантированных поставок» важнейших видов стратегического природного сырья, и прежде всего нефти; контроль за «жизненно важными морскими путями». Кроме того, американская стратегия в районе Индийского океана, по мнению М. Безборуа, определяется и бытующим в Вашингтоне мнением, что США могут влиять на ход происходящих в нем событий «только с помощью военно-морских сил» (с. 35—38, 52). Излагая историю американского военного проникновения в Индийский океан, М. Безборуа напоминает, что оно началось еще в годы первой мировой войны, а после создания Ближневосточного оперативного соединения ВМС США» (1948), дислоцированного в Бахрейне, военные корабли США практически не уходят из океана (с. 33, 51). Он считает, что в наши дни Индийский океан занимает «особое место в стратегической концепции Соединенных Штатов» и что эта стратегия «основывается на долгосрочных планах действий, призванных «обеспечить далеко идущие цели» (с. 33, 7).

Как известно, особую тревогу у народов бассейна Индийского океана вызывают расположенные в регионе многочисленные иностранные военные базы и сооружения, составляющие важный элемент постоянного военного присутствия США, Великобритании и Франции. Ф. Вали в полном соответствии со своей концепцией выступает за сохранение американских военных баз в океане, в том числе военно-морской и военно-воздушной базы на острове Диего-Гарсия, поскольку считает, что «базы в районе возможных военных действий являются по-прежнему необходимыми как для флотов, находящихся в нем,

так и для флотов, действующих в отдаленных регионах» (с. 58, 174)¹.

В отличие от Ф. Вали, рассматривающего военную базу на Диего-Гарсия в качестве якобы «обычного узла связи» (он намеренно повторяет формулировку, часто использовавшуюся во время дебатов в конгрессе США по вопросу о расширении военной базы на острове), М. Безборуа считает, что эта база составляет «стержень американской стратегии в Индийском океане». Вопрос об использовании острова в военных целях фигурировал в разработках министерством обороны США «стратегической островной концепции» еще в конце 50-х годов, указывает М. Безборуа. Уже тогда этот вопрос рассматривался «в качестве отправной точки для определения характера действий военно-морских сил Соединенных Штатов в мирное время, а также для выполнения флотом своих боевых задач в период военных действий» (с. 53). Именно поэтому, пишет М. Безборуа, с самого начала обсуждения вопроса о сооружении военной базы на острове Диего-Гарсия в конгрессе США было ясно: планы американских военных стратегов в отношении Диего-Гарсия предусматривают «гораздо больше, чем создание обычного узла связи» (с. 62). Такой подход отличается от мнения тех американских исследователей и официальных лиц, которые пытаются представить дело так, будто база служит мирным, а не агрессивным целям. В частности, так утверждает Ф. Вали (с. 232). Уже ко времени выхода в свет рецензируемой книги М. Безборуа военная база на острове Диего-Гарсия могла принимать авианосные соединения и самолеты стратегической авиации, обслуживать атомные подводные лодки. Характер военных сооружений на острове в настоящее время, а также предполагаемые формы их использования в будущем (в том числе для базирования 5-го индоокеанского флота США) ни у кого не вызывают сомнения в том, что Вашингтон собирается иметь в самом центре Индийского океана крупнейший стратегический военный центр для ведения крупномасштабных военных операций.

Определенный интерес представляет позиция М. Безборуа по вопросу о создании в Индийском океане самостоятельного флота США постоянного базирования (этот вопрос, как сообщалось, вновь дебатировался в военных кругах администрации Дж. Картера весной 1979 г.). По мнению автора книги, создание 5-го флота США в Индийском океане является практически возможным по той причине, что Пентагон, выступающий за сохранение постоянного присутствия военно-морских сил США в Индийском океане, не согласится направлять в океан оперативные соединения 7-го флота, так как это в значительной степени снизило бы способности последнего по вы-

¹ О базе Диего-Гарсия см. «Диего-Гарсия — военная база США в Индийском океане». — «Зарубежное военное обозрение», 1979, № 1, с. 84—86.

полностью «боевых задач» в районе Тихого океана. Поясняя свое негативное отношение к идее создания самостоятельного флота США в Индийском океане, М. Безборуа пишет, что эта мера «приведет к эскалации соперничества между определенными державами и положит начало расходованию миллиардов долларов на новые оперативные соединения и сотни миллионов долларов на их ежегодное обслуживание» (с. 229—230). Следует отметить, что события последнего времени подтверждают некоторые выводы М. Безборуа относительно возможности усиления агрессивной активности США в районе Индийского океана. Помимо формирования в Индийском океане 5-го флота постоянного базирования, Пентагон в принципе уже решил вопрос о создании 110-тысячного экспедиционного «корпуса быстрого реагирования» для переброски в некоторые районы Индийского океана, прежде всего в зону Персидского залива.

Отдельные разделы монографий Ф. Вали и М. Безборуа посвящены анализу интересов Советского Союза в Индийском океане. Для работы Ф. Вали характерно полное искажение позиции СССР в отношении индоокеанской проблемы. Подхватывая затасканный миф о пресловутой «советской угрозе», он пытается приписывать небольшой группе советских кораблей несвойственные им функции (например, готовность воспрепятствовать нефтеперевозкам), приводит целый список «советских военных баз» в Индийском океане, хотя подобные утверждения лишены всяких оснований и в свое время официально опровергались многими индоокеанскими государствами. Отказ от строительства военных баз в районе Индийского океана — принципиальный курс Советского Союза. Об этом со всей авторитетностью было заявлено с трибуны XXV съезда КПСС Л. И. Брежневым². С другой стороны, Ф. Вали не только пытается представить многочисленные военные базы США, Великобритании и Франции, разбросанные во всех уголках Индийского океана, как якобы безобидные сооружения, но и всячески занижает их действительное количество. Известно, однако, что число только крупных военных баз и сооружений указанных государств уже приблизилось к двум десяткам. С учетом же менее крупных военных баз, а также военных баз государств — союзников этой «тройки» эта цифра будет выглядеть еще внушительнее. Как отмечалось в сенате Австралии, только на территории этой страны в 1976 г. находились 33 военные базы и сооружения США.

М. Безборуа, исследуя интересы Советского Союза в районе Индийского океана, приходит к выводу, что они объясняются желанием СССР поддерживать торговые

экономические отношения со странами бассейна, вести добычу продуктов и обеспечивать транзит между европейскими и дальневосточными портами, противодействовать угрозе ракетного нападения (с. 132, 135—138). Опираясь на данные, опубликованные в документах конгресса США, М. Безборуа пришел к выводу, что боевая мощь, состав и эффективность советских военных кораблей в Индийском океане значительно меньше американских, а с учетом действий в океане союзников США — Великобритании, Австралии, ЮАР — уровень военного присутствия СССР в его зоне гораздо ниже аналогичного показателя США (с. 98, 100). Он указывает на то, что «существование советского военного присутствия в Индийском океане отражает решимость Советского Союза иметь низкий уровень присутствия в регионе, которое носит оборонительный характер» (с. 117, 147—148).

Рассматривая политику Китая в районе Индийского океана, оба указанных автора полагают, что в будущем времени сможет направить свои военные корабли на длительные сроки в акваторию океана (до настоящего времени китайские корабли появлялись в океане только в апреле 1970 г.). По мнению Ф. Вали, Китай располагает для этого относительно сильное военно-морское флотом, занимающим второе место в мире по числу кораблей, третье место — по численности личного состава ВМС; кроме того, весьма значительными являются военные связи Китая с Пакистаном и рядом других государств, выходящих к Индийскому океану. Демонстрация китайской военной мощи в прилегающих морях, «протягивание» к Малаккскому проливу — одному из важнейших проходов в океан, и т. д. (с. 191—195).

М. Безборуа пишет, что Китай расширяет район Индийского океана «с точки зрения идеологических, стратегических, политических перспектив» (с. 159). Указывая на долговременный характер интересов Китая в данном регионе, он также предупреждает о возможности появления в будущем в водах Индийского океана тайских подводных лодок и других элементов военно-морских сил (с. 164). Кроме того, Китай будет оказывать поддержку Вашингтону в наращивании им военно-морских сил в Индийском океане, поскольку американское военное присутствие в регионе «выгодно Китаю с точки зрения долговременных интересов». США в свою очередь в обмен на согласие Китая с политикой в районе Индийского океана могут ему обеспечить свои «интересы» (с. 162—163).

Интересы Японии в этой части земного шара продиктованы, как единодушно отмечают Ф. Вали и М. Безборуа, собственными экономическими порядками. Однако они расходятся в прогнозах о возможности появления ВМС Японии в районе Индийского океана в будущем. Если Ф. Вали считает, что основным препятствием на пути ввода японских ВМС в океан яв-

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, с. 28.

«конституционные ограничения» и некий недостаток энтузиазма» (с. 208), то М. Безборуа указывает на то, что японские ВМС обладают «значительными возможностями» для распространения сферы военной деятельности на Индийский океан и что конституционные препятствия на этот счет могут быть «легко обойдены» (с. 166).

Говоря о военном присутствии в Индийском океане некоторых стран — участниц НАТО, М. Безборуа довольно осторожно пишет, что их политика «демонстрации военной мощи» в данном регионе и в целом отрицательное отношение к идее превращения океана в зону мира дают основание для предположения о готовности сохранить «сильное военное присутствие» в Индийском океане (с. 167). Со своей стороны скажем, что в последние годы интенсивность оперативно-тактической и боевой подготовки ВМС ведущих стран НАТО в акватории Индийского океана заметно увеличилась.

Абсолютно невозможно согласиться с утверждением Ф. Вали о том, что идея превращения Индийского океана в зону мира является «неосуществимым пожеланием» (с. 62, 237). Конечно, если превращать Индийский океан в «отдельный театр военных действий», каким его предлагает считать Ф. Вали, усиливать в его районе иностранное военное присутствие, расширять сеть военных баз и сооружений, то очевидно, что на пути реализации идеи о зоне мира будут воздвигнуты серьезные преграды. Искажением принципиальной внешнеполитической линии Советского Союза является и утверждение М. Безборуа о том, что СССР якобы не поддерживает указанную идею (с. 144). Советский Союз активно участвует в ее реализации вместе с другими государствами мира. Об этом

говорят многие документы КПСС и Советского государства, выступления советских руководителей и дипломатических представителей. Позиция Советского Союза о зоне мира в Индийском океане за последние девять лет (то есть после включения вопроса в повестку дня Генеральной ассамблеи ООН в 1971 г.) выражалась многократно. Известна также и конструктивная позиция СССР на переговорах с США по Индийскому океану, на которых он выступает за ограничение и последующее сокращение военной деятельности в океане. Превращение Индийского океана в зону подлинного мира и безопасности, плодотворного сотрудничества при учете интересов всех заинтересованных государств и без нанесения ущерба общепринятым нормам международного права, в частности принципу свободы мореплавания, а также при условии полной ликвидации иностранных военных баз в регионе во многом способствовало бы распространению процесса разрядки на другие районы мира.

В заключение можно сказать, что, хотя авторы рецензируемых монографий по-разному подходят к индоокеанской проблеме, в целом их работы не создают правильного представления о характере, целях и ходе реализации известного предложения о превращении Индийского океана в зону мира. В этом смысле они типичны для буржуазной историографии по индоокеанской проблеме. Тем настоятельнее необходимость появления в советской научной литературе исследования, которое позволило бы внести ясность в вопрос о превращении Индийского океана в зону подлинного мира и сотрудничества.

В. П. Козин

Ощущение Японии

Мне посчастливилось бывать в древней столице Японии Камакура, любоваться ее драмами и дворцами, ее Великим Буддой. И приходилось слышать, что «здесь живет» (аи позже «здесь жил») «наш великий японец». Камакура — последнее пристанище Кавабата Ясунари (1899—1972), единственного в японской литературе лауреата Нобелевской премии, одного из крупнейших писателей XX в.

Я вспомнил этот город вновь, читая книгу Н. Федоренко «Кавабата Ясунари»*. В ней словно очерчен профиль Японии, этой древней и вечно юной страны с ее богатейшей культурой и традициями, неповторимы-

ми литературой и искусством. Николай Трофимович Федоренко — видный советский ученый-востоковед и прозаик — известен и как дипломат, многие годы работавший за рубежом. Редкое соединение столь разных плановых дарований бросает зримые отсветы на страницы его широко известных книг «Китайские записи», «Японские записи», «Дипломатические записи», многочисленных работ о китайской литературе. То же богатство ощущается и в его книге-эссе «Кавабата Ясунари», которая, по существу, далеко выходит за пределы творчества одного, пусть и великого писателя. Н. Федоренко вновь предстает перед нами как блестящий исследователь литературной мысли Японии и Китая, превосходный знаток зарубежной философии и эстетики.

«Кавабата Ясунари» — дань благоговейного отношения к памяти человека, с которым автор познакомился за три месяца до его трагической смерти. Встреча была однократной, и хотя в книге воспроизводятся беседы того дня — 13 января 1972 г., — не

* Н. Т. Федоренко. Кавабата Ясунари. Очерк. М., 1978, 272 с.

меньший интерес вызывают и остальные странички, заполненные личными впечатлениями, размышлениями автора, его экскурсами в собственную память, обращением к нетленным сокровищам мировой культуры.

Научная достоверность в изображении деталей, изречения мудрой старины или изложения восточных философских учений сливаются с богатым писательским воображением, создавая психологически точный настрой, единственно верное ощущение страны пленительных и необычайных традиций.

В книге двадцать две главы. Даже их названия — «Эстетика камня», «Истина вне слов», «Лики природы» — сразу же вводят читателя в атмосферу своеобразности обоих писателей: того, кому посвящены эти странички, и того, кем они написаны.

Закон японского гостеприимства — не задерживать уходящего, не прогонять приходящего — дал возможность гостю-автору в тишине гостиной, любясь из окна чудесным садом, ощутить неповторимость художника, «в творчестве которого столь тонко раскрыта способность японцев вступать в интенсивный личный контакт с красотой природы» (с. 22). И легкие, словно сами собой возникающие в повествовании высказывания о Кавабата, еще до его появления перед мысленным взором читателя, рождают осязаемые черты этой выдающейся личности.

Книга «Кавабата Ясунари» лирична, почти интимна. В ней проявилось одухотворенное познанием прочувствованное уважение к японскому народу — творцу неповторимых культурных ценностей. В ней и боль, сострадание к жертвам Хиросимы, и надежда на лучшее будущее, когда добрососедские отношения станут надежно и полно служить культуре и процветанию наших народов. И все-таки главное в ней — это живой образ японского писателя, воссоздаваемый во всем многообразии связей с родной культурой, на фоне ее мощно и широко описанного бытия.

Уже с первой главы «Мгновение тени» читатель попадает в чарующую обстановку знакомства с Японией иностранца, когда он видит эту экзотическую страну, ощущает ее эстетику и психологию, разительно не схожую с представлениями европейца.

Мгновения, проведенные в ожидании встречи с Кавабата Ясунари, — своеобразный лирический сюжет, самостоятельный и яркий. Память автора воскрешает эпизоды прошедших встреч — здесь, в Японии, и в других уголках Земли: Гонконге, Сингапуре, Ватикане, Сан-Франциско. Ассоциативность образных построений воссоздает свидетельства иных очевидцев — его предшественников и коллег. Читатель сразу же переносится в тот мир, который творил и в котором жил японский писатель.

При всех отличиях обычаев, манеры одеваться и многого другого, «вещественного», главным остается то, что «тайна национальности каждого народа заключается не в одежде и кухне, а в его манере понимать вещи». Эта мысль Белинского сопровождает читателя по всему повествованию. Иностранцам

бывает трудно разглядеть человека за маской, которую японцы весьма искусно умеют носить, но автору удалось раскрыть человека за маской — писателя Кавабата Ясунари. Тайнство маски, по мнению одного из героев романа Кавабата «Стон горы», в том, что «маска оживает только в движении» (с. 17). В движении показаны жизнь самого Кавабата Ясунари и жизнь его книг.

Самобытность японских традиций и привязанностей, эстетические категории дзэн-буддизма и присущий японцам культ природы, психология художественного творчества и связь фольклорных мотивов с современным мировосприятием — о многом узнаем мы из книги Н. Т. Федоренко. Мы узнаем о смысле традиции воскурения благовоний — ритуала, подобного чайной церемонии, искусству икэбаны и традиционному театру Но. Мы постигаем неукротимую мятущуюся душу художника, на склоне жизни упорно бьющегося над неподатливым словом. Мы читаем отрывки из книг Кавабата и тонкие комментарии к ним, и с помощью автора наши суждения о японской литературе обретают ощущение простора. «Кавабата Ясунари» — книга просветительская в истинном смысле, она раскрывает мудрость и красоту древних, которые так глубоко постиг японский писатель для себя и для нас.

Чайные церемонии, карликовые деревья в саду камней — чего только нет в этой сокровищнице реалий японского бытия! Легко и дарно-энциклопедические сведения о чаше ее истории и целебных свойствах. Нет только в связи с Японией. Триста лет назад впервые на Русь отведали иноземный напиток, и автор рассказывает, что последовало затем. Такой исторический экскурс в главе «После войны». Читатель узнает, что именно чайный обряд, этот древнейший японский обычай, послужил тематической основой одного из талантливейших произведений Кавабата — повести «Тысяча летших журавлей» (1949). И вдруг — возмущения о родном Пятигорске (глава «Эпиграмм»), где «не было более священной дари земли, чем место дуэли Лермонтова» (с. 226). Огромное число цитируемых историков (лишь поэтических строк около семисот!): от изречений даосского мыслителя Чжуан-цзы до стихов современных советских поэтов. Таково богатство связей истинного творчества.

И все же главное в книге — разговор о творчестве Кавабата, настолько убедительный, что, уверен, каждый повторит вслед автором: «...читатель любит у Кавабата сердце, обращенное ко всем людям. Он искореняет непосредственной своей искренностью, тем светом, который в нем постоянно горит» (с. 189).

Кавабата не разделял возжеланий возжеланного японского самурайства, как считал он своим учеником Мисима Юкио писателя, сделавшего себе характер 1970 г. во имя «возрождения былой славы империи». Гуманист, обожествлявший прекрасное в природе и человеческой жизни, Кавабата не мог быть иным. В черные дни разгула милитаризма, когда во имя «се-

щенной миссии Японии» и «великой сферы сотрудничества стран Азии» прославлялась агрессия, писатель «ни единым словом не отозвался на призывы и угрозы реакции, злобеще вопарившейся на его родине». Позже Кавабата вспоминал: «Мне чужда была слепая вера в божественную Японию, к ней не лежала моя любовь. Во мне жила печаль, и я грустил вместе с моими соотечественниками» (с. 141).

Творческие достижения Кавабата Ясунари питаются глубинными родниками национальной культуры. Собственно, за это ему и была присуждена в 1968 г. Нобелевская премия: за «писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского образа мышления». Глубоко символически звучит название знаменитого эссе Кавабата «Красотой Японии рожденный».

По словам ученого-поэта Мотоори Норинага, сердце Японии — цветение горной сакуры, благоухающей при восходе солнца. А Догэн вопрошал: «Разве не в шуме бамбучьего пути к просветлению? Разве не цветение сакуры — озарение души?» Рассуждая об этом, выявляя отличительную черту японской литературы, уходящую корнями еще просто в далекое прошлое, а в глубину души жителя этой прекрасной страны, — проникновенно говорить о значительном, — Н. Федоренко не принуждает читателя соглашаться с этим его наблюдением, однако пишет при этом, что «своеобразие это существует независимо от того, нравится это или не нравится европейцам. Он polemизирует с теми, кто отвергает иные «странности» самодовольными ярлыками «безвкусица», «гуманная заумь» и пр. Вопрос автора: «Какие основания для державных этих суждений?» — отнюдь не повисает в воздухе (с. 208).

Немало места в книге уделено «эффекту недосказанности», на котором строится многое в произведениях Кавабата. «В незавершенности присутствует элемент домысливающего действия, что особенно характерно для японской классической поэзии» (с. 166). На колоритных примерах из трехстиший Басё автор вскрывает громадную духовную, эстетическую значимость того своеобразного тропея в японском поэтическом искусстве (как и в искусстве вообще), которое «мы называем чуть-чуть в одну сторону, чуть-чуть в другую — и совершенно иной результат». Умение искусно пользоваться этим «чуть-чуть» рождает подлинно художественную правду, подлинную художественность. И так уместно подкрепляется этот вывод метким выражением Л. Н. Толстого: «Краткие мысли тем хороши, что они заставляют серьезно читателя самого думать».

Автор книги «Кавабата Ясунари» не краток, но афористичен. Не скуп на слова, но и богат мыслями, побуждающими читателя задуматься о вещах незнакомых или малоизвестных, переосмыслить устоявшиеся идеи и представления. Соглашаясь с суждением, что «Кавабата в своих произведениях стремится раскрыть тончайшие нюансы характера персонажа, прибегая для этого и к авторским отступлениям, и к созданию художественной атмосферы», Н. Федоренко

отмечает, что «все это едва ли не в самой большой степени относится к повести «Тысяча летящих журавлей» (с. 161). Но «все это» в не меньшей степени свойственно и рецензируемой книге, автор которой видится нам не только как мастер живописной детали и философских обобщений, но и как тонкий знаток психологии словесного искусства. В микроклимате его книги явственны запахи Японского моря и цветущей сакуры, чайные действия и символика каллиграфических настенных свитков, неувядающая красота камней и храмов, переменчивые, как нити рвущиеся, движения человеческого сердца и вечная связь человека с природой — прекраснейшим из чудес наряду с чудом человеческого общения через человеческую природу, через добро — высшее из человеческих деяний.

Японская классическая поэзия в лучших ее образцах, со вкусом отобранная автором (в отличном переводе А. Глускиной, В. Марковой, Т. Григорьевой), дополняет эстетическую гармонию книги.

Шемящей грустью пронизаны начальные страницы главы «Монашеская трапеза», в которой показана неотвратимость последней черты даже для таких титанов духа, как Кавабата. И вместе с автором мы сокрушаемся, что, «достигнув столь тонкого и глубокого понимания прекрасного в жизни, проникнув в тайны мира эстетики, человек уходит из этой жизни, уходит, чтобы уже никогда не вернуться» (с. 87).

Глава «Традиции и жизнь» при всей художественной выразительности и философской глубине прочих глав представляется наиболее важной и принципиальной. В ней раскрывается облик Кавабата — писателя и гражданина, хранителя древних традиций и живого участника нашей эпохи. Н. Федоренко дает ясную оценку его творчества, заслужившего мировое признание, изображает писателя в неразрывном единстве со сложной и противоречивой реальностью современного японского общества. «Художественное мышление Кавабата исторично, ибо писатель знает, что связь времен не распадается и что с прошлым человека связывают тысячи незримых нитей» (с. 140). Но именно уважительное отношение к культурным ценностям прошлого, признание факта преемственности и непрерывности цивилизации выступает сегодня идеологически заостренным оружием, противостоящим разрушительному варварству как тех, кто хотел бы построить на руинах классических достояний некое «свободное» от культуры казарменное общество, так и тех, кто ведет человеческую цивилизацию к состоянию скопища примитивных потребителей.

Выражая позицию советских людей, не мыслящих себе полноты жизни без духовных сокровищ прошлого, Н. Федоренко пишет: «Великие эстетические творения, что создавались человечеством веками, выходят на современные рубежи духовной битвы, развернувшейся в тревожном нашем мире. И книги наследия мы читаем заново, как велит нам время. На мыслителей минувших времен ложится ответ прозрения наших дней. Горе и радости мира мы разделяем.

Если кто страдает — нам больно. И если на лицах людей улыбки — мы счастливы» (с. 266).

Советский читатель достаточно знаком с творчеством Кавабата, а также с работами о нем (К. Рехо, Т. Григорьевой, Н. Федоренко). Избранные произведения писателя вошли в однотомник, выпущенный издательством «Прогресс» (1971) в серии «Мастера современной прозы». В книгу «Японская новелла. 1960—1970» (1972) включено произведение «Голос бамбука, цветок персика» (перевод Б. Раскина). В 1975 г. вышел роман «Стон горы» (предисловие Н. Федоренко, перевод В. Гривинина), ранее печатавшийся в «Иностранной литературе». Некоторые рассказы были опубликованы в периодической печати, например в «Звезде Востока» (перевод Л. Левыкиной). Книжки писателя вызвали в нашей стране немало читательских откликов. В одном из них, посвященном «Стону горы», верно подмечено, например, что в этом «сугубо национальном произведении» автор «раскрыл то общечеловеческое «родство душ», которое и есть самая крепкая основа для уважения взаимного, для братства всех народов, мира на Земле» (с. 79—80).

В волшебном мире одухотворенной красоты жил Кавабата Ясунари. «Своим творчеством Кавабата как бы говорит нам, что без прекрасного нет подлинного искусства, — пишет Н. Федоренко. — Художественное произведение должно быть проникнуто эстетическим началом. Мысль эта созвучна Достоевскому, вернувшему, что красота спасет мир» (с. 164—165). Конечно, не следует забывать об известной узости этого взгляда, приводящего к недооценке социальной сущ-

ности явлений. Не случайно поэтому, углубляясь на скрупулезное исследование мета-морфоз чувств и психологии героев Кавабата в «Стопе горы», автор упоминает о «бледности социального фона» в этом эстетически чуждому романе японского писателя (с. 164). Но следует помнить и о том, что человечество способно и социальные свои отношения «строить по законам красоты».

Н. Федоренко приводит наблюдение Робера Гиллена, утверждавшего в книге «Япония» (Париж, 1961), что «минувшие века сделали японца человеком, который относится к жизни прежде всего как художник, эстет». У него же читаем: «Эстетическое объяснение Японии» — вот хороший заголовок для книги, которую следовало бы когда-нибудь написать» (с. 175). И сам Кавабата Ясунари, и тем более книга о нем — это и есть «эстетическое объяснение Японии», данное подлинным мастером слова.

«Литературное наследие от всех земель и веков зовет наше время к себе, — пишет Н. Федоренко. — Когда читаем мы у Пушкина: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...», разве не вызывают у нас призывные эти строки стремления к постижению вечных духовных ценностей?» По этому и «Кавабата Ясунари» следует читать так, как японцы читают стихи в жанрах танка и хокку — неторопливо, вдумчиво осмысливая систему образов и ассоциаций. Это необходимо, чтобы не растерять богатства, предложенные читателю автором, уловить все нюансы связей сегодняшней реальности с мудростью прошлого.

А. И. Мамонов,
кандидат филологических наук

Рыбное хозяйство Японии

Проблемы экономического развития Японии — второй по объему ВВП капиталистической державы мира — привлекают все более пристальное внимание не только ученых-экономистов, но и всех интересующихся экономикой современного капитализма. В последние годы советскими японоведами опубликован целый ряд монографий и статей, в которых освещаются различные аспекты развития японского хозяйства. Вышедшая в 1979 г. монография Н. К. Куцобиной посвящена анализу рыбного хозяйства Японии — вопросу, который до сих пор был недостаточно освещен в советской научной экономической литературе*.

Автор поставил перед собой задачу дать детальный анализ состояния рыбного хо-

зяйства Японии — одной из важнейших отраслей японской экономики. В книге многогранный комплекс проблем собственного рыбного хозяйства увязан с экономическим развитием Японии в целом.

В предисловии отмечается, что «проблема освоения биологических ресурсов Мирового океана — настоятельная необходимость нашего времени, требующая совместных усилий ученых и практиков различных стран, ведущих промысел в его водах» (с. 6). При этом проблема заключается не только в том, чтобы использовать эти ресурсы наиболее полно в целях обеспечения растущих потребностей людей, но и в том, чтобы пользоваться ими разумно, не нарушая экологического равновесия в системе Мирового океана.

Во введении дается представление о месте рыбного хозяйства в экономике страны. Автор прослеживает, в частности место и роль рыбного хозяйства по нескольким направлениям: вклад этой отрасли в формирование национального продукта, соотношение числа занятых в рыбном хозяйстве с их общей численностью, соотношение между ввозом и вывозом рыбопр-

* Н. К. Куцобина. Рыбное хозяйство Японии. М., «Наука» (Главная редакция восточной литературы, 1979), 261 с.

дукции и всей суммой импорта и экспорта. Указанные сопоставления даются в связи с изменениями общеэкономической конъюнктуры на протяжении всех последующих лет. Роль рыбного хозяйства в статистических показателях невелика, но эта отрасль экономики чрезвычайно важна для развития японского общества, которое на протяжении многих поколений добывало и культивировало животные и растительные организмы в реках и озерах, прудах и на соляных рисовых полях, в прибрежных водах окружающих Японию морей и в различных акваториях Мирового океана.

В первой главе монографии, рассказывая о традиционных и новых районах лова рыбы и нерыбных объектов, автор отмечает, что «рыболовство Японии носит интенсивный характер» (с. 20). Различают два способа использования биологических ресурсов водной среды — собственно добычу и выращивание растительных и животных организмов. В книге проведена четкая грань между этими способами. «Принципиальным отличием рыболовства от выращивания, — подчеркивает автор, — является то, что первое несет на себе отпечаток стихийности, при втором же достигается направленное воздействие человека на продуцирующие возможности водной среды. Первое — это охота и собирательство представителей водной флоры и фауны, второе — это более высокая степень взаимодействия человека с водными «нивами» в «охотничьи угодьями» (с. 21).

Сегодня, как показано в книге, жизнь все настойчивее требует перехода от охоты и собирательства к выращиванию.

Вторая глава монографии посвящена анализу технического оснащения японского рыболовства. Рассмотрение этого вопроса автор увязывает с научно-техническим прогрессом. В главе, в частности, показано, как внедрение новейших достижений науки и техники позволило японским промысловикам повысить отдачу судов, добывающих рыбу и нерыбные объекты. При этом, кроме положительного эффекта — повышения производительности труда, — имело место и возрастание эксплуатации рыбаков.

Третья глава посвящена обработке и потреблению рыбопродукции. Как отмечается в главе, «добыча и обработка морепродуктов — неразрывные звенья единой цепи, два слагаемых единой отрасли» (с. 91). Интерес представляют исторические экскурсы, касающиеся холодильной промышленности, без развития которой были бы невозможны ни столь широкий охват японскими промысловиками акваторий Мирового океана, ни практически стопроцентное использование добытого сырья. Увлекательно также описание разнообразных и мало известных за пределами Японии способов обработки многочисленных водных животных и растений, которыми, как правило, пренебрегают другие страны.

Рассмотрена весьма разветвленная система реализации продуктов моря и установление на них цен на внутреннем рынке. Казалось бы, столь сложная и многосту-

пенчатая система сбыта должна была бы затруднять путь рыбы и нерыбных объектов от рыбаков до потребителей. Однако, как показано в монографии, годами отработавшая система действует четко, без перебоев и потерь. Отмечается и обратная сторона этой системы — постоянный рост цен на морепродукты, проходящие через руки многих владельцев, от которого в конечном счете страдают потребители, а наживаются прежде всего крупные рыбопромышленные компании.

В четвертой главе рассматривается чрезвычайно сложная организационно-производственная структура рыбного хозяйства Японии. Для специалистов, занимающихся изучением японской экономики, это представляет особый интерес, поскольку указанный вопрос еще не освещался в советской научной литературе и поскольку эта система отражает в себе те же зависимости между производителями, которые существуют и в других отраслях народного хозяйства. Рассказывая об истории возникновения пяти крупнейших рыбопромышленных компаний — «Тайё гёгё», «Ниппон суйсан», «Нитиро гёгё», «Кёкуё» и «Ниппон рэйдо», автор анализирует их деятельность и роль в наше время, подчеркивая, что они «подчиняют своему влиянию массу производителей, представленную прибрежными рыболовными хозяйствами, а также мелкими и средними рыболовными предприятиями» (с. 150).

Вопросы труда и социальные проблемы в области рыбного хозяйства исследуются в пятой главе. Приведя данные о сокращении числа занятых в различных группах хозяйственных единиц, автор приходит к выводу, что в конце 60-х — начале 70-х годов происходил процесс не концентрации, а, напротив, измельчения хозяйственных единиц в отличие от общеэкономической тенденции. Факты подтверждают этот вывод. Процесс концентрации в японском рыбном хозяйстве выражается не в увеличении среднего числа занятых, а в концентрации средств производства (с. 160). Автор останавливается на историческом аспекте этого вопроса и показывает, почему это выгодно крупным рыбопромышленным компаниям, рассказывает об условиях труда «пролетариев моря» и их борьбе за улучшение своего положения.

В последней, шестой главе анализируется деятельность правительства, направленная на усиление конкурентоспособности японского рыбного хозяйства. Довольно подробно освещается, в частности, система административного управления отраслью от департамента по вопросам рыболовства до местных (префектуральных) органов. «Поскольку рыбное хозяйство имеет чрезвычайно большое значение для обеспечения населения Японии пищевыми товарами, его развитие находится под постоянным контролем правительственных властей, — отмечает автор. — Этот контроль охватывает практически все уровни добычи, обработки и реализации рыбной продукции. Вмешательство государства в работу отрасли

осуществляется как на внутреннем, так и на международном уровне» (с. 175—176). Большой интерес представляют рассмотренные автором малоизвестные исторические факты, связанные с реформой системы прибрежного рыболовства в послевоенные годы.

Анализируя политику правительства за последние три десятилетия, автор отмечает ее зигзагообразность, которая обусловлена как внутренними, так и внешними факторами. Сейчас, в условиях нового порядка эксплуатации вод Мирового океана (установление многими странами мира 200-мильных экономических зон), Япония наметила для себя несколько магистральных направлений развития рыбного хозяйства. К ним относятся, в частности, сотрудничество с прибрежными государствами в целях получения доступа к биологическим богатствам их континентального шельфа, исследование новых районов и объектов промысла, усиление мер, направленных на переход к интенсивным методам получения водных биоресурсов, то есть осуществление принципа «от рыболовства берущего — к рыболовству создающему».

Большое внимание автор уделяет в связи с этим финансовой и кредитной политике правительства в области рыбного хозяйства, увязывая ее с кратко- и долгосрочными факторами развития японской экономики в целом. Интересен раздел о научно-исследовательской работе и подготовке специалистов для рыбного хозяйства. Рассматривая эту проблему, автор показывает, что если система государственных научно-исследовательских организаций решает национальные проблемы — поднятие продуктивности прибрежных вод, их чистоты и пр., то направленность исследований частных организаций, принадлежащих крупнейшим рыбопромышленным компаниям, носит более выраженный практический характер. Они призваны прежде всего обеспечить прибыльность компаний, повысить их конкурентоспособность и т. п. (с. 195). Описывая систему подготовки кадров, автор обращает внимание на то, что в новых условиях эксплуатации Японией отдаленных от нее акваторий Мирового океана она сознательно идет на подготовку не только у себя, но и на местах специалистов различного профиля в обмен на возможность вести промысловые операции в прибрежных водах иностранных государств. С этой же целью она предоставляет той или иной прибрежной стране свои накопленные веками знания и опыт в области собственного рыболовства и аквакультуры, а также технические средства.

Автором рассмотрены вопросы международного сотрудничества в морском промысле. В частности, отмечается, что бытовавшее долгое время представление о «безграничных» возможностях Мирового океана сменилось в 30-х годах нашего столетия пониманием того, что они отнюдь не таковы. Это выразилось прежде всего в международных соглашениях об отстреле китов (1937 и 1938 гг.). Первые пос-

левоенные ограничительные международные соглашения также касались этих животных. Автор подробно рассказывает том, как работала Международная комиссия по китобойному промыслу.

Вторая линия международных ограничительных мероприятий, на которой также останавливается автор, касается комплекса проблем, связанных с определением права прибрежных государств на прилегающие к ним воды. Они приобрели особую остроту не столько в связи с использованием биологических запасов вод прибрежных государств (хотя это также имеет значение), сколько в связи с активизацией добычи нефти и газа из недр континентального шельфа. В книге подчеркивается, что, коль скоро шельфовая зона юридически признается собственностью того или иного государства, то это должно препятствовать хищническому разграблению богатств данной страны другим, более мощным в техническом и финансовом отношении государством.

Эта сложная проблема стала предметом длительного обсуждения на III международной конференции по морскому праву. Хотя на конференции не было выработано единого документа, правовые нормы эксплуатации морей и океанов претерпели значительные изменения: все больше стран объявляют об установлении 200-мильных зон, куда без разрешения правительства прибрежного государства заказан вход промысловым судам других стран.

Кроме этих аспектов международного сотрудничества в морском промысле, в книге рассмотрены отношения Японии в этой области с ее ближайшими соседями, у берегов которых она ведет промысел рыбы и нерыбных объектов, — СССР, США, Южной Кореей и КНР. В этом разделе анализируются перспективы рыболовства Японии в новых условиях эксплуатации вод Мирового океана, проблемы, стоящие перед рыбным хозяйством Японии, и пути их решения.

Небольшой, но важный раздел монографии посвящен месту Японии в мировом рыбном хозяйстве. Международное сопоставление различных статистических показателей рисует картину успехов, достигнутых Японией в развитии этой отрасли в послевоенный период. Действительно, сколько надо было вложить труда, знаний, ума и усердия, чтобы опередив другие мощные в техническом отношении капиталистические государства, выйти по многим показателям на передовые места в мире.

В заключении содержатся выводы исследования. При этом автор по-новому подходит к общей оценке рыбного хозяйства Японии. «В современном виде, — подчеркивается в книге, — рыбное хозяйство представляет собой вертикальный межотраслевой народнохозяйственный комплекс, подобно агропромышленному, нефтехимическому и лесотехническому комплексам. Его можно назвать рыбопромышленным комплексом» (с. 225). Вместе с тем делается вывод о необходимости не только для Японии, но и практически для всех стран

мира, эксплуатирующих Мировой океан, расширять работы по выращиванию различных объектов водной среды. «Задача состоит в том, чтобы постоянно осуществлять совершенствование методов культивирования биологических объектов Мирового океана, превращать его воды в место развития морского животноводства и растениеводства» (с. 227).

Монография не лишена и некоторых недостатков. Было бы полезно при анализе влияния технического прогресса на функционирование отрасли провести также же сопоставление по тоннажеvoоруженности, тоннажеотдаче, производительности труда и т. д. и по другим капиталистическим странам, что дало бы возможность показать, насколько Япония по эффективности рыбногo хозяйства отличается от этих стран, что, безусловно, обогатило бы работу. Хотя статистическое приложение (146 таблиц) и дает довольно полное представление о положении в отрасли в послевоенные годы, однако по нему трудно про-

следить, как изменялось во времени то или иное явление, поскольку в таблицах содержатся данные лишь за 7—9 лет. В табличном материале статистические показатели доведены до 1975—1976 гг., в тексте же анализ зачастую заканчивается более ранним годом. Так, например, на с. 27 океанический промысел дан на 1974 г., а в таблице 2 (с. 232) — на 1975 г. Такое же «отставание» имеется и по другим показателям. Следовало бы более подробно остановиться на такой важной проблеме, как формирование рыбопромышленного комплекса, впервые поставленной в исследованиях о рыбном хозяйстве Японии. Тем не менее монография Н. К. Куцобиной, несомненно, представляет собой заметный вклад в советское японоведение и будет интересна не только для специалистов, но и для широкой читательской аудитории.

Р. Д. Хлынова,

кандидат экономических наук

Полезное пособие

Литература по китайскому языку обогатилась новым изданием — книгой М. В. Крюкова и Хуан Шуин «Древнекитайский язык», представляющей собою первое в нашей стране практическое пособие, столь необходимое для всех, кто изучает не только древнекитайские тексты, но и современный китайский язык*. Подчеркивая, насколько важно овладение древнекитайским языком для каждого китаиста, авторы книги справедливо отмечают, что роль этого языка в свое время была близка к роли латыни. Эту функцию «китайской латыни» выполнял, как известно, письменный китайский язык — *вэньян*, сформировавшийся на основе живого древнекитайского языка. *Вэньян*, однако, далеко не то же самое, что древнекитайский язык. Последний прошел длительный путь развития, и его древнейшие памятники, как замечают во введении авторы рецензируемой книги, «отличаются от текстов II—I вв. до н. э., быть может, не меньше, чем последние от современного китайского языка» (с. 6).

Данное обстоятельство существенно отличает древнекитайский язык, представленный памятниками различных исторических эпох, от «застывшего» *вэньяня* с его «неизменным» набором грамматических средств, включающим грамматические формы, которые встречаются в древнекитайском языке на разных этапах его развития, и прежде

всего в период так называемого классического китайского языка (V—II вв. до н. э.).

Среди опубликованных в нашей стране исследований по древнекитайскому языку до сих пор отсутствовали работы обобщающего характера, в которых давалась бы характеристика всех этапов развития древнекитайского языка. Книга М. В. Крюкова и Хуан Шуин тем более представляет интересную попытку систематической характеристики древнекитайского языка на всем протяжении его развития, начиная с языка древнейших гадательных надписей конца II тысячелетия до н. э. и кончая языком первых веков н. э.

Авторы книги различают шесть основных периодов развития древнекитайского языка: 1) архаический (XIV—XI вв. до н. э.), 2) ранний доклассический (X—VIII вв. до н. э.), 3) поздний доклассический (VII—VI вв. до н. э.), 4) ранний классический (V—III вв. до н. э.), 5) поздний классический (II в. до н. э. — II в. н. э.) и 6) постклассический (III—V вв.). Один из основных критериев указанной периодизации — грамматические особенности языка каждого периода. Характеризуя каждый из этапов, авторы отмечают, например, такие важные сдвиги в развитии языка, как появление именных суффиксов, не только оформивших слово, но и приведших к утрате таким словом прежней полифункциональности (постклассический язык, с. 298). Обращается внимание на возрастание частоты употребления тех или иных грамматических средств, уже имевшихся на предшествовавшей стадии развития языка. Учитываются факты изменения порядка слов (например, в аппозитивных конструкциях, с. 133) и т. п. В целом авторам удается довольно полно охарактеризовать каждый из выделяемых этапов в развитии языка, отметить его наиболее существенные особенности.

Изучению языка каждого периода отводится по десяти уроков. Основная часть

* М. В. Крюков, Хуан Шуин. Древнекитайский язык. Тексты, грамматика, лексический комментарий. М., «Наука», 1978, 512 с. с илл.

книги включает, таким образом, шестьдесят уроков, построенных по единому плану. Урок состоит из оригинального текста, комментариев и заданий для самостоятельной работы. Шести главным разделам книги предпосланы краткие общие сведения о древнекитайском языке соответствующего периода. Как пишут сами авторы учебника, свою задачу они видели в том, чтобы дать возможность изучающим древнекитайский язык «посредством тщательной проработки сравнительно небольшого числа наиболее типичных текстов овладеть суммой навыков и приемов, с помощью которых можно будет затем самостоятельно разобраться в любом тексте на древнекитайском языке или средневековом «вэньяне» (с. 7). Думается, что авторами проделана в этом плане большая работа, и их пособие действительно дает возможность изучающим древнекитайский язык достичь указанной цели.

Весьма удачно подобраны тексты, включающие фрагменты гадательных надписей на костях животных, надписей на бронзе, каменных барабанах, отрывки из стихотворных произведений различных эпох, из трактатов древнекитайских философов, из «Исторических записок» крупнейшего древнекитайского историка Сыма Цяня, поэтические и прозаические тексты из сборников III—V вв. В приложении дан «ключ к текстам» с переводом каждого из них на русский язык.

Ясностью и четкостью трактовки отличаются грамматические и лексические комментарии, сопровождающие тексты уроков. Значительное внимание авторы уделяют сопоставлению грамматики древнекитайского языка различных исторических эпох. В книге отчетливо прослеживается процесс развития и пополнения грамматических средств древнекитайского языка. Правда, отдельные формулировки представляются не вполне точными, а некоторые, по-видимому, спорны. Так, на с. 16 используются термины разных планов, когда говорится о сочетаемости сказуемого с наречиями. Спорной представляется интерпретация сочетания *си ту* («западные земли») в одном из предложенных уроков как подлежащего. С нашей точки зрения, это — обстоятельство места, а все предложение с данным сочетанием — односоставное. В общем, однако, трактовка грамматических явлений авторами книги вполне соответствует ее назначению как практического пособия для изучающих основы древнекитайского языка. Более того, поскольку степень изученности различных периодов истории древнекитайского языка весьма неравномерна, рецензируемая книга, представляя общую характеристику данного языка, вносит, как мы полагаем, существенный вклад в изучение его грамматической структуры в целом.

Отлично составлен лексический комментарий. Он сопровождается краткими экскурсами в историю древних китайцев. Приводимые авторами сведения дают читателю четкое представление о той или иной реалии древнекитайского общества. Ряд таких

комментариев снабжен рисунками и схемами, что делает изложение еще более наглядным. Удачен сам подбор рисунков, воспроизводящих облик иньских надписей на костях животных, ритуальных чжоуских бронзовых сосудов и надписей на них, древние изображения персонажей китайской истории. Некоторые иллюстрации выполнены с оригинальных древнекитайских барельефов, фресок, изображений на бронзе.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, прием подачи китайских текстов без пунктуации. Как известно, используемые тексты были снабжены пунктуацией лишь в процессе их редактирования. Правдивые авторами сведения о порядке членения «сплошного текста» дают возможность изучающим язык постепенно овладевать техникой членения таких текстов и впоследствии читать не только отредактированные тексты, но и не имеющие знаков препинания, в частности эпиграфические. В книге предлагается ряд критериев, с помощью которых учащиеся могут произвеста членение текста на предложения. Этот методический прием, развивая «активное отношение» к тексту, сосредоточивает к тому же внимание обучающихся на существенных, «строєвых» элементах структуры языка, способствует лучшему пониманию его грамматической специфики.

Книга снабжена словарем. Транскрипция текстов дается в соответствии с современной произносительной нормой, причем авторы придерживаются раздельного написания слогов даже в тех случаях, когда транскрибируется двусложное или многосложное слово. Такой унифицированный подход в данном случае представляется вполне рациональным.

Весьма полезны таблицы в приложении, в которых наглядно показана эволюция системы служебных слов древнекитайского языка. Имеется также указатель служебных слов с отсылками на грамматический комментарий соответствующих уроков.

Библиография включает важнейшие работы по древнекитайскому языку на русском, западноевропейских и китайском языках.

В книге есть опечатки (например, знак «шо» вместо «юэ» на с. 239), но их количество, кажется, минимально.

При переиздании работы было бы полезно снабдить ее картой-схемой того ареала, о топонимах которого чаще всего идет речь в текстах учебника.

В целом новая работа М. В. Крюкова и Хуан Шуня заслуживает высокой оценки. Издание в нашей стране данного учебного пособия, несомненно, удовлетворяет давно назревшую потребность в книге подобного рода. Об интересе, который она вызвала, свидетельствует, в частности, тот факт, что учебник чрезвычайно быстро разошелся и уже стал своего рода библиографической редкостью.

А. А. Москалев,
кандидат филологических наук

«От Великого похода до агрессии» *

Для понимания того, что происходит ныне в Китае, необходимо, по-видимому, обратиться к прошлому, к истокам того процесса, который увел эту страну далеко в сторону от магистрального пути развития истории. «Китайский феномен» своей опасной гипертрофией вызывает тревогу и беспокойство не только прогрессивных политических и государственных деятелей, но и всех народов, желающих жить в мире и добрососедстве. Он привлекает внимание историков, философов, публицистов, пытающихся понять его и разоблачить. Второй аз обращается к нему и венгерский публицист Ференц Варнаи. Его первая книга «Путь маонистов», выпущенная издательством «Кошут» (она вышла также в переводе на русский язык), представляет собой своеобразную биографию маонизма. Раскрывая мелкобуржуазную сущность маонизма, автор писал: «Маонисты вступили в конфликт с марксизмом-ленинизмом, с пролетарским интернационализмом, и если острое их нападение направлено против Советского Союза, против КПСС, то только потому, что КПСС наиболее последовательно отстаивает эти принципы, что политика СССР является оплотнением интернационализма и самым крупным препятствием на пути маонистских стремлений»¹.

В новой книге «От Великого похода до агрессии» (изд-во «Зриньи», Будапешт, 1979) на основе документов и свидетельств ревизионцев Варнаи показывает, что путь реваншеров не кончается предательством, а ведет дальше, к агрессии, к созданию ситуации, опасной для всеобщего мира и безопасности народов. Тот факт, что пекинское руководство проводит политику быстрого наращивания вооружений, одновременно отвергая все инициативы, направленные на смягчение международной напряженности, вызывает во всем мире опасение, не приведет ли усиленная милитаризация Китая к войне, не нарушит ли его переход в лагерь международной реакции равновесие сил в пользу противников разрядки, свободы и независимости народов.

У многих в связи с этим возникает вопрос, как мог оказаться в подобной ситуации Китай, народ и армия которого в свое время вели героическую борьбу против японского империализма, свергли буржуазно-феодалный режим Чан Кайши и в первые годы после установления народной власти добились огромных успехов в хозяй-

ственном строительстве, опираясь на экономический, политический и военный союз с социалистическими странами. Ответ на этот вопрос следует искать в самой истории КПК, в рядах которой непрерывно шла то явная, то подспудная борьба сторонников марксистско-ленинского, интернационалистического курса против непролетарских, националистических элементов и мелкобуржуазных революционеров, усвоивших лишь отдельные лозунги марксизма.

«Правда заключается в том, — пишет Варнаи в предисловии к книге, — что в руководстве Коммунистической партии Китая уже с конца 20-х — начала 30-х годов возникли и обострились противоречия между интернационалистическими и националистическими элементами. А в конце 50-х годов, к сожалению, верх одержал великодержавно-шовинистический курс, который вот уже два десятилетия деформирует облик Китайской Народной Республики» (с. 4).

Сами маонисты примитивно делят свою историю на два периода — «период поражений», когда Мао Цзэдун еще не был во главе партии, и «период победы китайской революции», когда в партии начали культивироваться идеи «великого кормчего». В действительности же — и Варнаи подтверждает это документами и фактами — зарождение и развитие маонизма прошло через четыре основных этапа.

Формирование антимарксистских концепций Мао Цзэдуна в основном происходит в период с 20-х годов по 1934 г. 1935—1959 гг. автор считает периодом борьбы Мао за господствующую позицию в китайском революционном движении и в армии. В 60-х — начале 70-х годов маонисты развертывают борьбу за руководящую роль в международном коммунистическом движении и, когда им не удается достичь своих целей, порывают с коммунистическим движением и социалистическим содружеством. Во второй половине 70-х годов они открыто смыкаются с экстремистскими силами империализма, провозглашают единый фронт борьбы против Советского Союза, развязывают агрессию против одной из социалистических стран — Вьетнама, пытаются тем самым заручиться помощью западных стран в модернизации китайской армии и экономики, в создании материально-технической базы для своей великодержавно-шовинистической политики.

Свой отход от позиций интернационализма, предательство идей марксизма-ленинизма маонисты пытались сначала представить как «конфликт с Москвой», ответственность за который несет «советское ревизионистское руководство». Однако их дальнейшие действия показали, что они не только выступают против Советского Союза, но и пытаются вызвать раскол в социалистическом содружестве, противопоставить братские страны первому в мире социалистическому государству. Конфликт, следовательно, возник не между двумя партиями или двумя странами. В своем стремлении подорвать единство социалистических стран маонисты проводят по отношению к ним дифференцированную политику, пытаются активизировать

* F. Várnai. A hosszú meneteléstől az agresszióig. Zrinyl katonai kiadó. Budapest, 1979, 248 old.

¹ Ф. Варнаи. Путь маонистов (пер. венгерского). М., 1979, с. 14.

националистические, антисоветские силы. Теперь они представляют дело так, будто социалистические страны, решающие многие из своих проблем с бескорыстной помощью Советского Союза, идут якобы у него на поводу. В одном из своих выступлений во Всекитайском собрании народных представителей председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, например, прямо призывал социалистические страны «вести борьбу против угроз, вмешательства, подрывной деятельности и контроля со стороны сверхдержав, особенно Советского Союза». Тут же он клеветнически назвал Совет Экономической Взаимопомощи и организации Варшавского Договора «орудиями советского господства» (с. 170). После X съезда КПК маоисты развернули яростную антисоветскую кампанию, провокационно заявляя, что Советский Союз готовился напасть на Китай. «Одновременно с распространением этой клеветы, — отмечает автор, — они идут на союз с любыми силами в интересах борьбы против Советского Союза, социалистического содружества, единства международного рабочего движения» (с. 139).

Ференц Варнан обращается к истории для того, чтобы не только напомнить читателю о поучительных событиях и фактах прошлого, но и определить классовую природу тех сил, которым удалось одержать верх в китайском руководстве, проследить логику их действий. Известно, что в китайской революции важную роль играла Народно-освободительная армия, заслуги которой, начиная от Великого похода до разгрома чанкайшистов, ни у кого не вызывают сомнения. Настораживает, однако, то обстоятельство — и автор книги обращает на него внимание читателя, — что маоисты распространяют законы военного времени на период мирного строительства, культивируют «военный коммунизм» и «военную демократию», подменяют научный подход к решению народнохозяйственных задач волюнтаризмом. Дело в том, что они всегда считали армию более действенным средством завоевания власти, чем партия (с. 151). Мао Цзэдун еще в 1938 г. говорил: «...Располагая винтовкой, можно действительно создавать партийные организации... Кто хочет захватить государственную власть и удержать ее, тот должен иметь мощную армию»². В связи с этим автор книги напоминает слова Ленина о необходимости «овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности», о том, что было бы неверно выдвигать на передний план только военные методы, армию³.

Немарксистский, мелкобуржуазный подход к вопросу о власти обнаруживался у маоистов уже в период гражданской войны и борьбы против японских оккупантов, когда особенно остро стояла проблема объединения всех национальных и патриотических сил в единый фронт сопротивления. Этой же

позиции они упорно придерживались после победы революции и установления народной власти. В августе 1958 г. на совещании в Бэйдайхэ Мао Цзэдун заявил о необходимости введения «обстановки военного коммунизма» (с. 75). При этом «военный коммунизм» как идеальная, по мнению маоистов, организация общества, означает отказ от ленинского принципа материальной заинтересованности и замену его уравниловкой. Ставилась задача милитаризации всего китайского общества по образцу Народной освободительной армии, регламентированной всей жизни в духе «казарменного социализма». Все это в корне противоречит марксизму-ленинизму.

«В жизни той или иной страны, естественно, может сложиться такая ситуация, — пишет в связи с этим Варнан, — когда равное распределение небольших запасов товаров можно обеспечить лишь путем применения строгих мер» (с. 82). В качестве примера автор приводит, в частности, вынужденное введение системы военного коммунизма в СССР в годы гражданской войны. «В ходе китайской революции, — отмечает он, — также было естественно обеспечивать таким методом снабжение освобожденных районов или войска сражающейся Красной армии. Здесь же речь идет совершенно о другом, о настоящей дискредитации коммунизма. Коммунизм учит марксизм-ленинизм, означает не нищету, не равное распределение скудных запасов продовольствия и товаров, а изобилие, обеспечение каждого материальными благами в соответствии с его потребностями. А этого можно достичь не примитивной организацией труда, не военизированием масс, а развитием современных производительных сил» (с. 82). Для этого, как указывал Ленин, необходима организация, на которую могла бы опереться «вся современная наука и техника. Для этого дела поминать винтовки есть величайшая глупость»⁴.

Маоисты не перестают «поминая винтовки». В организации общества по армейскому образцу они видят средство решения сложных экономических и политических проблем. Еще при жизни Мао Цзэдуна армия была объявлена «школой» его идей, армия стала решающей силой и в проведении «культурной революции». В письме Ли Бяо, например, Мао Цзэдун призывал «вернуть армию в «великую школу», в которой солдаты помимо политики, военных дел и культуры занимались бы сельским хозяйством, подсобным и промышленным производством как для удовлетворения собственных потребностей, так и для обмена товаров государственного сектора (с. 111). Правда, экономический эффект этой деятельности оказался незначительным. Скоро преследовалась цель возложить на армию функции государственных органов в случае развертывания наступления на политических противников Мао. Впоследствии это и произошло.

Об исключительной роли армии в жизни

² Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 2. М., 1953, с. 388.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 81.

⁴ Там же, т. 36, с. 272—273.

страны говорят и другие факты. Практически, подчеркивает Ф. Варнаи, под контроль военных частей поставлена вся экономическая, политическая и культурная жизнь страны. Реальная власть в провинциях находится в руках генералов, которые, как правило, выполняют функции командующих военными округами и местных органов власти (с. 180). Такие лозунги, как «винтовка орудие власти», «учиться у армии», «армия — школа идей Мао Цзэдуна», не имеющие ничего общего с марксистским пониманием роли партии в период построения социализма в Китае, не только провозглашаются, но и претворяются в жизнь. Армия в КНР доминирует над партией. Ф. Варнаи приводит в своей книге такие данные: более 90 процентов членов Центрального комитета КПК — представители армии, 10 из 13 членов политбюро — военные, трое из пяти членов постоянного комитета, сосредоточившего в своих руках фактическую власть, одновременно выполняют высшие военные функции (с. 161).

«Казарменный социализм» можно было бы считать внутренним делом Китая, если бы его руководители только лязгали винтовочными затворами. Но в том-то и дело, что маоисты выступают против политики мирного сосуществования, называют разрядку международной напряженности «великим бманом», твердят о неизбежности третьей мировой войны, предъявляют территориальные претензии к соседним странам, провоцируют военные конфликты. Они упорно отвергают все инициативы, направленные на разоружение.

Ф. Варнаи называет три причины заинтересованности маоистов в гонке вооружений. Во-первых, эта гонка служит оправданием милитаризации страны — по данным ООН, военные расходы КНР превышают 10% государственного бюджета. Во-вторых, гонка вооружений, по мнению маоистов, стимулирует экономическое и социальное развитие тех стран, которые они рассматривают в качестве своих противников. В-третьих, ретивясь к разоружению, Пекин стремится привлечь и развивающиеся страны в гонку вооружений, которая легла бы тяжелым бременем на их экономику и способствовала бы усилению влияния Китая в этих странах (с. 164—167).

При этом в условиях гонки вооружений маоисты рассчитывают добиться помощи империалистических государств в наращивании и совершенствовании военного потенциала Китая.

Особую тревогу миролюбивых народов вызывает позиция китайского руководства относительно ядерных вооружений и ядерной войны, прямо противоположная позиции международного коммунистического движения. Маоисты, подчеркивает Ф. Варнаи, отрицают возможность предотвращения термоядерной войны, отвергают политику мирного сосуществования государств с различными общественным строем, не видят взаимосвязи между борьбой за мир и развитием революционного и национально-освободительного движения. Призывая к подготовке к ядерной войне, в которой, по их

подсчетам, погибла бы половина человечества, они в конечном счете не верят в победу социализма над капитализмом в мирном экономическом соревновании (с. 98—99).

Значительное место в книге уделяется вопросам модернизации китайской армии. Китайские регулярные вооруженные силы насчитывают, по данным автора, 4325 тыс. человек (3625 тыс. в сухопутных войсках, 400 тыс. в военно-воздушных силах и войсках противовоздушной обороны, 300 тыс. в военно-морском флоте и морской авиации). Кроме того, к военизированным силам относится вооруженная милиция — 7 млн. человек, составляющих 75 дивизий и десятки полков, многомиллионная городская милиция, строительно-производственные корпуса (почти 4 млн. человек), а также 70—100 млн. человек, входящих в так называемую базовую милицию, в которой они проходят боевую подготовку (с. 179). Автор характеризует основные рода войск и приводит в связи с этим любопытные данные по их организационной структуре, оснащенности боевой техникой и боеспособности.

Маоисты отдадут себе отчет в том, что их нынешняя армия недостаточно сильна для достижения экспансионистских целей. Поэтому они разработали программу модернизации вооруженных сил, к осуществлению которой привлекают западных специалистов.

«Китайские военные делегации одна за другой совершают «ознакомительные поездки» в страны НАТО, — пишет Ф. Варнаи. — Во время этих поездок речь идет отчасти о закупках современного оружия, отчасти — и это имеет не менее важное значение для китайской военной промышленности, техническая отсталость которой увеличилась в годы «культурной революции», — о приобретении лицензий и технологической документации. Кроме того, китайские военные руководители получили на Западе возможность изучать опыт стран — членов НАТО в боевой организации войск и управления ими» (с. 207).

Целям технической модернизации армии служат и такие меры, как создание специального комитета по вербовке проживающих за рубежом технических специалистов китайского происхождения, приглашение в Китай на неопределенный срок проживающих в США ученых, главным образом работающих в области ядерной физики, точной механики, космической и авиационной техники, направление китайских студентов на учебу в технические вузы западных стран.

Путь предательства дела социализма, интересов и целей международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов логически привел маоистов в лагерь врагов мира и прогресса. Их расширяющиеся связи со странами североатлантического блока снискали Китаю позорную славу «шестнадцатого члена НАТО». «Стремящиеся к изменению соотношения сил в мире поборники «холодной войны», — пишет автор, — готовы содействовать модернизации китайского военного потенциала в надежде именно с помощью Китая сковать значительную часть военной мощи Советского Союза и

других социалистических стран» (с. 222).

Маонсты, однако, пошли дальше, к логическому завершению своей позорной биографии. Развязав агрессию против социалистического Вьетнама, они окончательно разоблачили себя как враги мира, демократии, прогресса. Анализируя реакцию мировой общественности на эту вероломную акцию, автор книги пишет: «Следует открыто сказать: агрессия против Вьетнама стала результатом великодержавной, шовинистической политики Пекина, ничего общего не имеющей с социализмом, более того — явно враждебной ему. Китай перешел к прямой и открытой экономической, политической и даже Вьетнама, военной борьбе с социализмом» (с. 222).

В сложившейся обстановке перед Китаем есть три возможности, пишет в заключение Ференц Варнан. Если он захочет вернуться на путь подлинного подъема, строительства социализма, то он должен восстановить дружбу и сотрудничество с Советским Сою-

зом и другими социалистическими странами. На основе принципов мирного сосуществования он может также нормализовать по крайней мере государственные отношения со странами социалистического сотрудничества, которые всегда были на это готовы. Третий путь, по которому Китай следует последние годы, означает антисоветскую националистическую, авантюристическую политику, направленную на смыкание с мировой реакцией. «Поэтому борьба против максималистских идей и практики, — подчеркивает Ференц Варнан, — неотделима от борьбы против империализма, за торжество дела мира и безопасности, за чистоту принципов научного социализма, а также за сохранение достижений китайской революции. По существу эта борьба является одной из форм оказания интернациональной помощи революционному делу китайского народа» (с. 241—242).

М. Д. Попов

**Советско-японская
конференция
«Круглого стола»
в Токио (декабрь 1979 г.)**

4—9 декабря 1979 г. в Токио состоялась первая советско-японская конференция «Круглого стола» на тему «Роль и задачи общественности в движении за укрепление дружбы между народами Советского Союза и Японии».

В состав делегации советской общественности входили: председатель правления общества СССР — Япония, Министр морского флота СССР, депутат Верховного Совета СССР Т. Б. Гуженко (руководитель делегации); главный редактор журнала «Иностранная литература» член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко; торгпред СССР в Японии В. Б. Спандарьян; заместитель директора ИДВ АН СССР В. А. Кривцов; политический обозреватель газеты «Известия» В. А. Матвеев; первый заместитель главного редактора «Литературной газеты» В. А. Сырокомский; заведующий кафедрой МИМО МИД СССР Б. П. Лаврентьев.

На конференции также присутствовали находившаяся в Японии делегация партийных работников КПСС во главе с директором Института марксизма-ленинизма А. Г. Петровым, сотрудники Советского посольства, представители советской прессы и Государдио (всего около 50 человек).

С японской стороны в конференции приняли участие видные представители японской общественности, члены парламента (в том числе председатель парламентской ассоциации японо-советской дружбы Х. Исиды, председатель Общества японо-советской дружбы М. Акаги и др.), руководители большинства дружественных СССР организаций и обществ, представители делового мира, интеллигенции, молодежных и женских организаций, многочисленные представители прессы (всего около 100 человек).

После пленарного заседания, на котором выступили с японской стороны Х. Исиды и М. Акаги, а с советской — посол СССР в Японии Д. С. Полянский и Т. Б. Гуженко, начались секционные заседания конференции. Работали четыре секции. Первая зани-

малась вопросами движения за дружбу между Японией и СССР (в ней участвовали Т. Б. Гуженко, Н. Т. Федоренко, Б. П. Лаврентьев); вторая — вопросами японо-советских экономических связей (участник В. Б. Спандарьян); третья — вопросами развития международной обстановки и положения на Дальнем Востоке (участники — В. А. Матвеев и В. А. Кривцов); четвертая — вопросами развития культурного и научного обмена между СССР и Японией (участники — Н. Т. Федоренко и В. А. Сырокомский). На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций и принято коммюнике конференции.

На пленарном и секционных заседаниях активно обсуждались проблемы политических, экономических, культурных и научно-технических связей СССР и Японии, подчеркивалось, что их успешное развитие неотделимо от усилий, направленных на укрепление мира и безопасности народов, на прекращение гонки вооружений, особенно ядерных, на разоружение, углубление рядки и распространение ее на все районы мира, и что развитие этих связей представляет собой фактор мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Азии, способствует делу мира во всем мире. Советская делегация последовательно проводила мысль, что Япония и СССР должны безотлагательно начать работу по подготовке документа о принципах отношений между двумя странами на основе добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, а также развивать дальше экономические и технические связи, расширять научные и культурные обмена на долговременной основе как по государственной, так и по общественной линии, способствовать углублению взаимопонимания и упрочению доверия между народами СССР и Японии.

Члены советской делегации убедительно и аргументированно разъясняли японским участникам конференции несостоятельность выдвигавшихся в Японии территориальных претензий к СССР, надуманность утверждений об опасном для Японии наращивании военной мощи СССР на Дальнем Востоке, ошибочность оценки внешней политики КНР, ситуации в Юго-Восточной Азии.

Советская делегация имела встречи и беседы с Генеральным секретарем кабинета министров Японии Ито, председателем палаты советников японского парламента Ясуи, председателем палаты представителей японского парламента Надо, министром транспорта Японии Тидзакки, президентом газеты «Майнити» Хираока, руководством общества Япония — СССР (Хориз и др.).

Во время этих встреч официальные представители Японии положительно расценивали факт проведения конференции и ее коммюнике, подчеркивали, что в японо-советских отношениях исчерпаны не все возможности и важны совместные усилия для реализации этих возможностей, что надо готовить почву для развития отношений добрососедства и сотрудничества между Японией и СССР. Одновременно они поднимали в той или иной форме «территориальный вопрос» и другие аналогичные вопросы.

Члены советской делегации провели большую работу с представителями японской прессы и телевидения. Помимо выступления по телевидению, руководитель делегации дал интервью крупнейшим японским газетам — «Асахи», «Майнити», «Номмури». По завершении конференции главы советской и японской делегаций специально встретились с представителями прессы.

Члены делегации В. А. Матвеев, В. А. Сырокомский и Б. П. Лаврентьев 7—8 декабря участвовали в первом советско-японском симпозиуме в Кумамото и Фукуока, посвященном развитию дружественных связей между СССР и Японией. С японской стороны участвовало более 80 активистов общества японо-советской дружбы. Симпозиум принял совместный документ, осуждающий японо-американский договор безопасности, антисоветскую кампанию в японской прессе и призывающий к развитию японо-советской дружбы.

Члены делегации также встречались и вели беседы с представителями японской общественности, деловых кругов, интеллигенции, учеными, писателями.

Оценивая в целом результаты конференции, можно утверждать, что первая Токийская конференция «Круглого стола» прошла успешно, в атмосфере взаимопонимания. Главным результатом конференции явилось принятие коммюнике, в которое включено положение о том, что СССР и Япония

должны как можно скорее приступить к выработке документа о принципах отношений между двумя странами на основе добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества в интересах советского и японского народов, дела мира и безопасности в Азии. Конференция показала, что среди японской общественности усиливается тенденция к активизации японо-советских отношений в поисках путей преодоления имеющихся трудностей, растет стремление к большему взаимопониманию и доверию. Конференция привлекла внимание широких кругов японской общественности, правительственных и парламентских кругов к проблеме улучшения советско-японских отношений.

Японская пресса широко освещала конференцию и ее результаты. Газеты — «Асахи», «Номмури», «Майнити» поместили подробные изложения интервью глав советской делегации. Советско-японские отношения стали также темой ряда редакционных статей.

Несмотря на то, что буржуазная пресса часто повторяла известную аргументацию правительства, тон ее выступлений в целом был благожелательный, подчеркивала важность японо-советских отношений, значительной степени был поддержан призыв коммюнике к переговорам о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве.

Опыт первой советско-японской конференции «Круглого стола» позволяет сделать вывод о том, что эта конференция полезна и плодотворна, она способствует консолидации японских сторонников добрососедства и сотрудничества с СССР.

Участники конференции признали целесообразным регулярное проведение конференций «Круглого стола» в Японии и СССР с целью привлечь внимание широких кругов общественности к необходимости улучшения советско-японских отношений.

*В. А. Кривцов,
доктор исторических наук*

* * *

Международный молодежный семинар в Находке

Тихий океан справедливо называют Великим; он объединяет судьбы и интересы 2,2 млрд. чел., то есть доброй половины человечества. В этом регионе решаются ныне острейшие вопросы войны и мира. Здесь тесно переплетаются политические, экономические и социальные факторы, влияющие на настоящее и будущее нашей планеты. Ти-

хий океан — это 60 % мирового улова рыбы. Его шельф — богатейшая кладовая нефти, газа, железомарганцевых руд, редких металлов. Тихий океан с его глобальными гидродинамическими процессами существенно влияет на погоду и климат всех континентов. По его акватории пролегают сотни регулярных морских путей. Воистину сбылось предсказание К. Маркса в 1850 г. о том, что «Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан в древности и в середине века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений...»¹.

Широкий спектр проблем, волнующих народы Тихоокеанского бассейна, нашел гл

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 7, с. 233.

ожкое отражение в тематике V международного молодежного семинара, проходившего 1:3 по 18 августа 1979 г. в городе Находке. По традиции его инициаторами выступили комитет молодежных организаций СССР, студенческий совет СССР, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, а активное содействие его организации оказали научные учреждения Академии наук СССР — Институт Дальнего Востока, Дальневосточный научный центр, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Институт стран Латинской Америки. Среди организаторов семинара были также общественные и молодежные организации Приорского края и Находки, а также жители советского тихоокеанского города-порта, кружившие всех участников семинара радушием гостеприимства.

На открытии семинара выступил первый заместитель председателя Комитета молодежных организаций СССР В. Г. Лордкипанидзе. Он подчеркнул, что находкинский семинар, ставший традиционным, все больше привлекает внимание политических и общественных сил региона. Это нашло свое отражение уже в том, что на V международный молодежный семинар прибыли молодые исследователи и представители молодежных, студенческих, профсоюзных и других организаций из 27 стран, а также от 6 международных организаций: Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, Континентальной организации латиноамериканских студентов, Молодежного движения за новый международный порядок, Международной ассоциации правых-демократов, Экономической и Социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Гостями на семинаре были ученые из США, СССР, Японии, Бельгии, Гондураса, Великобритании, Гонконга, Панама. Приветствия семинару прислали Всемирный Совет Мира, ЮНЕСКО, Организационный комитет XIV Конгресса Тихоокеанской международной ассоциации в Барбовске.

С большим интересом участники семинара выслушали выступление председателя Президиума Дальневосточного научного центра АН СССР Героя Социалистического труда академика Н. А. Шило, рассказавшего о политическом и экономическом значении Тихоокеанского региона и о роли в его развитии Дальневосточного научного центра. Он особо отметил то, что значительную часть штата 16 институтов, входящих в ВНИЦ, составляют молодые исследователи, особенно участвующие в решении научных проблем и укреплении международных научных связей.

Плениарные заседания начались с обсуждения темы «Тихоокеанский регион в преддверии 80-х годов: проблемы политики и экономики, разрядка, мир и разоружение». Вводной доклад о современных политических тенденциях в Тихоокеанском регионе сделал доктор исторических наук В. П. Лукин. Развернулась интересная дискуссия, в ходе которой выявились различные точки

зрения на существо политических процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В большинстве выступлений отмечалась необходимость укрепления и расширения экономических, торговых, культурных и иных связей в регионе. Почти все участники отмечали важное значение договора об ограничении стратегических вооружений между СССР и США, подписанного в июне 1979 г. в Вене.

Как о положительных политических тенденциях в регионе говорилось о победе никарагуанского народа над диктатурой Сомосы, о завершении важного этапа в процессе освобождения панамского народа с вступлением в силу 1 октября 1979 г. соглашения о Панамском канале, о позитивных сдвигах в развитии организации государств — членов АСЕАН (расширение экономического сотрудничества между ними, меры по координации их политики в духе принципов мира и нейтралитета) и др.

Вместе с тем подчеркивалось, что соотношение плюсов и минусов в политическом развитии региона определено хуже, чем в глобальном масштабе, а процесс разрядки и оздоровления международной напряженности в бассейне Тихого океана ныне отстает по темпам от общемирового процесса. Многие из выступавших возлагали вину за это на США и КНР. Ораторы подчеркивали, что стратегия американского империализма отчетливо проявляется в открытом и скрытом вмешательстве Вашингтона в дела развивающихся стран Азии и Латинской Америки, в поддержке правых и диктаторских режимов, в американском «присутствии» в Южной Корее, в создании новых военных баз и 5-го флота США, в стремлении еще глубже втянуть Японию в орбиту своей политики, в непрерывных усилиях по укреплению всей военно-договорной системы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Участники семинара отметили и новую черту в американской политике — «подыгрывание» нынешнему политическому курсу Пекина на международной арене. Это отчетливо проявилось в фактическом потворствовании попытке китайских гегемонистов «проучить» социалистический Вьетнам, в раздувании «проблемы беженцев» (виновниками которой, как известно, являются сами США и КНР), в закулисных вмешательствах Вашингтона в японо-китайские отношения, в стремлении наладить «деловые контакты» с Пекином на почве военных поставок.

Молодые ученые стран Тихоокеанского бассейна констатировали, что в настоящее время КНР стала опасным центром напряженности международных отношений, причем не только на региональном уровне. Особо ярко и доказательно в этом плане явились выступления представителей Социалистической Республики Вьетнам и Лаоса, впервые принявших участие в работе находкинского семинара. В заключительном документе семинара участники его выразили свою солидарность с героическими народами Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Одним из важнейших каналов распространения разрядки в регионе и способом ее

закрепления было названо экономическое сотрудничество тихоокеанских стран на взаимовыгодной равноправной основе. Весьма интересным и конструктивным было обсуждение темы «Ресурсы Тихого океана в решении проблем энергетики, питания и минерального сырья. Вклад молодежи». Вступительное слово произнес директор Института биологии моря Дальневосточного научного центра профессор А. В. Жирмунский, а основной доклад сделал доктор геолого-минералогических наук Е. В. Краснов (ДВНЦ). Было подчеркнуто, что тема молодежного семинара в Находке отражает глубокий интерес молодежи к вопросам, волнующим все человечество.

В выступлениях участников указывалось, что Тихий океан является кладовой значительных энергетических, минеральных и биологических ресурсов, но отнюдь не неисчерпаемых (хотя многие ее клады еще не изведаны), а их использование сопряжено с большими научно-техническими, финансовыми, юридическими, политическими и даже нравственно-этическими проблемами. Особую заинтересованность вызвали вопросы использования биологических ресурсов Тихого океана. Все выступавшие единодушно выделяли проблему рационального использования этих ресурсов и, естественно, не могли обойти ее социальный аспект. Подчеркивалось, что многонациональные и национальные корпорации ведущих капиталистических стран проводят хищническую политику, опустошают кладовые Тихого океана ради получения сверхприбылей, не заботясь о воспроизводстве биологических ресурсов, об охране окружающей среды, об интересах молодых развивающихся государств региона.

Третья тема семинара — «Роль молодых и студенческих организаций в налаживании сотрудничества между народами стран бассейна Тихого океана. Вклад международных тихоокеанских семинаров» вызвала едва ли не наибольшую активность участников. Это не удивительно, ибо каждый делегат стремился рассказать о деятельности своей организации по налаживанию, укреплению молодежных контактов в регионе, о ее проблемах и успехах, высказать о перспективах находкинского движения.

Участники семинара выразили единодушное мнение, что росту взаимопонимания, объединению усилий народов в борьбе за мир и безопасность, укреплению взаимного доверия содействуют расширение сотрудничества молодежных и студенческих организаций, налаживание более тесных связей между молодыми учеными стран Тихоокеанского региона.

В единогласно принятом заявлении участников семинара говорится о необходимости продолжать и развивать в районе Тихого океана существующие формы молодежного сотрудничества на двух- и многосторонней основе.

Итоги V международного семинара молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, его несомненный успех, а также опыт предыдущих четырех семинаров позволяют говорить о возможности поднять находкинское движение на еще более высокую ступень.

Д. Т. Капустин,
кандидат исторических наук

Сдано в производство 10/1 1980 г. Подписано к печати 22/11. 1980 г. А0079
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6,5 Печ. л. 13,0 Уч.-изд. л. 22,01 Изд. № 31 43
Цена 50 коп. Заказ 112 Тираж 20 559 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области

ПОСПЕЛОВ Б. В. Маоизм и мировое революционное движение (Некоторые вопросы критики маоистской фальсификации мирового революционного процесса). М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 298 с., 13 тыс. экз., 65 коп.

Выделены наиболее существенные элементы маоистской фальсификации мирового революционного процесса, дана общая картина противостояния маоизма всем революционным силам современности, показана принципиальная враждебность теоретических положений маоизма и его адептов интересам дальнейшего расширения фронта революционной борьбы.

Промышленность КНР (Колл. авт.). Под ред. М. И. Сладковского. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 388 с., 2500 экз., 3 руб.

Анализируются развитие за 25 лет и современное состояние важнейших отраслей промышленности КНР, дана характеристика промышленности в крупных экономических районах.

СОРОКИН В. Ф. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 334 с., 3500 экз., 2 р. 50 к.

Впервые в советской синологии подробно исследуются основные аспекты драматического жанра цзацзюй; рассматриваются литературные истоки жанра, особенности композиции и поэтической структуры, основные категории действующих лиц и идеологические концепции драматургов.

СОФРОНОВ М. В. Китайский язык и китайское общество. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 312 с., 1700 экз., 3 р. 40 к.

Рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики применительно к китайскому языку; анализируются типологические признаки китайского языка, взаимоотношения языка и письменности, перспективы реформы письменности и перехода к алфавитному письму.

Территориальные притязания Пекина: современность, история (Сборник статей и материалов). Сост. Г. В. Васильев и др. М., Политиздат, 1979, 255 с., 100 тыс. экз., 65 коп.

Разоблачаются абсурдные территориальные притязания Пекина к соседним странам, фальсификации и измышления китайской пропаганды; вскрыта сущность внешнеполитического курса китайского руководства, вставшего на путь агрессии и пограничных провокаций, разжигания военных конфликтов между соседними государствами и провоцирования там внутренних беспорядков.

ТИТОВ А. С. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК, 1935—1936 гг. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 152 с., 15 тыс. экз., 65 коп.

Освещается один из слабо изученных периодов истории Китая, связанный с внутрипартийной борьбой в КПК в середине 30-х годов и соперничеством Мао Цзэдуна с Чжан Готао за власть в армии и партии.

ТОРОПЦЕВ С. А. Очерк истории китайского кино, 1896—1966. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 230 с., 3150 экз., 1 руб.

Освещаются этапы 70-летнего развития кинематографии Китая. Подробно рассматривается воздействие политических кампаний маоистов на кино в Китае.

Экономика КНР: транспорт, торговля, финансы (Колл. авт.). Под ред. М. И. Сладковского. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 284 с., 4800 экз., 2 р. 20 к.

Анализируются состояние и проблемы транспорта, водного хозяйства, финансов, внутренней и внешней торговли КНР, а также материальное положение китайских трудящихся.